

Российская Академия Наук
Институт философии

ЛИБЕРАЛИЗМ В РОССИИ

Москва
1996

Ответственные редакторы
доктор филос. наук *В. Ф. Пустарнак*
кандидат филос. наук *И. Ф. Худушина*

Рецензенты:
доктор филос. наук, проф.
А. И. Володин
кандидат филос. наук *М. А. Абрамов*

Издание осуществляется при поддержке Фонда имени Фридриха
Науманна (Германия) в Москве
Исполнительный директор доктор *Фальк Бомсдорф*

Л-55   Либерализм в России. — М., 1996. — 451 с.

Большая часть сборника — оригинальные статьи, частью — перепечатка уже опубликованных, но адаптированных к данному изданию статей, которые вместе представляют широкий спектр современных интерпретаций основных периодов истории, направлений, проблем и персоналий либерализма в России (дооктябрьского периода), как сторонниками, так и противниками либеральной идеи, а также независимыми экспертами. Второй блок сборника составляет тематическая подборка текстов с высказываниями за и против либерализма русских мыслителей и общественных деятелей от Н.М.Карамзина, А.С.Хомякова, П.Я.Чаадаева до Б.Н.Чичерина, И.В.Вернадского, И.К.Бабста, М.М.Стасюлевича, К.К.Арсеньева, В.А.Гольцева, П.Б.Струве, П.Н.Милюкова, Е.Н.Трубецкого и их единомышленников, а также идеологов социал-демократии. В сборник включена также подборка характеристик и оценок русского либерализма, данных в дореволюционной отечественной, советской и современной историографии.

Сборник рассчитан на читателя, интересующегося историческим и современным опытом распространения и функционирования либерализма в России и задумывающегося в контексте этого неоднозначного опыта над шансами на реализацию либеральной идеи в нашей стране.

*Памяти
Виктора Ивановича Приленского*

ЗАМЫСЕЛ КНИГИ

Любой, кто хоть чуточку интересовался проблематикой либерализма, хотя бы в связи с ходячими понятиями “либерализация цен”, “либерально-демократическая партия” и т.д. и т.п., наверняка встречался с не так уж редкими статьями на эту тему в наших газетах и журналах. А уж читатель, проявляющий к либерализму особый, повышенный интерес, наверняка знает, что существует весьма значительная по количеству литература по либерализму вообще, по истории русского либерализма в частности. Спрашивается: зачем еще одна, к тому же такая большая книга о русском либерализме? Да, говорят и пишут о русском либерализме — и о прошлом, и о настоящем — немало. Но как? Спросите наугад любого встречного: знает ли он, чем отличается либерал от демократа? Почему Егор Гайдар, когда его называли “радикальным демократом”, вроде бы обиделся и счел нужным отнести себя к “консервативным либералам”? Кто толком объяснит, почему “отпуск цен”, “либерализация цен” почитались мерой правительства, именовавшего себя демократическим, а в журналах появлялись статьи на тему “Либералы у власти”? Хотя Г.Бурбулис, будучи еще Государственным секретарем, вполне определенно квалифицировал идеологию тогдашнего правительства как либерализм, создавалось впечатление, что другие официальные лица не жаждали прослыть приверженцами либерализма и предпочитали именовать себя демократами. Думается, что подавляющее большинство не только масс, но и элиты нашего общества не отдает себе даже приблизительного отчета в том, что такое либерализм, что такое либеральная программа, либеральная политика и т.д. Могут ли они в таком случае составлять действительно либеральные или антилиберальные программы или делать сознательный выбор, скажем, на выборах? Думается, что в таких условиях еще одна работа по истории русского либерализма не будет лишней. Прочтут книгу

немногие, но есть надежда, что через преподавателей и популяризаторов голос ученых, специально занимающихся этой темой, дойдет до более широкой аудитории и будет способствовать ликбезу в сфере понимания либерализма и ориентации общества в правильном направлении.

Еще одно немаловажное обстоятельство, подвигнувшее нас на этот большой труд, связано с пониманием того, что и как пишут о русском либерализме специалисты. Не так уж много написано добротных научных работ на эту тему. Но главное в том, что это работы избирательные, селективные, посвященные тем или иным проблемам, периодам, персоналиям. Обобщающих работ по истории русского либерализма, если не считать по необходимости кратких обзорных энциклопедических статей, просто нет. Даже работа покойного профессора университета во Франкфурте-на-Майне юриста и историка права В.В.Лонтовича (1902–1959) "История либерализма в России" написана преимущественно на политико-юридическом материале и никак не может считаться с обобщающим трудом по русскому либерализму. Отсутствие обобщающих трудов по русскому либерализму очень заметно сказывается и на сравнительно новых статьях на эту тему, и на дискуссиях о современном российском либерализме.

Между тем к истории русского либерализма апеллируют как сторонники, так и противники либеральной идеи. Отсюда специфическая роль профессионального ученого историка: выступить независимым экспертом, объективным аналитиком, выводы которого могли бы помочь политикам адекватно сориентироваться при выработке своих программ, если они осознают, что нужно учитывать не только мировой, но и отечественный опыт. Отсюда еще одна цель данной книги: суммировать опыт отечественной либеральной мысли, дабы выводы из нее могли стать дополнительным мыслительным материалом для политиков, дискутирующих по проблемам либерализма в современной России.

Обобщать исторический опыт можно по-разному. Неплохо было бы написать обширные монографии, в которых можно добиться известной концептуальной цельности, последовательности, непротиворечивости. Но когда они будут написаны?

Нужно пойти по другому пути: попытаться собрать уже сейчас в одной книге сторонников не во всем одинаковых и даже разных концепций русского либерализма и "пригласить" их высказаться по уже выявившимся узловым, причем в той или иной степени спорным, проблемам истории и теории русского либерализма. Так

возникла идея построить книгу по принципу заочного "диалога" специалистов по тем или иным проблемам истории мировой и отечественной либеральной мысли. В заочный диалог включены некоторые фрагменты из уже опубликованных текстов, ряд фрагментов из готовых или готовящихся к публикации текстов. А большую часть книги составляют статьи, специально написанные для данного тематического сборника.

Было бы, несомненно, опрометчиво надеяться, что данная книга решит все проблемы. Но хотелось бы, чтобы в ней были хотя бы зафиксированы узловые, неясные или спорные темы, касающиеся исторических судеб русского либерализма.

Стремясь повысить информативность книги, мы попытались совместить работу, коллективно в конечном счете выполненную современными авторами с набором публикуемых фрагментов типа историографической подборки текстов или своеобразной "антологии" текстов по истории русского либерализма. Хорошо, конечно, если до читателя дойдут новейшие представления современных отечественных ученых по тем или иным проблемам истории русского либерализма. Но будет, видимо, неплохо, если он в той же книге познакомится с наиболее важными высказываниями, выводами, оценками их предшественников.

Историографические подборки текстов, "антслогии", "цитатники", предшествующие авторскому тексту, по своей природе не поддаются такому расположению, в котором можно было бы проследить строгую логику. "Цитаты" размещены по разделам в хронологическом по преимуществу порядке с тем, чтобы они могли ориентировать читателя хотя бы приблизительно, кого считали либералом в тот или иной период русской истории, как к ним относились, какая атмосфера складывалась вокруг проблем, поднимавшихся либералами. В соответствующих разделах слово представлено и самим отечественным либералам XIX — начала XX в.

Думается, что читатель не без интереса прочтет, скажем, малоизвестные высказывания о либералах Н.М.Карамзина, А.С.Хомякова, П.Я.Чаадаева, В.С.Соловьева, Н.Я.Данилевского, других русских мыслителей. Конечно, специалистам такие цитаты, изъятые из контекста, не могут служить вполне надежным ориентиром, но для обычного читателя, который не может и не должен выискивать в количественно необъятной, а часто и малодоступной литературе такого рода авторитетные высказывания, этого будет достаточно.

Аналогично обстоит дело с цитатами из трудов историков отечественной мысли. Каждый может сам взять труды на польском языке А.Валицкого, на английском языке Р.Пайпса, а тем более на русском, скажем, монографию В.И.Кулешова, Ю.З.Янковского, Н.И.Цимбаева и поискать в них фрагменты, где эти авторы высказывают весьма оригинальные, порой даже экстравагантные взгляды на русский либерализм. Но реально ожидание такой работы от читателя — утопия, и поэтому мы проделали требующую немалого времени работу и предлагаем подборку соответствующих цитат, которые ориентируют в том, как наши предшественники смотрели на проблемы, по которым идет дискуссия в данной книге.

Историографические подборки в книге проблематизированы подзаголовками, в которых акцентируются проблемы, которые, по нашему мнению являются основными для того или иного исторического периода. А кроме того такая "антология" выступает и своего рода стартовым мыслительным материалом для нынешних дискуссий по истории русского либерализма.

Сейчас ситуация с изучением истории русского либерализма такова, что нет даже свободной библиографии по его истории. Если воспользоваться удачными терминами одного из участников нашей заочной дискуссии, то до сих пор нет сколько-нибудь ясного представления об отечественной "либеральной семье", т.е. нет даже сколько-нибудь полного списка мыслителей, которых можно и должно считать русскими либералами, зачислить в отечественный "либеральный пантеон". Историю русского либерализма невозможно представить без библиографии русских переводов сочинений западных либералов. Но такой библиографии тоже нет. Для историка русского либерализма очень важно знать и отечественных противников и критиков либеральной идеи как консервативного, так и радикального направления. Частично эти недостатки восполнены в данной работе. Но объем работы в этой сфере таков, что, по-видимому, придется в сравнительно недалеком времени подготовить к данному труду отдельное специальное библиографическое приложение, с тем, чтобы с этой стороны подкрепить выводы, к которым пришли участники дискуссии по истории русского либерализма.

Поскольку книга представляет собой диалог, сопоставление, а частью столкновение разных точек зрения, то, по-видимому, целесообразно ее членение на главы или параграфы. Все содержание обсуждаемых тем разбито на ряд "проблемных полей", на которых размещены и наборы фрагментов, входящих в "антологию" тек-

стов, посвященных данной проблеме, и тексты наших заочных дискутантов, в которых сформулировано их современное видение данной проблемы.

В сборнике сознательно представлены самые разные точки зрения на русский либерализм. Все материалы даны в авторской редакции. Сборник обращен не к тем, кто потребляет только готовые выводы, а к тем, кто привык мыслить самостоятельно, никому на слово не верит, кто любит сопоставлять, сравнивать разные точки зрения и делать свои собственные выводы.

В.Ф.Пустарнаков

1. ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ

Чем обусловлен в наши дни интерес к истории русского либерализма?

“Интерес буржуазных идеологов к российскому либерализму продиктован в первую очередь стремлением ответить на вопрос о существовании в России альтернативы революции и возможности мирного перехода на путь модернизации старого строя. Изучение либерального движения, заявлял Д.Фишер, дает возможность, во-первых, выяснить, был ли у России шанс избежать революционных потрясений, во-вторых, глубже понять степень различий в политическом развитии России и Запада, и, в-третьих, уяснить смысл социальных процессов, протекавших в странах Азии, Африки и Латинской Америки (*Fischer G. Russian Liberalism: From Gentry to Intelligentsia. Cambr. (Mass.), 1958. P. VII*).

Признание важности проблем истории русского либерализма не всегда сопровождается, однако, реальными успехами в их изучении. В англо-американской историографии едва ли можно найти вопросы более запутанные, чем вопросы либерального движения в России”; “Российский либерализм в понимании буржуазных историков — явление внеклассовое, его носители являются поборниками альтруистически-гуманных идей мирного прогресса в направлении к достижению социальных ценностей, уже завоеванных западным обществом. Истоки либерализма в России большинство английских и американских исследователей усматривает в неуклонном развитии духовной “вестернизации” страны”; “Представление о русских либералах как о поборниках мирной европеизации России чрезвычайно распространено в англо-американской историографии. Западные исследователи, замечал Д.Фишльд, склонны называть либералами всех, кто стремился добиться социально-политических изменений с помощью неревolutionных средств. Но такой подход, считал он, страдает неопределенностью и не раскрывает существа реального политического течения в русском обществе (*Field D. Kavelin and Russian Liberalism // The Slavic Re-*

view. 1973. Vol. 32, N 1. P. 59). Уточняя специфику либерального движения, буржуазные авторы чаще всего исходят из представлений об исключительности исторического процесса в России.

Во многих работах зарубежных исследователей проводится мысль о существенном отличии российского либерализма от либеральных течений буржуазного Запада. Исследование русской либеральной традиции, подчеркивает Д.Тредгольд, не будет иметь успеха, если оценивать ее по меркам западного либерализма, ведущим требованием которого являлось достижение максимума личных свобод и минимума государственного вмешательства. (*Tredgold D. The Constitutional Democrats and the Russian Liberal Tradition // The American Slavic and East European Review. 1951. Vol. 10, № 2. P. 85*). Это мнение разделял и Е.Ламперт. Если на Западе, писал он, либеральные течения были направлены на ограждение прав личности от вмешательства государства, то русский либерализм никогда не бросал вызова власти. В сознании русских людей, указывал Ламперт, слишком укоренилась убежденность в творческой силе государственной власти. Поэтому русский либерализм не столько отстаивал права личности, сколько стремился к видоизменению государственного строя (*Lampert E. Sons against Fathers: Studies in Russian Radicalism and Revolution. L., 1965. P. 73-74*). Все русские либералы, считал Д.Фильд, были твердо убеждены в том, что только государственная власть может служить орудием прогресса. Вот почему многие из них отрицательно относились к борьбе за конституционные учреждения и за введение экономического принципа *laissez faire, laissez passer* (не мешайте действовать) (*Field D. Op. cit. P. 60*).

Вопрос о специфике российского либерализма поднимал и Дж.Фишер. По его мнению, либерализм западного типа следовало отличать от реформистских течений отставших в своем развитии стран, в том числе и России. Только в странах Северной Атлантики, заявлял Фишер, сложился либерализм в его классической форме: личные свободы здесь стали такой же обыденной стороной жизни, как право частной собственности и уважение к закону. Опозиционный же либерализм в России отличался слабостью и непоследовательностью, проявляясь либо в "малых делах", либо в "безумных мечтаниях" (*Fischer D. Op. cit. P. VIII*). Разделяя такую оценку, Т.Андерсон подчеркивал, что западноевропейский либерализм в пору своего становления отличался гораздо более решительным духом, чем его младший российский собрат. Русские либералы, писал он, начали действовать в ту пору, когда либерализм на

Западе уже достиг своих основных целей и превратился в умеренную идеологию “среднего класса, факел радикализма к середине XIX в. перешел в руки социалистов”, а либералы “оказались по другую сторону баррикады” (*Anderson Th. Russian Political Thought. N.Y., 1967. P. 272–273*). Поскольку же русская политическая мысль, по Андерсону, всегда развивалась в зависимости от западноевропейских теорий, постольку и либерализм в России сложился под влиянием поздних доктрин победившей буржуазии Запада.

Зарубежные буржуазные историки, глубоко симпатизирующие реформистским устремлениям русских либералов, предпочитают характеризовать их как носителей общечеловеческих, вечных ценностей, как поборников прогресса, равно заинтересованных в улучшении положения всех слоев общества. Проходя мимо самого существенного в либерализме — его классового содержания, — они дают расплывчатые, крайне неопределенные толкования. Не случайно Д.Балмут, отметив произвольный характер принятых в буржуазной литературе оценок, призывает включить в понятие “либерализм” не только деятелей реформистской оппозиции, но и “просвещенных бюрократов” и даже аристократов, стремившихся ограничить самодержавие (*Balmuth D. Liberals and Radicals in the Era of Reforms // Canadian Slavic Studies. 1969. Vol. 3. P. 466–467*). Как справедливо отметили П.Н.Зырянов и В.В.Шелохаев, тезис о “внеклассовом” характере русского либерализма является лейтмотивом всей кадетской публицистики и мемуарной литературы, “который был подхвачен и развит буржуазной английской и американской историографией” (*Зырянов П.Н., Шелохаев В.В. Первая русская революция в американской и английской буржуазной историографии. М., 1976. С. 126*). (*Карпачев М.Д. Истоки российской революции: Легенды и реальность. Гл. 5. Российский либерализм пореформенной эпохи в освещении английской и американской историографии. М., 1990*).

“...Сейчас, когда начинают складываться условия для возрождения либеральных идей, жизненной необходимостью становится систематическое изучение богатой и весьма неоднородной истории русского либерализма, целые пласты которого (прежде всего это *дворянский либерализм*) пока еще не стали достоянием современного общественного сознания” (Редакционное примечание к разделу “Пути России” // *Общественные науки и современность. 1993. № 3. С. 115*).

“Кризис либеральных реформ в посткоммунистической России вновь пробудил интерес к историческим судьбам русского либера-

лизма, к тем периодам отечественной истории, когда это течение играло или пыталось играть определяющую роль в политической жизни страны”; “Обращаясь к прошлому, политики, публицисты, историки стремятся осознать, в чем же причины неспособности либеральной идеи глубоко проникнуть в русскую почву, преобразовать ее” (*Сенин А.С. Либералы у власти. История повторяется? // Кентавр. 1992. № 2. С. 109.*)

«Утверждают, что каждое поколение переписывает историю под своим углом зрения. Если дело обстоит так, хотя я бы говорил скорее об освоении прошлого новым поколением с точки зрения своей эпохи, то включиться в отношение “Россия сегодня — Россия вчера”, на мой взгляд, невозможно, не дав себе труд осмыслить факт расхождения, более того, антагонизма демократической и либеральной тенденций в политической истории нашей страны. Размышления о причинах этой враждебности представляются очень важными как для выработки стратегии нынешней демократизации, так и для обновления понимания политического прошлого России. Во всяком случае осознание наличия расхождения демократического и либерального импульсов могло бы служить точкой действенного контакта между современностью и прошлым, способом раскрытия, с одной стороны, современности истории, с другой — историзма современности» (*Пантин И.К. Драма противостояния. Демократия — либерализм в старой и новой России // Подпис. 1994. № 3. С. 72.*)

**Современное состояние отечественной историографии
либерализма в России оценивают Л.И.Носикова и
И.Н.Сиземская**

В России либерализму, как социально-политической идеологии, не везло. Его развитие изначально приняло противоречивый характер. Он оказался “зажатым” между двумя противоборствующими направлениями: сильным реакционно-консервативным течением, отстаивающим незыблемость самодержавия, и революционно-демократическим, сделавшим ставку на насильственное революционное изменение социально-политического строя. В этом противостоянии представители первого течения видели в либерализме “красную крамолу”, второго — соглашательство и оппортунизм.

Объективная оценка роли русского либерализма в общественной жизни России осложнялась также прочными стереотипами

марксистско-ленинской характеристики этого движения, канонизированными официальной идеологией. Проведенная В.И. Лениным жесткая демаркационная линия в отношении к историческому наследию (между революционно-демократическими и реакционно-монархическими силами, между Н.Г. Чернышевским и В.М. Пурिशкевичем) прочно вошла в советский менталитет, настроив его на манихейский, черно-белый лад, не оставляя места другим оттенкам социально-политического многоцветия, относя все их к серому цвету оппортунизма. В духе этого менталитета приверженность насильственным методам ниспровержения старого строя, идеалам революционного преобразования общества априори мыслилась как безусловно положительное, благое дело. Напротив, ориентация на реформы, стремление опереться на естественный процесс исторического развития оценивались сугубо негативно.

Заметим также, что в силу ряда обстоятельств объектом исследовательского интереса оказался так называемый "новый либерализм", связанный с буржуазным этапом развития либеральной мысли в России и с политической доктриной партии кадетов, а вернее, с борьбой Ленина и большевиков против организаторов этой партии — П.Б. Струве, П.Н. Милокова, И.И. Петрункевича, А.В. Пешехонова, Д.И. Шаховского и других политических деятелей, причислявших себя к либеральному движению¹. Дворянский же либерализм, расцвет и наибольшее влияние которого падает на 50–70-е годы прошлого века, оказался попросту забытым, как бы даже и не существовавшим². Между тем именно он более полно выразил дух классического русского либерализма. Именно в его парадигме осуществлялось наиболее плодотворное развитие либеральной доктрины, внесшей ощутимый позитивный вклад в движение западной либеральной мысли, на что, кстати, не раз указывали западные исследователи. Этот этап либерализма связан с именами Т.Н. Грановского, К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина, А.М. Унковского, Н.А. Милотича, П.А. Гейдена, Е.Н. Трубецкого.

***В.И. Приленский* излагает свое видение проблемы историографии русского либерализма**

Русскому либерализму, как определенному типу мировоззрения, в общем-то не очень повезло в смысле той доли внимания со стороны исследователей, которая ему до сих пор уделялась, по крайней мере, в нашей стране. По сравнению с другими направле-

ниями общественной мысли он был незаслуженно отодвинут на второй план. Конечно, для каждого непредубежденного человека, особенно в наше время, вполне ясна та доминирующая причина, которая привела к такому положению. В годы абсолютного господства марксистско-ленинской идеологии любое упоминание о либерализме, а уж тем более о либерализме русском, должно было с необходимостью сопровождаться известной мерой беспощадной критики, и не просто критики, а уничижительным бичеванием. Причем мера эта была достаточно точно определена — в качестве образца служили многочисленные язвительные ленинские “определения” либерализма, сопровождавшиеся иногда превьшающими всякую меру приличия “эпитетами”.

Вполне естественно, что при существовании такого “социального заказа” мало кто из исследователей решался серьезно обратиться к русскому либерализму. Я отподоь не хочу тем самым утверждать, что за прошедшие годы в этой области ничего не было сделано. Но эта тема освещалась как бы походя, косвенно, обычно в связи с какой-либо другой основной темой или тогда, когда не затронуть ее в какой-либо работе было просто невозможно. В данном случае это имеет отношение главным образом к историко-философским исследованиям. Наряду с этим время от времени появлялись и труды, специально посвященные разработке тех или иных сторон русского либерализма: в основном это работы историков. Но и в том, и в другом случае “социальный заказ” почти всегда удовлетворялся полностью. Как бы там ни было, а факт остается фактом: тематике русского либерализма находилось лишь минимальное место в литературе по истории русской общественной мысли.

Но кроме названной и бросающейся в глаза причины, заключавшейся в особом идеологическом климате и действовавшей, кстати говоря, только в советский период, существуют и другие, более глубокие основания того, что русский либерализм всегда находился (в качестве объекта исследования) далеко не в центре внимания. Эти основания носят на себе в какой-то мере трагический отпечаток. Это и трагизм крушения самого русского либерализма в 1917 г., и то трагическое положение, которое он занимал в конце XIX — начале XX вв. в идейно-политической борьбе. Либерализм критиковался и “слева” и “справа”, он был как бы зажат в узкую щель между, с одной стороны, крайне правыми, реакционными силами, опиравшимися на правительствующие круги, с другой стороны, всеми леворадикальными, революционными силами, кото-

рые с каждым годом заявляли о себе во все более полный голос. К тому же либерализм в России не имел какого-либо достаточно прочного социального фундамента.

Все это, естественно, уже само по себе не могло способствовать тому, чтобы проблемы русского либерализма выдвигались на первый план.

В.Ф.Пустарнаков полагает, что историографическая ситуация с русским либерализмом, описанная *Л.И.Новиковой, И.Н.Сиземской и В.И.Приленским*, представляется излишне пессимистической

Прежде всего вспомним некоторых дореволюционных историков русского либерализма, особенно А.Н.Пыпина, И.П.Белоконского, В.Богучарского (В.Я.Яковлева), А.А.Корнилова и др. В советской историографии изучению либерализма действительно уделялось сравнительно мало внимания. Но не во все периоды советской власти либерализму так уж не везло. Статьи о западном и русском либерализме И.Разумовского, М.Вольфсона, Б.В. (по-видимому, Бориса Волина) и неизрестного автора раздела по русскому либерализму в советских энциклопедиях 20–30-х годов несут на себе, конечно, печать революционного сектантства в оценке исторической роли русского либерализма, но в общем и целом предс. авляют собой солидные обобщающие, хотя и не очень пространные, очерки либерализма вообще, русского в частности. Тем более примечательно, что том первого издания БСЭ с рубрикой “либерализм” вышел в 1938 г.! Ярчайшим примером нигилистической оценки либерализма в эпоху сталинокрации являются работы С.Покровского и анонимная статья во втором издании БСЭ.

Впрочем, и в тяжелейшие для отечественной историографии 40-е годы появлялись работы, продвигавшие вперед историографию русского либерализма. Нынешний его исследователь найдет немало полезного по проблемам экономического либерализма, например, в “Очерках экономической мысли в России в первой половине XIX в.” (М.; Л., 1940) И.Г.Блюмина.

Историки русской экономической мысли первыми из ученых смогли встать после смерти Сталина на путь перестройки своей науки, что стало сказываться и на работах по истории русского либерализма. Не без любопытства перелистываются, например, по-

желтевшие страницы кандидатской диссертации С.М.Геворкяна на тему "Борьба фритредеров и протекционистов в первой четверти XIX века" (М., 1953). Поскольку в моем представлении начальная история русского либерализма вообще немыслима без изучения проблематики экономического либерализма, не могу не вспомнить о такого рода работах первых постсталинских лет. Новые, более трезвые по сравнению с 40-ми годами мотивы, касающиеся оценок русского либерализма, я усматриваю также в работе Н.А.Цаголова "Очерки русской экономической мысли периода падения крепостного права" (М., 1956) и в статье Д.Л.Тальникова "Концепция Кавелина и исторические взгляды Белинского" (Вопросы истории, 1956, № 9). В 1958 г. вышел в свет 1-ый том коллективного труда "История русской экономической мысли", где предприняты новые попытки преодоления накопившихся за время сталинщины ложных антилиберальных стереотипов (разделы Н.К.Каратаева, Н.А.Цаголова и др.). Вполне допускаю, что упомянутые авторы — отнюдь не самые радикальные тогдашние "обновленцы" в сфере истории либерализма в России. Ведь не обо всем можно судить только по опубликованным работам. Но все-таки мне бы хотелось упомянуть этих авторов, изучение трудов которых прибавляло смелости и мне, когда в пору своей молодости, с 1959 г., я занялся историей русской общественной и философской мысли и довольно скоро столкнулся также и с проблематикой русского либерализма.

Сейчас, когда с ретроспективной точки зрения пытаешься осмыслить то, что появилось нового, рационального в советской историографии русского либерализма в постсталинские годы, приходится, правда, удивляться тому, что даже после XX съезда КПСС и начавшейся было десталинизации еще ряд лет русский либерализм не раз подвергался буквально зубодробительной критике. Я был шкирован, когда сравнительно недавно мне попалась рецензия Ю.Ф.Карякина на книгу С.Франка "Биография П.Б.Струве", вышедшую в Нью-Йорке в 1956 г. Казалось бы, одна из жертв щипановской травли за минимальные попытки объективнее подойти к истории русской философии, этот, тогда молодой автор, мог хотя бы промолчать. Так нет, Ю.Ф. высказался о Струве, да еще как!

«Квази-марксист, оппозиционный либерал, правый кадет, вэховец, черносотенный националист, правительственный чиновник, один из вдохновителей коринловщины, белоэмигрант, белогвардеец, призывающий к иностранной интервенции и в бессильной злобе оглевывающий русский народ, о котором он отзывался не иначе как о "злейшей твари", и, наконец, русский фашист — таков

путь Струве, — путь последовательного ренегата. Струве дал истине классическое выражение и завершение как “имманентной контрреволюционности” русского буржуазного либерализма, так и полнейшего его бессилия»³.

Чуть позже на страницах “Вопросов философии”, опять же в связи с книгой С.Франка о Струве, можно было прочитать такие сентенции: “...Русский либерализм ничего общего не имеет с народом, с прогрессивными силами общества”. “...Попытки воскрешения давно умершего и разложившегося русского либерализма требуют своего своевременного разоблачения”⁴.

В силу специфики идеологической ситуации в СССР на рубеже 50–60-х гг., когда руководство КПСС сочло за благо развернуть во вселенском масштабе борьбу с так называемым ревизионизмом, встречались попытки использовать историю либерализма в этой кампании. К примеру, вышла книга Л.И.Байдиной под названием “Ленинская критика буржуазного либерализма — действенное оружие борьбы с ревизионизмом” (1960).

И тем не менее именно в 60-е годы в советской историографии русского либерализма уже вполне обозначился своего рода “массовый” прорыв в направлении более объективной оценки его роли в истории русской общественно-политической, экономической, философской мысли. Вопреки тому, что сказано в нашей заочной дискуссии об “ответственности” В.И.Ленина за пренебрежение историей русского либерализма в советской историографии, хочу напомнить, что как раз с возврата к ленинским текстам, посвященным русским либералам, началась интенсивная их реабилитация. В 40-е годы для уничтожения русских либералов не раз использовались вырванные из контекста цитаты из Ленина. Когда появились возможности хотя бы ленинские высказывания приводить полностью, то оязалось, что даже при очевидном догматическом методе изучения проблемы, отталкиваясь от “священного писания” (то бишь от текстов Ленина), удавалось в значительной мере преодолевать сугубо негативное отношение в оценках русского либерализма и выявлять его позитивную роль на тех или иных исторических этапах, в той или иной сфере. Между прочим, опираясь на ленинские оценки “легального марксизма”, “вспомнили” важный исторический факт: первый политический союз русских марксистов с либералами в 90-х годах XIX в. (Думается, что когда в небытие или по крайней мере на обочину истории уйдут некоторые нынешние квазилибералы, “либералы” с большой дороги, и либералы из бывших малограмотных марксистов со своей инфан-

тильно-патологической ненавистью к марксизму, влийдут на арену настоящие либералы, вместе с тем потеряют незаконно присвоенное право на марксизм и ленинизм нынешние “национал-коммунисты” — фактические наследники сталинского национал-большевизма, то опыт первого политического союза марксистов и либералов в современной России, перегруженной пережитками традиционного общества, эпохи крепостничества и патриархальщины, еще сгодится).

Как бы то ни было, в 60-е годы под лозунгом возврата к ленинским оценкам русского либерализма было сделано немало не только отдельными учеными, но и целыми научными коллективами. Кто знает, что такое “диссертабельность” темы, без труда может оценить факт, что в 1963 г. была защищена докторская диссертация на тему “Русский либерализм накануне реформы 1861 г. (1855–1857)” (В.Н.Розенталь). О либерализме стало возможным писать серьезно... В вышедшей в 1970 г. в Ленинграде под редакцией Ш.М.Левина, С.Н.Валка, В.С.Дякина книге подчеркивалась невиданная дотоле “объективистская”, а, между прочим, элементарная мысль о том, что, рассматривая возможные силы, которые могли бы выступить против самодержавия и вырвать у него уступки, Ленин, наряду с революционерами и рабочим классом, называет либеральное общество⁵.

Еще и в 70-е годы раздавались справедливые голоса, что история русского либерализма изучена слабо. Так Н.Л.Клейн писал: “В советской исторической науке история русского либерализма до сих пор еще мало исследована. Пробелы в освещении либерализма особенно бросаются в глаза при анализе учебников и учебных пособий по истории СССР, где вопросы эти занимают ничтожно мало места и изложены так схематично, что у читателя не может создаваться правильного представления об идеологии русской буржуазии, ее роли на разных этапах, о сложности явлений общественно-политической борьбы”⁶. Еще приходилось доказывать необходимость изучения русского либерализма со ссылками на Ленина: мол, он “отмечал и положительные стороны либерализма в период его возникновения”⁷. Но в 60–80-е годы появилось уже немало специальных работ, полностью или во многом посвященных истории русского либерализма тех или иных периодов (Аврах А.Я., Балашова Н.А., Булдаков В.И., Думова Н.Г., Дякин В.С., Лаврычев В.Я., Пирумова Н.М., Розенталь В.Н., Шацкило К.Ф., Шелухаев В.В., Черменский Е.Д. и др.). По тематике “русский либерализм и философия” я бы выделил работу Л.А.Когана

“Позитивизм и либерализм” в 3-ем томе “Истории философии в СССР” (М., 1968) и работы начинавшего с истории русского права Б.Д.Зорькина о Чичерине.

Первые постсоветские годы, когда на политическую арену открыто вышли группировки под знаменем либерализма, не могли не вызвать нового всплеска интереса к истории либерализма вообще, русского в частности. Прошло несколько “коллективных” мероприятий.

С 1992 г. в Горбачев-Фонде под руководством Б.Г.Капустина проводятся исследования состояния и перспектив либеральной концепции. Центр глобальных программ Фонда совместно с Центром политической философии ИФ РАН провел colloquium на тему “Современная социальная концепция: либеральное видение”, на котором затрагивались и проблемы истории русского либерализма.

В марте 1993 г. в Институте философии состоялся российско-американский симпозиум, одной из основных тем которого была тема “Специфика генезиса и развития либерализма в России”.

В августе 1993 г. в Смоленском пединституте проходила русско-американская “школа”. Со стороны США ее организаторами были Совет по исследованиям в области социальных наук (Нью-Йорк) и Центр исследований по славистике Калифорнийского университета (Беркли). В рамках школы под руководством Т.Эммонса и Н.М.Парумовой работал семинар на тему “История и традиции русского либерализма”.

В Отчете о работе школы я прочел удивительно искреннее признание зав. кафедрой истории и теории литературы Смоленского пединститута В.Баевского: “До сих пор, должен признаться, у меня были весьма поверхностные представления о либерализме, связанные с моими занятиями историей русской литературы XIX в.”. Думается, что такое признание могли бы сделать многие и многие.

Из новейших публикаций, посвященных истории русского либерализма, я бы выделил как наиболее концептуальные следующие: *Гибидулина Н.* Либерализм в России (историко-философский анализ) // Вест. высш. шк. 1992. № 7; *Рормозер Г.* Пути либерализма в России // Полис. 1993. № 1 (автор — профессор из ФРГ); *Шестаков И.А.* Константина Леонтьев и русский либерализм // Вест. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-полит. исслед. 1993. № 2; *Новикова Л.И., Сиземская И.Н.* Идеиные истоки русского либерализма // Общественные науки и современность. 1993. № 3; *Сиземская И.Н., Новикова Л.И.* Новый либерализм в России // Общественные науки

и современность. 1993. № 5; Ковальченко И.Д. Консерватизм, либерализм и радикализм в период подготовки крестьянской реформы 1861 г. // Отечественная история. 1994. № 2; Пантин И.К. Драма противостояния. Демократия — либерализм в старой и новой России // Полис. 1994. № 3.

1–2 февраля 1995 г. в Государственной публичной исторической библиотеке состоялась созданная российским Историческим обществом конференция на тему “Либерализм в России”.

Задумана была конференция с размахом. Предусматривалось 5 докладов на пленарном заседании и более 40 выступлений в трех секциях. А что в итоге? Докладов и выступлений на конференции сделано наполовину меньше от запланированного. Весьма “либерализированные” цены на билеты не позволили многим иногородним воздать хвалу русскому либерализму... Но дело не только в этом. Уже из программы конференции стало ясно, что даже организаторы конференции не очень ясно представляли себе, будет ли на конференции разговор о либерализме или вообще о прогрессивных деятелях и реформаторах. Включив в программу выступления типа “Русский либерализм последней трети XVIII века”, «Общество “любомудров”» и т.д. организаторы продемонстрировали традиционное для отечественной историографии расширительно-неопределенное понимание либерализма. Итог оказался соответствующим. В своем заключительном слове на конференции председатель Исторического общества В.Ф.Антонов признал, что на конференции все сфокусировалось на понятии либерализма и что этот вопрос остается невыясненным. “Пока мы не определимся, что такое либерализм, — сказал, в частности, председатель, — мы не можем решить, когда начинается либерализм в России”. Сам он настаивал на том, что либерализм в России начинается при Екатерине II и даже назвал точную дату начала либерализма — выступление князя Д.А.Голицына (1734–1803) за отмену крепостного права в 1765 г. и в этой связи полемизировал с проф. В.В.Шелохасвым, который датировал оформление либерализма в России как системы идей серединой XIX в.

Из докладов и выступлений, которые мне удалось прослушать, выделялись своей содержательностью, на мой взгляд, доклады и выступления И.К.Пантина, А.А.Кара-Мурзы, В.В.Шелохасва, Д.И.Олейникова, но по большей части это были речи по опубликованным текстам. Другие выступления как-то не легли на душу, а некоторые вызвали желание выступить против.

Не могу не согласиться с председателем конференции в том, что ее главная проблема — проблема неопределенности понятия “либерализм”. Обобщая итог работы одной из секций, Г.П.Аксенов не без юмора заметил, что выступления на секции шли по принципу “А вот еще был хороший человек”. Думается, что вся наша современная историография либерализма покоится пока примерно на таком же принципе. И я несколько не удивился, когда В.Ф.Антонов, заявивший при открытии конференции о намерении написать обобщающий труд по истории либерализма в России, в заключительной речи сообщил, что никаких откликов на это предложение не последовало.

Из более частных мыслей, высказанных на конференции, которые вызывают возражения или желание внести в них коррективы, я бы назвал следующие:

1) Не очень диалектична мысль о том, что в России наблюдался полный разрыв между либерализмом и демократией, что демократы игнорировали принципы свободы, а либерал — принцип демократии. Если не выдавать деятелей типа Кавелина за настоящих либералов и не исходить из искусственной концепции двух лагерей, олицетворявшихся “либералом” Кавелиным и демократом Чернышевским, то взаимоотношения либералов и демократов в пореформенной России будут выглядеть более адекватно: по крайней мере, часть русских либералов очень стремилась освоить некоторые демократические принципы. Даже в первые годы XX столетия русский либерализм заимствовал ряд принципов из демократической идеологии.

2) Неверен тезис о том, что отмена крепостного права — это взлет русского либерализма, высшая точка его политического подъема и начало его политического падения. По сути дела, это парафраз ошибочного тезиса В.И.Ленина о Каткове — Суворине — “Вехах”, как эпитафия падения русского либерализма.

3) Неверен тезис о том, что в России либералы появились сначала в верхних эшелонах власти, а лишь потом только в обществе. На уровне “власти” либералов никогда не было вплоть до Февральской революции; “бюрократический либерализм” — явление в России редкое, но это не настоящий, не адекватный либерализм, а всего лишь паралиберализм, стимулировавший, правда, рождение настоящего либерализма.

4) Односторонен тезис о том, что либерал может быть государственным. Хотя на определенной стадии своего развития либерализм пересмотрел свою изначальную установку на ми-

нимализацию роли государства во всех отношениях и во всех сферах, стремление либералов постклассического периода опереться на государство во имя достижения либеральных целей неправомерно отождествлять с ординарным этатизмом. Этатизм и либерализм в принципе, политически, идеологически, мировоззренчески несовместимы.

5) Неверен повторявшийся на конференции тезис о том, что славянофилы и западники — это разновидности русского либерализма. Славянофилы — разновидность российского консерватизма. В славянофильском мировоззрении есть некоторые элементы “либерального консерватизма” и паралиберальных идей, но по своим принципам, несущим конструкциям, — это антилиберальное течение.

Я бы суммировал свое мнение по историкографии русского либерализма так: сделано уже немало, поработан весьма большой фактический материал; но он очень в малой степени систематизирован, кроме того, остались неизученными или мало изученными многие периоды и проблемы истории русского либерализма. Сейчас очевидно, что расширение эмпирической базы исследования русского либерализма невозможно без углубленных теоретико-методологических подходов к этой теме.

Пока затрудняюсь сказать: есть ли вообще какие-то существенные концептуальные точки соприкосновения между современными авторами, пишущими по истории русского либерализма. По-разному выглядят у них сущностные признаки либерализма, нет сходства в понимании состава российской “либеральной семьи”, снова просматриваются существенные различия в периодизации истории либерализма в России, по-прежнему нет ясности в понимании соотношения “либерализм и философия” и т.д. И совсем удивительно слабой выступает связь исторического исследования с современностью, хотя такая связь нередко публично декларируется.

Поразительно, но факт: неудачи наших современных отечественных либералов проявились прежде всего в сфере экономической, в непосредственной связи с попыткой реализовать требование классического либерализма о невмешательстве государства в экономические отношения, что у нас звучало как требование “ухода государства из экономики”. Между тем история экономического либерализма в России могла бы дать хотя бы дополнительный мыслительный материал нынешним разработчикам и реализаторам экономических программ.

В 1972 году издательством университета штата Миссури был издан посвященный анализу различных оттенков русского либерализма сборник статей. В предисловии редактор издания Ч.Тимберлейк попытался выделить и охарактеризовать основные подходы, которые обозначились в западной историографии указанного сюжета⁸.

Первый прилагает западные мерки либерализма к либерализму русскому и пытается отыскать в русской истории носителей либеральной политической философии западного образца. Наиболее последовательно этот подход провел В.В.Леонтович в своей книге "История либерализма в России. 1762–1914", изданной в 1957 г. на немецком языке. Позднее она была издана в переводе на русский язык в Париже (1980 г.), открыв собой солженищину: сую серию "Исследования новейшей русской истории". Леонтович находит элементы европейского либерализма в мышлении русских императоров, бюрократов, а также у членов кадетской партии. Причем последним (за исключением В.А.Маклакова) он уделяет гораздо меньше внимания, чем, например, Екатерине II, Александру I, Александру II, Михаилу Сперанскому, Петру Столыпину и Сергею Витте.

Другой подход кладет в основу функциональную дефиницию. Этот подход предполагает, с одной стороны, существование особых поведенческих структур, которые можно характеризовать как либеральные, а затем уже поиск индивидов, поведение которых соответствует указанной модели. Здесь наиболее репрезентативной оказывается книга Дж.Фишера "Русский либерализм: от дворянства к интеллигенции"⁹. Используя сначала очень общую дефиницию либерализма, Фишер проводит затем различие между традиционным западноевропейским либерализмом и либерализмом менее развитых стран, который представляет собой политическое движение меньшинства, ориентирующееся в основном на мирные пути политических преобразований.

Русский либерализм 1860–1905 годов, по мнению Фишера, оказывается больше похож на тот либерализм, какой существовал в Испании и Греции в 1820-х годах, или на современный азиатский либерализм, чем на классический западноевропейский.

В русском либерализме Финнер выделяет два различных типа либерального поведения. Во-первых, это те, кто стремится достичь своих целей, действуя через существующее либеральное правительство. И во-вторых, те, кто надеется на более решительные преобразования путем смены правительства.

Значительное внимание Тимберлейк уделяет истории термина "либерал" и его производных. Он отмечает, что еще в 1799 году Наполсон употребил термин "либеральные идеи". Первой группой, назвавшей себя либералами, была, по мнению Тимберлейка, группа политиков в испанских кортесах в 1812 году. Вскоре британские тории стали именовать "британскими либералами" наиболее прогрессистское крыло партии вигов. Оксфордский словарь впервые включил в себя слово "либерал" в 1816 г. Во Франции в 1817 году впервые появился памфлет, содержащий слово "либерал" в самом заглавии. А в 1819 году слово "либерал" стало мелькать в заглавиях английских и французских брошюр.

В Россию эти термины, по мнению Тимберлейка, пришли скорее всего из Франции. Уже в 1826 г. в следственных показаниях Павла Пестеля говорится о либеральных идеях. Словарь Пушкина также содержит слова "либерализм" и "либеральные идеи". Но первую группу людей, которые сами себя назвали сторонниками либерализма западного типа, составили Б.Н.Чичерин, К.Д.Кавелин и Н.А.Мельгунов, выступившие в 1856 г. в издававшихся в Лондоне "Голосах из России", где они даже представили программу из семи пунктов, нацеленную на разрешение внутренних проблем России. Они провозгласили, что либерализм — это лозунг всех образованных и мыслящих людей в России.

Тимберлейк замечает, что к началу 1866 года термин "либерализм" потеснили словосочетания "дворянский либерализм" и "буржуазный либерализм", а в следующем году радикальные студенты подготовили "политический словарь", в котором определяли либерала как человека, любящего свободу и который, как правило, оказывается дворянином и помещиком. Тимберлейк ссылается при этом на работу Б.Козьмина «К истории "Молодой России"», опубликованной в № 6 "Каторги и ссылки" за 1936 г.

Постепенно слово "либерал" приобрело бранимый оттенок и стало применяться для характеристики не политической философии, а для описания социальных групп. По мнению Тимберлейка, ученый, полагающийся на русских авторов того периода, рискует принять карикатуру за реальность, ибо все, что он узнает о русских либералах, исходит, как правило, от их противников. После

Чичерина и его друзей Тимберлейк не видит в России ни одной группы, которая артикулировала бы свои политические теории, используя ярлык “либерализм”. Он напоминает при этом, что во Франции и Англии слова “либерал” и “либеральный” также вначале имели уничижительный оттенок, но группы, к которым эти ярлыки приклеивались, не отказывались от чести носить их. В России же даже кадеты не захотели использовать эти термины для самоназвания и только в эмиграции ретроспективно широко стали ими пользоваться. Тимберлейк считает, что русские либералы избегали использовать указанные термины для самоназвания, во-первых, из-за их иностранного происхождения, а во-вторых, из-за негативных ассоциаций, которые им обычно сопутствовали. Монархисты считали либералов замаскированными радикалами, а революционеры видели в них выразителей узких классовых интересов, о чем и свидетельствовали словосочетания “дворянский либерал” или “буржуазный либерал”.

“Русские либералы, — пишет Тимберлейк, — предпочитали вместо этого называть себя обществом, а свое движение общественным движением”. Этот термин как бы указывал на более широкую социальную базу либерализма. Когда к концу 1870-х народники заговорили о возможности союза с либералами, то возникли трудности с идентификацией этих последних. Дебогорий-Мокриевич, например, говорил, что цели земцев и революционеров совпадают, только революционеры не считают прекращение насилия условием ускорения конституционных реформ.

Обращаясь к истории земского движения, Тимберлейк отмечает, что вначале для обозначения наметившихся партий использовались другие термины, например, термины “левые” и “правые” (в черниговском земстве в 1877 г.). И лишь в 1882 г. члены суджинского земства (Курской губернии) использовали термины “либералы” и “консерваторы” для характеристики своих фракций. (Автор ссылается на “Еженедельник Суджинского земства”, 1882, № 15). Но даже и в 1880-х годах земцы старались использовать термин “либералы” только адресуясь к иностранному читателю. «Вероятно, первый случай использования земским активистом, а в будущем кадетом, слова “либерал” для самоназвания появился в переписке И.И.Петрункевича с американским журналистом Джорджем Кеннаном, посетившим Петрункевича в начале 1880-х годов».

Даже Милюков редко говорил (а может быть и вообще не говорил) о себе как о либерале в своих статьях и речах. Когда же он читал лекции в Чикагском университете в 1903 г. и в Лоуэлловском

институте в городе Бостон в 1904 г., то он уже называл два реформистских течения в России "либеральной идеей" и "социалистической идеей", охарактеризовав их как умеренное и радикальное направление мысли соответственно. При этом он подчеркнул, что умеренное направление представляет собой такую партию, которая в Западной Европе именуется "либеральной". Выразителями либеральных тенденций, по его словам, являлись в России представители самоуправления, люди либеральных профессий и даже государственные чиновники, т.е. те, кто в большинстве своем принадлежал к дворянству. Милюков также причислял и себя к этим людям. В 1902 г. он даже подчеркивал, что демократический либерализм новейшего образца призван заменить старое западничество, в то время как народничество заменяет собой славянофильство.

Другой активист кадетской партии, Родичев, также воздерживался от примеривания к себе ярлыка "либерал" и лишь в эмиграции стал использовать этот термин даже в названиях своих статей, таких, как, например, "Либеральное движение в России, 1855-1905 гг." (в 1923 г. на англ. яз.) и "Ветеран либерализма" (1929 г.).

В 1881 г. слово "либерал" и пять его производных попали в словарь, составленный Владимиром Далем, а в 1896 г. в т. 34 "Энциклопедического словаря" издательства Брокгауз и Эфрон появилась подробная статья, написанная В.Водовозовым, в которой, говоря о либеральных партиях, автор писал, что, строго говоря, таких партий в России нет, а существует лишь "либеральная тенденция". Для "Нового энциклопедического словаря" В.Водовозов переработал свою статью и указал, что либеральная тенденция в России всегда была окрашена в демократические тона и что между либерализмом и социализмом в России никакой ясной границы никогда не существовало, и далее он пишет (используя почти буквально слова Петрункевича из его письма к Кеппану 1886 года), что "различие лежало скорее в области темперамента, чем в области миросозерцания". Он определил либералов как тех, кто действует исключительно легальными путями, воздерживаясь от революционных методов борьбы. Партию кадетов он считал единственной либеральной партией.

Затем Гимберлейк переходит к рассмотрению особенностей русского либерализма на фоне экономического положения России. Главную проблему для русских либералов представлял, по его мнению, низкий экономический и культурный уровень русского крестьянства, которое должно было составить основу для конституционного самоуправления. Цель либералов поэтому состояла

в том, чтобы устранить различия в этом отношении между гражданами Западной Европы и пока еще безграмотным и обездоленным русским крестьянством. В этом смысле русские либералы были западниками и составляли движение меньшинства, аналогичное движению меньшинства в слаборазвитых странах, о котором пишет Фишер.

Тимберлейк подчеркивает внимание русских либералов к вопросу о неготовности русского крестьянства к самоуправлению и их нацеленность поэтому на долговременную программу использования институтов, созданных преобразованиями эпохи Великих Реформ, для изменения ситуации в лучшую сторону. Только грамотные крестьяне могут предпочесть самоуправление автократии, поэтому строительство школ либералы считали своей политической задачей.

Именно имея в виду условия жизни крестьянства, либералы считали бесполезными любые насильственные действия с целью свержения правительства. Поэтому террор они считали контрпродуктивным. Пока не появятся образованные граждане, народ не сможет ни защитить, ни использовать институты самоуправления. Поэтому царское правительство должно остаться до тех пор, пока граждане не созреют до защиты парламента. Тем временем либералы добивались от правительства свободы печати, слова и собраний, защиты прав личности, т.е. всего того, что облегчает выполнение либеральной задачи просвещения крестьянства.

До 1917 года кадеты противились насильственным действиям. Они хотели стать рупором, доводящим до правительства требования крестьянства и общества, но они должны были также стараться предотвратить разочарование крестьянства в ненасильственных путях. По мере роста враждебности крестьянства к правительственным кругам кадетам становилось все труднее оставаться в фаворе у тех и у других. В конце концов они вызвали подозрение к себе с обеих сторон. В этом, как замечает Тимберлейк, и состоит основная проблема движения меньшинства, пытающегося возглавить большинство, не имея для этого прочной социальной базы. Ссылаясь на слова Милюкова, Тимберлейк пишет, что либерализм в России оставался в большей мере интеллигентским движением, чем буржуазным.

Переходя далее к оценке перспективы для мирного либерального пути в России в 1917 г., Тимберлейк приводит мнение проф. фон Лауз, который считает, что перспективы были столь незначительны, что сам вопрос этот не имеет научного значения.

Тимберлейк считает, что к такому выводу склоняется обычно ученый, избравший первый из вышеуказанных подходов к изучению либерализма в России, т.е. подход, продемонстрированный В.В.Леонтовичем.

Все же Тимберлейк считает, что русские либералы были не только хорошо знакомы с западными идеями, но отдавали себе также отчет и в уникальности сложившейся в России ситуации, поэтому намечавшиеся ими особые практические решения не были совершенно беспочвенными. Ссылаясь на помещенную в сборнике статью Д.Дэйвиса о В.А.Маклакове, Тимберлейк указывает, что были и среди русских либералов мыслители, понимавшие неприложимость к России западной либеральной модели.

Либеральный путь реформирования России требовал больше времени, чем то, которое России было отпущено историей, но в своей вере в парламентский путь и в возможность избежать революции они не были простыми утопистами и маргиналами. Они были важной составной частью самой русской истории с середины XIX века до 1917 г. Если русские либералы считали, что ненасильственная альтернатива самодержавию была возможна, то исследователь должен принять их мнение всерьез и попытаться изучить эту возможность. Предваряемый статьей Тимберлейка сборник и является попыткой изучить вопрос об обоснованности веры в ненасильственный путь развития России.

II. ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ

МОГУТ ЛИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ МОДЕЛИ ЛИБЕРАЛИЗМА СЛУЖИТЬ ПРЕДПОСЫЛКОЙ ДЛЯ АНАЛИЗА РУССКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА?

Понятие и определения либерализма, его источники, составные части, соотношение с абсолютизмом, клерикализмом, демократизмом, социальным реформаторством, социализмом, национализмом

“Но что должно разуметь под именем либерализм. Свобода — слово неопределенное. Она может быть и безграничная, и ограниченная, и если безграничной свободы допустить нельзя, то в чем же должна состоять свобода ограниченная? Одним словом, какие меры должно принять либеральное правительство, и чего должна желать либеральная партия в обществе?”

Постарася исчислить главные начала, которые вытекают из понятия о либерализме, и те меры, которые, по нашему мнению, необходимы для благоденствия России.

1. *Свобода совести.* Это первое и священнейшее право гражданина...

2. *Свобода от крепостного состояния,* одно из величайших зол, которыми страдает ныне Россия...

3. *Свобода общественного мнения...*

4. *Свобода книгопечатания,* необходимое последствие свободы общественного мнения...

5. *Свобода преподавания...*

6. *Публичность всех правительственных действий...*

7. *Публичность и гласность судопроизводства...* (Чичерин Б.Н. *Современные задачи русской жизни (1855)* // *Голоса из России.* Вып. 2. М., 1975. С. 112, 115, 119, 121, 124, 125).

“Вот почему: абсолютная свобода во всех сферах!

Свобода совести и культов как источник религиозного прогресса, который, в свою очередь, составляет самую энергию прогресса социального...

Свобода образования как следствие предыдущего и рычаг прогресса просвещения...

Свобода личности или тела, *habeas corpus* Англичан...

Свобода слова и прессы...

Свобода ассоциаций...

Свобода торговли, искусств, промышленности, наук...

Свобода для всех, везде, для всего и всегда. Единственная заперещенная свобода, это свобода накладывать цепи на свободу другого, что совершенно логично, так как эта свобода уже больше не свобода, но узурпация, распущенность, деспотизм, беспорядок, одним словом, несправедливость.

Таков наиболее видимый принцип и в некотором роде внешность либерализма; так как это его скорее приложение, чем его теория; скорее его дело, чем его догма, скорее его желание, чем его сущность. Он восходит к высшим принципам, которые являются — одни главным образом религиозными по природе, другие больше политического характера. хотя неразрывно друг с другом связанные” (*Sermant F.H. Le libéralisme. Ses principes. Son but. Ses preuves. Christianisme et libéralisme. Catholicisme et libéralisme. Obstacles. Moyens. Paris—Geneve, 1860. P. 29—30*).

«Несмотря на то, что слово “либерализм” повсюду очень употребительно, его значение и в Западной Европе, а тем более у нас остается очень сбивчивым. Либералов совершенно несправедливо смешивают с радикалами и демократами»...

“У либералов и демократов совершенно различны коренные желания, основные побуждения...”.

“... Либералы никак не согласятся предоставить перевес в обществе низшим сословиям, потому что эти сословия по своей необразованности и материальной скудости равнодушны к интересам, которые выше всего для либеральной партии, именно к праву свободной речи и конституционному устройству...”.

“Либерал почти всегда находит, что только при известной степени аристократизма общество может достигать либерального устройства. Потому либералы обыкновенно питают к демократам смертельную неприязнь, говоря, что демократизм ведет к деспотизму и гибели для свободы”.

“... Либералы почти всегда враждебны демократам и почти никогда не бывают радикалами. Они хотят политической свободы, но так как политическая свобода почти всегда страдает при сильных переворотах в гражданском обществе, то и в самую свободу, высшую цель всех своих стремлений, они желают входить постепенно, расширять понемногу, без всяких по возможности сотрясений...”.

“...С теоретической стороны либерализм может казаться привлекательным для человека, избавленного счастливо судьбою от материальной нужды: свобода — вещь очень приятная. Но либерализм понимает свободу очень узким, чисто формальным образом. Она для него состоит в отвлеченном праве, в разрешении на бумаге, в отсутствии юридического запрещения. Он не хочет понять, что юридическое разрешение для человека имеет цену только тогда, когда у человека есть материальные средства пользоваться этим разрешением”...

“Нет такой европейской страны, в которой огромное большинство народа не было бы совершенно равнодушно к правам, составляющим предмет желаний и хлопот либерализма. Поэтому либерализм повсюду обречен на бессилие: как ни рассуждать, а сильны только те стремления, прочны только те учреждения, которые поддерживаются массою народа. Из теоретической узкости либеральных понятий о свободе, как простом отсутствии запрещения, вытекает практическое слабосилие либерализма, не имеющего прочной поддержки в массе народа, не дорожающей правами, воспользоваться которыми она не может по недостатку средств” (Чернышевский Н.Г. Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X // Чернышевский Н.Г. Соч. Т. V. С. 217, 218).

Либерализм — “политический образ мыслей, не связанный преданиями и существующими формами государственной жизни. Либерализм меняется по мере того, как развиваются политические понятия народа. Крайний либерализм называется радикализмом” (Настольный словарь для справок по всем отраслям знания [справочный энциклопедический лексикон], изд. Ф.Толлем, Т. 2, Спб., 1863. С. 691).

Либерализм — “свободомыслие, приверженность к свободе; в политике — образ мыслей и поступков, стремящихся к возможному расширению всех учреждений, клонящихся к благу народа” (Русский энциклопедический словарь, изд. проф. С.Петербург. унта И.Н.Березиным. Спб., 1874. Т. 1. С. 357).

“Либерализм есть известная теория *устройства* государства, *форм* и *пределов* его деятельности. Либерализм, в отношении государственного устройства, исходит из требований обеспечения известных прав личности (личная свобода, неприкосновенность имущества, свобода печати, вероисповеданий и т.д.) от государственного всемогущества; в отношении *форм* и *пределов* деятельности государства, он исходит из предположения, что личная предприимчивость и самостоятельность есть нормальный источник всякого прогресса и что поэтому деятельность государства должна ограничиваться охранением свободно проявляющихся личных сил и восполнением этих личных усильи там, где они оказываются недостаточными. В этом смысле либерализм противопоставляется *абсолютизму* и *гувернаментализму* (правительственной опеке)” (*Градовский А.Д.* Что такое консерватизм // *Градовский А.Д.* Собр. соч. Т. 3. Спб., 1899. С. 314). “...Либеральная проповедь обращалась не к одному определенному классу, а к целому народу, даже к целому человеческому роду” (там же. С. 355).

Либерал — “политический вольнодумец, мыслящий или действующий вольно; вообще желающий большей свободы народа и самоуправления” (Толковый словарь живого великорусского языка В.Даля (1881). Изд. 1989 г. Т. 2. С. 251).

Либерализм — «1) направление в *политике*, противоположное консерватизму, стремление к реформам и организации государства и общества на началах свободы личности, свободы от стеснений, налагаемых церковью, деспотизмом власти, полицейской регламентацией, обычаями и т.д. Лучший представитель либеральных идей XVIII в. в области просвещения и религии — Вольтер. Политический либерализм/ нашел выражение во французской/ “Декларации прав человека и гражданина”, где были установлены основы гражданских свобод... 2) либерализм/ в *экономической* жизни выставляет требованием возможно полной свободы промышленной деятельности от вмешательства государства; отсюда отрицание каких-либо государственных регламентаций и стеснений промышленной и торговой деятельности, требование свободы

торговли, невмешательства государства в отношения между предпринимателями и рабочими (враждебность фабричному законодательству)» (Малый энциклопедический словарь. Т. II. Изд. Брокгауз-Эфрон. Спб., 1907. С. 338-339).

“В области философии и религии либерализм стремился предоставить человеческому уму полную свободу, требуя, в связи с этим, свободы совести и свободы слова” (Бодовозов В. Либерализм // Энциклопедический словарь Брокгауз-Эфрон. Т. XVII (34). Спб., 1896. С. 633).

“Кто же были те либералы? В ряды их становились все угнетенные; но во главе всего движения шла, несомненно, просвещенная, интеллигентная буржуазия — ученые, писатели, адвокаты, образованные капиталисты. Старый порядок лежал на них тяжелым гнетом, хоть и меньше, чем на простом народе; всем заправляли чиновники и дворяне, на каждом шагу, ради своих выгод ставили им препятствия в их экономической деятельности и делали обиды в частной жизни; в крепостное право, где оно сохранилось целиком или отчасти, мешало буржуазии находить для расширения своих предприятий достаточно подходящего рабочего материала, потому что настоящим наемным работником может быть только свободный человек, неприкрепленный к земле или помещику. Все это заставляло буржуазию стать на сторону освободительных стремлений; а так как она была самым сильным и образованным из угнетенных классов, то понятно, что либерализм энергично стоял за полную “экономическую свободу”. “Экономическая свобода” означала, что государство не должно никакими способами вмешиваться в экономическую борьбу интересов: не должно ни поощрять, ни стеснять промышленность и торговлю, не должно вмешиваться в договор найма между капиталистами и рабочими, не должно заботиться об условиях труда, запрещать чрезмерную работу, труд детей, устанавливать рабочее время законом и т.д. Либерализм учил, что полная свобода конкуренции всего выгоднее для всех: если экономическая борьба будет происходить без всяких стеснений, то каждый всего лучше сумеет отстаивать свою собственную пользу, а таким способом получится и наибольшая польза для всех. С тех пор давно стало ясно, что это далеко не так, что свободная борьба интересов означает свободную эксплуатацию слабых сильными, что голодному невозможно отстоять свои интересы против сытого; стало ясно, что “свободный договор” капиталиста с каждым отдельным рабочим приводит к жестокому рабству работника, и что

поэтому кроме несправедливых стеснений свободы капитала могут быть также справедливые и даже необходимые — именно, защита рабочих законом. Но буржуазии было выгодно учение об экономической свободе: она чувствовала свою силу и могла ничего не бояться в свободной экономической борьбе; а всякое стеснение эксплуатации было нежелательно для капитала. И большинство мыслящих людей соглашалось с этим буржуазным учением, потому что от всяких “забот” государства о деятельности граждан оно привыкло видеть только вред; а все ужасы “свободной” эксплуатации пролетариев капиталом развернулись как следует только позже.

Отстаивая экономическую свободу, либералы доходили до того, что запрещали законом союзы и стачки рабочих, как они сделали это, например, во Франции в начале Великой революции (закон Шапелье); либералы думали, что союзы и стачки стесняют свободу каждого отдельного рабочего и предпринимателя к заключению их договора. Так, уже тогда свобода оказывалась нередко прикрытием для чисто буржуазных интересов. И все-таки либерализм, в целом, был великим освободительным движением и сделал очень много для человечества в борьбе против рабства и произвола.

Так было в те времена, но многое после того изменилось, и прежнего либерализма теперь нет. Он распался. Частью он уже сделал свое дело: поконили почти везде с крепостным правом, а во многих странах — с деспотизмом. Во многом, однако, дело освобождения осталось еще не законченным; только теперь уже не либералы стали его главными работниками: их стеснили демократы, а впереди демократов идут социалисты — те и другие представители наиболее угнетенных классов, которые прежде шли за буржуазией и поддерживали либерализм. В самой буржуазии возникли новые резкие столкновения интересов; а идеал “экономической свободы” оказался даже для нее во многих случаях негодным. Даже деспотизм, где он есть, изменился и старается всеми способами привлечь к себе, по крайней мере, верхние слои буржуазии. Либерализм не мог остаться в прежнем виде, а принял много новых видов; он разбился на партии и группы с очень разными стремлениями и идеями; единого либерального учения уже нет» (Богданов А. А. Либералы и социалисты. Женева, 1904. С. 6–9).

«Автор чересчур резко отграничивает так называемых демократов от либералов и совершенно напрасно ставит их рядом с социалистами. Современные “демократы” на Западе представляют собою не более, как разновидность, левое крыло либералов, с кото-

рыми они идут рука об руку *против* социал-демократов, являющихся в настоящее время единственными серьезными борцами за народную свободу. В Швейцарской республике господствует буржуазная демократия; но последняя так же ревниво оберегает все те законы и государственные учреждения, которые ограничивают права народа, как и умеренные либералы» (Примечание редакции к брошюре А.А.Богданова "Либералы и социалсты" (с. 9), вышедшей с пометкой "Издание Российской Социал-демократической рабочей партии" /Речь шла о фракции большевиков. — В.П./).

«Либерализм... — система политических идей, взглядов и стремлений, свойственная представителям промышленной буржуазии эпохи ее подъема и борьбы за власть и буржуазной интеллигенции. Основное требование либерализма — конституционный парламентский строй, при котором "король царствует, но не управляет", а управляют министры, вышедшие из парламентского большинства, которое издает законы и контролирует финансы. Обыкновенно либералы выступали и требования свободы печати и расширения избирательных прав, что их отличало от консерваторов и реакционеров. В отличие же от демократических или радикальных партий, представляющих мелкую буржуазию, либерализм часто выступал против всеобщего избирательного права и за сохранение имущественного ценза на выборах...».

"Либерализм в политической экономии означает школу, выдвигающую принцип свободы торговли и невмешательства в экономические отношения, в частности, в отношения капиталистов и рабочих" ... (Горев Б., Вольфсон М. Либерализм // МСЭ. Т. 4. М., 1929. С. 620, 621).

"Либерализм в теоретической основе своей представляет совершенно определенную экономически-правовую доктрину и тесно связан в своем развитии с историческим развитием промышленной буржуазии. В возникновении промышленного капитализма и его взаимоотношениях с государственной властью надо поэтому искать истинные корни и истоки либерализма" (*Разумовский И. Либерализм // Энциклопедия государства и права. Т. 2. М., 1930. С. 528, 529).*

«Либерализм означает идейно и духовно, психологически и исторически утверждение неотъемлемых прав личности, неотъемлемых в том смысле, что они не подлежат посягательству ни со стороны власти, ни со стороны отдельных лиц, принадлежащих к тому

же или другому национальному (=государственному) обществу. Либерализм утверждает свободу лица, утверждает ее — в случае необходимости — и против власти, и против других лиц. Каковы могут и должны быть пределы этой свободы, — вопрос, конечно, очень сложный. Но существенно, что либерализм утверждает свободу лица против всякой власти, как бы она ни была организована, в том числе и против народовластия, или демократии. Это и значит, что либерализм в его “чистом понятии” вовсе не ставит прямо или непосредственно вопроса об организации власти или о государственном устройстве в тесном и точном смысле» (Струве П.Б. Либерализм (1933) // Полис. 1994. № 3. С. 431).

«За сто с лишним лет истории этого термина содержание, которое вкладывалось в него, постепенно расширялось. Представители современной либерально-буржуазной политической и исторической литературы, заинтересованные в том, чтобы замаскировать классовую и историческую ограниченность либерализма, либо отождествляют его с борьбой за “свободу вообще” на всем протяжении истории человечества, либо во всяком случае сводят к нему всю многовековую борьбу против абсолютизма, феодальных ограничений и привилегий, церковной нетерпимости, тирании и пр. С единственно научной точки зрения марксизма-ленинизма либерализм периода своего расцвета представлял собой политическую практику и более или менее цельную систему экономических и политических воззрений прогрессивной буржуазии в условиях победы и утверждения капитализма в наиболее передовых странах» (БСЭ. Изд. 1. М., 1938. Т. 36. Стлб. 737-738).

«Либерализм... — буржуазное политическое и идеологическое течение и система экономических и политических воззрений в 19 — начале 20 вв. Объединяло сторонников экономического и политического господства буржуазии. Либералы выступали за буржуазный парламентаризм, за формальное провозглашение равноправия людей и наций, “свободы личности” и других ограниченных буржуазных свобод, прикрывавших в условиях капиталистического общества неравенство между имущими и неимущими, фактическое бесправие трудящихся, жестокую эксплуатацию рабочего класса и трудового крестьянства, порабощение колониальных и зависимых стран. В отличие от буржуазно-демократических течений, либерализм стремился защитить интересы буржуазии не путем революционной борьбы против класса феодалов-крепостников, а путем сговора с ним. В период победы и утверждения капитализма либера-

лизм стал господствующим течением среди буржуазии. В эпоху империализма, и особенно в период общего кризиса капитализма, либерализм превращается в открыто реакционное направление, происходит вырождение и крах либерализма».

“Со времени выхода на историческую арену пролетариата как самостоятельной силы, и особенно с момента возникновения в середине 40-х годов 19 в. марксизма — революционного научного мировоззрения пролетариата, либерализм начал утрачивать свои прогрессивные черты. Либерализм превращается в официальную идеологию буржуазии. Во многих странах к либералам примыкает также часть обуржуазившихся помещиков. Главной целью либерализма становится борьба с марксизмом”.

“Великие учителя пролетариата К.Маркс и Ф.Энгельс подвергли резкой критике различные буржуазно-либеральные направления, вскрывали классовые корни буржуазной ограниченности либералов, показывали причины их предательского поведения во время буржуазных революций, разоблачали их сговор с открыто контрреволюционными партиями. Трусость и двосудшие буржуазных либералов России и Западной Европы гневно клеймили и разоблачали великие русские революционные демократы Н.Г.Чернышевский и Н.А.Добролюбов.

Показателем реакционного перерождения либерализма явилось враждебное отношение либеральной буржуазии всех стран к 1-му Интернационалу и Парижской Коммуне 1871 и прямое участие французских либералов в кровавом подавлении Парижской Коммуны”.

“Из идеологического и политического оружия буржуазии в ее борьбе против феодального строя либерализм окончательно превращается в одно из идеологических и политических средств борьбы капиталистов против рабочего класса, за сохранение обреченного на гибель буржуазного строя. Важнейшей целью либерализма становится обман народа лицемерием и фарисейскими фразами, внесение раскола в рабочее движение”.

“С наступлением эпохи империализма, обострившего все противоречия капитализма, основная масса буржуазии стала открыто переходить на реакционные позиции, отказываясь от конституционных методов господства и даже от ограниченных буржуазных свобод. Усиливается кризис и вырождение либерализма. Все более широкие слои буржуазии переходят к консерваторам и откровенным реакционерам”.

“Рост влияния капиталистических монополий, подчиняющих себе государственный аппарат, побуждает буржуазных идеологов к отказу от принципа свободной конкуренции и свободы торговли”.

“Вырождавшиеся, терявшие свою социальную опору либеральные партии и группы все более превращались в подсобное орудие империалистической реакции. В период разложения либерализма особенно резко выявляются свойственные ему внутренние фальшь, ханжество и лицемерие. Характерным примером изощренной демагогии и лавирования в реакционных империалистических целях является политика лидера английских либералов Д.Ллойд Джорджа”.

“Банкротство либерализма, его реакционная роль в новых исторических условиях были показаны В.И.Лениным. Ведя беспощадную борьбу против либералов — злейших врагов рабочего класса, большевики дали решительный отпор меньшевикам и реформистам 2-го Интернационала, стремившимся превратить рабочий класс и его партии в охвостье либеральной буржуазии. Большевики полностью разоблачили предательскую роль реформизма и оппортунизма в рабочем движении, вскрыли его связь с буржуазным либерализмом, его прислужническую роль по отношению к последнему.

“В эпоху общего кризиса капитализма империалистическая буржуазия в целях сохранения своего господства все чаще обращается к террористическим фашистским методам господства. Стираются грани между либералами и консервативными партиями. Либералы вместе с откровенными реакционерами выступали как воинствующие враги Советского государства”.

«Причины краха либерализма глубоко вскрыты учеником и продолжателем дела В.И.Ленина И.В.Сталиным. Став еще более реакционной, современная буржуазия растоптала те либеральные принципы, которыми она некогда широко пользовалась, для того чтобы удерживать массы под своим влиянием. Буржуазия окончательно утратила связи с народом, что привело к ее значительному ослаблению. Она растоптала принцип равноправия людей и наций, выбросила за борт знамя буржуазно-демократических свобод, отреклась от провозглашенных ею ранее прав личности и прав народов на национальную независимость и суверенитет. “Раньше буржуазия позволяла себе либеральничать, отстаивала буржуазно-демократические свободы и тем создавала себе популярность в народе. Теперь от либерализма не осталось и следа” (Сталин И.В.

Речь на XIX съезде партии. М., 1952. С. 11)». (БСЭ. Т. 25. Изд. 2. М., 1954. С. 70, 71, 72).

“...Основная идея либерализма — это осуществление свободы личности”; “... Либерализм — творение западноевропейской культуры и, в основном, плод уже греческо-римского мира средиземноморской области. Корни либерализма уходят в античность и к этой первоизданной его основе принадлежат такие вполне четко выработанные понятия, как правовая личность и субъективное право (в первую очередь право на частную собственность), а также некоторые учреждения, в рамках которых граждане участвовали в управлении государством и особенно в законодательной деятельности” (Леонтович В.В. История либерализма в России (1957). Перевод на русский. Париж, 1980. С. 1, 2).

«Как термин “либерализм” является скорее собирательным, чем точно определенным» (Fischer G. Russian Liberalism. Cambridge, 1958. P. VII).

“...Всякая попытка априорного перечисления либеральных идей приводит к приданию ложного порядка и точности подвижному, меняющемуся явлению. Либерализм содержит не набор идей, а меняющиеся результаты взаимодействия мыслителя и его идеи, а также разных мыслителей друг с другом и их всех с меняющимся контекстом времени, направлениями, которые принимает философия, религия, естествознание, с интеллектуальными модами. Либерализм, как и всякая другая идеология, несомненно, приспособлял свои принципы к моральным и научным истинам своего времени”.

Либерал — всякий, “кто считает себя таковым или кого называют так его современники...” (Frieden M. The new liberalism: An ideology of social reform. Oxford, 1978. P. 26–27).

“Либерализм — буржуазное идеологическое и общественно-политическое течение, объединяющее сторонников буржуазно-парламентского строя, буржуазных свобод и свободы капиталистического предпринимательства. Либерализм — система взглядов, согласно которым социальная гармония и прогресс человечества достижимы лишь на базе частной собственности путем обеспечения достаточной свободы индивида в экономике и во всех других сферах человеческой деятельности (ибо общее благо якобы стихийно складывается в результате осуществления индивидами их

личной цели” (Неманов И.Н. Либерализм // БСЭ. Изд. 3. Т. 14. М., 1973. С. 396).

“Либерализм, как и его соперник социализм, это одновременно теория, доктрина, программа, практика. Это также (причем еще более фундаментальным образом, чем в случае с социализмом) некая позиция, т.е. предрасположенность ума, или перспектива, в которой рассматриваются проблемы, встающие перед индивидом в устройстве его общественной жизни” (Burdeau G. Le libéralisme. P., 1979. P. 7).

“Либерализм — это не доктрина. Это скорее угол зрения, рационализированное и прикладное мироощущение, идейный и эмоциональный ландшафт, созвездие принципов и доводов разума...” (Kolm S.-Ch. Le libéralisme moderne. Analyse d'une raison économique. P., 1984. P. 27).

«Понятие “либерализм” настолько затаскано, что в англо-саксонских странах оно обратилось в свою противоположность: американский или английский “либерал”, оказывается, скорее ближе к французскому социалисту. Точно также некоторые утверждают, что “передовой либерализм”, который мы пережили во Франции, является всего лишь завуалированной формой социал-демократизма.

Но освобожденный от исторических и семантических настроений либерализм является ясным принципом и повсюду, при любых обстоятельствах отдаст предпочтение личности, а не государству» (Сорман Г. Либеральное решение (изд. ориг. 1984) М., 1992. С. 10).

Либерализм — “1. Экономическая доктрина, которая ставит в привилегированное положение индивида и его свободу, а также свободную игру индивидуальных действий, направленных на общий интерес”; “2. Политическая доктрина, ставящая целью ограничить власть государства во имя индивидуальных свобод”; “3. Образ действия, ориентированный на понимание, побуждающий к терпимости; широта взглядов; в протестантской теологии — эквивалент католического модернизма”. “Главный тезис либерализма покоится на утверждении существования в сфере экономической естественного порядка, стремящегося утвердиться стихийно. Роль индивидов ограничивается открытием экономических законов, которые, по примеру механических или физических законов, ведут экономическую систему к равновесию. Законы соответствуют природе человека. Либеральная концепция человека — это концеп-

ция *homo economicus*, разумное существо, которое стремится добиться максимума выгоды при минимуме усилий. Действуя свободно, оно позволяет осуществиться естественному экономическому порядку. Индивидуальные интересы и общий интерес общества координируются и гармонизируются" (*Grand Dictionnaire Encyclopedique Larousse*. Т. 6. Paris, 1984).

"Понятие либерализм столько раз меняло свое значение с момента своего первого употребления, что теоретически представляется бессмысленным". "Определить либерала теоретически невозможно, практически невозможно его не узнать" (*Чаликова В.А.* Предисловие к изд.: Социально-философские аспекты современного либерализма. Реф. сб. М., 1986. С. 5, 7).

«...Что же такое "либерализм?" Вопрос тем более актуален, что когда изучаешь идеи, проекты и их реализацию теми, кто себя таковым объявляет, то вынужден констатировать определенное количество диссонансов. Не было *одного либерализма*, но были *либерализмы*, не было *одного либерального эксперимента*, но были *либеральные эксперименты*.

Но действительно, либерализм датируется не сегодняшним днем; это древний феномен. Либерализм в XVII и XVIII веках — это освободительное движение, которое выступает в различных видах в английской, американской и французской революциях и действительно проявляется декларациями прав человека и гражданина. В Англии, как и во Франции, в XIX веке либеральный капитализм порождает вместе с индустриализацией пауперизацию значительной части рабочих слоев. Следовательно, это противоречивый феномен: эмансипация с одной стороны, эксплуатация — с другой. Значит, нам нужно вернуться к источникам политического и экономического либерализма для того, чтобы оценить его разнообразие и попытаться понять течения, на которые он делится сегодня» (*Branciard M.* Les liberalismes d'hier a aujourd'hui. P., 1987. P. 7).

"Либерализм — это доктрина, это даже самая древняя, самая знаменитая и, несомненно, самая неизвестная из рефлексий, которые относятся одновременно к Сиги и к его экономическому организатору. Ибо это доктрина свободы" (*Flamant M.* Histoire du liberalisme. P., 1988. P. 3).

«Слово “либерализм” обозначало в истории идей два феномена:

1). Признание государством и гарантирование им свобод личности; “господство права”, т.е. такая ситуация, в которой общественная сила не может осуществляться произвольно, а лишь в соответствии с законом, перед которым все равны и который санкционируют независимые суды. Это “управление через законы, а не через людей” восходит к античной “изономии” (равенство перед законом) и получило воплощение в солидных политических институтах в Англии в XVII веке, было распространено в Европе в эпоху Просвещения, в частности Монтеスキё, Вольтером, и окончательно закреплено в американском конституционализме, который добавил решающую опору в виде юридического контроля за исполнением законов.

2). Интеллектуальное отношение, заключающееся в отвержении любого предрассудка, например религиозного, и представленное такими мыслителями, как Декарт, Гоббс, Спиноза, а также большинство теоретиков общественного договора и “современного естественного права”, для которых свободный человек преимущественно тот, который живет согласно требованиям единственно своего разума. В этом случае либерализм означает, главным образом, антитрадиционализм, неприятие любой данной интеллектуальной, моральной или политической нормы» (*Нэмо Ф. Либерализм // 50/50. Опыт словаря нового мышления. М., 1989. С. 263–264*).

“*Экономическая теория*”. Либерализм, в том виде, как его описали современные авторы, в частности австрийской школы, Менгэр фон Мизес, Хайек, утверждает превосходство экономики в условиях свободы личности по отношению к экономике, управляемой соображениями собственно и исключительно познавательными, связанными с отношением индивидуального агента к реально доступной информации в сложном обществе” (Там же. С. 265); “Либералы не игнорируют того факта, что существуют товары и услуги, оправдывающие экономическую роль государства. Речь идет о товарах и услугах, пользование которыми не может быть ограничено теми, кто их оплачивает; поэтому они не могут спонтанно предлагаться рынком. Но эта роль государства не является ни охранительной, ни “холмистской”. Эта роль все еще сводится к обмену между свободными людьми, который, даже будучи опосредованным государственной властью, должен регулироваться коммуникативной справедливостью (каждый должен получить равноценную

часть того, что он отдает в форме налогов) и принципом вспомогательности; государство должно прекратить обеспечение коллективными товарами и услугами как только заявят о себе частные инициативы" (Там же. С. 269).

«Социальная теория. "Правые, традиционалисты, как и левые, социалисты, выражая растерянность людей XIX века перед быстрым промышленным развитием, переворачивающим современное им общество, подвергли критике либерализм с точки зрения социальной справедливости..."

...Социальный упрек, адресованный капитализму, является поверхностным. Везде, где отсутствует плюралистическое и рыночное правовое общество, люди живут беднее и социальная структура такого общества жестче и неравноправней. "Коммуникативная справедливость" (строгое соблюдение правил в процессе обменов), о котором заботится либерализм, внешне противостоит "распределительной справедливости" (перераспределению), которую претендует обеспечить социализм. В действительности, исторический опыт показал, что первая из двух представляет собой иной, более эффективный, хотя и не прямой способ достижения тех же моральных целей. Отличие тут от либерализма не морального порядка, а интеллектуального.

Либерализм утверждает равенство прав, фундаментальное равенство всех перед законом (т.е. означает конец любой привилегии). Опыт показывает, что это равенство в правилах игры делает, конечно, возможным некоторое временное неравенство в результатах игры. Но, с одной стороны, это неравенство не мешает выигрышу всех игроков, даже наименее удачливых, в абсолютном значении (рыночная экономика не "игра с нулевыми ставками"), а с другой стороны, открытая экономика позволяет и даже включает в себя всеобщую перетасовку состояний по истечении среднего срока...» (Там же. С. 270-271); "История XX века показала, что контроль государства над материальной жизнью, установленный в типичной надежде приумножить материальные блага для всех, привел на деле к обеднению набора целей, к которым могут стремиться люди, а значит, и сузил набор средств, могущих быть в их распоряжении. В заключение отметим, что если бы на Земле, повсеместно и надолго, был установлен коллективизм, он вернул бы человечество в состояние орды; он сделал бы невозможным продолжение исканий человечества" (Там же. С. 273).

"Идеальное содержание этого понятия достаточно определено. Оно означает систему прав индивида и общества: право искать

работу и оставлять ее; покупать и продавать товары (включая труд); зарабатывать и тратить деньги; избирать и переизбирать правительства, образовывать различные ассоциации, включая политические; выражать свои взгляды и мнения устно и письменно — все это в пределах закона. Закон же в либеральном праве понимается как обобщение естественных потребностей нормальных цивилизованных людей. Из этого определения следует, что либеральные социальные отношения возможны не везде и не всегда. Отец либерализма Адам Смит не считал возможным применение либеральных методов управления к детям и дикарям: под дикарями подразумевались несвропейцы. Классический либерализм неотделим от европоцентризма и от представления, что цель истории — вестернизация мира” (Чаликова В. Либерализм // 50/50. Опыт словаря нового мышления. М., 1989. С. 274); “Либерализм исторически выделен и теоретически определен не “духом свободы”, а представлением об ее главных условиях и ее месте в иерархии других ценностей.

Свобода в либерализме безусловна и самодостаточна: она не путь к счастью и совершенству, но ценность сама по себе. Поэтому в теоретико-методологическом плане существуют две равно правомерные интерпретации истории либерализма. Согласно первой он сложился на основе традиционализма и легализма английских “тихих революций”; согласно второй — развивался из радикально-рационалистического духа французской революции. Первая версия подчеркивает, что в Новое время на Западе сложился комплекс возможностей, использованных “средним классом” для реализации своих практических интересов, для освобождения всего экономического, свободы предпринимательства — “laissez faire”...

Согласно другой версии люди особо чувствительные к свободе психического склада, “профессионалы и игроки мысли”, создали философию либерализма, а потом и соответствующие институты. Двойное происхождение породило конфликт. Духовная свобода, как оказалось, требовала порой вещей, несовместимых с принципом “laissez faire”. Особо несовместимыми с ним оказались гуманитарные привычки к справедливости и состраданию, которые не всегда, но достаточно часто образуются в условиях духовной свободы. Уже в 80-х годах прошлого века школа “новых либералов”, поддерживая этот принцип на деле, называла его в полемике с группой ортодоксальных либералов “правом умирающего умирать, а страдающего страдать” (Там же. С. 276).

“*Либеральная цивилизация* — одна из основных форм цивилизаций человечества, характеризующаяся господством *либерального нравственного идеала*. В противоположность *традиционной цивилизации* основана на ценностях развития и прогресса, превращения *диалога* в основополагающий принцип социальной жизни, в отнесении на задний план *инверсии*, преобладания творчества, *медиации*, совершенствования *конструктивной напряженности* посредством постоянного развития очагов прогресса, *точек роста и развития*. Для либеральной цивилизации характерно *комфортное* состояние, требующее постоянного потока новшеств, изменений, динамического образа жизни. Предметом *диалога* становятся также и связи между людьми, структура организаций. Либеральная цивилизация носит *рефлективный* характер, т.е. *воспроизводственная* деятельность направлена на возрастающее совершенствование общества (социальных отношений, культуры, воспроизводственного процесса, менталитета). Иначе говоря, либеральная цивилизация характеризуется стремлением к подчинению всех элементов конечному эффекту... Либеральная цивилизация нацелена на возрастающее значение личности, что выражается в конституциональной защите прав человека, в идее равенства исходящих предпосылок его развития, равенства прав при принятии решений на всех этапах, ориентации на творчество и инициативу. Ресурсы определяются на основе представления, что эффект деятельности зависит от характера этого распределения. *Капитализм* является первым этапом либеральной цивилизации, для которого характерна возможность отношения к человеку как к ресурсу, средству. Ограниченность этого этапа преодолевается развитием общества, где человек выступает как самоценность” (Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурный словарь). Т. III. М., 1991. С. 161).

«В широком смысле либерализм — это доктрина, отстаивающая свободу личности. С этой точки зрения первым либералом можно считать Прометея, дерзнувшего вступить в борьбу с богами ради освобождения людей от их абсолютной власти. В современных западных изданиях можно прочитать о том, что основой либерализма является “вера в право личной свободы”: личность имеет определенные неотъемлемые права, которыми она обладает единственно в силу своей человеческой природы. Основной проблемой либерализма является вопрос об оптимальном соотношении личной свободы и общественных институтов. Социальные преобразования должны способствовать созданию условий, при которых

личная энергия процветает. Либерализм противопоставляет использованию государственной власти в таких формах, которые наносят ущерб личному достоинству при инициативе в экономической или политической сферах»; «В советской научной, политической литературе термин «либерализм» использовался чаще всего в узком значении как совокупность экономических, политических, философских, этических теорий, выражающих интересы буржуазии, как идейно-политическое движение, объединяющее сторонников буржуазно-парламентского строя и буржуазных свобод в экономической, политической и других сферах» (Габидулина Н. Либерализм в России (Историко-философский анализ) // Вестн. высш. шк. 1992. № 7. С. 71).

«...Говоря о либеральной модели, мы не соотносим ее с программой какой-то определенной партии, но имеем в виду *тип социально-политического развития*, вписывающийся в некоторую парадигму, идейные установки которой имеют постоянное инвариантное ядро. В основе этой парадигмы лежит признание абсолютной ценности человека, приоритет свободы и интересов отдельной личности по отношению к обществу, предпочтение методов эволюционно-реформистских преобразований общественных структур методами радикальным, взрывным, революционным. Либерализм относится к революции как к акции, которая, разрушая элементы старого строя, не затрагивает при этом самой сущности любой государственной власти, т.е. силы в чистом виде» (Новикова Л., Сиземская И. Идейные истоки русского либерализма // Общественные науки и современность. 1993. № 3. С. 124–125).

«... Либерализм — это комплекс принципов и установок, которые лежат в основе программ политических партий и политической стратегии того или иного правительства или правительственной коалиции либеральной ориентации. Вместе с тем либерализм — это не просто некая доктрина или кредо, он представляет собой нечто неизмеримо большее, а именно тип и способ мышления. Как подчеркивал один из ведущих его представителей XX в. Б.Кроче, либеральная концепция — метаполитическая, выходящая за рамки формальной теории политики, а также в определенном смысле этики и совпадающая с общим пониманием мира и действительности. Это система воззрений и концепций в отношении окружающего мира, тип сознания и политико-идеологических ориентаций и установок, который не всегда ассоциируется с конкретными политическими партиями или политическим курсом. Это

одновременно теория, доктрина, программа и политическая практика. Либерализм представляет собой весьма гибкую и динамичную систему, открытую влиянию со стороны других течений, чутко реагирующую на изменения в общественной жизни и модифицирующуюся в соответствии с новыми реальностями. Об этом свидетельствуют все перипетии и основные вехи формирования и эволюции либерализма.

При всей своей многовариантности либерализм имеет общие корни и определенный комплекс концепций, идей, принципов и идеалов, в совокупности делающих его особым типом общественно-политической мысли”.

«Своими корнями либеральное мировоззрение восходит к Ренессансу, Реформации, ньютоновской научной революции. У его истоков были идеи таких разных авторов, как Дж.Локк, Ш.-Л.Монтескье, И.Кант, А.Смит, В.Гумбольдт, Т.Джефферсон, Дж.Мэдисон, Б.Констан, А. де Токвиль и др. На протяжении всего XIX в. эти идеи были развиты И.Бентамом, Д.С.Миллем, Т.Х.Грином, Л.Хобхаузом, Б.Бизанкетом и другими представителями западной общественно-политической мысли. Несомненный вклад в формирование либерального мировоззрения внесли представители европейского и американского Просвещения, французские физиократы, приверженцы английской манчестерской школы, представители немецкой классической философии, европейской классической политэкономии”; “Основополагающие идеи и установки, ставшие важнейшими системообразующими составляющими классического либерализма, были сформулированы в Декларации прав человека и гражданина 1789 г. и конституции 1791 г. Либеральные принципы в той или иной степени получили практическое осуществление в ограниченно-конституционном строе, установленном во Франции в 1814 г., особенно после июльской революции 1830 г., а также в третьей республике в 1870 г.”; “Как правило, выделяют две исторически сложившиеся либеральные традиции: англосаксонская и континентально-европейская. В XIX в. первая ассоциировалась со свободной торговлей, интернационализмом, развитием конституционных норм и укреплением демократических ценностей...”

Что касается континентально-европейской традиции, то в ней больший акцент делался на процессы национальной консолидации и отказ от всех форм экономического, политического и интеллектуального авторитаризма”; “В целом либеральное мировоззрение с самого начала тяготело к признанию идеала индивидуальной сво-

боды в качестве универсальной цели. Более того, глоссологической предпосылкой либерального мировоззрения является вычленение человеческой индивидуальности, осознание ответственности отдельного человека за свои действия как перед самим собой, так и перед обществом, утверждение представления о равенстве всех людей в своем врожденном, естественном праве на самореализацию. Поэтому неудивительно, что на первоначальном этапе комплексе ценностей и идей, составляющих сущность либерализма, включал индивидуальную свободу, достоинство человеческой личности, терпимость»; «Именно индивидуализм лежит в основе права каждого человека на жизнь, свободу и частную собственность (а в отдельных редакциях — на стремление к счастью), в основе отождествления свободы и частной собственности, которые в совокупности стали могущественной стимулирующей силой развития производительных сил, общественно-исторического развития, формирования и утверждения политической демократии. Здесь частная собственность рассматривается в качестве гаранта и меры свободы»; «С формированием и утверждением идеи индивидуальной свободы все более отчетливо вычленялась проблема отношений государства и отдельного человека и, соответственно, проблема пределов вмешательства государства в дела индивида. Сфера индивидуальной активности человека, не подлежащей вмешательству со стороны внешних сил, рассматривалась как сфера реализации естественной свободы и, стало быть, естественного права. Поскольку это право призвано защищать отдельного человека от неправомерного вмешательства в его личную жизнь со стороны государства или церкви, оно является формой «юридического протестантизма»». Адепты естественного права исходили из идеи, согласно которой человек появился на свет раньше общества и государства. Уже в дообщественном, догосударственном, «естественном» состоянии он был наделен некоторыми неотчуждаемыми правами, руководствуясь которыми каждый получал то, что заслуживал.

Исходя из этого постулата, были сформулированы политэкономическая, правовая система и государственно-политическая концепция, в которых право было превращено в инструмент гарантирования отдельному индивиду свободы выбора морально-этических ценностей, форм деятельности и создания условий для претворения в жизнь этого выбора. Эти идеи воплотились в принципах *laissez faire*, свободного рынка, свободной, ничем не ограниченной конкуренции. В политической сфере они нашли от-

ражение в идеях государства — «“ночного сторожа” и правового государства, демократии и парламентаризма”; “Анализ работ либеральных авторов на протяжении XIX и XX вв. показывает, что большинство из них были устремлены на поиск путей приспособления классического наследия к постоянно изменяющимся условиям. Это качество особенно отчетливо обнаружилось в конце XIX — начале XX вв., ставших, по сути дела, новым рубежом в судьбах либерализма...

Выдвинулась целая плеяда политэкономистов, социологов, политологов и политических деятелей, выступивших с предложениями о пересмотре важнейших положений классического либерализма и осуществлении реформ, призванных ограничить произвол корпораций и облегчить положение наиболее обездоленных слоев населения. В этом плане большую роль сыграли английские политические мыслители Дж.Гоббсон, Т.Грин, Л.Хобхауз и др., протестантский священник и публицист Ф.Науманн, а за ним экономисты В.Рёнке, В.Ойкен в Германии, Б.Кроче в Италии, Л.Уорд, Дж.Кроули, Ч.Бирд, Дж.Дьюи и др. в США, сформулировавшие ряд новых важнейших принципов либерализма, который получил название “новый либерализм”, или “социальный либерализм”.

Суть последнего состояла в том, что под влиянием марксизма и восходящей социал-демократии в сторону признания позитивной роли государства в социальной и экономической жизни были пересмотрены отдельные базовые принципы классического либерализма. Это, в частности, нашло отражение в заимствовании либералами у марксистов и социал-демократии идей социальной справедливости и солидарности» (Гаджиев К.С. Политическая наука. Гл. 5. Либерализм. М., 1994. С. 263, 264, 265, 266, 267, 268, 271, 272).

Дискуссия по проблемам определения и сущности либерализма открывает Б.Г.Капустин

Актуальность либерализма для политической теории доказуема лишь при условии, что либерализм, во-первых, является *становящейся мыслью*, во-вторых, его становление соразмерно и *соответственно движению* некоторой сущностной проблемы Современности.

Во избежание недоразумений нужно обязательно оговорить то, что под “Современностью” подразумевается понятие не хронологического, а культурно-исторического порядка, т.е. не нали-

чувствующес в сей момент нашего бытия, а продолжающее свое развертывание некоторое содержательное начало, которое восходит к Веку Разума и Просвещению, включает "сейчас", но не замыкается в нем.

Подлинной теоретической проблемой является не фиксация разнообразности либерализмов, а установление того, что даже при некотором взаимном отрицании родства они все же являются членами общей *семьи либерализма*. Два основных традиционных способа определения родства — через выделение некоторого "твердого ядра" суждений и приверженностей, почитаемых обязательными для всех либералов, т.е. своего рода общего знаменателя их взглядов, а также посредством формирования "стандартного" образа либерализма (в пределах допустимых отклонений), созданного общением воззрений лиц, причисленных к либеральному пантсону, — представляются мне неудовлетворительными. В первом случае упомянутый "знаменатель" содержательно будет крайне ограничен и едва ли позволит по существенным признакам отличить либерализм от других идейных течений Современности. Что касается "метода пантсона", то он не отделим от субъективного произвола и случайности.

Содержательное же определение понятия "либерализм" есть выявление логики его истории и необходимой роли в ней тех или иных теоретиков и течений мысли. Эта логика, на мой взгляд, задается одной сущностной проблемой бытия человека в Новое время. Либерализм становится первой и осевой идеологией Современности, лишь "ухватив" данную проблему. Он претерпевает метаморфозы и "ветвится", когда пытается справиться с ней в разных ее исторических явлениях, а проваливаясь с ее решением, он порождает своих идейных оппонентов, которым передает не только свой интеллектуальный опыт, но даже на время культурную и политическую инициативу.

Осуществимость общественного порядка, общежития вообще, если в их основу кладется индивидуальная свобода, понимаемая как право (т.е. способность и возможность) человека *действовать по своему усмотрению* — это проблема. Неодинаковое отношение к тому, что входит в подобное усмотрение и чем оно определяется, каким оказывается соответствующий этому условию общественный порядок, как и многое другое, развертывающееся в конкретности данный ключевой вопрос, разделяло либералов с самого начала. Но при всех вариантах ответов именно индивидуальное усмотрение — высшее основание самоопределения человека относи-

тельно других людей и общественных институтов. В противоположность всей до-Современной (античной, средневековой и даже ренессансной) традиции за "исходную данность" при построении общества либерализм предложил взять не определенное — этически и политически — общество, лишь в качестве частицы и слепка с которого может быть свободен человек, и не качественно определенный тип человека с положенной совокупностью добродетелей и устремлений, а именно свободу индивида следовать собственному усмотрению.

Великая правда индивидуалистических посылок раннелиберальных теорий (неотрефлексированная самими их творцами) заключалась в том, что индивид, будучи, несомненно, продуктом общества, обретал свободу самоопределения по отношению к данному обществу. Само такое отношение *проблематизировалось* и получало статус действительности (при сколь угодно весомых предпосылках к этому) лишь через признание со стороны индивида. Поэтому и *методически*, и с точки зрения политического реализма, вдвойне настоящего в период становления структур Современности, когда инерция прежних институтов и ритуалов повседневности не обеспечивала автоматического признания общественных норм, ранние либералы обоснованно исходили из того, что субъект должен быть рассмотрен как свободное *частное лицо*, устанавливающее свое отношение к "обществу", а если донести их мысль до логического края (что и предложили теории общественного договора), — образующее само общество.

Это — методическое признание свободы частного лица как отправного пункта построения социально-политической теории образует линию, отграничивающую *семью либерализма* как от до-Современных концепций свободы (включая престолиберальные воззрения Нового времени, например Монтезя и Спинозы, по-разному обосновывавшие свободы совести и слова, веротерпимости и т.д. и вошедшие позднее важными элементами в либеральную идеологию), так и от консервативных и социалистических теорий.

Постановка проблемы возможности общественного порядка, основанного на свободе частных лиц, в качестве центральной темы либеральной мысли сама по себе не предполагает с необходимостью отождествления частного лица с "буржуа" — ни в позднейшем политэкономическом смысле персонификации капитала, ни в культурологическом смысле homo economicus (в бентамовской или зомбартовской его трактовках). Концептуальное преобразование частного лица в "буржуа" оказывается, во-первых, *результата-*

там сложной эволюции либеральной мысли, во-вторых, характеризует определенные (пусть в известные периоды доминирующие) тенденции такой эволюции. В содержание "общелиберального", т.е. логически и методологически необходимого для либерализма, понятия частного лица входит лишь то, что присущие данному субъекту цели и движущие силы деятельности "конечны" (в кантовско-гегелевском смысле "конечности"), не отражают в себе непосредственно и не совпадают с условиями и целями существования общественного целого, а также не ведут — без определенных опосредующих интересы и действия индивидов установлений и механизмов, которые надлежит исследовать и реализовать, — естественным образом к жизнеспособному сообществу людей.

Гоббсовский парадокс, заключающийся в том, что "естественные законы" как основа приемлемого общежития не есть законы "естественного состояния", в котором господствуют (в виде "войны всех против всех") непосредственные конечные интересы частных лиц, а есть, напротив, снятие этого состояния, представляет собой предельно выпуклую постановку того, что выше названо центральной проблемой либеральной политической философии, т.е. возможность общественного порядка при свободе индивида действовать по собственному усмотрению. Поэтому либерализм на его парадигмальном уровне (ранний в особенности) — это что угодно, но не "экономический либерализм", если под последним понимать не обоснование *laissez faire* в сфере собственно хозяйственной деятельности, а утверждение экономического *laissez faire* в качестве "базиса" всего общественного организма, принципа его существования, фиксированного политическими, правовыми, культурными и другими институтами и нормами общественного порядка. Это важно для понимания истории либеральной мысли, только из анализа которой можно вывести возникновение "экономического либерализма", уяснить меру его необходимости для эволюции либерализма в целом и роль в либеральном семействе.

В историко-философской литературе присутствуют различные способы классификации состава семьи либерализма и в зависимости от используемых критериев выстраиваются разные ряды. При применении нормативно-методологического критерия, связанного с представлениями о "природе" законов, норм и институтов общежития, допускающего и/или поощряющего свободу частного лица, а также о свойствах самого частного лица, способного налаживать общежитие в условиях своей свободы, выстраивается

ряд “естественно-правового”, “общественно-договорного”, утилитаристского, исторического (так или иначе следящего гегелевской традиции) типов либерализма. Возможна другая, использующая более прагматический критерий, классификация, которая ориентирована на характер, цели, меру интенсивности взаимодействия индивидов (включая коллективные формы их бытия) государства. В этом ряду окажутся либертарианство (с установкой на “минимальное государство”), социал-либерализм (предполагающий разные версии “кейнсианского” реформизма), национал-либерализм (исходящий из так или иначе понятой “субстанциальности” связей индивида и государства, поэтому возможный в революционно-радикальном, как у Мацини, и в консервативном, как у Ф.Листа, вариантах).

Предлагаемая мною типология, не подменяя собой и не отрицая возможность других способов классификации либерализмов, исходит из самостоятельного значения вопроса о том, *благодаря чему именно индивиды обладают или обретают способность устанавливать законы, нормы, институты общежития и действовать в соответствии с ними*¹⁰. Содержание данной проблемы не покрывается вопросами ни о том, что представляют собою означенные законы, нормы, институты, ни о том, *как* должны строиться отношения между публичными институтами и индивидами. Это объясняется двумя причинами. Во-первых, в самом исходном “обделительном” понимании свободы как действия по собственному усмотрению нет ничего, с необходимостью обязывающего индивида “принимать” даже благодетельные для свободы акты государства. Во-вторых, та методически признанная “первичность” свободы частного лица по отношению к общественному устройству, о которой речь шла выше, ставит государство в зависимость от способности и воли индивидов жить в общежитии, а не наоборот.

С позиции поставленного мною вопроса выделяются *три основных типа* политико-философских концепций либерализма, которые обозначу как “гносеологический”, “онтологический” и “технологический”.

Под этими терминами подразумеваются не особенности (логико-методологические, понятийные и т.п.) когнитивных процедур, посредством которых либеральный теоретик приходит к постижению того, благодаря чему индивиды получают способности устанавливать законы и прочее, а основной вид деятельности самих индивидов, благодаря которому они обретают эти способности.

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП включает в себя концепции либерализма, исходящие из того, что указанной деятельностью является *постижение* индивидами как частными лицами неких принципов (законмерностей, соотношений и т.п.), объективного мира или собственной “природы”, благодаря чему возникают или качественно развиваются способности и готовность индивидов к упорядоченной совместной жизни. Такие способности и готовность образуют у частных лиц как бы новое измерение их существования, представляющее собой практическую моральность.

Гносеологический тип либерализма характерен преимущественно для первого этапа его развития. К нему относятся различные во многих других существенных аспектах течения либеральной мысли, связанные с именами Гоббса, Локка, лидеров “шотландского просвещения”, Мандевиля... Концепции Руссо с данной точки зрения — апогей и излом этой традиции, необходимость ее самоотрицания.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП концепций либерализма подразумевает, что основной деятельностью, благодаря которой индивиды способны создавать институты общества и соответствовать им, является само *практическое взаимодействие* людей. Именно оно в силу присущей ему логики формирует у индивидов то, что называется гражданской ипостасью человеческого бытия. В отличие от “республиканской” традиции здесь частное лицо не только не подавляется гражданином, но выступает своего рода необходимым основанием, “снимаемым” в той полноте и полноценности существования человека, которыми он обладает в гражданской ипостаси.

Наиболее развернуто и радикально такая логика связи частного лица и гражданина представлена у Гегеля, а также в сохраняющихся в рамках либерализма ответвлениях гегелевской традиции (у Т.Х.Грина, Б.Кроче, в “затухающем” виде — в социал-либерализме конца прошлого — начале нашего века). Но в сущности та же логика — на иных методологических основаниях и в ином понятийном выражении — присутствует (в качестве проблемы связи частного и публичного измерений существования человека) у Т.Джефферсона, А. де Токвиля, Э.Дюркгейма... Слом онтологической логики гражданственности, перемещение политики в “технологическую” плоскость описывает в качестве трагической ситуации нашего времени (т.е. сформированного индустриального массового общества) М.Вебер.

Если теории гносеологического типа строятся в системе координат моральной философии, то теории онтологического типа уже

в силу присущей им (хотя и в разной степени) исторической методологии развиваются как социальная философия с тенденцией превращения в историческую социологию.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП концепций либерализма предполагает в качестве основной процессорно-манипулятивную деятельность, смыслом и назначением которой выступают регулирование и канализация конфликтов интересов частных лиц в приемлемые для "системы" направления и формы. Это достигается посредством артикуляции, агрегирования, а также трансляции данных конфликтов на уровень принятия решений и соответствующего распределения благ и ресурсов. Принципиальным отличием теорий этого типа от двух предыдущих является то, что политика вообще не рассматривается как производство (или развитие) в индивидуе некоторых новых — по сравнению с его ипостасью частного лица — качеств и способностей, делающих общезитие возможным. Напротив, политическая деятельность — это процессорная обработка тех свойств (или манипулирование теми свойствами), которыми индивид обладает именно как частное лицо. По гениальной в своем роде формуле Г.Лассуэлла политика есть процесс определения того, "кто получает что, когда и как" (и ничего сверх того). При этом могут делаться разные акценты: на артикуляцию, агрегирование и трансляцию частных интересов (их процессорную обработку), что характерно для "плюралистических теорий" демократии, опирающихся на ту или иную концепцию "групп интересов" (А.Бенгли, Д.Трумена и др.), либо на манипулирование этими интересами вплоть до их "фабрикации", что более присуще "элитарным теориям" демократии.

Соответственно трансформируется изначальная проблема либерального теоретизирования: она сводится не к тому, каким образом осуществим общественный порядок, если в основе его — индивидуальная свобода, а в том, как сохранять (или совершенствовать) общественный порядок, в основу которого уже заложена индивидуальная свобода. Разработка технологии такого сохранения и есть установка, делающая рассматриваемые теории "технологическими".

В качестве следующего элемента "исходной данности" теорий технологического типа берется определенная культурная модель человека как агента (актора) политического процесса. Такой моделью сочтен homo economicus, максимизатор полезности и оптимизатор связи целей и средств. Вместе с тем, он отличается от

индивида, действующего в теориях гносеологического или онтологического типов.

Настоящая попытка зафиксировать три важнейшие парадигмы (т.е. гносеологическую, онтологическую и технологическую) политической философии либерализма предпринята с двумя целями: именно они в известные эпохи создавали тот "эфир", в котором другие течения либеральной мысли обретали свое оформление и особое звучание, а главное — именно они, на мой взгляд, обладают в наше время потенциалами (при тех или иных модификациях) для определения генерального направления дальнейшего развития либерализма.

Существенно иную концепцию понимания либерализма обосновывает *А.А.Кара-Мурза*.

Для того, чтобы выделить некий инвариант либерализма на Западе и в России, констатировать, возможно, его кризисное состояние (о чем не перестают твердить его старые и новые критики), следует сначала определить и сформулировать *основной, глубинный вопрос* всей общественной мысли, на который либерализм как частное философское и политическое течение попытался дать свой, отличный от иных, ответ. Если этот "либеральный ответ" продолжает оставаться действенным — никакого кризиса нет. Если же общий вопрос "либерально" уже (а может быть, *еще*) не разрешается, тогда, действительно, есть смысл говорить о "кризисе либерализма".

Зачастую полагают, что вопрос, решением которого занимается либерализм, звучит так: "как возможен общественный порядок, если допущена свобода индивида?" Я бы сказал, что в этой формулировке (ее талантливым защитником является Б.Г.Капустин) смешаны и искомый универсальный вопрос всей политической мысли, и частный либеральный ответ на него. Попытаемся их разъединить.

Универсальный вопрос политической мысли (которым задается в том числе и либерализм), по моему мнению, таков: "*как возможен социальный порядок, если он в данный момент отсутствует или находится под угрозой?*" А собственно либеральный ответ на этот вопрос состоит в следующем: "Общественный порядок возможен тогда и постольку, когда и поскольку допущена свобода человеческой личности".

В критикуемой мной формуле Б.Г.Капустина меня также не удовлетворяет самая концовка, где речь идет о свободе некоего “индивида”. Здесь опасная неопределенность понятия “индивид” лишает нас возможности разобраться, идет ли речь не просто об “индивиде”, а о “человеческой личности” и даже вообще о “человеке”? А ведь именно в данном различении “индивида” (как частного, атомарного “существа”) и “личности” (т.е. по-либеральному социализированного продуктивного человека) — вся соль либерального ответа на вопрос возможности социального порядка. Смешение этих понятий — главная ловушка при реализации либеральной альтернативы.

Либеральный взгляд на проблему соотношения “хаоса” и “порядка” сформировался как один из ответов на классический вопрос Гоббса: «Если имеет место “война всех против всех”, то каким образом возможен социальный порядок?» Как известно, в английской политологической классике на этот вопрос были даны три принципиально разных ответа.

Первый из них — “реставрационный” — был дан Робертом Филмером в трактатах “Необходимость неограниченной королевской власти”, “Патриарх: защита естественной власти королей против неестественной власти народа”, в “Замечаниях” на “Политику” Аристотеля и “Левиафан” Гоббса и т.д. Позиция Филмера (во Франции ее аналогом можно считать концепцию “абсолютного суверенитета монарха” Ж.Бодена) состоит в следующем: если сегодня налицо кризис социальности, а вчера его не было, то нужно “вернуться во вчера” путем реставрации абсолютной власти полубожественного монарха.

Второй ответ на вопрос, «как из состояния “войны всех против всех” утвердить социальный порядок?», был дан самим Гоббсом. Если хаос естественно вытекает из животной природы человека (“человек человеку волк”), то усмирить “всобщее зверство” способен только “Искусственный Суперзверь” — “Государство-Левиафан”. Мне кажется (чуть ниже я скажу об этом), что “ответ Гоббса” собственно к либерализму отношения не имеет.

Наконец, *третий* ответ был дан Локком. Восстановление социального порядка из хаоса возможно при обеспечении частного автономного пространства каждой личности. Два других варианта (Филмера и Гоббса), по мнению Локка, не только не обеспечат социального порядка, но, напротив, спровоцируют еще больший беспорядок. Вот этот третий ответ и есть в общем виде суть либеральной альтернативы.

Вернемся, однако, к Гоббсу. Почему я не решаюсь причислить его теорию к “семейству либерализмов” и считаю, если и родственником, то очень дальним и скорее всего незаконнорожденным? Во-первых, гоббсовская интерпретация человека как “зверя” опасно легитимирует варваризованные формы индивидуальной самоочинности (как “наверху”, так и “внизу” общественной пирамиды), которые, я уверен, являлись и являются главным барьером на пути цивилизованного либерального обустройства любого общества, в том числе российского. Во-вторых, гоббсовский ответ на вопрос о форме организации социального порядка, т.е. конструирование им Левиафана как “Суперзверя”, нелиберален по существу, ибо “субъектом воления” здесь выступает не личность, а государство. Верно, конечно, что, согласно Гоббсу, первым актом всемогущего Левиафана должно стать разграничение социального поля на “коммунальные” и “приватные” пространства. В Англии с ее демократическими традициями подобный расчет был, возможно, оправдан. Иное дело в России: надежда на то, что Левиафан, выросший из русского варианта “войны всех против всех”, сразу же приступит к выгораживанию и защите автономных пространств, по наивности равна вере в ленинско-сталинский тезис о том, что государство при социализме будет постепенно отмирать по мере своего все большего развития. Могу предположить, что “подтягивание Гоббса к либерализму” призвано помочь объяснить (и оправдать) те государственноческие формы, в которых во многом развивался российский либерализм. Мне представляется (и я постараюсь это доказать), что подобную черту отечественного либерализма вполне можно объяснить и “без Гоббса”.

Сформулирую свой основной тезис: главный враг истинного либерализма — не консервативная реставрация, не “коммунальность” и даже не деспотизм. Его главный враг, как и у любых других цивилизованных проектов — варварство и хаос. Особенность либерализма в том, что имело в свободе личности, обеспеченной собственностью и правовыми гарантиями, он находит способ преодоления хаоса и варварства. Иные конкурирующие проекты нейтрализации “войны всех против всех” (монархическая реставрация, “Левиафан” и пр.), по мнению классического либерализма, не просто не приемлемы морально, но деструктивны практически и, следовательно, решениями проблемы общественного порядка считаться не могут. Я хочу, таким образом, подчеркнуть и обосновать принципиальное положение: либерализм пришел не как разрушительная и разъединяющая идея (“мол, давайте отдадим

свободу индивиду — пусть он даже “волк” по природе, — а там посмотрим, что будет), но как идея *социализирующая, стабилизирующая, спасающая цивилизацию* от “нового варварства”, идущего в том числе и от “старой власти”. Удержать социальность не властью тотальной государственности (она исторически исчерпала себя и сама стала источником беспорядка), а с помощью власти общества, предоставления личности автономного пространства и доминировании правового закона — вот главные тезисы либерализма.

Отсюда — сразу несколько важных выводов. *Первое*: архаичный социум, построенный на принципах нормативного распределения, вообще не нуждается ни в каком либерализме (речь как и в “свободе”, “демократии” и пр.). *Второе*: в динамично развивающемся обществе в ситуации, когда старые регуляторы перестают выполнять свои интегративные функции, либеральное решение, напротив, может оказаться единственно спасительным для социального порядка. *Третье*: либерализм, занесенный “извне”, из ограниченного контекста в контекст, где он объективно не нужен, часто вырождается в деструктивный индивидуализм, инспирируя общественный хаос. Наконец, *четвертое*: если порядок по старому уже не удерживается, попытки жесткой реставрационной “сборки” ведут к еще большему развалу; если “либеральная подстраховка” социально не подготовлена, то социум может оказаться бессильным перед натиском “нового варварства”.

Искушение самоочиной волей — важнейшая проблема, которую в полной мере учитывали классики европейской либеральной мысли. Скажу больше: значение и историческая работа либерализма всегда определялись не привлекательностью его моральных посылок, а реальной способностью нейтрализовать “новое варварство” как выплеск непродуктивного индивидуализма, направить автономную активность человека в социально конструктивное русло. Задачей либерализма стала, таким образом, не декларация свободы “индивида вообще”, а защита свободы личностей, достигших определенного уровня развития и доказавших (на основе выдвинутых либерализмом критериев) свой цивилизационный статус.

Вольтер, к примеру, был озабочен не только защитой прав просвещенной личности, но в неменьшей степени и проблемой нейтрализации разрушительного потенциала “непросвещенного варвара”, способного смести любые “пространства личной свободы”: “Атеист, бедный и свирепый, верящий в безнаказанность, будет дурак, если не убьет вас, чтобы присвоить ваши деньги. Чернь станет

ордой разбойников”¹¹. Для предотвращения такой перспективы либерализм был готов (во имя все тех же “приватных пространств личности”!) пойти на союз с государством и с религией (“если бы Бога не было, его следовало бы выдумать”).

Как известно, Вольтер был противником и широкой демократии, называл Ж.-Ж. Руссо “вольнодумцем с большой дороги” (именно за невнимание “качеству” тех индивидов, которых тот призывал на арену истории), полагал, что “на чернь надо надевать намордник, как на медведя”, и не желал “иметь чернь ни сторонником, ни противником”: “Мы легион доблестных рыцарей, защитников правды, которые допускают в свою среду только хорошо воспитанных людей”¹².

Либерализм, как видим, никогда не устранялся от решения главного вопроса всей политической мысли — “как не допустить варвара в политику?” Закономерна в связи с этим общая консервативная тональность классического либерального умонастроения, хорошо выраженная Монтескье: “Во времена невежества люди не ведают сомнений, даже когда твердят величайшее зло, а в эпоху просвещения они трепещут даже при совершении величайшего блага. Они чувствуют старое зло, видят средства к его исправлению, но вместе с тем видят и новое зло, проистекающее из этого исправления. Они сохраняют дурное из боязни худшего и довольствуются существующим благом, если сомневаются в возможности лучшего”¹³. Псевдолиберальный, не ведающий сомнений (“иного не дано!”) активизм, раздувающий антисоциальные вождельства индивида, Монтескье считал показателем предельного “невежества”.

В. Ф. Пустарнаков выделяет три источника и три составных части либерализма

От безбрежного “плюрализма” в толкованиях и определенных сущности либерализма впору закружиться голове. И все-таки даже беглого взгляда на уже имеющиеся определения (разумеется, приведена только часть их) достаточно для того, чтобы сказать, что не все обстоит так неопределенно. Элементы, как нам представляется, обновленного видения сущности либерализма просматриваются уже сквозь имеющиеся характеристики, оценки, описания и определения. Нужно только отсеять “все лишнее” и заново структурировать накопившиеся рациональные элементы в этих характеристи-

ках, сценках, описаниях и определениях. Прежде всего следует отказаться от нежелания давать определения. Трудно определять либерализм? А что определять легко? Трудно определять, но не невозможно. Если не определять либерализм теоретически, то нельзя узнавать его носителей практически. Скажем, слишком затянулась практика узнавания русских либералов на глазок. Трудно, разумеется, определять гетерогенное и меняющееся, эволюционирующее общественное явление, каким является либерализм. Но от этого понятие либерализма не становится бессмысленным. Изячно звучат высказывания о том, что либерализм — это не учение, не доктрина, а просто некое мироощущение, идейный и эмоциональный ландшафт, созвездие принципов и доводов разума. Но в таком случае состав “либерально чувствующих мир” окажется безбрежным, а соответственно история либерализма окажется просто невозможной. Было бы странно также руководствоваться тезисом о том, что либералом следует считать всякого, кто сам себя считает таковым или когда так называют современники.

Отсечем определения либерализма, отражающие его не главные признаки, черты, имеющиеся у других общественных и умственных направлений, а потому черты, отражающие суть либерализма излишне абстрактно, неопределенно, что не дает возможности отличать либерализм от других направлений мысли. Разве, скажем, только либерализм оказывается в оппозиции к “традициям” и существующим формам жизни; разве только либералы придерживаются свободомыслия, привержены свободе личности, желают большей свободы, свободных учреждений? Определение, описание должно концентрироваться на специфических чертах либерализма как общественного явления, и я в принципе согласен с теми исследователями, которые считают возможным вычленив из различных форм либерализма *инвариантное ядро*, выражающее его сущность. И в этой связи хотелось бы полемизировать с Б.Г.Капустиним предлагающим принципиально иной путь определения либерализма. Предложенный Б.Г.Капустиним метод вполне возможен для освоения либерального наследия с современной точки зрения, когда познающий субъект “вытаскивает” из мыслителей прошлого то, что в их учении объективно содержалось, но что они сами могли не сознавать. Но объективная историография либерализма не может не исходить из того, что либералы сами осознавали в своем учении, что считали главным, кого осуждали, кого приветствовали. И, думается, можно избежать нарочитого субъективизма и при определении состава “либеральной

семьи", и при определении, хотя и не абсолютного, но в определенной степени инвариантного ядра либеральной о учения.

Либерализм в развитых своих формах не в большей и не в меньшей степени, чем Просвещение, романтизм, консерватизм, демократизм, социализм и другие течения мысли, — внутренне связанная и структурированная, хотя и далеко не гомогенная система. Либерализм — это *теория, доктрина*, а не просто мироощущение; это также специфическое мировоззрение и идеология; это и определенная *социально-экономическая, политико-правовая концепция и культурная установка*.

У либерализма есть своя *философия, социология и этика*. Есть у него и своя практическая сфера. Другое дело, что как и всякое крупное общественное направление, либерализм прошел стадии своего генезиса, ряд последующих этапов развития и на каждом из этапов своего движения его содержание значительно менялось. Высказывалась мысль о том, что в XIX веке либерализм остановился в своем развитии. Писали о закате, конце либерализма, решившего свои исторические задачи. Опыт XX века показал, что либерализм оказался способным к компромиссам, к *развитию и совершенствованию*. Но гетерогенность, подвижность, изменчивость либерализма как общественного направления отнюдь не значит, что в нем нельзя выявить относительно инвариантное содержание, тот набор идей, который определял бы его сущность с учетом изменений, происходящих в истории либерализма.

Если говорить о *генезисе* либерализма, то я бы в первую очередь выступил против попыток начинать историю либерализма с древности. Русский дореволюционный историк В.В.Водовозов утверждал, что в словах Гемона, сына Креона, в "Антигоне" Софокла "выставлена целая либеральная теория общественного строя, а Прометей у Эсхила является олицетворением человеческого разума, протестующего против стеснений как религиозных, так и политических"¹⁴. Понятие "древний политический либерализм", использованное Водовозовым, если его понимать не как образное выражение, совершенно затуманивает действительный генезис либерализма. Поскольку совсем недавно мы могли прочесть утверждение на страницах одного из наших журналов, что Прометей был первым либералом, то приходится настаивать на неправомерности столь безбрежного понимания либерализма, как и многих других течений новой истории. Конечно, далекие корни либерализма уходят в античность. Но либерализм отнюдь не плод греко-римского мира, как утверждал В.В.Леонтович, а плод новой за-

паднсевропейской истории, эпохи капитализма, вступавшего в стадию своей относительной зрелости, а главное — в стадию сознания своей идеичности. Либерализм явился наиболее адекватным ответом на новую социально-политическую и экономическую реальность, связанную со сменой средневекового, феодального строя строем буржуазным, в значительной степени освободившимся от утопических форм своей идеологии, особенно идеологии Просвещения.

Мне представляются также бесосновательными попытки включать в историю либерализма великих деятелей Просвещения. Неверны утверждения о том, что “наиболее ярким, хотя и не крайним выразителем духа либерализма в XVIII в. был Вольтер”, что «в чисто политической области ярко либеральным является также “Esprit des lois” Монтескье и (в еще более узкой сфере) знаменитая книга Беккариа, а в области экономической “Богатство народов” Адама Смита» (В.В.Водовозов), что доктрины Локка, Юма, Вольтера, Монтескье, энциклопедистов, немецких просветителей без исключения проникнуты политическим либерализмом (А.Дживилегов).

Либерализм, конечно, пресметвенно связан с классическим Просвещением XVIII в. Достаточно сказать о принципе разделения властей, выработанном Локком и Монтескье и заимствованном впоследствии политическим либерализмом. Но включать на этом и подобных основаниях просветителей-классиков в число родоначальников либерализма было бы неверно. Общий строй просветительского мировоззрения, просветительских политических и экономических доктрин, его принципы, несущие конструкции, качественно отличаются от строя, мировоззрения, принципов, конструкций, доктрин либеральных. Заимствованные либералами у просветителей-классиков идеи — это идеи лишь потенциально либеральные, протолиберальные.

Протолиберальный, а не непосредственно либеральный характер носит сформулированный физиократами (и воспринятый затем Адамом Смитом) знаменитый принцип *laissez-faire, laissez-passer*, ставший в XIX в. главной формулой либеральной экономической политики.

Одну из главных трудностей в понимании генезиса либерализма я усматриваю в том, что составные части его доктрины — то, что получило название *политического либерализма, экономического либерализма, философского либерализма* — формировались порознь и первоначально сочетались с нелиберальными по сути ти-

пами мысли. Принцип экономического либерализма ведет свое непосредственное происхождение от учения физиократов, которое, будучи протолиберальным в сфере экономики, было весьма консервативным в сфере политики. Политический либерализм возник во Франции же в конце XVIII в. в момент, когда была сформулирована идея умеренной, цензовой конституции, противостоявшей как абсолютизму ("роялизму"), так и демократии. Зрелый же, классический западноевропейский либерализм стал оформляться лишь тогда, когда, ранее существовавшие отдельно, экономический либерализм и политический либерализм соединились.

Есть работы, в которых утверждается, что сначала сформировались, еще в эпоху Просвещения, общефилософские основы либерализма, которые были дополнены затем экономической и политической частями учения. Другие авторы начинают историю либерализма с либерализма политического. Если четко разграничивать этап протолиберализма и стадию зрелого, классического либерализма, то убедительнее, на наш взгляд, аргументы авторов, которые зрелый либерализм связывают с политической деятельностью Б.Констана, возглавлявшего либералов-парламентариев во Франции (о котором историк Лабулю сказал, что он останется еще на долгое время живейшим выражением французского либерализма), а также с социально-философскими трудами *И.Бентама* и политико-экономическим учением *манчестерской школы*, ставшим основой классического английского либерализма (Р.Кобден, Д.Брайт).

По аналогии с одной очень известной работой очень известного автора можно было бы сказать, что у либерализма есть *три основных источника и три основные составные части*: западноевропейский экономический либерализм непосредственно вырастает из протолиберального экономического учения французских физиократов и политической экономии Адама Смита; политический либерализм — из прошедших дезутопизацию общечеловеческих по форме, надклассовых, но объективно буржуазных политических концепций Просвещения, нашедших выражение во французских конституциях конца XVIII в. и в первую очередь в Декларации прав человека и гражданина, в которых либерализм и демократизм существовали еще слитно. Философский либерализм берет свое начало из рационализма, эмпиризма и индуктивизма французской и английской просветительской философии XVIII в. Кому не нравятся понятия "три источника" и "три составные части" я бы предложил альтернативный вариант: экономический,

политический и философский либерализм — это три основных ипостаси, три измерения одного целого.

Можно ли в классическом либерализме выявить какую-то одну главную ведущую идею? Мне кажется, что эту идею сформулировал Бенжамен Констан. Звучит она так: “Свобода во всем: в религии, в философии, в литературе, в промышленности, в политике”. В афористической форме Б.Констан сформулировал идею связи либерализма философского, экономического и политического. Нигде, кроме как в классическом либерализме, такого сочетания нет.

На что хотелось бы обратить внимание в этих формах либерализма, имея в виду перспективу обсуждения в дальнейшем проблем истории русского либерализма. Начну с либерализма экономического.

Хотя идущий от физиократов принцип *laissez faire, laissez passer*, взятый на вооружение либералами XIX в., в наиболее демонстративной форме проявился в торговой сфере как принцип свободной торговли, свободного обмена, так что сторонники экономического либерализма получили название не только фритредеров (*free trade* — свободная торговля) и либр-эшапжистов (*libre échange* — свободный обмен), этот принцип имеет не только чисто экономическое, но и более широкое социальное содержание. “Манчестерцы” (Кобден, Брайт) пропагандировали не только свободную торговлю, особенно хлебом, но и “свободу труда”, свободную игру экономических сил, свободную конкуренцию, выступая против всякого фабричного законодательства и любого вмешательства государства в экономическую сферу. По сути дела, принцип *laissez faire, laissez passer* или *libre échange* означал, что либералы-классики выступали противниками модели регламентированной, регулируемой, “искусственной” экономики, выступали *анти-дирижистами*. Не будем забывать, что в момент своего возникновения принцип *laissez faire, laissez passer* противостоял кольбертизму, т.е. политике французского правительства меркантилиста Ж.Б.Кольбера (1619–1693), всматривавшегося в развитие промышленности, пытавшегося ее регулировать, направлять.

У родоначальников *laissez faire, laissez passer* — физиократов, их протолиберальный принцип вполне уживался с политическим консерватизмом. Физиократу Тюрго приписывают характерный лозунг: “Дайте мне пять лет деспотизма и Франция будет свободна”.

В классическом же либерализме либерализм экономический тесно связан с либерализмом политическим. Уже экономист Адам

Смит отнес государя со всеми его чиновниками и армией к непродуцибельным рабочим и тем самым поставил под вопрос их политический и социальный статус. Английские фритредеры, пропагандируя свободную торговлю, стремились ослабить политическое влияние земельной аристократии. Так что зрелый экономический либерализм получил вполне определенную политическую окраску. Отсюда следствия: поскольку грань между классическим экономическим либерализмом и его физиократическим прототипом трудно уловима, оказалось возможным распространение в Европе XIX в., в России в том числе, экономического либерализма, в превращенной форме, вне прямой его связи с либерализмом политическим.

Из существа экономического либерализма, особенно из манчестерской идеи "свободы труда" и из активного сопротивления либералов от Б.Констана до манчестерцев всякому фабричному законодательству, вытекает очень характерная черта классического либерализма — его *антисоциальная* установка. Это означало неприятие либералами-классиками не только любых социалистических систем, но и равнодушие к социальной сфере вообще. У некоторых симпатизирующих нынешнему неолиберализму зарубежных историков, живущих в странах с социально ориентированным рыночным хозяйством, зубную боль вызывают некоторые идеи таких представителей классического либерализма, как Рикардо и Мальтус. Мне встречались такие выражения, как "неаутентичность" и даже "псевдолиберализм" Рикардо и Мальтуса. В чем здесь дело?

Относительно Рикардо напомним только о его идее удержания минимальной заработной платы на уровне физического выживания рабочего. А о направленности мальтузианства достаточно красноречиво говорят его идеи о необходимости нравственного самообуздания масс, что, между прочим, включает в себя даже воздержание от брака и сохранение целомудрия... И несмотря на все это либералы классического периода поддерживали Мальтуса, ибо усматривали в его теории заботу о дорогом для любого либерала рынке труда и способ избежания излишнего давления народонаселения на этот рынок. Ради справедливости нужно, правда, сказать, что субъективно Мальтус не был "кровожадным", он тоже думал об улучшении положения рабочего класса, на котором, как он считал, покоится все общество, об увеличении счастья низших классов, но предложенные им методы были восприняты как желание поддержать реакционеров и крупных собственников. Учение Мальтуса вызвало нравственное возмущение не только в Западной Европе,

но и в России. В России Мальтуса иногда относили даже к тори, хотя он был вигом. И тем не менее не будем забывать, что мальтузианство — это часть истории либерализма его классического периода, отражающая и выражающая первоначальное равнодушие либералов к социальной сфере.

Настаивая на антисоциализме и антисоциальности классического либерализма, я не хочу сказать, что у него не было никаких рациональных идей относительно социального устройства общества. По крайней мере одна фундаментальная социальная идея изначально присуща либерализму: принципу единства средневекового феодального общества, связанному жесткими рамками религии и доходящей до деспотизма и, если хотите, до тоталитаризма государственной властью, либерализм противопоставил идею *социального разнообразия*, прообраза нынешней идеи плюрализма.

Теперь несколько слов о политическом либерализме. Поздний П. Струве утверждал, что либерализм в его чистом виде вообще не ставит прямо вопрос о государственном устройстве. Все это разительно противоречит теориям либералов и реальной исторической практике на протяжении примерно двух столетий. Если пойти за Струве, то историю либерализма пришлось бы просто зачеркнуть и забыть. Ведь изначально либерализм немислим без конституционных устремлений. Как раз первыми либералами называли тех, кто выступал поборником конституции и конституционных свобод. Идея конституционного политического строя заняла столь важное место в доктрине классического либерализма, что возникали даже предложения заменить термин “либерализм”, как вроде бы неясный, “более четким” термином конституционализм (К. Фрёлх). Другое дело, что конституционализм бывает разный (аристократический, буржуазно-демократический и т.д.) и очень важно выявить специфические черты именно *либерального конституционализма*.

В сфере политико-конституционной классический либерализм — это в первую очередь *антилегитимизм*, т.е. отрицание теории, утверждающей историческое право монархов Западной Европы быть носителями государственного суверенитета и занимать троны по праву рождения. Отрицая абсолютную монархию, либералы-классики встали на точку зрения суверенитета не королей, а “нации” (в политическом, а не этническом смысле этого слова). По идеалу либеральной конституции король царствует, но не управляет; но не правит и народ и его представители, а правят министры, представляющие элиту “нации”. По представлениям либе-

ралов, выборы в национальный парламент должны были служить фильтром, который является препятствием для установления диктатуры народного большинства.

Политический либерализм — это отрицание абсолютизма королей, но и *непризнание демократии, суверенитета народа*. Классический либеральный конституционализм основан на имущественном цензе, на отрицании всеобщего избирательного права, равенства избирательных прав. Справедлив поэтому в принципе тезис историка либерализма М.Фридена: “Если понимать под демократией правление всего народа, выражающего свою суверенную волю голосованием, то либералы почти до середины XIX века не были демократами”¹⁵.

Надо только иметь в виду, что с момента формирования классического либерализма в нем возникли левое, более радикальное, и правое, более консервативное “крылья”. Либералы радикального оттенка оказались готовыми идти на союз с демократами во время американской и французской революций конца XVIII в. (кстати сказать, это дает основание отвергнуть концепцию В.В.Леонтовича, который, вопреки реальному историческому опыту, настоящим либерализмом считает только либерализм консервативный. Такой либерализм действительно существовал, но были и другие формы, в том числе либерализм радикальный!).

Классический либеральный конституционализм — это прежде всего учение о сведении к минимуму *политической роли государства* в обществе. По удачному выражению Лассаля, либеральная буржуазия представляет себе государство только в виде “ночного сторожа”, гарантирующего ему порядок и свободное пользование частной собственностью. В классическом либерализме вмешательство политической власти ограничивается только определенными задачами по регулированию и защите индивидуальных действий (полиция, правосудие, оборона). Цель государства — охрана свободы отдельной личности, ее политических индивидуальных прав, в первую очередь права на свободную промышленную деятельность и на неприкосновенность частной собственности. Либералы исходили из мысли о том, что никакое государство не имеет права делать все, не может иметь неограниченных полномочий. Б.Констан писал даже о необходимости триумфа личности над любой властью, в том числе демократической, желающей управлять авторитарно: “Под свободой, — говорил он, — я разумею торжество личности как над авторитетом, который вздумал бы управлять с помощью деспотизма, так и над массами, которые присво-

или себе право подчинять меньшинство большинству. Деспотизм не имеет никаких прав. Большинство имеет право принуждать меньшинство уважать порядок; но все, что не нарушает порядка, — что относится к внутреннему миру, как, например, мнения, — что при обнаружении этого мнения, не вредит другому, ... — что, в промышленности, предоставляет возможность свободного соперничества, — есть дело личное и не может быть подчинено законным образом власти”.

В либеральном конституционализме самое государство поставлено под контроль *права*, которое гарантирует личности ее неотчуждаемые права и свободы, в число которых входит и право собственности как гарантия политической свободы личности.

В отличие от демократов классические либералы смотрели на парламентскую систему и право с индивидуалистической точки зрения, полагая, что любая политическая система имеет целью сохранение естественных и неотчуждаемых индивидуальных прав и свобод, а не групповых, коллективных, общенародных или общенациональных. В этом смысле либерализм изначально против всемогущества даже закона и права. Если демократия выражается в правах большинства, либерализм не подчиняет прав отдельных лиц коллективной силе, коллективной воле, если при этом нарушается индивидуалистический социальный порядок.

Одну из главных гарантий соблюдения индивидуальных прав и свобод либерализм классического периода усмотрел в идее политической *децентрализации* власти, в принципе *разделения властей*, по смыслу которого предотвращение главной угрозы, исходящей от централизованного бюрократического административного аппарата усматривается в национальном парламенте, причем законодательный орган рассматривается как главный орган либерального конституционного строя.

В число специфических, сущностных признаков классического либерализма входит его *антиконсерватизм*. В момент формирования классического либерализма консерватизм опирался главным образом на земельную аристократию и вообще на крупных землевладельцев. Но важно вспомнить и другое: либерализму противостояло также консервативное крыло буржуазии. Поразительно, по факту: в число ярких приверженцев буржуазного политического консерватизма входил основоположник позитивизма, явно либерального философского учения, Отто фон Конт. В политической доктрине О. Конта не было уже королевского деспотизма, но не предусматривалось ни представительного органа, ни свободы лич-

ности. Власть в обществе предполагалась авторитарная, состоящая из двух ветвей: власть духовная, осуществляемая философами-гозитивистами, управляющими сферой воспитания, дающими советы, и власть светская, возглавляемая аристократами-капиталистами при участии купцов, фабрикантов, агрономов. О таком противостоящем классическому буржуазному либерализму буржуазном консерватизме хотелось бы напомнить ради простого тезиса: буржуазная мысль XIX в. отнюдь не сводилась только к либерализму. Особенно это важно будет иметь в виду применительно к истории либерализма в России, где в силу общей неразвитости ее общественных отношений гораздо "почвеннее" был консерватизм, в том числе консерватизм буржуазный, а не либерализм.

Следует назвать еще одну существенную черту классического либерализма — его *наднациональный* характер, *космополитизм* в традиционном, а не вульгарном, как принято было у нас в 40-е, сталинско-жdanовские годы, смысле.

Поскольку в нашей дискуссии поднят вопрос о философии русского либерализма, стоит вспомнить о том, как обстоит дело с философией в западноевропейском либерализме его классического периода.

В литературе не раз уже поднимался вопрос о *философском либерализме* и о *либеральной философии*. Упоминавшийся уже В.Водовозов выводил философский либерализм, как и политический либерализм, из древности, полагая, что "философским либерализмом в древности запечатлены учения многих школ, значительно отступавших от начал господствующей религии"¹⁶. В новое время, продолжает он, "развитие абсолютизма направило либерализм в сторону чисто и явно политическую, хотя рядом с этим, ввиду тесных связей абсолютизма с различными церквями, в том числе и протестантскими, значение либерализма в философии не только не прекратилось, но даже усилилось"¹⁷. Но насколько правомерно вообще говорить о философском либерализме применительно к периоду классического политического и экономического либерализма?

Вспомним еще раз формулу Б.Констана о свободе во всем: "в религии, в философии, в литературе, в промышленности, в политике". Философский либерализм эта формула предполагает. И К.Маркс не случайно называл Б.Констана "либеральным философствующим французом". А если мы вспомним еще и о том, что одним из основоположников английского классического либерализма является И.Бенгам, то вопрос о философском либерализме и либе-

ральной философии еще более прояснится. Ведь именно Бентам подвел под экономический и политический либерализм индивидуалистическую философско-этическую базу. По мысли Бентама, общество составляет простую сумму стремящихся к личному благу и удовлетворению личных интересов автономных индивидуумов — эгоистов. Из личных взаимоотношений на основе взаимной выгоды сложится внутренняя гармония их интересов, которая свяжет индивидов в одно общественное целое; государство и общество выступают в таком случае искусственными институтами, созданными ради индивидов. Этический принцип Бентама — наибольшее счастье наибольшего количества людей — выражал идею идеально совершенной безопасности собственника, охраняемого государством. Внешним признаком того, что понятия философский либерализм, либеральная философия не являются просто образными выражениями, является и то, что одним из столпов классического английского либерализма является Д.С. Милль, вклад которого в мировую философскую культуру бесспорен.

В России начала XX в. связь политического либерализма с философией представлялась столь очевидной, что возникла даже неверная формула: *“Либерализм есть философская доктрина, коего политическая программа осуществляется в новейших западноевропейских формах конституционного режима”*¹⁸.

Но самое возникновение такой неверной формулы есть некий знак того, что существует прямая связь либерализма и философии.

Говорю я об этих, казалось бы, элементарных вещах потому, что уже на протяжении нескольких последних лет слышу время от времени высказывания о том, что никакой либеральной философии вообще нет. Между тем уже в классический период западноевропейского либерализма принципы экономического и политического либерализма покоились на определенных философских основаниях. На политико-экономическую сферу было распространено определенное понимание общих закономерностей в природе, в первую очередь принцип “естественно”, стихийно устанавливающегося и сохраняющегося по закону тяготения равновесия физических сил. Классический экономический либерализм также исходил из мысли о том, что экономика управляется законом равновесия, действующего непрерывно, автоматически, с непреодолимой силой. Либералы-классики предлагали поэтому предоставить производство самому себе, не вмешиваться в него, полагая, что в нем “естественный” порядок установится сам собой, как вследствие закона тяготения устанавливается равновесие в мире физическом. Фило-

софские послышки, которые легли в основание экономического и политического либерализма классического периода, положили начало либеральной философии, которую можно было бы назвать *философией стихийности, спонтанности*. Со временем философская проблематика у либеральных мыслителей расширилась за счет заимствований из эмпирических, индуктивистских и позитивистских доктрин, которые поставили либеральные философии между консервативным религиозным догматизмом и спекулятивными метафизическими системами, с одной стороны, и радикальными материалистическими концепциями, с другой. Подобно тому, как политический и экономический либерализм оказались между политико-экономическим консерватизмом и радикализмом, философии либерализма локализовались между философским консерватизмом и философским радикализмом.

Для нашей дискуссии по проблемам истории русского либерализма очень важной точкой отсчета должна явиться не только классическая модель западноевропейского либерализма, но его последующие формы. Прежде всего речь идет о сменившем классический *новом, постклассическом либерализме*.

В том виде, в каком классический либерализм оформился в первой половине XIX века, он просуществовал недолго, хотя отдельные его идеологи продолжали встречаться на протяжении всего XIX века. Классический либерализм стал преобразовываться в нескольких направлениях: во-первых, по пути социализации, отказа от изначального равнодушия к социальной сфере; во-вторых, по пути демократизации, связанному прежде всего с отказом от цензового избирательного права и принятия принципа всеобщего равного избирательного права; в-третьих, по пути "этизации", отказа от *laissez-faire, laissez-passer*-изма, т.е. фритредерства-манчестерства в сторону "рационального" протекционизма и опоры на государство во всех сферах жизни общества, но во имя либеральных идеалов; в-четвертых, по пути национализации, т.е. отказа от изначального космополитизма; и, в-пятых, по пути модернизации философских, социологических и этических оснований либерализма.

Тенденцию к социализации либерализма отчетливо выразил уже труд Джона Стюарта Милля "Основания политической экономии и некоторые приложения их к социальной философии" (1848). Некоторые отечественные авторы относят Милля к теоретикам классического либерализма, другие же считают его связующим звеном между старым и новым либерализмом. Один из

представителей нового, постклассического либерализма Л.Гобхауз считает, что Милль заполнил промежуток между старым и новым либерализмом.

Новый либерализм в Западной Европе связывают прежде всего с именами профессора Оксфордского университета Т.Х.Грина (1836–1882) и его последователей — Л.Т.Гобхауза, Д.А.Гобсона (1858–1940) и, наконец, Д.М.Кейнса (1883–1946). В логику развития постклассического либерализма вписываются и такие течения, как катедер-социализм (государственный социализм).

Самое название книги Милля говорит о появлении у либералов темы социальной роли либерализма и социального реформаторства. Одной из исходных стала при этом мысль: человек не может быть свободным в нищете. Отсюда возникла возможность не только противостояния, но и диалога либерализма с реформаторскими силами, демократами и социалистами, синтеза традиционных либеральных, сугубо индивидуалистических ценностей с принципами демократическими и социалистическими. Уже Милль внес в классическую либеральную политическую экономико-проблему распределения продуктов производства во имя задачи достижения счастья для всех, тогда как А.Смит сосредоточивался только на законах производства.

Особенно радикальные изменения в либерализме, обусловившие его перерастание из классической в постклассическую, связаны с *пересмотром роли государства* в экономической и социальной сфере, с отказом от принципов *laissez-faire, laissez-passer*, фригредерства, либр-эпанжизма и с принятием принципа "рационального" протекционизма. Я уже говорил, что принцип *laissez-faire, laissez-passer* — это не только принцип торговой политики, но образное выражение определенной модели организации общества в духе философии естественной спонтанности. Принцип протекционизма, тоже будучи принципом в первую очередь торговой политики, символизирует другую "искусственную", "дирижистскую" модель организации регламентируемого, регулируемого общества. Полемизуя с фригредерами, английские протекционисты середины XIX в. апеллировали к вечному принципу равенства, на котором, мол, только и может процветать человеческая свобода, доказывали, что народное счастье несравненно важнее, чем народное богатство, неравномерно распределенное; что лучше сто человек будут жить безбедно, чем один роскошно, что высокая заработная плата гораздо важнее, чем прибыль и т.д. Протекционизм стал выражением идеи "отеческого управления"

(paternal government), регулирующего, регламентирующего жизнь общества в противоположность либеральному "естественному" обществу спонтанности. Уже в момент столкновения фритредеров и протекционистов выявились некоторые весьма непривлекательные и опасные черты общества, которое последовательно реализовало бы принципы протекционизма. Выяснилось, например, что за английскими протекционистами стояла консервативная земельная аристократия, тогда как за фритредерами главным образом прогрессивная промышленная буржуазия. Острые либеральные языки приписывали протекционистам стремление инспектировать и регулировать почти все: предписывать каждому его занятия, часы труда, заработную плату, прибыль, цены, что покупать, что продавать и как делить продукты; они доказывали, что принцип "отеческого управления", доведенный до крайних пределов, превратил бы общество в громадный детский питомник, в котором все члены рассматривались бы как младенцы, которым указывают, что они должны делать, говорить или думать, чтобы не навредить себе. Но те привлекательные идеи, которые выдвигали протекционисты в полемике с фритредерами-либер-эшанжистами, также как давление со стороны демократов, социалистов, моралистов-альтруистов и других течений, побуждали первых либералов пересматривать бывшие эгоистически-индивидуалистические, антидирижистские принципы классического либерализма.

Поскольку в теориях и демократов, и социалистов, и протекционистов просматривались не только привлекательные, но и опасные черты, то не все либералы спешили отказываться от антидирижистского принципа классического периода. Так сопротивление новому либерализму оказывал Г.Спенсер, отстаивавший старую либеральную идею индивидуальной свободы, противопоставленную государственному покровительству и регулированию.

Для нашей дискуссии по проблемам истории либерализма в России история противостояния фритредеров и протекционистов особенно важна в одном отношении: сейчас есть опасность связать все разумное, гуманное, ценное, прогрессивное, что несла с собой в России XIX в. буржуазная мысль, только с либерализмом. Это было бы искажением исторической правды. Речь идет не только о том, чтобы не перечеркивать историю русского социализма и демократизма, но и о том, чтобы адекватно оценить роль нелиберальных, консервативных направлений русской буржуазной мысли, а также отечественной постклассической либеральной мысли, отказавшейся от *laissez-faire, laissez-passer*-изма, от фритредерства и либер-эшан-

жизма и в их изна-альной форме, воспринявшей вместе с “рациональньм” протекционизмом модернизированную модель “отеческого управления”, покоящуюся на идее покровительствующей, регламентирующей и регулирующей роли государства во имя либеральных идеалов.

Переход от старого, классического, к новому, постклассическому, либерализму связан также с тем, что в 40–х годах XIX века космополитизм классического либерализма вызвал консервативную реакцию в буржуазной мысли. Так немецкий политэконом Фридрих Лист открыто заявил, что характернейшим явлением созданной им политэкономической системы является национализм. Но и классическая либеральная идеология не устояла перед напором национализма. Лидеры либеральных партий стали доказывать, что их либеральная партия — это национальная партия, партия национальной защиты, партия патриотизма. Когда мы будем говорить об оформлении в России направления национал-либералов, нужно будет вспомнить, что “национализация” либерализма — одна из общих закономерностей при переходе от старого, классического, к новому, постклассическому, либерализму.

Существо изменений, происшедших в либерализме при переходе от старого к новому либерализму хорошо выразил Дж. Дьюи в своей книге “Либерализм и социальное действие” (1935), отрывки из которой недавно опубликованы у нас. Два фрагмента из Дьюи: «В целом же политика либерализма в последнее время была нацелена на продвижение “социального законодательства”, т.е. таких мер, которые к прежним функциям правительства добавляют осуществление им социальных услуг. Важность этого добавления не следует недооценивать. Оно знаменует решительный отход от либерализма *laissez faire* и имеет существенное значение, просвещая мысль общества относительно возможностей организованного социального контроля. Оно способствовало разработке определенной методики, которая в любом случае потребует при обобществленной экономике. Но дело либерализма надолго окажется в проигрыше, если он не будет готов пойти дальше и обобществить ныне имеющиеся производительные силы, с тем чтобы сама структура экономического уклада служила опорой для свободы индивидов”; “Поскольку высвобождение способностей индивидов для свободного и самостоятельного самовыражения есть важнейшая составная часть кредо либерализма, то либерализм, если он искренен, должен иметь волю к обладанию средствами, которыми обусловлено достижение его целей. Жесткая регламентация материальных

и механических сил — единственный способ, каким массы индивидов могут освободиться от регламентации и последующего подавления их культурных возможностей. Либерализм пришел в упадок потому, что не принял во внимание тех имеющихся альтернатив и не избрал тех средств, от которых зависит осуществление провозглашаемых им целей. Либерализм лишь в том случае останется верен своим идеалам, если двинется в направлении, ведущим к их достижению. Существование представления, будто бы организованный общественный контроль за экономическими силами несовместим с историческими путями либерализма, подтверждает, что прогрессу либерализма продолжают мешать пережитки эпохи *laissez faire* с ее противопоставлением общества и индивида. Концепция, утверждающая, что цели свободы и развития индивидуальности исключают использование организованного общественного усилия в качестве средства, расхолаживает либералов и парализует их усилия. Прежний либерализм рассматривал самостоятельную и конкурентную экономическую деятельность индивидов в качестве средства к достижению общественного благосостояния как цели. Нам надлежит сменить эту перспективу на обратную и увидеть, что общественная экономика есть средство обеспечить свободное развитие индивида как цель»¹⁹.

Переход от старого к новому либерализму обуславливался и сопровождался также модернизацией либеральных философских принципов. Прежде всего это коснулось социальной философии и этики. В отличие от сугубо эгоистической, индивидуалистической и атомарной концепции общества, предложенной Бенгхамом, получили распространение концепции, согласно которым общество — не сумма разрозненных частей, а органическое целое; человек — не независимый атом, а часть социального организма; человек не обязательно должен быть эгоистом, но может быть альтруистом. Не вдаваясь в дальнейшее рассмотрение проблемы «философия-либерализм» при переходе от старого к новому либерализму, сделаю одну только заявку на последующее обсуждение проблемы «философия и русский либерализм»: какой-то одной либеральной философии никогда не было и нет; но нельзя вместе с тем говорить о том, что вообще нет никакой либеральной философии; есть несколько либеральных философий, выступавших на разных этапах развития либерализма и у разных его представителей абстрактно-теоретическим, спекулятивным способом обоснования основных политических и экономических либеральных принципов.

Современный неоклассический либерализм я затрону походя, акцентировав лишь одну мысль: новые подвижки в либерализме произошли прежде всего в сфере либерализма экономического, в связи с ролью государства в экономике. Современный неоклассический либерализм получил новое дыхание в связи с экономическим кризисом 1974 г., который дал возможность раскритиковать “новый либерализм”, особенно в его кейнсианской форме, поскольку, мол, ответственность за кризис несет государство со своим вмешательством в экономику. Поэтому появились призывы возвратиться к принципам классического либерализма, в том числе из чикагской группы экономистов, на которых ориентируются некоторые наши нынешние либералы. В контексте наших дискуссий по истории русского либерализма современный неоклассический либерализм особенно интересен в одном отношении: на его примере, равно как на примере перехода от старого классического к новому, постклассическому видно, что наиболее острые кризисные моменты в истории либерализма связаны не столько с либерализмом политическим, сколько с либерализмом экономическим, с проблемой роли государства в социально-экономической жизни общества. И историю либерализма в России воспроизвести адекватно невозможно, если мы не приглядимся повнимательнее, как эта проблема стояла в нашей стране.

Сказанное о западноевропейском либерализме — это, разумеется, идеализированная схема. Но, как нам представляется, эта схема отражает действительные, наиболее существенные черты западноевропейской модели либерализма и направлений его эволюции и может служить своеобразным масштабom, точкой отсчета для оценки процессов, протекавших в русском либерализме.

III. ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ

НАЧИНАЕТСЯ ЛИ ИСТОРИЯ РУССКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА В ЭПОХУ ЕКАТЕРИНЫ II

Ранний либерализм или политика либеральной фразы?

“Екатерина — защитница дворянских интересов. В начале царствования она либеральничает, носится с идеями просветительской философии, собирает в 1767 г. депутатов от всех сословий (конечно, кроме крепостных крестьян) в комиссию по составлению нового уложения (собрания законов), пишет для нее свой наказ, но распускает его до срока, испугавшись развернувшейся в ней классовой борьбы и попытки ограничить ее самодержавную власть. Начавшееся разложение крепостнических отношений, вызвавшее усиление барщины и крепостного гнета, привело к росту крестьянских восстаний. Крупнейшее из них — пугачевщина... — вскоре уничтожает весь показной либерализм Екатерины” (МСЭ. Т. 3. М., 1929. Ст. 92).

“Первые проявления русского либерализма могут быть отнесены еще к концу 18 в. (масонство, литературная деятельность Новикова, сатирические журналы). Этому раннему либерализму уже тогда противостоял демократизм Радищева, ...ставшего жертвой жестоких репрессий Екатерины II, испугавшейся французской революции 18 в.” (БСЭ. Изд. 1. Т. 36. М., 1938. Ст. 749).

“Планы реформ Екатерины... основаны на принципах западноевропейского либерализма, прежде всего на идеях Монтескье” (Леонтович В.В. История либерализма в России. С. 27).

«Расцвет “просвещенного абсолютизма” в России относится к 50–60–м годам XVIII в. Несмотря на либеральные фразы и демагогические приемы самодержцев социальная природа самодержавия

при "просвещенном абсолютизме" оставалась дворянской» (Всемирная история. Т. V. М., 1958. С. 649).

"В 60-е годы Екатерина II прикрывала дворянскую сущность своей политики либеральной фразой (что характерно для т.н. "просвещенного абсолютизма")" (*Рубинштейн Н.Л. Екатерина II // БСЭ. Изд. 3. Т. 9. М., 1972. С. 75*).

«"Наказ" Екатерины изобилует "либеральными" фразами, доказывавшими необходимость в России самодержавия» (История СССР. С древнейших времен до 1861 г. Учебник для студентов ист. фак. и пед. вузов. Изд. 5. М., 1983. С. 396).

Л.И.Новикова и И.Н.Сиземская начинают историю либерализма в России - эпохи Екатерины II

Либерализм пришел в Россию в облике просвещенного абсолютизма. Его первым пропагандистом стала императрица Екатерина II, в записках которой еще до воцарения на престол имеются признания, ученически воспроизводящие принципы французского либерализма: "Свобода — душа всего на свете, без тебя все мертво. Хочу повиноваться законам, но не рабам; хочу общей цели — сделать счастливыми (подданных), но вовсе не свосравия, не чудачества, не жестокости, которые не совместимы с ней"²⁰. Эти идеи позже легли в основу "Наказа", написанного Екатериной для членов специальной комиссии по уложению законов²¹. По сути дела, "Наказ" представляет собой изложение широкой либеральной программы, касающейся всех сфер общественной жизнедеятельности, начиная от семьи и кончая экономикой, для которой Екатериной был сформулирован главный принцип либерализма — "не запрещать и не принуждать".

"Наказ" открывал двери в Россию либеральным идеям Европейского Просвещения. И хотя он не имел юридической силы, день издания "Наказа", по мнению одного из его исследователей, стал днем вступления русских в европейскую жизнь, днем приобщения к европейской цивилизации.

С "легкой руки" императрицы либерально-просветительские идеалы стали предметом публичного обсуждения в печати, в салонах, в кружках. Радикальное развитие они получили в трудах А.Н.Радищева, прежде всего в его "Путешествии из Петербурга в

Москву". Формально теоретические положения этой книги вполне вписывались в парадигму европейского либерализма в его радикальном руссоистском варианте. Но в отличие от императрицы Радичев ввел в русский либерализм новый источник — "проклятый русский вопрос" о крепостном состоянии крестьян. В творчестве Радичева русский либерализм обрел черты достаточно последовательного социально-политического учения.

**Более скептически оценивает первые семена либерализма,
давшие всходы на русской почве
в екатерининскую эпоху,
*В. И. Прзенский***

Идеи либерализма, зародившиеся в западноевропейской политической действительности, будучи перенесенными на российскую почву, начиная с XVIII в., дают себя знать в отдельных высказываниях, в отдельных политических шагах отечественных государственных деятелей. Эти идеи отрывочны, несистематизированы и, более того, "приспособлены" к российской действительности. Они, даже в своих крайних выражениях, не смеют противопоставить что-либо существенно серьезное принципам абсолютной монархии.

Причина этого заключается в том, что своих собственных корней в России либерализм тогда не имел. Даже в среде самых прогрессивно мыслящих людей того времени идеи свободы имели совершенно неопределенный, расплывчатый и абстрактный характер. Они еще не достигли той степени конкретности, когда уже можно было бы говорить о понимании значения личных свобод в политическом развитии общества и, тем более, еще не вставала во всей своей определенности проблема строго узаконенных прав личности. Здесь я полностью солидарен с В.В.Леонтовичем, который утверждает: "Либерализм — творение западноевропейской культуры", что корни либерализма "в России... отсутствовали", что "и идеологически и практически русский либерализм в общем был склонен к тому, чтобы получать и перенимать от других, извне"²². Аргументация В.В.Леонтовича сводится к тому, что двумя главными источниками либерализма были феодальная система (в данном случае имеется в виду определенное равновесие между королевской властью и феодальной аристократией) и независимость духовных властей от светских в Средние века. А, как известно, именно эти

факторы были совершенно не свойственны для России: княжеская и боярская аристократия были политически разгромлены, а православная церковь почти никогда не вмешивалась в светскую жизнь, по крайней мере так активно и целенаправленно, как это происходило на Западе.

Таким образом, первые семена либерализма, давшие всходы на русской почве, начиная со второй половины XVIII в., имели западноевропейское происхождение и в новой для себя обстановке не могли сразу же привести к возникновению целостного и жизненного либерального мировоззрения. Только отдельные отблески либеральных мыслей, их отражения, притом часто преломленные, находили себе место в русской общественной жизни. Эти слабые и по большей части еще неясные, теоретически неосмысленные идеи можно найти даже в эссеях Екатерины II.

**В глазах И. Ф. Худушиной уровень и характер “либерализма”
Екатерины определяется ее политикой в отношении к
третьему сословию, свертыванием статуса свободного
гражданина, дефицитом правосознания русского
общества**

В литературе по истории либерализма в России расхожей стала мысль о том, что слабость российского либерализма предопределялась в первую очередь неразвитостью “третьего сословия”. И это побуждает еще раз обратиться к вопросу о том, почему это сословие оказалось в России неразвитым. В этой связи я хотела бы обратить внимание на правительственную политику по отношению к третьему сословию, акцентировав тот факт, что временами российские правительства содействовали его развитию, а временами препятствовали.

Как интенсивно XIX век размышлял об исторической роли русского дворянства, так и XVIII в. уделял не меньшее внимание проблеме среднего, или третьего, сословия. Именно так, а не наоборот. Этот парадокс отражает наиболее характерную черту в развитии общественного самосознания XVIII в.

Русский XVIII век, неожиданно для себя окунувшись в реалии чужой культуры и политики, поначалу невинным образом пытался их попросту присвоить, потому так непринужденно и в правительстве, и в обществе обсуждались проблемы права, государства, свободы, среднего сословия. Таково было свойство века Просвеще-

ния, это входило в усвоенный образ мысли просвещенного общества, считалось до поры едва ли не хорошим тоном. Но то, что это было еще чужое, что достижения культуры и уровень политического сознания невозможно пережить в одиночасье, в XVIII в. еще не видели. Ведь ничтоже сумняшеся, Екатерина II заявила в "Наказе": "Россия есть Европейская держава", так как в пору преобразований Петра российские "нравы и климат сходствовали" с европейскими. Соответственно в России должно быть и среднее сословие.

Петр I, справедливо соотнося успехи западной цивилизации с деловитой активностью среднего сословия, решил учредить оное и в России, надеясь на то, что в нашем отечестве природная его предприимчивость принесет свои положительные результаты. Это вовсе не означало перехода к принципиально новой социальной политике, напротив, Петр устремленно шел к усилению и законному оформлению абсолютизма, что не исключало, но явно противоречило бы государственной политике либерализации социально-экономических отношений, подчеркнем, сверху. Петр просто преодолел сословно-классовые предрассудки в отношении к человеку, ценя в нем прежде всего его способности. Попавшие же в фавор счастливицы по заслугам получали чины и звания. Так потенциально среднее сословие было укрощено дворянскими привилегиями и даже положило начало "новой аристократии".

Наследники Петра дали ход начатой им инициативе пестования российского третьего сословия. Созданный при Елизавете Петровне Московский университет также исходил из сословной терпимости — в XVIII в. из его стен некоторое время выходила разночинная интеллигенция, пока Екатерина II не положила этому конец.

В данном случае речь идет о, используя выражение В.И. Приленского, либеральных тенденциях в политической практике, точнее, в социально-экономической и политической сферах. Именно там, в практической реальности, прежде, нежели в общественно-политической мысли, замечаются первые, неосознанно-либеральные действия власти и только власти. Отчего же либеральные? Положим, у Петра, да и у Елизаветы Петровны и мысли подобной не было. К переменам толкали размышления о государственной пользе, подкрепленные бесспорными преимуществами Европы. Но эти преимущества связывались в том числе и с существованием "среднего рода людей". Для Европы средний класс — это как родимое пятно, как некий символ — назови, и он потянет за собой цепь признаков, коими некоторые высокоразвитые страны уже

могли гордиться: свобода, предпринимательство, личная инициатива, гражданские права, права личности и т.д. (Для России же таким словом-символом было крепостное право). Занимаясь проблемой среднего сословия в России, русские цари невольно потянули и узел "либеральной проблематики".

Имеет ли это какое-нибудь отношение к либерализму? В строгом смысле нет. Это скорее предыстория вопроса, изучение которого показывает, что в России еще долго не знали правильного перевода с "европейского" языка слова "свобода".

Свободное состояние в России связывалось с представителями свободных профессий, как бы мы сказали, с интеллигенцией, купечеством и экономически свободным мелким производителем-предпринимателем. Это отражено в "Наказе" Екатерины. Статьи 380 и 381 главы XVI, названной "О среднем роде людей", гласили: "К сему роду причесть должно всех тех, кои не быв дворянином, ни хлебопашцем, упражняются в художествах, в науках, в мореплавании, в торговле, в ремеслах. А также выходяцы из училищ и воспитательных домов". Высочайшее учреждение "свободного" сословия не могло дать и не давало ожидаемых результатов. Земля оставалась либо государственной, либо помещичьей собственностью, также как и промышленные предприятия, на которых использовался труд крепостных рабочих. Среднее сословие как будто бы и было, но в то же время (в европейском понимании) его и не было.

В царствование Екатерины II русское общество, действительно, приближается к политической проблематике, в том числе и к либеральным идеям, естественно, почерпнутым из западноевропейской литературы. Речь идет о самых первых эпизодах в истории бытования либеральных идей в России, что опять-таки имеет весьма далекое отношение к либерализму — такового как стрелецкое идейного течения еще не было, даже если прописывались и реферировались отдельные его вопросы. И не только в "Наказе". Вот что, например, писал в авторском переводе "Сокращение о вольности французского дворянства и о пользе третьего чина" Д.И.Фонвизин в начале 60-х гг.: "Всякая держава, в коей не находится третьего чина, есть несовершенна, сколь бы она ни сильна была. Рабский страх бывает там вместо ободрения; строгость, которую благородные производят, есть недействительна, потому что нет иных побудительных причин"²³. Речь шла о преимуществах экономической заинтересованности, ибо народ "не может иметь любочестия". Под последним Фонвизин имел в виду тиетность ожидания от крепостного сознательного отношения к труду.

Тогда, в начале 60-х гг. XVIII в., создание среднего класса казалось не таким уж трудным делом: постепенно освободить крестьян, дать вольную купцам, художникам, — предлагал Фонвизин и это совпадало, как будто бы, с планами вечноюсной императрицы. Только что взошедшая на престол просвещенная императрица не скрывала своих либеральных взглядов, в том числе и на понимание экономического превосходства вольнонаемного труда, преимуществ конкуренции, монополизации и т.п. Екатерина намеревалась расширить слой средних людей в России, укрепить это сословие, а в дальнейшем, по мере естественного вымирания крепостных, и вовсе создать в России общество свободных, или просто свободное общество. Изменить Екатерина собиралась многое, кроме одного — Россия останется самодержавным государством, ибо “всякое другое правление не только было бы России вредно, но и в конец разорительно”. Правда, такой исход, а именно гражданский строй в самодержавном государстве, предусмотрен в теории консервативного либерализма. Банально, но все упиралось в крепостное право, правда, в XVIII в. так вопрос еще не стоял.

Речи о вреде рабства постоянно звучали в правительственных и околоправительственных кругах в царствование Екатерины. Но крепостническая проблема не решалась; напротив, при Екатерине II система крепостничества достигла своего апогея, и это — свидетельство того, что тогда крепостное право не представляло сколько-нибудь реальной угрозы самодержавию. С другой стороны, крепостническая проблема постоянно обсуждалась в плане поисков компромиссных решений, что, в свою очередь, свидетельствовало о том, что российские императоры очевидные преимущества экономического развития Запада справедливо соотносили с экономической свободой предпринимателя, обладателя частной собственности, образующего слой среднего сословия. В 1765 г. русский посланник во Франции Д.А. Голлицын писал отцу: “Позвольте мне обратить ваше внимание на то, какое удивительное действие неизменно производит право собственности на землю; на него должно смотреть как на истинное основание, как на прочный фундамент благосостояния государства”.

Модные либеральные идеи, вычитанные из модных французских книг, обсуждались в обществе, сама французская реальность подтверждала правильность этих идей, претворение которых в русской жизни сулило как будто бы те же выгоды государству. Именно государству. Либеральные идеи, или проекты в духе либеральной политики, в XVIII в. в России рассматривались и обсуждались не с

точки зрения прав человека, не с точки зрения свободы человека, а с точки зрения государственной пользы. Энергетическое ядро либерализма — индивидуализм — остался за пределами российского восприятия либеральных идей и либеральной практики. А если это так, то о собственно либерализме в России XVIII в. говорить не приходится.

Исходя из интересов самодержавия, Екатерина II уже в 70-е гг. демонстрирует охлаждение к “среднему роду людей”, перекрывает доступ в университет различному элементу, переходит к политике “одворянивания” студенческого состава. Возможно, политика “консервации” среднего сословия была вызвана тем, что Екатерина, не видя пути обосновать гражданский строй на среднем сословии в силу слабого развития городов, решила обосновать его на дворянстве. Таково мнение В.В.Леонтовича²⁴.

По логике Леонтовича, Екатерина в стремлении укрепить в России гражданский строй предпочла в качестве его главной опоры дворянство, не видя за средним сословием и эрического будущего. В подтверждении своей версии Леонтович ссылался на историка русского права К.Зайцева, который логику действий Екатерины обосновывал тем, что роль свободного гражданина, на Западе представленную горожанином, в России играла фигура дворянина, “по которому равнялись все остальные в общем процессе уравнения и освобождения”²⁵. Однако могла ли Екатерина не видеть принципиальной неравноценности замены в переложении определенной исторической роли со среднего сословия на дворянство?

Проследившая логику действий императрицы, мы приходим к выводу, что она последовательно стремилась отвести опасность, угрожавшую самодержавной монархии с распространением среднего сословия. Ставя на дворянство, она пренебрегала хорошо известным ей фактором экономически выгодного свободного труда, так как за экономическую выгоду пришлось бы платить правовым оформлением гражданских свобод. При этом, по ее собственному признанию доктору Циммерману, Екатерина II “в душе всегда была отменной республиканкою”. Впрочем, подобные душевные богатства были свойственны многим русским консерваторам.

Стремление укрепить самодержавную власть двигало политикой любого монарха, исходившего из презумпции богоданности и священности своей власти, что уже исключало возможность разделения ее с кем-либо. Таково традиционное понимание православной государственности. Для пользы отечества годились достиже-

ния любой иной формы государственности, если они не противоречит основному принципу — абсолютному единодержавию, которое плохо уживалось с законом. А за средним сословием с необходимостью шло право, и Екатерине II это было хорошо известно.

Итак, Екатерина II перекрывает возможные пути пополнения среднего сословия, как бы забывает о своих обещаниях, если не освободить крестьян, то по крайней мере прекратить процесс закрепощения, но при этом она не останавливается в своих намерениях способствовать расширению статуса свободного гражданина в России. Кто же первым удостоился в России этой чести? Дворянство. Заметим, единственное сословие в России, в среде которого вынашивались планы обуздания, конституционного ограничения самодержавия, единственное сословие, в среде которого формировалась оппозиция верховной власти. Не тем ли дальновидным желанием развести дворянство и политику, подкупить дворянство, объясняется появление в 1785 г. Жалованной Грамоты дворянству с ее привилегиями. По силе нейтрализующего действия на дворянство Жалованная Грамота не уступала Табели о рангах. По сути, Екатерина удовлетворила требования верховников, представленные в 1730 г. Анне Иоанновне в отношении права частной собственности. Таким образом, в конце XVIII в. дворянство получило гражданские права личной безопасности и частной собственности, что как будто бы привело к установлению собственно свободного сословия, или гражданского строя, но в отношении только дворянства. На пути же формирования настоящего "третьего сословия" возник новый барьер.

Об отсутствии собственно либерализма в России XVIII в. свидетельствуют и тогдашние неудачные попытки конституционного ограничения самодержавия.

Самодержавие, ставшее в последней трети XVIII в. прекрасно организованной политической силой, складывалось в политической борьбе с дворянской оппозицией, представленной тогда главным образом дворянской аристократией — родовитым дворянством и высшей сановной бюрократией. Дворянская аристократия вплоть до конца первой трети XIX в. выступала единственной силой, способной обеспечить в перспективе политические права обществу. На деле это означало бы движение к ограничению абсолютной власти монарха введением представительного органа, имевшего бы определенную степень независимости.

Таким образом, дворянская оппозиционность начиналась с требования конституции, с осознания необходимости правового

определения власти монарха, консолидировалась в борьбе за политические права. Требования некоторых гражданских прав были выдвинуты верховниками, но, как известно, Анна Иоанновна даже не стала их обсуждать. (Напомним, что во всех случаях речь идет о правах только для дворянства). Да и что это за гражданские права, если верховная власть надзаконна?

Первым, кто осмелился было очертить границы монаршей власти, причем явно либеральной императрицы, был Никита Иванович Панин, участвовавший в возведении Екатерины II на престол. Вскоре после переворота он предоставил ей проект Манифеста, который предполагал учреждение Императорского совета, по сути, законодательного органа. Оспаривать решения монарха и Императорского совета мог Сенат. Екатерина оказалась умнее императрицы Анны в том смысле, что не создала прецедента для общественного обсуждения проекта Манифеста. 28 декабря 1762 г. она подписала Манифест, но ходу ему не дала — отложила и забыла. Отметим одну особенность российской политической интриги: и верховники, и Н.Панин (а потом и декабристы) ограниченные абсолютной власти монарха видели как добровольный акт обладателя этой власти.

Высказывания в либеральном духе Екатерины II и наследника престола Павла, весьма робкие попытки заявить о либеральных требованиях в среде высшего дворянства и полнейшая лояльность режиму во всех остальных сословиях, — такова либеральная картина конца XVIII в. в России. Не претендуя на участие в политической жизни государства, дворянство, очевидно, не ощущало своего политического бесправия. Во-первых, по отношению к часто плохо образованному и дикому в своих правах помещику дворянству, разбросанному по всея империи, не приходится говорить о высоком уровне самосознания. Во-вторых, у дворянства были основания для того, чтобы довольствоваться своей судьбой: право личной безопасности и, главное, частной собственности, данные Жалованной Грамотой, действительно приближали дворянство к гражданскому состоянию, что в немалой степени снимало напряженность политического бесправия.

Значение установления хотя бы некоторых из основных гражданских прав огромно само по себе: оно приближало Россию к правовой государственности, способствовало развитию либеральных отношений в рамках существовавшего строя. В этом плане совершенно правомерно рассматривать “Наказ” и “Жалованную Грамоту” Екатерины как начальные этапы становления гражд-

данственности в России. В.В.Леонтович так и утверждает, что при Екатерине произошла "частичная замена крепостного строя гражданским", распространение которого на иные социальные слои, составляло сознательную задачу русского правительства. Грудно судить, насколько юридически правомерен "гражданский строй исключительно в отношении дворянства"²⁶, но кажется все же, что в российской действительности данная ситуация не выглядела столь оптимистично. В начале 80-х гг. Денис Фонвизин, несколько не обманываясь просвещенным тоном императрицы, сказал, что Россия — это "государство, где люди составляют собственность людей, где каждый, следовательно, может быть навсегда или тиран, или жертва"²⁷.

Ко второй половине 70-х гг., т.е. после пугачевской войны, консервативно-охранительная направленность политики Екатерины II стала очевидной. И вот тогда наши первые оппозиционеры-либералы с надеждой взглянули на наследника, Павла Петровича. Теперь ему посвящают конституционные проекты и дидактические рассуждения в либеральном духе его наставники, Д.Фонвизин и братья Панины. В 1778 г. великий князь Павел Петрович свободу называл "первым сокровищем всякого человека", но для судеб либерализма в России это заявление ровным счетом ничего не значит. Однако члены панинского заговора, они же наставники великого князя, не могли не воспрять духом. Воспряли и принялись за правовое просвещение наследника.

К началу 80-х гг. относится записка Д.И.Фонвизина "Рассуждение о непременных государственных законах" (мыслилась как вступление к конституционным проектам братьев Паниных), призванная внушить будущему императору мысль о недопустимости произвола. Конституционные бумаги панинского круга, относящиеся к истории права и правосознания в России, дают наглядную картину переходного, по сути дела, еще далеко долиберального состояния общества. В общественном сознании одновременно бытовали традиционные понятия о главенствующей роли устоев, нравов, обычаев, теологическое обоснование светской власти и в то же время понятия естественного права и общественного договора — превозвестники раннебуржуазного права. В основном же общество мыслило традиционно, во внеправовых понятиях. Роль закона выполняли нрав, т.е. "пределы здравого рассудка", совесть и Бог. Так начинала Манифест Екатерина II: "Самовластие, необузданное добрыми и человеколюбивыми качествами, в государе, владеющем самодержавно, есть такое зло, которое многим пагубным след-

ствиям бывает причиною". Вступая на престол, Екатерина обещала ограничить законом свою власть, но закон в устах Екатерины, по сути, оказался данью требованиям века Просвещения, условностью. Жизнь мыслилась и строилась по традиционным понятиям, причем эти подмены не осознавались современниками. В документах новой, правовой постановке вопроса сопутствовал традиционный способ его разрешения.

Так и Фонвизин, рассуждая о "правах его величества" ограничил их, во-первых, "властью здравого рассудка", во-вторых, тем, что государь есть "подобие Бога, преемник на земле высшей его власти", следовательно, государь не может нарушить "правила непреложные, основанные на общем благе, не перестав быть достойным государем". Последний довод о необходимости ограничения власти основывался на теории общественного договора. При нарушении договора с народом власть становится незаконной, ибо "ставит себя выше всех законов естественного правосудия". Тогда нация вправе вернуть свою свободу — "никто не был вправе отнимать у ней свободы"²⁸. Таким образом, "Рассуждения" Фонвизина содержат чрезвычайно серьезное заявление.

Общественный договор, утверждавший принцип вторичности верховной власти по сравнению с волей народа, был рубежом в развитии европейского общества. Со стороны самодержавия можно было ожидать реакции не меньшей, чем на книгу Радищева, если не более суровой, так как это было высказано не в беллетристической форме, а в политическом документе, предназначенном наследнику. Однако реакции не было никакой. Положения теории общественного договора, старательно переписанные с западноевропейских источников, в XVIII в. не имели никакого общественно-политического резонанса. Причем подобные шлудии в различных формах предельно не один Фонвизин. Знакомство с раннебуржуазными западными теориями будило отечественную мысль, что нашло отражение в целой серии работ так называемых русских просветителей.

Только общество не увидело в этих трудах своих выгод, а самодержавие не усмотрело грозившей ему опасности. Хотя общество и помнило подробности воцарения Романовых и в этой связи не могло не видеть определенной и очевидной логики в притязаниях на выполнение условий общественного договора, но все же, сильный только традицией, принцип богоданности власти русского царя в общественном сознании брал верх. От таких установок не освобождаются в одночасье, даже с приходом к власти про-

священной императрицы. Еще и века не прошло, как Россия перешагнула свой рубеж средневековья, только в силу этого она не могла адекватно воспринимать просветительские теории — плод довольно развитой буржуазной культуры сознания. В XVIII в. просвещенное общество России лишь постигало азы теорий политического развития общества. Частный случай Д.И.Фонвизина является тому примером.

Понимая, что в России нет еще условий для подобных “преимуществ, коими наслаждаются благоустроенные европейские народы”, ибо в России нет твердого законодательства, он предлагал ввести “законы непреложные”, гарантирующие безопасность, достоинство и собственность граждан, но под “гражданами” Фонвизин имел в виду дворянство и среднее сословие, что было совершенно типично для прогрессивно мыслящей русской интеллигенции конца XVIII — начала XIX вв. Так что в грозном “возвратить свободу нации” Фонвизина заключалось требование личной свободы дворянству и горожанам, но отнюдь не подавляющему большинству “нации”.

Екатерина II держала под присмотром весь панинский заговор, отставкой его лидера дав понять, что терпение ее кончилось. Сама же императрица всей своей деятельностью демонстрировала искусство совмещать признание на словах принципов либерализма с незыблемостью устоев самодержавия. В этом была, безусловно, и уловка умной женщины, но все же в значительной степени таково было органическое восприятие действительности. Краткий эпизод конца ее царствования является тому ярким примером.

События Французской революции поставили правительство Екатерины перед проблемой прав человека почти в европейском ее звучании. Как вспоминал впоследствии секретарь императрицы А.В.Храповицкий, известие о принятии королем конституции вызвало у Екатерины “приметную досаду”, но узнав о казни короля, “ее величество слегла в постель, и больна, и печальна”²⁹. В тот же день “был оборот к собственному ее правлению с вопросом у меня, — вспомнил Храповицкий, — о соблюдении прав каждого”. Напуганная императрица высматривала возможности компромисса на путях “соблюдения прав каждого”. Знаменателен ответ вельможи о напрасном беспокойстве императрицы, ибо права и привилегии дворянству “пожалованы и утверждены”³⁰. Екатерина спрашивала о “правах каждого”, но окружавшие слышали о привилегиях для себя, притом все выходило довольно. Оставалось только подписать указ Сенату о разрыве политических отношений

с Францией с тем, чтобы впредь та не путала наши внутренние дела. Этот курьер свидетельствовал об огромном жизненном потенциале самодержавия, о довольных еще резервах власти, о том, что до реального решения вопроса о правах русское общество было еще очень далеко.

Однако Екатерина совершенно верно уловила угрожающий стабильности самодержавия смысл требования прав человека и активнейшим образом включилась в борьбу против Франции, провозгласившей "Декларацию прав человека и гражданина", которую она так неосмотрительно позволила напечатать в "Санкт-Петербургских ведомостях". "Ослабление монархической власти во Франции. — заявила Екатерина, — подвергает опасности все другие монархии. Безначалие есть злейший бич, особливо, когда действует под личиною свободы, сего обманчивого призрака народов"³¹.

Политика либерального консерватизма Екатерины II и традиционный взгляд на природу самодержавия, присущий в основном обществу, тем не менее не только не снимали, но с годами обостряли проблему законного ограничения верховной власти, если к ней обращались крупнейшие сановники государства.

В ряду так называемых "придворных" проектов особенный интерес вызывает записка князя А.А.Безбородко "О потребностях империи Российской" (1799). О записке стало известно после смерти автора, а ее умеренность позволяет говорить о том, что она отражает идеи государственного деятеля, в некотором упорядочении власти видевшего залог ее долготлетия. Безбородко никак не отнесся к оппозиции. Это был крупнейший вельможа, пользовавшийся большим доверием как Екатерины II, так и, что случалось редко, Павла I. Сторонник "беспредельного" самодержавия, он тем не менее определенно высказывался за необходимость строго придерживаться закона. "Государь самодержавный чувствовать должен, что власть дана ему беспредельная не для того, чтобы управлять делами по прихотям, но чтоб держать в почтении и исполнении законы предков своих и самим им установленные; словом, изрекши закон свой, он, так сказать, сам первый его чтит и ему повинуются, дабы другие и помыслить не смели, что они от того уклониться или избежать могут"³².

В отношении сословной политики Безбородко выражал мнение, типичное для дворянства. Он считал, что сословные права-привилегии не требовало никаких дополнительных законов, так как права дворян и мещан ("общие выгоды") обозначены в

Жалованной Грамоте, “но что принадлежит до поселян, то состояние их требует поправления. Боже сохрани, — уточнял канцлер, — чтобы я тут разумел какую-либо излишнюю вольность, которая под сим невинным названием обращалась бы в своеволие и подавала повод к притязанию на какое-либо равенство всеобщее или суще химерическое”³³. “Поправление” положения поселян заключалось в необходимости урегулировать крестьянские повинности, не более. Безбородко не без основания считал, что “наши нижние классы” застрахованы от такого “умственного разврата”, как “французское мнимое равенство”, ибо в России “каждый из меньшего предпочитал лично добиваться большего. Отпускаемый на волю крестьянин или казенный поселянин старается быть купцом, а разбогатевший купец — чиновником или дворянином. Полезно сии желания оставить в их силе, но затруднять событие их”, — резюмировал мудрый канцлер³⁴.

Безбородко чрезвычайно точно схватил тенденцию, характерную для XVIII в. (и еще в большей степени для первой половины XIX в.) — стремление даже потенциально буржуазных слоев (свободных, казенных крестьян, купцов, мещан) жить по-феодальному: “русская буржуазия” в то время была поставлена в такие условия, когда ее материальное преуспевание зависело от деятельности небуржуазного характера.

Представители низшего сословия, как правило, в одиночку добивались решения своих интересов — и немудрено, так как процент крестьян, способных откупиться, был чрезвычайно мал, а дальше в фортунах крестьянина, ремесленника, купца первую роль играл имущественный ценз, при достижении заветного уровня маячил “классный чин”, дворянство, и тогда уже вступало в действие развращающее влияние Табели о рангах. Только сознание возможности выбиться в люди делало человека послушным орудием бюрократической машины, повязывало возможную социальную энергию бюрократической моралью, парализовывало тот мятежный дух третьего сословия, который в Европе, объединяя массы, был сильнейшим источником социальных движений.

Только, привычно сетуя на дефицит правосознания русского общества, не следует возможные причины тому выводить из менталитета русских. Россия в XVIII в. оставалась еще традиционным обществом, только приступившим к философскому, теоретико-политическому осмыслению проблемы прав человека. В этом процессе оно столкнулось с уже развитым правом западноевропейских государств, основанном на признании собственных, неотъемлемых

прав человека, но применить уже имевшееся право к себе русское общество еще не могло, так как за редким, единичным исключением не воспринимало принципа всеобщего равенства людей. Потому право заменял закон, а права свободных граждан, по сути, были лишь сословными привилегиями.

Сословная же политика правительства была такова, что сплошь и рядом расставляла ловушки и формировавшемуся правосознанию русского общества, и зарождающему в России собственно либеральных идей.

**В.Ф.Пустарнаков обосновывает мысль о том,
что применительно к екатерининской эпохе
можно говорить лишь о протолиберализме**

Сразу возникает вопрос: в каком смысле употребляется понятие "либерализм", "либеральный" применительно к эпохе Екатерины II? Если в безбрежно-расширительном, в духе, скажем, высказываний о Прометее как первом либерале, то тогда можно много наговорить о екатерининском либерализме. Можно говорить о либерализме Екатерины, если просветителей XVIII в. включать в состав "либеральной семьи". Поскольку, по моим представлениям, ни Прометей, ни просветители либералами не были, то и о либерализме в точном смысле этого понятия говорить не приходится. О чем же можно сказать?

Можно начать разговор об экономическом протолиберализме в политике Екатерины II, поскольку эта политика использовала принцип физиократов *laissez faire, laissez passer*. В доказательство екатерининского либерализма В.В.Леонтович приводит цитаты из екатерининского рассуждения о мануфактурах, например: "Нету ничею опаснее, как захотеть на все сделать регламенты"; "не запрещать и не принуждать"; "Не мешайте ему (предпринимателю) и не сделайте много учреждений". В том же духе написан указ 1775 г. о свободе промышленной деятельности, основное содержание которого сводится к тезису: "Общее заключение по части сельского хозяйства и промышленности: основанием всех действий правительства, к предметам сим относящимся, было точное соблюдение принятого им общего правила, чтобы промышленность оставлять сколь можно более свободному ее движению, и чтобы, не вмешиваясь в частные ее обороты, поддерживать только ход ее

поощрениями, пособиями и удалением препятствий на путь, се встречаться могущих”³⁵.

Но следует вспомнить и о другом: что на практике означало “поддерживать”, “поощрять”, “удалять препятствия”. В 1764 г. Екатерина создает под личным “монаршим ведением” “комиссию о коммерции” для распространения Российской коммерции и размножения фабрик, мануфактур и заводов наряду с существовавшей с петровских времен Коммерц-коллегией. По представлению “Комиссии о коммерции”, коммерц-коллегии, губернаторов и т.д. Правительствующий сенат издавал множество указов, касающихся промышленности и торговли, в которых прямо указывалось, что и как покупать или продавать, где и что строить. Если екатерининские тарифы 1764 и 1782 гг. носили частью осторожно “фригредерский”, частью умеренно протекционистский характер, то после революции 1789 г. Екатерина ввела запретительный тариф 1793 г., который положил конец ее бывшим утилитарным мероприятиям, занимающим формы физиократической политики *laissez faire, laissez passer*. Одним словом, Екатерининская теория и практика управления экономикой лишь по видимости напоминает модель либеральной экономики. По сути, эта кольбертистская, “дирижистская” теория и практика с настоящей либеральной экономической моделью ничего общего не имеет.

Да и о каком настоящем либерализме в России екатерининской эпохи может идти речь, если даже в Западной Европе либерализм конституировался в отдельное направление лишь в 20-х годах XIX в. В экономической науке во времена Екатерины правили бал предшественники А.Смита физиократы, один из которых, популяризатор теории Кенэ, Мерсье де ла Ривьер (1720–1794) побывал, между прочим, в России и беседовал с самой Екатериной II. И что же? Императрица осталась недовольна якобы менторским тоном французского физиократа, и он быстренько отправился восвояси.

Идеи Смита еще только начали проникать в Россию во времена Екатерины II. В 1762 г. в Глазговском университете лекции А.Смита слушали русские студенты С.Е.Десницкий и И.А.Третьяков. Десницкий собирался перевести работу Смита “Теория нравственных чувств”, но не успел. Некоторое влияние идей Смита чувствуется в работе И.А.Третьякова “Рассуждения о причинах изобилия и медлительного обогащения государства”, но до освоения принципов смитовианства было еще далеко.

О политическом либерализме при Екатерине тоже говорить не приходится. Политический либерализм — это в первую очередь

конституционализм, причем в его специфической, отличной от аристократического и демократического конституционализма, форме. Объявлять же либеральными любые меры по расширению сферы права, содействовавшие гражданской свободе, религиозной терпимости, как это делал, скажем, В.В.Леонтович, значит затумаживать суть дела.

Впрочем, дело не только в Леонтовиче. Расширительных концепций либерализма придерживаются многие авторы, пишущие о России, и уже потому, что под либерализмом они понимают, скажем, всякое ограничение политической власти законами и представительными институтами (как это делает, например, Р.Пайпс), они начинают историю русского либерализма с очень ранних веков. Согласно Пайпсу, русская традиция либерализма фактически столь же древняя, как и традиция самодержавная. Как только русская монархия заявила о своей претензии на абсолютную и неделимую власть, с этого же момента она столкнулась с индивидами и группами, которые настаивали, что у них на это нет никакого права³⁶. При такой методологической установке в эпоху Екатерины II можно набрать множество "фактов" в пользу так понимаемого либерализма.

Но, с другой стороны, нельзя говорить и о том, что в эпоху Екатерины дело сводилось к "либеральной" фразе.

Начиная с Петра I, с концом Московской Руси, началась "юридизация" общественного и политического строя в бывшей самодержавно-крепостнической, полуазиатской, деспотической России, подведение под этот режим известной правовой основы. Ничего специфически либерального в этом процессе не было ни при Петре, ни при Екатерине II. В такой политико-юридической практике содержались лишь элементы политического протолиберализма, происходила определенная внешняя формальная "либерализация" господствующей консервативной политической идеологии самодержавия. Деспотизм приобретал просвещенную форму. При Екатерине появился конституционный проект Н.И.Панина, бывшего посла в Дании и Швеции, где он наблюдал тамошние конституционные учреждения. Основная идея Панина состояла в проекте Государственного Совета, который бы несколько ограничивал самодержавие в пользу аристократии, так что уже по одной этой причине конституционная идея Панина ничего специфически либерального не содержала, хотя и способствовала формированию либерального уонастроения в широком смысле этого слова.

Н.М.Карамзин, который внушал Александру I, что тот не имеет права не быть самодержцем, тем не менее весьма скромно оценивал политические достижения эпохи Екатерины: при ней, мол, самодержавие смягчилось, она "очистила самодержавие от примесов тиранства"³⁷. Но "правосудие, — отметил тот же Карамзин, — не цвело в сие время"; Екатерина "дала нам суды, не образовав судей; дала правила без средств исполнения"³⁸. И Карамзин, конечно, был прав. Ни о каком политическом либерализме в строгом смысле этого слова при Екатерине II речи быть не может ни в ранний, ни тем более в поздний период ее царствования. Просвещенный деспотизм и либерализм в принципе несовместимы. Но Екатерина придала своему самодержавию не просто высшую юридическую форму европейской страны. Самодержавие она действительно несколько очистила от азиатского деспотизма, и в этом смысле Екатерина способствовала "либерализации" российского политического строя, внесла в него некоторые элементы политического протолиберализма.

Не могу я согласиться также с тезисом о том, что "в творчестве Радищева русский либерализм обрел черты достаточно последовательного социально-политического учения". Это еще пример такого расширительного, безбрежного понимания либерализма, которому подражать не стоит: историю настоящего либерализма в России мы тогда вообще не напишем. Старый термин "дворянский революционер", применявшийся чаще всего к Радищеву, — термин вполне содержательный и гораздо адекватнее, нежели термин "либерал", выражает радищевскую социально-политическую позицию.

Думается, что только о "философском либерализме" Екатерины II первого периода ее жизни (о чем писал А.Н.Пыпин) можно говорить с некоторым основанием. Действительно, ее замечания из Монтеке и ее дружеские отношения с другими западноевропейскими философами-просветителями поставили ее фактически в оппозицию к идеологии официальной русской церкви и классической философской метафизике, которая господствовала в русской духовно-академической и университетской философии ее времени.

IV. ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ

ПОЛУЧИЛИ ЛИ ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ИДЕИ БОЛЬШОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПРИ АЛЕКСАНДРЕ I

Либеральная политика Александра I или любовь к либеральным жестам и фразам? Крики о конституции 14 декабря 1825 г. — это о "эжене Константина"?

"Это царствование, будучи по форме более либеральным, чем предыдущее, закончится в итоге усилением абсолютизма. Русское дворянство ... осуждает всякое правительство, которое допускает, что его власть разделилась с кем-либо" (Посол Франции в России Л. Коленкур Наполеону в 1810 г. // Николай Михайлович, великий князь. Дипломатические отношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона. 1802–1812. Спб., 1907. Т. V. С. 93).

"Утвердительно можно сказать, что внутри России и не мыслят о конституции. Дворянство, по одной уже привязанности к легким своим выгодам, никогда не станет поддерживать какой-либо переворот; о низших же сословиях и говорить нечего: чернь всегда и везде была и будет черню. Русские очень привыкли к образу настоящего правления, под которым живут спокойно и счастливо и который соответствует местному положению, обстоятельствам и духу народа, и что и мыслить о переменах не допустит" (Записка Бенкендорфа о тайных обществах в России (1821) // Лемке М. Николаевские жандармы и литература. 1826–1855. Спб., 1909. С. 580).

"Приезжающие русские бранят русские военные порядки, рабский педантизм" (1821); "Они говорят о правах народов, о необходимости конституционных учреждений, которая чувствуется и в России..." (1821); "Вся русская аристократия, как говорят, в полном брожении, потребность и желание иметь конституцию простираются очень далеко" (1825); [14 декабря 1825 г.]: "Народ был дея-

тельнее, чем солдаты, все кричали о конституции..." (1825); "Здесь (в Берлине) пущен в ход глупый придворный анекдот, что многие солдаты, которых спрашивали после, что, собственно, значил их крик "конституция", отвечали: "жена Константина"». Этим очень довольны. Но как нелепо обманывать себя подобными вещами" (Из писем немецкого либерального писателя К.А.Варнгагена фон-Энзе) // *Пытин А.Н.* Исследования и статьи по эпохе Александра I. Т. 2. Пг., 1917. С. 164, 177, 178).

"Сир, я презираю сегодняшних либералистов, я люблю только свободу, которую никакой тиран не может отнять у меня" (Н.М.Карамзин Александр I (1819)).

"Аристократы, демократы, либералисты, сервиллисты! — кто из вас может похвастаться искренностью? Аристократы, сервиллисты хотят старого порядка, ибо он для них выгоден. Демократы, либералисты, хотят нового беспорядка, ибо надеются им воспользоваться для своих личных выгод... Либералисты! Чего вы хотите! Счастья людей? Но есть ли счастье там, где есть смерть, болезни, пороки, страсти? Основание гражданских обществ неизменно: можете низ оставить наверху, но будет всегда низ и верх, воля и неволя, богатство и бедность, удовольствие и страдание" (*Карамзин Н.М.* Незданные сочинения и переписка. Спб., 1862. С. 9, 194).

"...Сперанский желал ... изменять не одни второстепенные подробности и не одни внешние формы прежнего государственного быта, а и некоторые существенные черты его, и считал нужным действовать как можно быстрее. С этой стороны, он действительно был отчасти приверженцем той политической системы, которая преобразовала Францию, которая провозглашала равноправность всех граждан и отменяла средневековое устройство. То же самое стремление одушевляло и Сперанского"; "...Реформационными работами Сперанского были изменены только имена, а до сущности управления они не коснулись, потому что едва только были начаты — и брошены, по своей несоответственности с чувствами и интересами тех чуждых сил, которыми думал воспользоваться Сперанский для их осуществления". "Своим ошибочным увлечением он увлекал многих к такой же напрасной трате сил на употребление средств, не соответствующих делу. Своими работами он придавал нескольким годам нашей истории фальшивый оттенок: есть люди, принимающие его деятельность за доказательство существования мыслей о серьезных преобразованиях, тогда как на самом деле его работы назначались служить только праздной теоретической игрой и были

прекращены при первом поползновении к реальному значению” (Чернышевский Н.Г. Русский реформатор. Жизнь графа Сперанского. Соч. барона М.Корфа 2 тома. С.Петербург, 1861) // Соч. Т. VII. С. 804, 809–810, 827).

“Мысль выставить Россию защитницей либерализма и национальных стремлений не нова. Целая толпа французских просветителей прославляли Екатерину как знаменосца прогресса. “Благородный” Александр I (*Le grec du Bas Empire* [византийский жулик] как неблагородно назвал его Наполсон;) разыгрывал в свое время роль героя либерализма во всей Европе (Маркс К. Да-да Фогт и его исследования // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. XII. М., 1935. С. 363).

“Либеральные идеи получили в русском обществе большое развитие с 1815 года, когда русские пришли в непосредственное соприкосновение с движением умов в Европе, и с тех пор эти идеи получали все больше и больше силы в известной части образованного общества. Начавшаяся реакция не только не остановила их, но дала им еще новую пищу. Можно также сказать, ...что именно реакция вызвала резкий характер либерализма” (Пытин А.Н. Времена реакции (1820–1830) // Вест. Европы. 1869. Декабрь. Отд. IV. С. 747.)

“Смутно вспоминаю я о либеральных толках, бывших в 1818–1822 годах, особенно между военными, возвращавшимися из Франции после событий 1812–1815 годов; но очень положительно и ясно сохранились в моей памяти жалобы на слабость Императора Александра I в его отношениях к Меттерниху и Аракчееву. И старики и люди зрелого возраста, и в особенности молодежь — словом, чуть-чуть не все беспрестанно и без умолка осуждали действия правительства, и одни опасались революции, а другие пламенно ее желали и на нее полагали все надежды. Неудовольствие было сильное и всеобщее. Никогда не забуду одного вечера, проведенного мною, 18-ти летним юношею, у влиятельного моего брата Мих. Мих. Нарышкина; Это было в феврале или Марте 1825 года. На этом вечере были: Рылеев, кн. Оболенский, Пушкин и некоторые другие, впоследствии сосланные в Сибирь. Рылеев читал свои патристические думы; а все свободно говорили о необходимости — *d'en finir avec ce gouvernement* (поскончить с этим образом правления — В.П.). Этот вечер произвел на меня сильное впечатление; и я, на другой же день утром сообщил все слышанное Ив. Киреевскому, и с

ним вместе мы отправились к Дм.Веневитинову, у которого жил тогда Рожалин, только окончивший университетский курс со степенью кандидата. Много мы в этот день толковали о политике и о том, что необходимо произвести в России перемену в образе правления. Вследствие этого мы с особенною жадностью налегли на сочинения *Бенжамена Констана, Рое-Коллара* и других французских политических писателей, и на время немецкая философия сошла у нас с первого плана" (*Кошелев А.И. Записки (1812–1883 года). Берлин, 1884. С. 13).*

«Я был в то время отъявленным либералом, напитавшись этого духа в краткое время пребывания моего во Франции (в 1817 г.). Да и кто из тогдашних молодых людей был на стороне реакции? Все тянули песню конституционную, в которой запеваю был император Александр Павлович. Оппозиция Аракчесву, Голицыну и всем этим темным властям была тогда в моде, была делом известным, славою и знаменем тогдашнего юного поколения. Самым либеральным журналом была "Северная Почта", выходявшая под ведением Министра внутренних Дел Козодавлепа" (*Греч Н.И. Записки моей жизни. Спб., 1886. С. 446).* "При начатии "Северной пчелы" (в январе 1825 г.) я уже вытрезвился от либеральных идей волею и неволею и удерживал сарматские порывы Булгарина. За это ему доставалось от либералов" (Там же. С. 450).

"Либеральное влияние воспитателя Лагарпа на Александра сильно преувеличено: несмотря на любовь к либеральным жестам и фразам, Александр правил страной старыми крепостническими способами".

"Особенно ярко впервые проявились идеи русского либерализма в движении *декабристов...*" (МСЭ. Т. 1. М., 1930. Ст. 213).

"Восстание декабристов имело чрезвычайно отрицательное, можно сказать, даже роковые последствия для либерального развития России..."; Оно "содействовало укреплению не либеральной, а революционной традиции в России" (БСЭ. Т. 36. Изд. I. М., 1938. Ст. 749).

"Первая половина царствования Александра I прошла под знаком умеренно либеральных реформ, большая часть которых была разработана т.н. Негласным комитетом (предоставление купцам мещанам и казенным поселянам права покупать ненаселенные земли, издание указа о свободных хлебопашцах, учреждение министерств и Комитета министров, Государственного совета, открытие

Петербургского, Харьковского и Казанского университетов и др.). Целью их являлось сохранение самодержавия в условиях разложения крепостничества и предотвращение революционного взрыва. Те же цели преследовал, по существу, и разработанный по предложению Александра I проект государственных реформ М.М.Сперанского, ставшего с 1808 г. ближайшим помощником Александра I. Однако основные положения проекта никогда не были реализованы" (*Окунь С.Б. Александр I // БСЭ. Изд. 3. Т. 1. М., 1970. С. 405*).

"Александр I ... В начале провел умеренно либеральные реформы, разработанные негласным комитетом и М.М.Сперанским" (Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 37).

«Продолжая еще некоторое время играть в либерализм, царь поручил одному из наиболее талантливых чиновников, М.М.Сперанскому разработать план государственных преобразований...

Незначительные изменения в государственном устройстве, предлагавшиеся М.М.Сперанским, вызвали тревогу и недовольство реакционного дворянства. Выразителем его настроений явился придворный историограф Н.М.Карамзин. В написанной для Александра I "Записке о древней и новой России" он решительно выступил против всяких преобразований. В марте 1812 года М.М.Сперанский был уволен и отправлен в ссылку. Правительство отбросило игру в либерализм и перешло к политике открытой реакции" (История СССР: Учеб. пособие. Ч. 1. Изд. 3. М., 1970. С. 122-123).

Новую дискуссию о русском либерализме в эпоху Александра I открывает *В.И.Приленский*

Первыми проводниками пока еще полностью не оформившихся либеральных взглядов были замечательные русские государственные деятели Н.С.Мордвинов и М.М.Сперанский. Их заслуга состоит не столько в том, что они внесли какой-то вклад в теоретическую разработку либеральных концепций, сколько в том, что они пытались на практике осуществить те идеи, которые ими овладели и которые во многом были вызваны, или, скорее, спровоцированы, восприятием либеральных воззрений. Так о характере деятельности Сперанского очень точно высказался В.В.Леонтович: "...Сперанский вообще сравнительно мало интересовался чистыми идеями, их теоретическим обоснованием и общественной пропо-

ведью. Весь интерес его направлен был на практическое осуществление тех принципов, которые он считал правильными. Поэтому он сосредоточивал все свое внимание на тех требованиях либерализма, которые представлялись ему осуществимыми при данных обстоятельствах"³⁹.

Следует особо отметить, что деятельность Мордвинова и Сперанского, вообще говоря, была возможна только в очень короткий по историческим меркам период, период воцарения и первых политических деяний Александра I. Ответная реакция глубоко консервативного в своей основе общества была почти незамечательной. Само слово "либерал" в высших государственных кругах приобрело оскорбительный характер, оно стало политической инвективой. К тому же в этих высоких сферах в общем-то и не понимали истинного значения и содержания термина "либерализм". Может быть, всему виною этимология этого слова? Ведь, как известно, с понятием свободы (даже в самом абстрактном смысле) в окружении российского трона связывалось всегда нечто бунтарское, мятежное, грозящее существующим устоям. Но, как бы то ни было, к либералам относили всех, кто хоть в малейшей степени пытался либо выказать свою индивидуальность, либо произвести не совсем общепринятые слова, либо какими-то другими действиями (иногда объективно совершенно нейтральными), возбуждавшего к себе подозрительность и недоверие. Почти парадоксом можно считать тот факт, что при дворе российского государя этого, тогда столь нелестного, звания был удостоен В.А.Жуковский, вся вина которого заключалась в отдельных случаях заступничества за близких ему людей. Либералом был назван человек, который и в своих деяниях, и в своем творчестве, и, наконец, в своей душе (об этом свидетельствуют его письма, дневники, интимные записки) был самым правоверным монархистом, истинным и последовательным консерватором.

Как можно видеть, столь широкий взгляд на восприятие и распространение идей либерализма в России очерчивает лишь ряд внешних признаков, внешних проявлений этих идей в русской государственной жизни. Но существует и другой, более узкий угол зрения на проблему появления и развития либеральных идей в России. В этом случае объектом нашего внимания является процесс кристаллизации собственно отечественной модели (или, если угодно, моделей) либерального мировоззрения. Такой взгляд сразу же перенесет нас не только из XVIII в., но даже и из первой трети XIX в. в его середину.

Гораздо более оптимистично оценивают уровень развития либерализма в России в эпоху Александра I
Л.И.Новикова и И.Н.Сиземская

Идея свободы как естественного состояния человека требовала определенных политических гарантий. В начале царствования Александра I молодые соратники царя пытались добиться таких гарантий легальным путем на основе конституции. Исключительную роль в обосновании этой идеи сыграл М.М.Сперанский. Опираясь на теорию естественного права и критический анализ отечественного опыта неограниченной власти, воодушевленный "высочайшей поддержкой", Сперанский разработал применительно к российским условиям программу разделения властей. Он подчеркивал необходимость подчинения правосозидающей власти, сосредоточенной в лице монарха, существующему праву, соблюдение которого способна обеспечить только конституция, призванная гарантировать гражданские права человека.

Так в русской либеральной идеологии идея свободы была увязана с гражданскими и политическими правами человека. И хотя заигрывания царя с конституцией скоро прекратились, Сперанский был сослан, а вернувшись из ссылки, ввел свои социально-политические искания в верноподданническое русло, проблема взаимосвязи политических и гражданских свобод была поставлена. Идея о конституционном ограничении самодержавия была подхвачена, с одной стороны, аристократической олигархией, рассчитывающей с помощью конституции ограничить власть царя в свою пользу и закрепить привилегии, с другой — декабристами ("Русская правда" П.Пестеля, "Конституция" Н.Муравьева), у которых она была доведена до крайних форм — насильственного опровержения самодержавия и замены его республиканским строем или революционной диктатурой.

***И.Ф.Худушина* доказывает, что с эпохой Александра I закончилось время возможного успеха либеральных реформ в России**

Правомерно ли искать либерализм в России, того классического либерализма, который укоренен в западных общественно-политических реалиях и давно дразнит русские умы? Положение о том, что адекватного, классического либерализма в России по

известным причинам быть не может, стало уже общим местом. При этом подразумевается, что история и достижения западного либерализма позволяют его считать неким эталоном. Русский либерализм, соответственно, лишь — сколок западного, приближающийся к идеалу в той или иной мере, но никогда полностью. Здесь вопросы сводятся в основном к обсуждению меры классичности, качества либеральности, степени типичности и т.д. либеральных теорий или либеральной практики. Поиск плодов положительного влияния либерализма на государственную или на общественную жизнь не будет утешительным или даже обнадеживающим. Страшный для достойного существования человека итог трех революций дает повод говорить об ущербности русского либерализма, его нежизнеспособности в российских условиях.

Русский либерализм неизбежно псевдо-либерализм? И мы наблюдаем в обществе манию русской псевдо-liberalite? Может быть, и так. Только, если в Европе блуждал призрак коммунизма, то по России бродил призрак свободы. Очень редко — лисуя и не таясь, чаще же — без всяких надежд на воплощение и всегда рано. Свобода была идеей fixe русского общества, да и тому были основания. “Свобода” — это антоним “рабства” — самой большой боли России. Рассуждая о русском либерализме, нельзя не учитывать эту “свободоозабоченность” русского просвещенного общества, ибо за ней стоит проблема прав человека. А это основополагающие понятия либерального словаря. Проблемы прав человека или свободы личности в России решались (если когда и решались) нелиберальными средствами. И их решение мыслилось часто не в либеральной парадигме, например, как отмена крепостного права при сохранении самодержавия. Однако мы настаиваем на факте включения русского просвещенного общества в либеральную проблематику уже с начала XIX в. “Свобода — неотъемлемая собственность человека”⁴⁰ — тогда это было уже понятно многим русским. Именно их имел в виду князь П.Вяземский, когда писал: “Есть, конечно, в России общество мыслящее, но это общество глухонемых”. К судьбам русского либерализма эта ремарка имеет непосредственное значение.

До начала 20-х гг. XIX в. общественная атмосфера в России способствовала илпозиям возможного установления конституции и проведения буржуазных реформ постепенно и сверху. Повод тому в первую очередь давал сам император Александр I. Его неприятие тирании Наполеона и предпочтение, оказываемое республиканцам, его инициатива и поощрение реформационного творчества, его

намерение ограничить верховную власть законом и в законно-либеральном духе реформировать систему государственного управления — все это воспринималось как официальная либеральная политика правительства. Да это и было действительно так, ибо в начале XIX в. именно правительство Александра I выступило инициатором государственных преобразований объективно в духе буржуазного конституционализма.

Зная опыт французской монархии, Александр понимал, что для того, чтобы сохранить власть, надо привести в соответствие с требованиями времени формы государственного управления и социально-политические отношения, то есть придать государственным учреждениям вид законности. "Он понял, — писал об Александре его сподвижник В.П.Кочубей, — что для России, сделавшей в течение столетия огромные успехи в цивилизации и занявшей место в ряду европейских держав, существенно необходимо согласовать ее учреждения с таким положением дел"⁴¹. Речь шла о коренном реформировании системы государственных учреждений, или государственной машины. Состояние дел в этой сфере подробно изложено во многих исторических трудах. Нам же важно подчеркнуть, что возможность усовершенствования государственного управления связывалась с радикальными мерами, претворение которых означало бы превращение крепостнического абсолютизма в надсловную монархию — это во-первых, а во-вторых, что особенно важно, к осознанию этого пришлось не только либерально настроенное высшее дворянство, но и сам государь, который разделял по началу все планы государственных преобразований⁴².

Тогда молодому императору, только вступившему на престол, человеку, заметим, просвещенному, бумаги готовил М.М.Сперанский. Листая их, мы неизбежно приходим к одному выводу: озабоченность политико-правовым состоянием государства и общества определяла тематику предложенных Александру Первому эссеисов. "Каким образом коренные законы государства сделать столько неподвижными, чтоб никакая власть преступить их не могла и чтоб сила, в монархии вседействующая, над ними единственно никакого действия не имеет?". Так писал Сперанский в работе "О коренных законах государства", где между прочим обмолвился, очевидно, надеясь задеть самолюбие государя, что "деспотическое правление", оно же "самое простейшее, народам грубым свойственно"⁴³.

Речь шла о законе, которому бы подчинялась власть, а не он ей, и о правах человека (они тогда назывались "свободой"). Спе-

ранский давал четкие формулировки того, что есть “свобода политическая”, “свобода гражданская” и соответственно, “рабство политическое” и “рабство гражданское”. Впрочем, еще наследником на занятиях с Лагарпом, своим наставником, Александр это все проходил. Сперанский заседал уже возделанную почву, потому он не стремился к упрощению текстов, только ненавязчиво нажимал на “больные точки” молодого императора замечаниями такого рода, что Россия, в отличие от стран Европы, “выходит из ничтожества” и т.п., надеясь на то, что претензии самолюбивого Александра I быть лидером европейской политики также сыграют свою положительную роль в деле преобразования Отечества.

Это был 1802 год. Это было начало либерального образования русских государей. Примерно через сто лет будет уже ясно, что эти классы не могут быть успешными по определению. Но разве дело в том, что “псевдо” либералы были учителями высочайших особ? Поставьте в учителя хоть Петра Вяземского, либерала quand même — результат будет тот же.

Самодержавная власть сама по себе не способна к самоограничению. Ей по определению как бы задан ход в одном-единственном направлении — концентрация власти. Так что сколько бы Александр Павлович ни стремился, он не мог преодолеть неутомимую логику единодержавия.

Вторая причина заключалась в родовой черте самого дворянства. Русское дворянство стремилось оградить от проявлений тирании только свое сословие, что и определило тот “либеральный потолок” преобразовательных проектов Негласного комитета. Это стремление отражено в Коронационной грамоте (готовилась ко дню коронации Александра), все редакции которой (их было четыре) начинались с подтверждения дворянских привилегий, данных Манифестом о вольности и Жалованной Грамотой дворянству. В целом грамота оставляла нзыблемыми основы крепостнического строя. Верховная власть ограничивалась лишь в отношении дворянства. Грамота вводила закон, гарантирующий (только дворянскому сословию) безопасность личности, ее действиям и собственности; сословное неравенство, таким образом, сохранялось. Однако обсуждение грамоты закончилось ничем. Члены Негласного комитета не могли завершить работу, видя высочайшее к ней охлаждение⁴⁴.

“Дней Александровых прекрасное начало” еще не предвещало трагического завершения невиданного еще Россией подъема общественных сил. Тем не менее на фоне всеобщего ожидания перемен

уже раздавались и скептические голоса, в то время немногочисленные. Мнения русского посла Боронцова мы уже приводили. Не обманул нарочитый либерализм Александра I и Василия Федоровича Малюновского, позже директора Царскосельского лицея. В 1803 г. он записал в дневнике: "Правление российское ныне есть деспото-аристократия, владыко-вельможное"⁴⁵. Самоубийство А.Н.Радищева — слишком дорогое подтверждение его проницательности. Скепсис был совершенно оправданным, довольно было беспристрастного взгляда на соотношение сил и "диапазон" выдвигаемых идей, на характер деятельности нового правительства, чтобы увидеть тщетность ожиданий коренных политических перемен.

Много позже, размышляя о прожитом, князь Петр Андреевич Вяземский в поэтической строке схватил эту парадоксальную соединенность несоединимого в образе русского самодержца:

Послушать — век наш век свободы,
А в сущность глубже загляни:
Свободных мыслей коноводы
Восточным деспотам сродни.

До завершения Отечественной войны и европейских походов в массе консервативно настроенного русского дворянства лишь немногие видели политическую и историческую бесперспективность неограниченного самодержавия. Эти люди, как правило, хорошо осознавали преимущество многих достижений европейской цивилизации. Они-то, обосновывая необходимость реформ, выдвигали доводы не этического порядка (с безправственности деспотизма и рабства), а социально-экономического, политико-правового. Именно таких людей, в случае победы восстания, декабристы прочли в члены Временного правительства. Наиболее полное выражение политических взглядов русской аристократии мы находим в письмах и бумагах графов Воронцовых, в записках Мордвинова и, конечно же, у Сперанского.

Граф Николай Сменович Мордвинов, приверженец теории естественного права, видевший в свободе проявление закона природы, во многом опередил своих современников. Историческую отсталость России по сравнению с развитыми западноевропейскими странами он связывал с "политическим небытием" крестьянства и экономической незаинтересованностью его в труде. Н.С.Мордвинов предложил проект о разрешении купцам и казенным крестьянам покупать незаселенные земли; для оказания материальной помощи крестьянству в этом деле Мордвинов выступил с весьма

показательной идеей организации Трудопоощрительного банка. В соответствии с уровнем западноевропейской политической мысли Мордвинов считал необходимым разграничение законодательной, исполнительной и судебной властей, выступая против общинного землепользования, противопоставляя ему экономически выгодное индивидуальное.

Огромная роль в развитии русского конституционализма, правозащитности и правосознания принадлежит Михаилу Михайловичу Сперанскому. Судьба этого человека примечательна. Сын неизвестного священника, благодаря выдающимся способностям и уму в короткий срок сделал головокружительную карьеру, в начале XIX в. став ближайшим соратником, сподвижником, собеседником и даже доверенным лицом императора Александра I.

До ссылки (1812 г.) Сперанский был убежденным конституционалистом, можно сказать, он в наиболее систематическом виде изложил позицию русской либеральной аристократии Александрова царствования. Во всех его проектах государственных преобразований и политических трактатах (1801–1811) последовательно проводилась мысль о необходимости подчинения самодержавной власти закону. Так же как и граф Мордвинов Сперанский считал, что личность монарха — недостаточная гарантия гражданским правам. Прежде необходим переход к конституционной форме правления, где верховная власть будет ограничена аристократической высшей палатой. Таким образом, конституция выступала гарантией гражданским законам, ибо государственной власти будут поставлены прочные конституционно-правовые пределы. Однако эти положения, как и либеральные идеи адмирала Мордвинова, не получили никакого отражения в опубликованном 8 сентября 1802 г. Манифесте, над которым работал Сперанский, ни в основной его работе — «Плане государственного преобразования (1809 г.)». «План...» Сперанского был самым последовательным по содержанию документом либеральной идеологии, исходившим из правительственных кругов. Дворянство отнеслось к нему, да и ко всей реформационной деятельности Сперанского, крайне враждебно. Александр, в то время чем-то обиженный на Сперанского, вынужден был уступить — в марте 1812 г. Сперанский был отправлен в ссылку. Радикально-либеральные планы Мордвинова и Сперанского, которые отталкивались от западноевропейского опыта, слишком диссонировали с господствующими интересами дворянства.

Среди же передовой интеллигенции наиболее популярным было требование частной собственности. И.П.Пнин указывал на непосредственную зависимость гарантированных прав человека от наличия права частной собственности, но настаивал при этом на принципе нерушимости монархического правления и сословного неравенства. Вот наиболее распространенное выражение "буржуазного радикализма" начала XIX в.: "Права граждан, без сомнения, — считал Пнин, — должны быть все равны, но преимущества их не могут быть одинаковы"⁴⁶. С монархией связывал гарантии свободы и частной собственности такой убежденный противник крепостного права, как Кайсаров.

Более последовательно идеи сословного равенства, свободы личности и частной собственности проводились в трудах демократической интеллигенции, например В.В.Попугаева, М.Мерцалова, А.С.Лубкина и других. Они выдвигали наиболее последовательные либерально-демократические идеи, но гарантию буржуазным требованиям они видели только в конституционной монархии.

Однако столь ценные либеральные идеи оставались достоянием узкого круга. Более причастной духу времени оказалась проблема гарантии прав дворянства. Если наиболее радикальные и демократические требования практически не брались правительством в расчет или сходу отвергались высшим дворянством, принимавшим участие в преобразовательной деятельности, то проблема прав дворянства подолгу обсуждалась в правительстве, что создавало весьма казусную, но предельно характерную для России ситуацию, когда требование феодалного права, права для одного класса, четко осознаваемое, совмещалось с довольно туманно представляемыми демократическими требованиями, в частности требованием сословного равенства.

Одной из основных причин, сдерживавших решительность как либеральных сторонников преобразований, так и консервативно настроенных почитателей просвещенного века, была одна — боязнь, что даже минимум свободы всколыхнет на борьбу народные массы. Вот как мотивировал невозможность ограничения самодержавия в России С.Р.Воронцов, убежденный противник тирании: "Произвести столь существенные изменения в наиболее обширной во всем мире империи, среди народа свыше 30 миллионов неподготовленного, невежественного и развращенного, и сделать это в то время, когда на всем континенте происходит брожение умов, это значит, не скажу рисковать, но наверное привести в волнение страну, вызвать падение трона и разрушение империи. (...) Нельзя

только сразу совершить прыжок из рабства в свободу без того, чтобы не впасть в анархию, которая хуже рабства»⁴⁷.

Таким образом, все усилия преобразователей были направлены на введение закона, недопускавшего проявление произвола по отношению к дворянству и только в этом плане ограничивавшего самодержавие в России, что, впрочем, не так уж мало, если учесть, что даже этого так и не случилось. Попытки ввести в существующее законодательство закон, гарантирующий безопасность личности, ее достоинства, право собственности были определенным достижением правового сознания. На деле, это было требование аристократической конституции, которое в условиях неограниченного самовластия, иначе деспотизма, не поддается однозначно отрицательной оценке. Положение всего народа, всех сословий при деспотическом правлении предельно точно охарактеризовал Сперанский, указав, что в России есть только два состояния: рабы государевы и рабы помещичьи. «Первые называются свободными только в отношении ко вторым. Действительно же свободных людей в России нет, кроме нищих и философов»⁴⁸. В таких условиях требование аристократической конституции означало ограничение самодержавия именно в тех его крайних проявлениях, которые были характерны для России. На деле, в те годы решался вопрос о правовом обуздании власти тирана. Если бы действия дворянства были более последовательны, реформы могли бы привести к упорядочению законодательства, к изменению структуры государственной власти, к коренным переменам в социально-экономической жизни.

Все передовые идеи, которые на Западе вызревали в течение веков в народе, определяя уровень самосознания масс, в России локализовались в верхушке общества и в большей мере осознавались в качестве морального долга. Непривитые народному сознанию, либеральные идеи оставались нежизнеспособными. Эту характернейшую для общественно-политической жизни России особенность точно сформулировал Ключевский, говоря о «Плане государственных преобразований» Сперанского: «В Европе возникли движения во имя идей, тревожившие Россию. Она шла против этих движений и возвращалась домой с вызвавшими их идеями, подавляя следствия, усваивая причины. «План» был кабинетным опытом русского правительства сделать для своего народа то, что на Западе народы пытались сделать для себя вопреки своим правительствам».

История с либерализмом в России выглядит примерно также, как и с Просвещением, а именно, на определенном этапе развития общества российские условия как будто бы провоцируют проникновение западных идеологий или отдельных идей, в данном случае либеральных, которые, попадая в русскую среду, трансформируются, иногда до неузнаваемости. Вряд ли возможно проблему русского либерализма решать без оглядки на Запад и в то же время не связывать ее с проблемой российской самобытности.

“Вера в существование общечеловеческих начал и общеобязательных идеалов” (П.И.Новгородцев), как оптимистический камертон в размышлениях о судьбах либерализма в России, поневоле сопрягается с тем, неоднократно провозглашенным принципом казалось бы идейных противников, гласящим, что основа правосознания русского народа — православие и вера в самодержавие. Сложность проблемы мы видим в том, что оба этих положения для суги русского либерализма равнозначны.

Опальные при Павле Первом молодые друзья Александра Павловича, призванные им с началом царствования, вернулись в Россию из Европы окрыленные (там) и озабоченные (здесь) состоянием дел с правами человека. Англоман А.Р.Воронцов, почитатель и знаток Habeas Corpus Act, решения проблемы свободы и неприкосновенности личности черпал из источников по английскому раннебуржуазному законодательству. Единомышленники, собравшиеся вместе с императором Александром I спасти Россию, разделяли его западную ориентацию. За первые два-три года царствования Александра обсуждались применительно к России все положения западного права, прикидывались все формы политического правления. Были даны, естественно нелицеприятные, оценки деспотизму, абсолютизму, рабству. Рассмотрены все варианты политических и гражданских свобод, формы и пределы установления частной собственности в России, роль среднего сословия и общественного мнения в правовом государстве и т.д. и т.д. Для предьстории либерализма в России эта законотворческая деятельность молодых соратников Александра I представляет большой интерес. Но...

Дальше бумаг для внутриворцового пользования, протоколов и проектов эти ценные (для России) положения западной буржуазной правовой теории, не пошли. Молодой задор вскоре угас, постепенно надежда на реформаторство Александра сменилась скепсисом, да и сам император как-то охладел и к такому роду

дискуссиям, и к самим западникам, которым пришлось уже без явной опалы, но удалиться. Молодым аристократам оставалось только уповать, что, "по крайней мере, имя наше спасется в летописях либерализма" (П.А.Вяземский).

Период болезненных для России и еще более для самодобия императора военных поражений русской армии на время отвлек высочайшее внимание от конституционных проектов — Александр был всецело захвачен европейскими делами. При этом останется вопросом, что он знал лучше (или понимал вернее) — Европу или Россию? И что повлияло на перемену политических пристрастий государя: не взгляд ли на Россию со стороны во время его путешествий по Европе?

Однако здесь мы наблюдаем довольно симптоматичный поворот Александра I в сторону Н.М.Карамзина. Придворный историк всегда был рядом, интеллигентный, знающий, никогда не подбострастный, своими томами "Истории государства Российского" открывавший Россию и для Александра в том числе. Он также долго путешествовал по Европе, но вынес совсем иное. Он както хорошо знал, что нужно России для ее блага и что для этого требуется от ее государя. Его советы Александру Первому, высказанные в "Записке о древней и новой России", должны были стать скрижалями русского самодержавия. Самодержавие тогда еще, в середине 10-х гг. XIX в., было в силе — и как политический институт, и как объединяющая основа общества.

Общественное сознание в начале XIX в. еще не тяготил синдром абсолютности монаршей воли. Именно он как психологическая подоснова восприятия верховной власти дворянством обусловил зависимость любого проявления общественной самостоятельности от этой высочайшей воли. Проще говоря, даже просвещенное русское общество полностью зависело от прихоти самодержида, которому вольно было прорубить окно в Европу, вольно переписываться с безбожным Вольтером, вольно дать своим внукам в учителя республиканца, что с неизбежностью толкало общество к усвоению новых увлечений монарха. Наконец, вольно было обмануть все поколение надеждой. «Начало царствования императора Александра было ознаменовано самыми блестящими надеждами для благосостояния России, — писал А.Бестужев-Марлинский Николаю I из крепости в 1826 г. — К несчастью, обстоятельства того не допустили. Правительство само произнесло слова: "Свобода! освобождение!" Само рассивало сочинения о злоупотреблении неограниченной властью Наполеона»⁴⁹.

Граф А.Х.Бенкендорф, начальник III отделения, глава политического сыска, который, кстати, также как и декабристы, начинал с масонских лож, сумел выразить роковую зависимость судьбы своего поколения от грез его господина. В разговоре с Николаем I, когда речь зашла о князе Петре Андреевиче Вяземском, Бенкендорф сказал императору, что все ошибки князя "были ошибками, свойственными всем нам, всему нашему поколению, которое прежде царствования ввело в заблуждение"⁵⁰.

Практически те же слова сказал императору Николаю I и Н.М.Карамзин во время восстания декабристов. Ту же мысль, мысль о не-превосходстве общества перед своим монархом, Карамзин выразил в письме кн. Вяземскому, как только узнал о кончине Александра I: "25 лет мы, невинные и неподлые жили мирно, не боясь ни тайной канцелярии, ни Сибири: скажем ему спасибо. (...) Если он как человек не был лучше нас, то и мы все вместе не лучше его"⁵¹.

Подобное свидетельство общественной рефлексии над предметом российской власти было еще невозможно в XVIII в., когда общество не только не мыслило себя вне монаршей власти, но и не отделяло себя от нее.

В апреле 1818 г. Н.М.Карамзин в письме П.А.Вяземскому затруднялся перевести на русский слово *Libéralité*, отнеся его к неологизмам своего времени. "Liberal, — писал Карамзин, — в нынешнем смысле *свободный*, а законно-свободный есть прибавок. В старину говорили, что закон с свободою живут как кошка с собакою. Всякий закон (гражданский) есть неволя"⁵². Ровно через год тот же автор тому же адресату бросает все с той же иронией: "Я стараюсь быть независимым в душе, любезнейший князь, хотя и смеюсь над либералистами"⁵³. А еще через два года легкую иронию сменит легкий сарказм: "Экономьте, платите долги, а там, если параксизм либерализма пройдет, выбирайте службу и место"⁵⁴.

Личность Карамзина чрезвычайно ярко отражает сознание русского просвещенного, консервативно настроенного общества. Он намеренно дистанцирует от обозначения серьезного отношения к употреблению в политическом смысле слова "свобода". В то же время это не мешало Карамзину постоянно играть словом "либералист", легкой иронией которого понижала, конечно же, энергию фронды, но и не скрывала явно оппозиционного смысла. Его же формула "закон есть неволя" попросту символизирует правосознание русского общества, даром что сформулирована одним из просвещеннейших людей эпохи.

Субъективизм Карамзина легко критикуется. Однако, если припомнить, о каком обществе идет речь, — об обществе, лишенном какого-либо правопорядка, равнодушного к гарантиям личных прав, — тогда придется согласиться с Николаем Михайловичем в том, что проблемы в России могли решаться только в категориях этики. При этом не надо обманываться, думая, что это потому так, что нравственный климат в России был хорош. Нет, это была “нравственная стужа”, “нравственная зима”, по гениальному выражению А.И.Тургенева.

Крайне характерны поправки Карамзина. Так, свободу он признавал только как внутреннюю свободу человека, а закон — только как закон Божий. Карамзин возможность решения российских проблем выводил из поля политико-юридического в плоскость нравственную. По отношению к той России он был прав. То есть Карамзин хорошо видел, что свобода в России может быть только внутренней, и тогда она свобода, что монарх в своих решениях может быть ограничен только волей Бога. Такова Россия и от преобразований “она может скорее упасть, чем возвыситься”.

В 1822 г. Карамзин писал Александру Первому: “Здесь Либералисты, там Сервилисты, истина и добро в середине: вот Ваше место, прекрасное, славное”⁵⁵. Замстим, консерватор Карамзин, заслуги которого в судьбе русского либерализма В.В.Леонтович оценивает довольно высоко, феномен либерализма держал в поле своего внимания, примеряя его к формам российского устройства с неизменным скепсисом. Истина и добро рядом, чуть правее места, занятого либералистами.

Карамзин умер в 1826 г., умер до того, как либерализм в России заявил о себе более или менее серьезно. В истории и в политической истории Карамзин остался не то что типичным, а классическим консерватором. Собственно, что в нем русскому либерализму? А русскому правосознанию? Однако Карамзин пытался свести несводимое — самодержавие и закон, выработав “чисто русскую модель легитимизма”⁵⁶. То есть в рамках законного правления провозгласив несзыблемыми самодержавие и крепостное право как основу национальной самобытности — и то и другое, и самодержавие, и крепостное право, ограниченное христианским нравственным законом.

Очередная утопия? Позиция, не только не имеющая никаких точек соприкосновения с либерализмом, но и пагубная для развития правосознания русского общества. Все так. Карамзин был первым в длинной череде русских мыслителей, причем, различных, час-

то враждебных, идейных направлений, которые связывали судьбы России только с этическими принципами.

Казалось бы ясно: назови опску самодержца о своих верно-подданных или помещика о крепостных отеческой заботой, суть останется все та же: рабство политическое, рабство гражданское. Однако в России испокон надеются сначала на честность государя, а уж потом на закон. Вот уже три века в России правосознание в дефиците. И что характерно — ничего не меняется. Движение по кругу: то оттепель, то нравственная стужа. И от принятия принципов либерализма населению России, кажется, все также далеко. Если мы отстаем от Европы не на три, а, допустим, на четыре столетия, то еще есть надежда, а если мы самобытны?

Время идет, ситуация меняется, а русское общество либо пьяно от воздуха свободы и оттого беззаботно, либо не верит ничему в крайнем скепсисе и в первую очередь закону, гарантирующему. “Наше общественное сознание никогда не выдвигало идеала правовой личности”. “Надо признать общим свойством всей нашей интеллигенции непонимание значения правовых норм для общественной жизни”. “Где та книга, которая была бы способна пробудить правосознание нашей интеллигенции? Где наш “Дух законов?”, наш “Общественный договор”?”⁵⁷.

Речь идет о том, что у нас своя логика общественного развития, что у нас не работают те механизмы, которые там отвечают за зрелость и востребованность правосознания. У нас по-прежнему “притупленность, слабость, поразительное отсутствие, убожество” и т.п. правового чувства (Б.А.Кистяковский). Виною тому, во-первых, традиционно сильная верховная власть, сильная личным авторитетом. Этого мало. Веками авторитет определялся не столько личными качествами, сколько богоданным характером царской власти в России. Царь — помазанник Божий, а вы ему о законе, который тот не должен ни при каких обстоятельствах преступить. В данном случае государь вправе и не расслышать...

А где Бог — там совесть, там терпение, там внутренняя правда, внутренняя свобода, соответственно, там “внутренний характер правосознания русского народа, ориентированного исключительно этически”⁵⁸, и все вместе — царство нравственного закона. Традиционное православное сознание не может сосуществовать с правовым сознанием. Либо то, либо другое — как для общества, так и для личности. Можно винить интеллигенцию в отсутствии чувства права, можно отрицать приверженность народа исключительно нравственным принципам и считать, что синдром богодан-

ности власти давно преодолен, но, решая так, мы в натуре несколько не станем ближе к правовому государству, не найдем в обществе трезвого отношения к праву, не отыщем сплоченных действий в русле либеральных преобразований.

В традиционном православном обществе, именно православном, никогда не укоренятся основы либерализма. От отсутствия гарантированных прав человека будет страдать все общество. Мыслящее меньшинство будет болезненно рефлексировать, формулируя квинтэссенцию русского правосознания, обещанного нести печать интеллигентского бессилия.

Карамзин пытался свести несводимое: единодержавие, основанное на любви и справедливости (ибо как иначе можно править по закону Божьему?). Модель российского легитимизма, предложенная Карамзиным, напоминала западный легитимизм, но и учитывала сугубо русские реалии и, главное, традиции. Отталкиваясь от политической программы Карамзина, во многом утопической, Александр должен был учесть главное: традиции (или традиционность мировоззрения) русского общества, в силу чего невозможно буквальное перенесение с Запада политико-правовых форм. Александр был совестливый человек, но свою богопричастность, судя по политике Священного Союза, понял как-то буквально.

Превращение абсолютной монархии в конституционную тогда, в первую четверть XIX в., было самой своевременной, трезвой, необходимой мерой, что привело бы к постепенному реформированию общественного устройства, нуждавшегося в реформах, но в то же время еще не достигшего критической стадии. Все, от кого зависело проведение реформы власти, были не просто согласны, но убеждены в ее необходимости. Именно все, от кого зависело. Утверждая это, мы исходим из признания искренности намерений и утверждений Александра I, основываясь на том, что он дал все-таки конституции Финляндии и Польше и не прекращал работу над ней и для России. В царствование Александра I сложилась редчайшая ситуация реальности конституции, когда совпали желание императора, либерально-конституционная настроенность ближайшего к нему придворного и высшего сановного общества и укорененность либеральных идеалов в обществе. К этому можно прибавить немаловажную роль законопослушания в качестве контраргумента на распространенное положение о консервативно настроенной массе дворянства как главном буфере реформ в России.

В то же время таинственная личность императора Александра I, непредсказуемость его поведения и взаимноисключающая

противоречивость его действий и намерений в совокупности, создавая прекрасный фон для психологического романа, все же не способствовали разрешению проблемы конституции в России в первую четверть XIX в. Вовсе не иллюзорная реальность конституции и одновременно ее несбыточность создали интереснейшую ситуацию, которая уже более ста лет манит историков своей парадоксальностью. В конечном счете все неудачи русского конституционализма начала XIX в. можно объяснить тактической разъединенностью, отсутствием политической воли, четких представлений о конечных целях борьбы или, наконец, личными качествами императора Александра. Но все же в феномене российской истории останется что-то, неподдающееся рациональной логике, нечто метафизическое по своей природе. Одна из таких метафизических причин заключается в неизжитости идеи самодержавия, его богоданности в общественном сознании.

Именно поэтому исторический спрос не с дворянской оппозиции, не с Николая, а с Александра Первого. Он должен был довести начатое до конца, потому что только он и мог. И правительство, и оппозицию составляли люди образованнейшие, мыслившие, воспитанные в идеалах гуманистической культуры, впитавшие лучшие идеи Просвещения. Общество жило одной надеждой на перемены. Социальное неравенство законопослушными еще сословиями воспринималось как данность, но преодолеваемая, потому социальная ненависть не слепила глаза, не затмевала ум. Всех мирила и смиряла вера в мудрость и твердую волю Государя-императора, царя-батюшки.

Зная, как трепетало общество во время правления тирана Павла I, зная, как невыносим был гнет николаевского режима, не сразу понимаешь, отчего такой ненавистью и презрением дышали слова в адрес либерала-Александра именно тех, кто пережил его царствование. И все же они справедливы, если учесть, что все его клятвы, все высокие идеалы свободы, провозглашенные при вступлении на престол, все многолетние труды над в конечном счете одной Конституцией, все обещания дать России законы и права, оказались лишь обманом. Но этими идеями и надеждами жило все общество, в ожидании грядущей свободы формировались идеалы поколения. Но царь-освободитель оказался обратным, жизнь его — обманом, а мистический уход его — то ли смерть, то ли маскарад с переодеванием в смиренного старца, тоже гресил обманом. Так что если бы на площади в день восстания оказался тот, кому изна-

чально и предназначались пули, то, не исключено, что обманутое поколение расплагилось бы с бывшим кумиром.

1825, а не 1881 год решил окончательно исход дела. Претворенные тогда, в начале XIX в., идеалы свободы и права могли бы укорениться в общественном сознании. Во всяком случае, повторим вслед за Г.Федотовым: “Ничто не доказывает, что либеральная дворянская власть была большей утопией для России, чем власть реакционно-дворянская”.

Если перед социальными катаклизмами неосторимо преимущество эволюционного развития, то с эпохой Александра I закончилось время возможного успеха либеральных реформ, за которыми бы пошло то общество.

В.Ф.Пустарнаков доказывает, что “глубина” “либерализма” эпохи Александра I измеряется неудачей попыток проведения политики *laissez faire, laissez passer* и тем, что в планах реформ Сперанского дело не шло дальше внешней европеизации и юридического оформления самодержавия

“Либерализм” эпохи Александра I — феномен особенно обманчивый. В эту эпоху умножились всякие рассуждения и специальные записки об отмене крепостного права, о реформе управления и т.д. и т.п. Но как раз применительно к эпохе, когда широко распространился “кухонный”, как бы мы сейчас сказали, “либерализм”, следует четко разграничивать внешность, видимость явлений и их сущность, форму и содержание общественных явлений, различать протолиберализм и паралиберализм от настоящего либерализма. Наполеоновский посол в России Л.Коленкур не был философом, но тем не менее уже в 1810 г. подметил, что Александровское царствование лишь по форме либеральнее предыдущего... А русские авторы, вроде В.В.Леонтовича, зная, скажем, о консервативных и даже реакционных позициях Н.М.Карамзина, шли в противоположном направлении — выдавая за либерализм заведомо нелиберальные явления, позволяли себе включать его в число предшественников либерализма, а М.М.Сперанского и Н.С.Мордвинова подвергали к либерализму фактически безоговорок. Модной в наши дни стала идея разделения властей. Но с удивлением приходится читать, что, оказывается, уже Сперанский вроде бы выработал ее применительно к российским условиям.

Применительно к “либеральной” эпохе Александра I господствующая в нашей литературе расширительно-неопределенная концепция либерализма проявляется очень демонстративно. Учредили Министерства или Государственный Совет — вот вам уже либерализм; открыли университет — тоже мера либеральная. А уж выступления в пользу вольнонаемного труда, а тем более за освобождение крестьян от крепостной зависимости с землей — это прямо-таки радикальный либерализм. Между тем ни одна из этих мер сама по себе не является, строго говоря, либеральной. Любая конкретная идея или мера в любом общественном движении или направлении мысли получает свою значимость лишь в контексте принципов, “несущих конструкции” этих движений и направлений.

Мне импонирует общая тональность, в какой ведет разговор об александровском “нарочитом либерализме” И.Ф.Худушина. Но, думается, что и она напрасно использует такие термины и обороты, как “либеральная политика правительства”, “план” Сперанского “был самым последовательным по содержанию документом либерально-буржуазной идеологии”, “радикально-либеральные планы Мордвинова и Сперанского”, “господствовавшая либерально-конституционная атмосфера” и т.д.

Посмотрим, что скрывалось за внешне либеральными словами и проектами эпохи Александра I, измерим глубину “либерализма” его эпохи.

Если говорить о либерализме эпохи Александра I, то с наибольшим основанием можно говорить прежде всего о распространившемся тогда *laissez faire, laissez passer* —изма по существу в физиократической, а внешне — в форме смитонианства. Хотя Адам Смит не был абсолютным сторонником либерального принципа невмешательства государства в экономику, в России на протяжении первой половины XIX в. он олицетворял именно такой экономический либерализм. В 1811 г. Харьковский университет выдвинул на премию задачу, сформулированную следующим образом: “Защищаемая Адамом Смитом неограниченная свобода в производстве ремесел действительно ли есть единственное средство, которым может обеспечиться продолжительное и возрастающее благосостояние народа; если же свобода производства ремесел должна быть ограничена, то объяснить, на каком основании и в каком объеме может быть допущено это ограничение”⁵⁹.

Смитонианство получило в начале XIX в. довольно широкое распространение потому, что интерес к его трудам поощрялся сверху. В эти годы политическая экономия как новая наука вообще

стала модной при дворе. Ее изучали молодые сподвижники Александра I — Строганов, Новосильцев, Чарторыйский; вице-президент петербургской академии наук Генрих Шторх, находившийся под большим влиянием идей А.Смита, читал политэкономии великому князю Николаю Павловичу; в 1813—1817 гг. профессор М.А.Балугьянский, один из наиболее решительных сторонников свободы промышленности в духе А.Смита, читал политэкономии великим князьям Николаю и Михаилу Павловичам. По распоряжению первого русского министра финансов графа А.И.Васильева (1742—1806) Черниговский вице-губернатор Политковский перевел смитовское “Богатство народов” (четыре тома этого труда вышли в 1802—1806 гг.). Расходы по изданию взяло на себя правительство. В 1804 г. в органе министерства внутренних дел “Санкт-Петербургский журнал” публикуется статья под названием “Изложение учения Адама Смита и сравнение оного с учением французских экономистов”. За “свободную торговлю” ратовал еще один министр финансов (с 1810 по 1825 гг.) граф Д.А.Гурьев (1751—1825), при котором были приняты фритредерские тарифы (1816 и 1819 гг.). На страницах же русской печати прошли своего рода дискуссии о свободной торговле и протекционизме. Смитонианство распространялось также рядом профессоров университетов. В 1808 г. учение Адама Смита изложил в статье “Изображение различных хозяйственных систем” (“Статистический журнал”) упомянутый профессор Балугьянский. В 1808 г. профессор политической экономии Казанского университета Кондырев читал курс по книге немецкого профессора из Геттингена Георга Сарториуса “Начальные основания народного богатства и государственного хозяйства”, представлявшей собой изложение учения Адама Смита. Когда в 1812 г. вышел русский перевод книги Сарториуса, то среди подписчиков на нее оказались, в частности, четыре губернатора, губернские предводители дворянства, священники, городские головы и старосты, купцы, мещане и даже ученики гимназий многих городов, включая далекие Красноярск, Иркутск, Якутск, Нерчинск, Нарым и др., что, конечно, является свидетельством интереса к учению А.Смита. Преемник Кондырева проф. Казанского университета И.Нейман также читал политическую экономии, ориентируясь на А.Смита. В 1817 г. он выпустил книгу “Исследование правил политической экономии по системе Адама Смита”. В той или иной степени к популяризации смитонианства приложили руку профессора А.Куницын, К.Герман,

К. Арсеньев, Гереншванд, Рейт, Ланг и др. В число фритредеров вошли даже некоторые декабристы: Н. Тургенев, Н. Бестужев и др.

Казалось бы, в России начала XIX в. возникли солидные предпосылки для того, чтобы здесь возобладал принцип либеральной экономики в духе Адама Смита — “неограниченная свобода в производстве ремесел”, как выразились в 1811 г. харьковские профессора.

Но оказалось, что Россия не готова жить по правилам Адама Смита. Выяснилось, в частности, что от свободной торговли в наибольшей степени выигрывали помещики, торговавшие продуктами сельского хозяйства, а проигрывали русские фабрики и заводы. Молодая русская мануфактурная промышленность не выдержала конкуренции с западноевропейской и очень пострадала, особенно вследствие введения “фритредерского” тарифа 1819 г. Министр иностранных дел (1816–1856) и член государственного совета (с 1821 г.) граф К. В. Нессельроде, обобщив мнения купечества, заявил в 1821 г., что Россия вынуждена отказаться от системы независимой торговли, поскольку продукты Империи не находят более рынков за границей, ее мануфактуры крайне подавлены, монета быстро утекает в отдаленные страны, а солиднейшие торговые дома опасаются, что и сельское хозяйство, и торговля, и фабричная промышленность не только ослаблены, но стоят на краю банкротства.

Уже на начальном этапе распространения в России смитонианства идею “неограниченной свободы в производстве ремесел” приветствовали далеко не все, несмотря на то, что поначалу смитонианство поддерживалось сверху. И уж совсем интересно то, что среди противников свободной торговли оказались главные деятели “либерализма” александровской эпохи — М. М. Сперанский и Н. С. Мордвинов. И не только они: за протекционизм ратовали министр коммерции Н. П. Румяшев, министр внутренних дел О. П. Козодавлев и др. деятели. Добавим, что сторонниками протекционизма выступали некоторые декабристы — П. И. Пестель и Н. В. Басаргин, и др.

Все сказанное означает, что противостояние принципа “неограниченной свободы в производстве ремесел”, т. е. экономического либерализма, и противоположного принципа консервативного протекционизма, за которым скрывалась модель регулируемой, регулируемой экономики, модель “отеческого управления” представляется как одна из наиболее существенных страниц в истории либерализма в России александровской эпохи. Если в

екатерининскую эпоху протекционизм взял верх над принципом свободной торговли в силу особых исторических обстоятельств (французская революция 1789 г.), то при Александре I экономический либерализм проходил испытание и в экстремальных, и в нормальных условиях. В конечном счете политика в духе свободной торговли потерпела очевидную неудачу.

Зададимся вопросом, кто был больше прав: протекционисты Сперанский и Мордвинов и их единомышленники или сторонники А.Смита и его принципа "неограниченной свободы в производстве ремесел"? В качестве арбитров я избираю теоретиков марксизма.

Как революционеры Маркс, Энгельс и Ленин выступали за свободу торговли против протекционизма. В "Речи о свободе торговли" (1848) К.Маркс говорил: "...Вообще говоря, покровительственная система в наши дни является консервативной, между тем как система свободной торговли действует разрушительно. Она вызывает распад прежних национальностей и доводит до крайности антагонизм между пролетариатом и буржуазией. Одним словом, система свободной торговли ускоряет социальную революцию. И вот, господа, только в этом революционном смысле и подаю я свой голос за свободу торговли"⁶⁰. Много лет спустя В.И.Ленин высказался в том же духе: "Русские марксисты, подчеркивая прежде всего и сильнее всего, что вопрос о свободе торговли и протекционизме есть вопрос капиталистический, вопрос буржуазной политики, должны стоять за свободу торговли, так как в России с особенной силой сказывается реакционность протекционизма, задерживающего экономическое развитие России, служащего интересам не всего класса буржуазии, а лишь кучке олигархов-гузов, так как свобода торговли означает ускорение того процесса, который несет средства избавления от капитала"⁶¹.

Но как экономист Маркс вполне отдавал себе отчет в значении протекционизма для развития национальной промышленности. В упомянутой речи о свободной торговле он говорил: "...Покровительственная система есть лишь средство для того, чтобы создавать у того или иного народа крупную промышленность... Кроме того, покровительственная система способствует развитию свободной конкуренции внутри страны"⁶². А в "Капитале" читаем: "...Система протекционизма была искусственным средством фабриковать фабрикантов ... и ... насильственно сокращать переход от старого способа производства к современному"⁶³. В свою очередь Ф.Энгельс в письме Н.Ф.Даниельсону от 22 сентября 1892 г. писал: "Несомненно одно, если Россия

действительно нуждалась в своей собственной крупной промышленности и решила иметь ее, то она не могла создать ее иначе, как посредством... хотя бы известной степени протекционизма..."⁶⁴. В конце XIX в. Г.В.Плеханов признавал желательной для России покровительственную систему.

Какие выводы можно сделать из всего сказанного о фритредерстве и протекционизме при Александре I? В сфере чисто теоретической либеральные принципы свободы промышленности и свободы торговли получили в России весьма значительное распространение. Но их применение на практике закончилось явным неуспехом. Опять же чисто теоретически принцип протекционизма является принципом консервативным, а не либеральным. Но если в российской экономике начались кое-какие успехи еще при Александре I (с 1823 г. министром финансов стал протекционист Е.Ф.Канкрин (1775—1845), то эти успехи оказались возможными лишь при отказе от смитонианских принципов. А это, конечно, не могло не отразиться на отношении русского общества к либерализму вообще. Практические и очевидные неудачи смитонианства при Александре I не могли добавить либерализму новых сторонников.

Подобно тому, как отношение к идеям Адама Смита может служить лакмусовой бумажкой для определения степени распространения и степени зрелости "экономического либерализма" при Александре I, так отношение к И.Бентаму является масштабом тогдашнего политического либерализма. Бентам долгое время жил в России, переписывался с самим императором. Александру I Бентам посвятил одно из своих главных сочинений "Рассуждения о гражданском и уголовном законоположении". Идеям Бентама сочувствовали Сперанский и Мордвинов. Но что получилось в итоге?

Замысел политических реформ в начале царствования Александра I простирался весьма далеко. Ведь думали даже о времени, "когда у нас окажется возможным ввести *представительный образ правления*", как выразился Новосильцев в письме Лагарпу от 17 марта 1802 г.⁶⁵. Если первоначально молодые реформаторы-соратники Александра I симпатизировали английской политической системе, то после 1808 г. в окружении императора возобладала симпатия к политической системе Наполеона, что и нашло отражение в проектах М.М.Сперанского. Но, увы, эта симпатия не простиралась слишком далеко. Хотя в проекте Сперанского просматривался зародыш коренного либерального конституционного принципа суверенитета нации, что нашло отражение в формулах: "Ни-

какое правительство не может быть законно, если оно не основано на воле страны... Источник всякой власти есть государство, страна"⁶⁶; этот зародыш не двинулся в рост, поскольку Сперанский оставил незабытым принцип самодержавия. Идея вроде бы ограниченной монархии, тезис о том, что "всякое правление абсолютное или произвольное есть правление узурпированное и никогда не может быть законно"⁶⁷, означали лишь стремление очистить самодержавие от "примесей тиранства" (если воспользоваться выражением Н.М.Карамзина). Только в этом смысле речь шла у Сперанского о том, чтобы "положить границы абсолютной власти"⁶⁸.

Весь смысл плана Сперанского "состоял в том, чтобы посредством законов утвердить власть правительства на началах постоянных и тем самым сообщить действию сей власти более достоинства и истинной силы"⁶⁹. В этом плане нет ничего, что шло бы дальше юридического оформления самодержавного строя, очищения его от бывшего азиатского деспотизма, произвола, но на пути "к истинным формам монархическим".

Настоящее ограничение самодержавия могло начаться только с создания какого-то законодательного органа. Существовал, скажем, план П.А.Зубова о превращении Сената в законодательное собрание. Созданный по плану Сперанского Государственный Совет никаких законодательных функций не имел. Даже совещательным органом при самодержавии Государственный Совет консерваторы не хотели признать. Сперанский гордился тем, что в указах Александра I появилась формула "вняв ми зпшо Совета", которая раньше считалась бы оскорблением его императорского величества, поскольку она как бы ставила под вопрос принцип самодержавия. Н.М.Карамзин именно так и расценил эту формулу, полагая, что Совет, Сенат, Комитеты, Министры — это лишь способы действия самодержавия, которое поэтому не должно "внимать" никому.

Отсюда вывод: никакой специфически либеральный политический принцип ни в планах реформ Сперанского, ни тем более на практике не предлагался. В строгом смысле слова говорить о политическом либерализме Сперанского не приходится. Ни Сперанский, ни Мордвинов, ни их единомышленники не вышли за скромные рамки политического реформаторства, европеизированного, модернизированного, несколько "либерализированного" по форме дворянского консерватизма. В их синкретической идеологии наличествовали лишь отдельные элементы протолиберализма.

Более зрелые зародыши настоящего политического либерализма в эпоху Александра I появились в планах декабристов, единомышленников Н.М.Муравьева, предусматривавших упразднение самодержавия, установление конституционной монархии и юридическое оформление политического равенства граждан, предоставление им гражданских и политических свобод. Именно в этом своем "либеральном" качестве конституционный проект Муравьева отличался от более демократического проекта Пестеля, исходившего из идеи суверенитета народа. Но идеология декабристов круга Муравьева и даже идеология сторонников Пестеля в целом из рамок дворянской идеологии также не вышла. "Либерализм" Муравьева -- это тоже еще протолиберализм.

У. ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ

СТАЛ ЛИ ЛИБЕРАЛИЗМ ТЕЧЕНИЕМ РУССКОЙ МЫСЛИ В ЭПОХУ НИКОЛАЯ I

Славянофилы: "Яркие и полные либералы"? "Умеренные либералы"? "Археологические либералы"? "Дворянские либералы"? или "Консервативные романтики"? Все западники — носители либерализма? Славянофильство и западничество — два направления зарождающегося русского либерализма?

«В С.-Петербург прибыл из Москвы издатель "Московского вестника" Погодин. Он только *по имени* издатель, на что в доказательство имеются собственноручные его письма. Главные начальники ссей редакции суть: Соболевский, Титов, Мальцов, Полторацкий, Шевырев, Рагозин и еще несколько истинно бешеных либералов» (*Фон-Фок М.Я. Записка // Русская старина. 1902. № 1. С. 34*).

"Не только поэзия, история, роман, но искусства изящные, художества, науки, едва ли даже и не точные, все носят, более или менее, отпечаток того или другого политического исповедания. Есть либеральная и есть ультра-роялистская живопись, либерализм и ультра-роялизм слышатся в нотах музыканта и угадываются в А + В бесстрастного математика. В литературе замечательно, что оппозиционная партия, по мнению политическому, то есть, наследовавшая правила, ознаменовавшие политическое преобразование Франции, более придерживается классицизма, то есть старинного порядка, и, напротив, оппозиционная партия по литературе, то есть нововводители, держатся в политике века Людовика XIV. И таким образом, по странной игре случая, литературных либералов должно искать в рядах политических тори, а литературных ультра-роялистов в рядах политических вигов. Французские либералы, по излишнему патриотизму, так страшатся всякого чуждого влияния у себя, так дорожат своими правами и вольностями, что не хотят и в литературе потерпеть Английского или Немецкого по-

местного владычества" (*Вяземский П.А. Письма из Парижа (1826) // Вяземский П.А. Полн.собр.соч. Т. 1. Спб., 1878. С. 229–230*).

"Мы возвратим права истинной религии, изящное согласим с нравственностью, возбудим любовь и правда, глупый либерализм заменим уважением законов, и чистоту жизни возвысим над чистою слога" (*Киреевский И.В. Из письма А.И.Кошелеву (1827) // Киреевский И.В. Соч. Т. 1. М., 1861. С. 13*).

"Правительство смотрело на него (М.Ф.Орлова) как на законстенолого либерала и притом как на бесхарактерного человека, а либералы — как на изменника своим правилам, даже легкое наказание его, в сравнении с другими декабристами, не нравилось" (*Герцен А.И. Дневник. 26 марта 1842 г. // Герцен А.И. Соч.: В 30 т. Т. 2. М., 1954. С. 202*).

"Горько и подчас нельзя не сознаться, что Петербург как бы то ни было, а выше Москвы. Цензура здесь вдсятеро строже — привязчива, подла, притеснительна, между тем цензор Крылов — профессор с либеральной репутацией (репутацией)" (*Герцен А.И. Дневник. 6 ноября 1842 г. // Там же. С. 241*).

"Один из самых лучших магнатов, граф Строганов, исполненный личного благородства и пр., со всем тем впадает иногда в страшные нелепости, желая [ни с того ни с сего] вдруг представить из себя лорда тори и забывая, что полчаса перед тем он посмеялся над английским торизмом и излагал вещи человеческие без всяких предрассудков касты. Таковы все, и князь Дмитрий Владимирович Голицын, слывущий либералом и как [первый дворянин империи]" (*Герцен А.И. Дневник. 20 февраля 1843 г. // Там же. С. 267*).

"У нас до того все элементы перепутаны, что никак нельзя указать, с какой стороны враждебный шаг; быть может, это и хорошее начало, указующее, что все стороны, отдельно взятые в европейском быте, — отдельно взятые, не могут служить определением, разве только отчасти. Конечно, подобное совершается теперь в Европе, — этому лучшее свидетельство — упадок либерализма, конституционной оппозиции, вигизма..." (*Герцен А.И. Дневник. 27 мая 1844 г. // Там же. С. 355*).

"Наши славяне, либералы, социалисты и прочие едва ли кому или чему-нибудь принесут вред или пользу. Их распри невинны и бесплодны, пока по милости раздраженных самолюбий они не обрацаются в низкие проделки, сплетни и тому подобное. Я не хочу стать наряду с большею частию сотрудииков Москвитянина не по-

тому, что они славяне и православные христиане, а я, отчасти по их милости, ославлен врагом Церкви и России, но потому, что я не уважаю их как людей, потому самому, почему я не хочу сгать наряду с Булгариным. ...Вы сами не раз гзорили мне, что в России собственно только две партии — людей благородных и низких. В этом смысле я принадлежу к Вашей партии, и потому самому не могу принадлежать к партии старого Москвитянина. Мне нет дела до того, что Петр Васильевич и Вы о многом думаете совсем не так, как я и друзья мои; это не мешает мне глубоко уважать и любить вас обоих; но негодяй останется для меня негодяем, будь он последователем Гегеля и Авдотьи Павловны Глинки” (Т.Н.Грановский И.В.Киреевскому (1845) // Т.Н.Грановский и его переписка. Т. II. М., 1897. С. 442).

«Но что такое Англия? Мой ответ будет: это земля, в которой борются Тори с Вигами. По-видимому, определение мое не ново и не полно; но дело в том, что Виги и Тори, о которых так много говорят и пишут, совсем еще не определены и не имеют ничего общего с теми мыслями, которые мы привыкли с ними связывать. — “Виг — либерал, друг человечества, свободы и успеха, враг налогов и привилегий. Тори — консерватор, враг всякого движения вперед, всякой свободы, всякого усовершенствования, защитник стеснительной привилегии и всех налогов, падающих на большинство народа” и пр. и пр. “Виг демократ, тори аристократ”», и тому подобное. Такие понятия просты, удовлетворительны, дают право понимать газеты, говорить об Англии, и даже, смотря по вкусам или выгодам, полюбить ту или другую партию, того или другого деятеля. Вообще такие понятия удобны. Жаль только, что они не дают несколько возможности понимать дела и жизни Англии, и совсем не похожи на действительность. Виг, друг свободы, тянется изо всех сил уничтожить свободу преподавания, которую отстаивает Тори, как известно всем тем, кто следил за спором, поднятым во время Мельбурнова управления. Тори нападет на налог в пользу колоний и на привилегии колониальной торговли: а за них вступаются Виги. Это видно было несколько раз во время спора о налоге на сахар. Виг, друг свободы и демократ, уличен в последнее время самими Англичанами в том, что он ввел и долго поддерживал в Англии власть аристократическую, созданную по образцу Венеции, между тем как Тори восставал против нее и боролся с нею. Централизация, всегда гибельная для свободного развития жизни во всех ее отраслях, находит постоянно защитников в Вигах и врагов в Ториях. “Тори консерватор, а Виг друг прогресса”, а

между тем усовершенствования в законах, в учреждениях, в устройстве общественном произошли столько же от Ториев, сколько от Виггов. Это можно доказать историею всего последнего столетия и даже самую историею Парламентской реформы. Наконец, благородные голоса в пользу человечества и правды, против насилия и бессовестных завоеваний раздаются чаще из рядов тористской партии, чем от Виггов”.

“Вигизм, сила разлагающая, казался и кажется многим силою освобождающею даже тогда, когда он действительно стесняет жизнь. Это обман, но обман неизбежный при жалком состоянии общественной науки. Для наблюдателя, более просвещенного и беспристрастного, для человека Русского, мертвящая сухость Вигизма, когда он разрушает прошедшее, и его бесплодность и, так сказать, бездушие, когда он думает созидать, слишком явны. На дне его лежит скептицизм, не верящий в историю и не любящий ее, рационализм, не признающий законности в чувствах естественных и простых, не имеющих прямо логической основы, и разъединяющий эгоизм личности. От этого первый его взгляд (впрочем, это отчасти и его достоинство) обращается всегда на вещественную сторону всякого вопроса, от этого у него прорывается дикий эгоизм, от этого просвещение духовное он старается заменить просвещением внешним и чисто материальным; от этого, не любя множества центров общественных, данных органическим развитием истории, он старается отрывать от них человека и привязывать его прямо к математическому закону центра политического; от этого, разрывая связи естественные, он старается заменить их, по-видимому, менее строгими, но действительно менее свободными, именно потому, что они условны; от этого простоту совести и духа любит он заменять расчетливою полицею формы и т.д. Таков Виг в его логической крайности, т.е. в радикале. Но этот суд был бы слишком строг в отношении к Вигу вообще. По большей части Виг все-таки немножко Тори, потому что он Англичанин”.

«Крепок ли Английский Торизм? Ровен ли бой его с Вигизмом? Нет. Торизм, изначально запечатленный излишнею личностью (это заметно в аристократизме), носит в себе постоянно характер Вигизма и всеразрушающей личности, логически развивающейся из протестантизма; а протестантизм было неизбежно. Тори чувствуют опасность свою и многие знают ее источник. Духовное лицо в Оксфорде спрашивало у меня: “Чем можно остановить гибельные последствия протестантизма?” Я отвечал: “Откиньте Римский Католицизм!”». Торизм Английский, не верный са-

мому себе, живет только чувством: за Вигизмом стоит рассудок и его логическая последовательность. Будущее принадлежит ему.

И он подается вперед шаг за шагом, расширяя каждый день круг своего действия, завоевывая общее мнение, особенно в торговых округах и городах, подрывая жизнь и обычаи, развязывая личность и ее мелкую самодовольную гордость. Он бывает часто во власти, и тогда народ хранит Англию от его разрушающей силы; но он продолжает свое дело, материализуя просвещение, разрывая связи предания, администрируя без меры и удвоив администрацию, централизуя, губя живые начала, или придавливая их под тяжестью формализма. Другие земли вызываются историей на великое поприще, другие народы являются передовыми двигателями и всемирного просвещения: если Англия не изменит теперешнего своего хода, а изменить его при теперешних данных она не может, — она послужит им уроком и наставлением. Из ее примера узнают они, как губительно вечное умничание отдельных личностей, гордых своим мелким просвещением над общественной жизнью народов, как вредно уничтожение местной жизни и местных центров, как страшно заменять исторические и естественные связи связями условными, а совесть и дух полицейским материализмом формы, и убивать живое растение под мертвыми надстройками. Урок, может быть, не будет потерян.

Конечно, Англия еще крепка: много живых и свежих соков льется в ее жилах; но дело Виггов идет вперед неудержимо — звонко и мерно раздаются удары протестантского топора; разрубаются тысячелетние корни; стонет величавое дерево. Не верится, чтобы земля, воспитавшая так много великого, давшая так много прекрасных примеров человечеству, разнесшая свет христианства и славу имени Божьева по отдаленнейшим концам мира, могла погибнуть: а гибель неизбежна, разве (и дай Бог, чтобы это было), разве примет она новое духовное начало, которое притупило бы острие протестантского топора, залечило бы уже нанесенные раны и укрепило ослабленные корни: но будет ли это?

Я взошел на Английский берег с веселым изумлением: я оставил его с грустной любовью" (Хомяков А.С. Письмо из Англии (1848) // Хомяков А.С. Полн. собр. соч. Т. 1. Спб., 1861. С. 123, 129, 138-139).

"...Католицизм мало-помалу вытесняется так называемым либерализмом, т.е. равнодушием религиозным..." (Хомяков А.С. — Е.И.Попову 29 марта 1848 г. // Там же. Т. 8. М., 1900. С. 429).

“Русский либерал — бессмысленная мошка, толкующая в солнечном свете; солнце это солнце Запада” (Чаадаев П.Я. Отрывки и афоризмы // Чаадаев П.Я. Сочинения. М., 1989. С. 186).

«...Старый либерализм предыдущего царствования — бессмысленная аномалия в стране, благоговейно преданной своим государям, язык которой выражает одним и тем же словом понятия “трон” и “алтарь”, искоренен у нас, слава Богу, уже давно; но, к несчастью, кое-что осталось в приемах и в языке людей, которые составляют то, что называют “хорошим обществом»» (Чаадаев П.Я. — А.Сиркуру, 18 января 1854 г. // Там же. С. 500).

“Его (П.Л.Пихулина) собственные статьи напоминают его остроумными выходками и сближениями, но лишены всякого серьезного значения. И что за охота пришла человеку разгрызывать перед Европою роль московского славянофила, клеветать на Петра Великого и уверять французских réfugiés (беженцев — В.П.) в существовании сильной либеральной партии в России” (Т.Н.Грановский К.Д.Кавелингу, 2 октября 1855 г. // Т.Н.Грановский и его переписка. Т. II. М., 1897. С. 456); “Эти люди (славянофилы — В.П.) прогивны мне как гробы. От них пахнет мертвечиною. Ни одной светлой мысли, ни одного благородного взгляда. Оппозиция их бесплодна, потому что основана на одном отрицании всего, что сделано у нас в полтора столетия новейшей истории. Я до смерти рад, что они затеяли журнал. Капитал дает Кошелев, Ответственным редактором будет Ф-въ (Н.Г.Фролов — В.П.), критиком литературных произведений будет Григорьев. Конечно, этих имен достаточно, чтобы наперед предсказать характер и успех издания. Я рад потому, что этому воззрению надо высказаться до конца, выступить наружу во всей красоте своей. Придется поневоле снять с себя либеральные украшения, которыми морочили они детей, таких как ты. Надобно будет сказать последнее слово системы, а это слово — православная патриархальность, несовместимая ни с каким движением вперед” (Там же. С. 456–457).

“Диалектик обаятельный,
Честен мыслью, сердцем чист,
Помню я твой взор мечтательный,
Либерал-идеалист,
Для действительности скованный,
Верхоглядом жил ты зря,
Ты бродил разочарованный,
Красоту боготворя...” (Некрасов Н.А. Медвежья охота (1867)

// Некрасов Н.А. Полн. собр. сочин. стих. и писем. Т. 2. М., 1943. С. 277).

“История славянофильства есть лишь постепенное обличение той внутренней двойственности непримиренных и непримиримых мотивов, которая с самого начала легла в основу этого искусственного движения. Кто-то из русских писателей довольно хорошо выразил эту роковую для славянофилов двойственность, назвав их *археологическими либералами*. Прежде всего славянофилы хотели бороться против Петровской реформы, против западноевропейских начал — во имя древней, московской Руси. Но рядом с этим реакционно-археологическим мотивом столь же существенный интерес имела для них прогрессивно-либеральная борьба против действительных зол современной им России...” (Соловьев В.С. Славянофильство и его вырождение // Национальный вопрос в России. В. 2. Спб., 1891. С. 30).

“Подлинное славянофильство не окрашено только, но *насквозь пронизано самым ярким и полным либерализмом*” (Васильев А.В. Задачи и стремления славянофильства. Спб., 1904. С. 24).

“Социальная идеология Хомякова — смесь консерватизма с либерализмом и демократизмом” (Бердяев Н.А. Хомяков. М., 1912. С. 203).

“Хомяков был в сущности либералом и демократом с народнической и антигосударственной окраской” (Бердяев Н.А. Идее и жизнь Хомякова и свящ. П.Флоренский // Русская мысль. 1917. № 2. С. 79).

“Политические взгляды славянофилов не возвышались над уровнем умеренного либерализма, были враждебными воззрениям революционной демократии... и в сущности были близки воззрениям консерваторов и реакционеров. Требование же земского собора и возвращения к якобы существовавшим некогда патриархальным отношениям царя и народа свидетельствовали лишь о специфически дворянском характере славянофильского либерализма и были продиктованы по преимуществу чувством классовой самозащиты и страхом перед народной революцией и грозившим пожаром”. “...Разногласия не могли скрыть того единодушия, которое существовало между “Русской беседой” как органом дворянского либерализма и “Русским вестником” как органом буржуазного либерализма западничества по таким коренным вопросам как отношение к революции, самодержавию, крестьянской реформе” (Дементьев А.Г. Очерки по истории русской журналистики. 1840-1850 гг. М.; Л., 1951. С. 364, 376).

«Новый подъем либерализма в форме замаскированной по цензурным условиям легальной пропаганды либеральных идей относится к 40-м годам и находится в связи с усилением роста капитализма в самой России, а также в связи с новым пред- революционным ростом либерализма в Западной Европе. Носителями этого либерализма были представители т.н. западни- чества... В этом западничестве, наряду с либерализмом и в про- тивовес ему, имелась и демократическая струя и даже увлечение утопическим социализмом. Наиболее выдающимся представителем "либерализма 40-х годов" был Т.Н.Грановский...» (БСЭ. Изд. 1. Т. 36. М., 1938. Стлб. 749).

«*Либерализм в России* как политическое течение сложился в пе- риод кризиса феодално-крепостнической системы примерно в 30-40-х гг. 19 в., когда весь ход экономического развития толкал к отмене крепостного права. Именно в этот период начинают оформляться две принципиально различные идеологии — револю- ционно-демократическая, отражавшая интересы многомиллион- ных масс крепостного крестьянства, и либеральная, выражавшая интересы нарождавшегося класса крупной и средней буржуазии и обуржуазившейся части дворянства»; «В дореформенный период либералы впервые выступают в лице *славянофилов...* и т.н. *западни- ков...* различных оттенков (от Т.Н.Грановского и И.С.Тургенева до К.Д.Кавелина)» (БСЭ. Изд. 2. Т. 2. М., 1954. С. 72).

«...Славянофильская идеология (а скорее ее некоторые элемен- ты) могла инспирировать в определенной, достаточно ограничен- ной мере либеральные стремления в политике, но не была в состоя- нии перебросить мост между консерватизмом и либерализмом как *мировоззрениями*. "Архаический либерализм" К.Аксакова был ли- берализмом — самое большое — в очень общем, туманном смысле этого слова; с либерализмом же как исторически определенным общественным мировоззрением, *буржуазным* мировоззрением, он не имел, по сути дела, ничего общего» (*Walicki A. W kręgu konserwatywnej utopii. Struktura i przemiany rosyjskiego sławiano- filstwa. W-wa, 1964. S. 207*).

«В идеологии славянофилов с наибольшей последователь- ностью выразилась робость нарождавшегося русского либерализма перед революционным путем развития Запада. С позиций обуржуа

жившегося помещика славянофилы стремились найти решение стоявших перед Россией социальных проблем в исторически сложившихся специфических условиях русской жизни. Это был как бы консервативный либерализм, устремленный к идеализированному прошлому" (История СССР в 12 томах. Т. IV. М., 1967. С. 336). "Экономическая отсталость крепостной России порождала классовую неоформленность идеологии русской буржуазии. Борьба против крепостничества и самодержавия развивалась при определяющем и ведущем влиянии революционно-демократической идеологии. Общим в идеологии либеральной и революционно-демократической была их антикрепостническая направленность, их буржуазная сущность. Но в то же время как дворянский и буржуазный либерализм выражал определенные интересы известной части господствующего класса, революционный демократизм, сформировавшийся в предреформенные десятилетия отражал стремления и чаяния крепостного крестьянства. Этим определялись и принципиальные отличия политических и социальных идеалов либералов и крестьянских демократов" (Там же. С. 342-343).

"Между либералами и славянофилами не было и не могло быть противоречий, определявшихся различием классовых интересов. Более того, в основных вопросах они были единодушны...

Споры разгорались вокруг отдельных историко-философских проблем" (История СССР: Учеб. пособие. Ч. 1. М., 1970. С. 156).

«В 40-50-х годах XIX века, когда на арене еще не выступили крестьянские массы и была слаба революционная демократия, либерализм мог проявлять, хотя бы в некоторых выступлениях и мотивах, большую смелость, несомненную искренность, субъективное благородство и соприкасаться с демократией и подлинным патриотизмом, и народолюбием. Грановский — не Кавелин, Тургенев — вовсе не предшественник "веховцев", но и Хомяков — не Бердяев и Константин Аксаков — не Константин Леонтьев» (Кулешов В.И. Славянофилы и русская литература. М., 1976. С. 12-13).

"...Дворянский либерализм, особенно в 40-50-е годы XIX столетия, составил известную антиправительственную оппозицию и в решении ряда важнейших вопросов своего времени — в том числе и вопросов крепостного права — проявил себя с лучшей стороны" (Янковский Ю. Патриархально-дворянская утопия: Страницы русской общественно-литературной мысли 1840-1850-х годов. М., 1981. С. 7).

“Славянофильство было своеобразным итогом эволюции либерализма декабристского времени, оно выявило общественные взгляды наиболее левых представителей раннего русского либерализма, либералов первого поколения, в условиях николаевской реакции. Возникновение славянофильства означало отход от либеральных традиций 1820-х годов и начало нового этапа в истории русского либерализма”; “Политическая доктрина славянофильства при всем ее глубоком своеобразии может быть верно понята только в русле традиций российского либерализма. В основных, принципиальных вопросах (отношение к крепостному праву, реформистский путь решения социально-политических проблем, враждебность революции) славянофилы неотличны от западников. Подлинный “двуликий Янус”; “Общественная борьба кануна падения крепостного права привела славянофилов к необходимости дать теоретическое обоснование тем либеральным реформам (земской, сословной, судебной, цензурной, финансовой), которые они предлагали. В писаниях Ю.Самарина, А.Кошелева, И.Аксакова, В.Черкасского, Ф.Чижова, В.Елагина разрабатывался славянофильский вариант политической теории российского либерализма, фундамент которого был заложен А.Хомяковым, И.Киреевским и К.Аксаковым”; “...Славянофильство возникло и развилось как направление раннего русского либерализма... Славянофильство — система взглядов антикрепостнических, либеральных”; “И славянофильство, и западничество были именно ранними формами российского либерализма, во многом сильно отличавшимися от зрелых проявлений либерализма конца XIX — начала XX в.”; “Хомяков был либералом в точном, социально-политическом значении этого слова...” (Цимбаев Н.И. Славянофильство. М., 1986. С. 71, 120, 183, 231, 240).

“В обстановке политической реакции, наступившей после поражения декабризма, развивается русский либерализм, рассчитывающий на социальные перемены, но лишь такие, которые исключали революцию, совершались бы мирно, постепенно и сверху, без участия масс, хотя в ходе совершенных преобразований основное население России, крестьянство, и было бы — на известных условиях — освобождено от крепостной зависимости. Двумя полюсами этого либерализма стали западничество и славянофильство...”.

“То, что западники были представителями русского либерализма — факт едва ли не общепризнанный. В трактовке же того, было ли и славянофильство течением либеральной мысли (как и по некоторым другим его проблемам), такого единодушия в литера-

туре нет” (Сухов А.Д. Русская философия: пути развития. Очерки теоретической истории. М., 1989. С. 145).

“Своеобразие истории русского либерализма заключается и в том, что формирование либеральной идеологии происходило в двух направлениях. В 40-х гг. XIX в. зарождающийся либерализм был по-разному представлен славянофильством и западничеством” (Габидулина Н. Либерализм в России (историко-философский анализ) // Вест. высш. шк. 1992. № 7. С. 72).

“При всех различиях в оценке перспектив России западники и славянофилы имели схожие позиции. И те и другие выступали против крепостного права, за освобождение крестьян с землей, за введение в стране политических свобод, ограничение самодержавной власти. Объединяло их также и негативное отношение к революции; они выступали за реформистский путь решения основных социальных вопросов России. В процессе подготовки крестьянской реформы 1861 г. славянофилы и западники вошли в единый лагерь либерализма. Споры западников и славянофилов имели большое значение для развития общественно-политической мысли. Они являлись представителями либерально-буржуазной идеологии, возникшей в дворянской среде под влиянием кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства.

Либеральные идеи западников и славянофилов пустили глубокие корни в русском обществе и оказали серьезное влияние на следующие поколения людей, искавших для России пути в будущее. В спорах о путях развития страны сегодня мы слышим отзвук спора славянофилов и западников по вопросу о том, как соотносятся в истории страны особенное и общечеловеческое, чем является Россия — страной, которой уготована мессианская роль центра христианства, третьего Рима или страной, которая является частью всего человечества, частью Европы, которая идет путем всемирно-исторического развития” (Отечественная история. Коллективный труд Российской экономической академии им. Г.В.Плеханова. М., 1994. С. 203–204).

В.И.Приленский выводит мировоззрение **Т.Н.Грановского**
как предтечи, провозвестника либерализма из
западничества и просветительской
традиции

Идеи либерализма в русской общественной мысли зарождаются и оформляются в лоне западничества. И это отнюдь не случайно. Славянофильство с его постоянным декларированием коллективистских, народных (национальных) и конфессиональных (православных) идеалов, с его идеей соборности (А.С.Хомяков) было принципиально чуждо духу индивидуализма, личной свободы и признания общечеловеческих ценностей. При всем разнообразии воззрений западников именно последние идеи находили у них самый сочувственный отклик. И когда в середине 40-х гг. в среде западников назревает кризис, когда идейные разногласия между двумя крайними течениями внутри западничества достигают своего предела, именно тогда Грановский, будучи до этого как бы связующим центром этих крайних точек зрения, их объединителем и примирителем, делает свой выбор и порывает с радикальным крылом западничества. Именно поэтому, чисто символически, условно, со всеми возможными в данном случае оговорками, можно считать 1846 г. (год разрыва между Грановским и Герценом) годом рождения либерального направления в русской мысли. Этот разрыв свидетельствовал о том, что в отечественном общественном самосознании уже выкристаллизовалась идея о принципиальной несовместимости радикализма и либерализма, что, как известно, является одним из основополагающих определений либерального типа мышления.

Мировоззрение Грановского носит ярко выраженный просветительский характер. Можно даже сказать, что именно в Грановском просветительство в России нашло своего самого яркого выразителя. Это был мощный и, судя по всему, практически последний аккорд просветительской мысли в России. С определенной долей уверенности можно также утверждать, что именно в рамках просветительского мышления начинают проявляться те концептуальные положения, которые со временем все более и более явственно будут свидетельствовать о рождении русского либерализма. Кстати, об этом прямо пишет З.А.Каменский: "Из просвещения выходит и еще одно направление русской общественной мысли, которое, правда, в эти годы (40-50-е гг. — В.П.) проходит стадию формирования и определенно заявит о себе лишь в поре-

форменную эпоху. Это так называемый либерализм”⁷⁰. С этим высказыванием нельзя не согласиться.

Особо важную роль отводил Грановский в истории личностному началу. Этот вопрос не представлял для него лишь сугубо академической проблемы (в конце концов эта проблема встает рано или поздно перед любым историком). Он вошел в плоть и кровь его сочинений, он отражал личную позицию русского историка. Можно также вспомнить тот пафос, с которым он говорит о появлении личности в средневековой Европе, о заявлении ею своих прав, о ее борьбе за эти права, а это уже один из важнейших исходных пунктов, своеобразная стартовая позиция для перехода к либеральному образу мыслей.

И все же главным, основным и определяющим моментом, который позволяет нам говорить о Грановском как о провозвестнике либерализма в России, даже как о человеке внутренне проникнутым либеральным духом, — было его резкое отрицание радикализма и как логическое следствие — его размежевание с радикальными настроениями в среде западничества. Конечно, здесь большую роль сыграло его душевное неприятие любого насильственного действия, что очень хорошо видно по его историческим работам. Причем для него насилие было неприемлемо в любом его проявлении, будь это революционное выступление масс или какие-либо государственные действия, носящие такой характер. Для Грановского антирадикальная позиция — это не только отрицание конкретных насильственных действий и неприятие определенных крайних точек зрения. Это для него также и вполне осмысленное и осознанное отношение к миру. И здесь очень важно, что отвергая радикализм левый, Грановский столь же недвусмысленно отрицает и радикализм правый, реакционный.

Антирадикальные настроения Грановского особенно ярко проявились в революционном 1848 г. И здесь мы уже невольно переходим к еще одному фактору, так же сближающему Грановского с традиционно либеральным мировоззрением. Речь идет о его негативном отношении к социализму. Вообще вопрос об отношении Грановского к социализму не так прост. И поскольку эту ситуацию прекрасно описывает и объясняет Чичерин, то в данном случае следует, видимо, обратиться именно к нему. Вот небольшой отрывок из его воспоминаний: «...Он (Грановский — В.П.) сочувствовал и первым проявлениям социализма, который в то время не представлялся еще тою злобною софистикой, какую он сделался впоследствии в руках немецких евреев. Вполне признавая несостоятельность

тех планов, которые социалисты предлагали для обновления человечества, Грановский не мог не относиться сочувственно к основной их цели, к уменьшению страданий человечества, к установлению братских отношений между людьми. ...Но когда в 48-м году социализм выступил на сцену, как фанатическая пропаганда, или как дышащая злобою и ненавистью масса, Грановский не последовал за радикальными увлечениями Герцена, а, напротив, приходил в негодование от взглядов, выраженных в "Письмах с того берега" или в "Полярной звезде"⁷¹.

Продолжая описывать ситуацию 1848 г., Чичерин указывает, что в это время "Грановский, как истинный историк, воспользовался развертывающейся перед его глазами картиною, чтобы окончательно выработать в себе трезвый и правильный взгляд на политическое развитие народов, взгляд равно далекий и от радикальной истерпимости, и от реакционных стремлений, проникнутой глубоким сочувствием к свободе, но понимающий необходимые условия для осуществления ее в человеческих обществах"⁷². Данная здесь характеристика Чичерина рисует перед нами образ человека, явно становящегося на либеральные позиции. С Чичериным можно согласиться буквально во всем, особенно в том, как он понимал отношение Грановского к социализму. И все-таки есть маленькое замечание, которое, как мне кажется, сможет дать несколько более точное представление о сроках и формах перехода Грановского к такой, уже очень близкой к либеральной, позиции. Дело в том, что Чичерин считает таким переломным моментом 1848 г. И если это в полной мере оправдано в вопросе об отношении Грановского к социализму, то не в полной — по отношению к его антирадикализму. Стоит только вспомнить, что разрыв Грановского с Герценом произошел за два года до этого. Так что антирадикальные настроения русского историка возникают отнюдь не на пустом месте. Эти настроения, это отношение были выработаны Грановским значительно раньше, в процессе его исторических занятий.

И, наконец, еще об одной типичной черте Грановского — о его толерантности. Толерантность можно считать чуть ли не родовой чертой либерализма. Кстати, о толерантности как о черте, присущей всем западникам, пишет В.Г.Щукин: "В аксиологическом сознании западников особое место занимала группа ценностей, связанных с понятием терпимости (толерантности). Западники всегда подчеркивали свой интернационализм, чуждались партикулярности и провинциальности, предостерегали от излишнего увле-

чения самобытностью. Они были горячими сторонниками свободного обмена идеями и культурными достижениями разных народов, включая неевропейские.

Терпимость в России была в значительной степени связана с традициями космополитической дворянской культуры XVIII — начала XIX вв. Она противостояла традиционной авторитарности, т.е. той линии в истории русской гуманитарной культуры, которая шла от протопопа Аввакума к славянофилам Толстому и далее в XX век⁷³.

Из всего вышесказанного перед нами вырисовывается образ либерального мыслителя. И мы с полным правом могли бы назвать Грановского первым либералом в России (в теоретическом плане), если бы не отсутствие у него самого главного и определяющего признака либерализма, а именно теоретического обоснования прав личности. Только философско-правовое понимание отношений между личностью и обществом, личностью и государством позволяет со стопроцентной уверенностью утверждать, что перед нами действительно либеральное мировоззрение.

Считать Т.Н.Грановского вполне сформировавшимся либералом было бы большим и непозволительным преувеличением. И хотя многие его современники, а также исследователи XIX в. практически безоговорочно относят Грановского к либералам, все же следует отметить, что в его лекциях и работах мы не найдем последовательного изложения теоретических проблем либерализма, а тем более какой-то систематически разработанной модели либеральных воззрений. Более точным, по всей вероятности, было бы назвать его провозвестником, предтечей теоретического либерализма в России. Все его наследие, вся его деятельность проникнуты духом либеральных идей, и не зря его ученик, которому по праву принадлежит самое видное место в истории формирования русского либерализма, Б.Н.Чичерин, писал: "Он (Грановский — В.П.) был либерал в самом возвышенном и благородном смысле этого слова"⁷⁴. И в другом месте: "В политике он (Грановский — В.П.), разумеется, был либерал, но опять же как историк, а не как сектатор"⁷⁵. Следует обратить внимание на последнюю фразу: в ней Чичерин, безоговорочно относя Грановского к либералам, все же делает определенные акценты, достаточно объясняющие своеобразие позиции русского историка. Другими словами, Грановский, не будучи деятелем либеральной "партии" ("секты"), а тем самым не вторгаясь в общественно-политическую тематику, развивает либеральные идеи или же идеи, проникнутые духом либерализма, в

своих исторических изысканиях. Эти идеи имманентно присущи ему как исследователю, как человеку.

И.Ф.Худушина обосновывает мысли об упадке либерализма и угасании приверженности конституционализму в эпоху Николая I

Рубеж 1825 г. обозначил смену идеалов: часть общества, приверженная идеям либерализма, все последовательнее отходила от политики. Радикальная оппозиционность декабристов заканчивалась в светских гостиных, где агенты сыска еще внимательно вслушивались в разговоры о “ложных идеях свободы и прав граждан”. Однако на подобного рода политическую активность правительство уже не реагировало.

Общество устало от напряженного противостояния, оно потеряло своих лидеров, оно смирилось с “силой всцей”. К началу 30-х гг. стал фактом исход дворянской оппозиционности. Вместе с ней угасала приверженность конституционализму. Один из последних конституционных проектов правительства Александра I “Уставная грамота” (1820) (над ней работали Н.Н.Новосильцев и П.А.Вяземский, находясь на службе в Польше) была опубликована польскими повстанцами в 1831 г., что послужило поводом для беспокойства уже Николая I. Тогда же он написал князю Варшавскому: “Напечатание сей бумаги крайне неприятно; на сто человек наших молодых офицеров девяносто прочтут, не поймут или презрят, но десять оставят в памяти, обсудят и — главное — не забудут. Это пуще всего меня беспокоит”⁷⁶. Мертвящее царствование Николая I, так поразительно лишенное какой-либо идеи конституции, есть расплата за нерешительность старшего брата.

В 30-е гг. произошло окончательное изменение политических взглядов М.М.Сперанского, что совершенно невозможно поставить ему в упрек, напротив, это свидетельство прежней остроты восприятия конкретной исторической ситуации. Когда в 1838 г. во “Введении к закону” он отрицал универсальное преимущество политических свобод, признавая необходимость установления гражданского строя в рамках самодержавия, при соблюдении строгой законности, он был также близок запросам действительности, как и в 1809 г., когда настаивал на необходимости установления в пер-

вую очередь конституции. И вот почему. Самый тяжелый удар николаевского режима пришелся на личность, на личность, уже узнавшую вкус свободы, может быть, извращенный, с сугубо российским привкусом, но все же. Личность, относительно свободную в своих поступках и совершенно свободную в своих мыслях. В результате конфликта власти и личности с небывалой остротой вставала проблема прав человека.

В первую четверть XIX в. либерально настроенное дворянство связывало возможность гражданского строя с наличием политических прав, установление которых и составляло тогда первоочередную цель оппозиции. От такой последовательности уже в 30-е гг. пришлось отказаться. В царствование Александра I общество было более готово к установлению политической свободы. О том, что ценность гражданских свобод для личности значительно существеннее, тогда общество просто не ведало, ибо те, в ком сосредоточилась политическая деспособность, те, кто исторически тогда мог вести борьбу за права, уже имели минимум гражданских прав, но не имели никаких политических. Это и выводило ценность политических свобод на первое место.

Как ни тяжело казалось современникам давление режима правительства Александра I, это время все же было в большей степени аристократическим царствованием. Аристократическая автономность давала определенный выход личности, которая, сетуя на отсутствие свободы, еще не ведала, как она будет зажата и бесцеремонно обложена сыском в царствование Николая I. Это было царство доноительства. Перлюстрация писем стала обыденным явлением. Цепь агентуры оплела все общество, агентами были слуги своих господ, друзья друзей, даже родные. Вот тогда, может быть, впервые, общество остро осознало ценность неотъемлемых прав личности. В 1834 г. Пушкин выразил это гениально четко: "Без политической свободы жить очень можно; без семейственной неприкосновенности невозможно: каторга не в пример лучше".

В начале 30-х гг. XIX в. в расстановке общественно-политических сил происходили принципиальные изменения. Ситуация политического небытия аристократии как противовеса самодержавию дополнялась политическим небытием возможно новой оппозиционной силы. Будущая оппозиция угадывалась в демократическом элементе, но в силу его отказа от традиций отцов, вернее, в силу его полного безотцовства, первое поколение демократической оппозиции, которое еще не стало таковой, выглядело если не подкидышем, то уж явной сиротой. Признаки начавшейся

деградации самодержавного режима еще совершенно не означали того, что самодержавие потеряло свой решающий голос. Напротив, именно в 30–40-е гг. XIX в. оно было наиболее сильно тем, что оппозиция была полностью дезорганизована. В этой связи не такой уж парадоксальной видится мысль Леонтовича о том, что именно благодаря укреплению самодержавия смогли пройти либеральные реформы в России в 60-е гг.

Поражение восстания декабристов не парализовало, однако, совершенно общество, не прекратило оппозиционную деятельность дворянской аристократии, изменилась степень ее активности. Вернее, конкретная оппозиционная деятельность сменилась оппозиционной настроенностью. Правда, у самого императора Николая I упоминания сыска о новой конституции, о которой, по донесениям, мечтала молодежь, не вызывали особой реакции, но сведения о наличии тайных мистических сект или кружков “под флагом нравственной философии и теософии” подчеркнуты царем и его рукой написано: “Где, кто — персонально?”¹⁷.

Самодержавие по-прежнему отличало явного врага от мнимого. Как Екатерина II не боялась революционных идей Просвещения, так и Николай I уже не испытывал трепета перед упоминанием о конституции, верно, также прослышав о том, что народ ее считает женой брата Константина. Не страшны идеи, которыми не владеют массы — эта старая истина была хорошо известна русским царям.

На материале эпохи Николая I В. Ф. Пустарнаков продолжает развивать мысль о протолиберализме на начальной стадии истории либерализма в России и выдвигает тезис об оформлении на западной платформе дворянского либерализма как формы паралиберализма

Удивительная все-таки вещь — наша историография с ее поразительными зигзагами. В официозном труде, заканчивавшемся в 1937 г. и опубликованном в 1938 году, о русском “либерализме” 40-х годов сказано еще разумными словами. В аналогичном труде, относящемся к эпохе поздней сталинокрации, изложена уже фантазия. Вульгарно-идеологическая “теория двух лагерей” выразилась в том, что в одном лагере оказались общественные платформы,

противостояние которых предопределило почти все наиболее существенное в истории русской мысли XIX в. и аугается до сих пор. Какая уж тут адекватная история русского либерализма, если понятие "либерализм" при отождествлении славянофилов и западников оказывается безбрежным до бессмыслицы.

Читая тексты И.Ф.Худушиной и В.И.Приленского о русском "либерализме" в эпоху Николая I, нетрудно заметить, какой огромный путь от беспредела 40-х годов до нынешнего здравого смысла прошла отечественная историография русского либерализма. Но думается, что мои коллеги нарисовали все-таки очень неполную картину. Я опять буду настаивать на том, что не вовлекая в оборот в первую очередь проблематику свободы промышленности и свободы торговли, мы не сможем воспроизвести адекватную картину движения в России либеральной идеи.

Период, который в русской истории падает на царствование Николая I, для Западной Европы характерен подъемом либеральных сил, особенно в Англии. В 1832 г. левое крыло партии вигов добилося либерализации избирательной системы. В 1838 г. в Манчестере начала формироваться фритредерская школа сторонников свободной торговли. В 1846 г. при правительстве консерватора Роберта Пилля протекционистские хлебные законы были отменены, что привело к расколу консервативной партии, отходу от нее фритредерского крыла, которое вошло впоследствии, наряду с левым крылом вигов, в либеральную партию Великобритании (первая национальная организация либеральной партии образовалась в Лондоне в 1861 г.). В Европе понятие "либерал" и "фритредер" стали фактически синонимами. По-французски фритредеры назывались либрэшанжистами, и этот термин стал известен также и в России. А пропаганда идеи манчестерской "свободной торговли" достигла огромных масштабов общевропейских и принимала порой экстравагантные формы. Английский политический деятель, последователь Бентама, фритредер Джон Боуринг в одной из своих речей заявил: "Иисус Христос есть свободная торговля, свободная торговля есть Иисус Христос". И Россия такой огромный исторический феномен, как либеральная фритредерская манчестерская школа не обогрела.

После увлечения в России начала XIX в. политической экономией как новой наукой в середине 20-х годов наступило некоторое к ней охлаждение. Более того, предприняты были попытки "изгнать" ее (впрочем, вместе с философией). В 1826 г. попечитель Московского учебного округа Писарев назвал политическую

экономии неблагонадёжной наукой, полагая, что “сия нововведенная наука”, — самоуправна и безотчетна, что “с тех пор как педагоги начали учить, как править государствами, — государства поколебались; стали изыскивать богатства, и мы обнищали”.

Но реальные хозяйственные потребности не позволяли “изничтожить” политическую экономию. В 1834 г. в русском переводе вышла книга последователя Рикардо шотландского экономиста Д.Р. Мак-Куллоха “О начале, успехах, особенных предметах и важности политической экономии” (молодой Маркс называл Мак-Куллоха одним из лучших и известнейших английских экономистов, но впоследствии, систематически обращаясь к его трудам, оскорблял его тем не менее кличками “жалкий болтун”, “бессоветный пошляк” и т.д., наверняка потому, что Мак-Куллох был убежденным апологетом капитализма, снисходительно относился к земельным собственникам, а в политическом отношении находился в рамках вигизма).

Появление перевода книги Мак-Куллоха стало знаком того, что политэкономическая наука в России продолжает существовать: в 40-е годы в России работает уже новое поколение российских экономистов: Л.В.Тенгоборский, А.Буговский, К.С.Веселовский, И.Я.Горлов, А.П.Заблоцкий-Десятовский, И.Вавилов и др. В русской научной литературе и в публицистике вновь зазвучала тема свободы промышленности, свободной торговли и протекционизма. Примечательно, что к концу жизни за “либерализацию” торговли стал выступать даже прежде убежденный протекционист, бывший министр финансов Е.Ф.Канкрин. В книге, вышедшей в Германии в 1848 г., за несколько месяцев до смерти, Канкрин высказался за снижение пошлин на продукты земледелия и за невведение их там, где они до сих пор не существуют. Пошлины, доказывал Канкрин, способствуют отечественной промышленности, но они не должны быть слишком значительны, ибо в таком случае порождают беспечность и перестают поощрять фабрикантов к улучшению их заводов.

Складывавшаяся в 40-е годы в еще почти целиком аграрной стране ситуация с основным ее продуктом — хлебом, а именно то резкое повышение, то понижение цен на хлеб, побуждали экономистов искать какую-то систему хлебной торговли. Примечателен в этой связи один эпизод. В 40-е годы весьма необычной известностью пользовался владелец рельсопрокатного завода С.И.Мальцов (1810—1893). Мало того, что он один из немногих тогдашних заводчиков. Он к тому же прославился мерами по улучшению

материального положения своих рабочих, он, в частности, установил у себя восьмичасовой рабочий день. Так вот этот заводчик-филантроп выдвинул предложение установить твердые цены на хлеб. На это предложение в Вольное Экономическое Общество поступило аж 106 отзывов со всех концов страны.

Поскольку в это же время в Англии проходили жаркие дебаты по проблемам торговли хлебом, нашлись в России деятели, пожелавшие изучить эту проблему в самом эпицентре споров о свободной торговле. В 1843 г. в английском парламенте побывал молодой русский чиновник, будущий профессор Московского университета (1844), рано скончавшийся Ярослав Липовский (1818–1846). Слушал он на митингах и горячие выступления в защиту свободы торговли манчестерцев Кобдена и Брайта.

И вот наступил знаменательный в истории европейского либерализма 1846 год — год отмены протекционистских хлебных законов в Англии. На это событие откликнулись петербургские газеты и журнал министерства государственных имуществ. Молодой профессор Липовский счел эти отклики слабыми и опубликовал в Московском литературном и ученом сборнике (в сборнике, между прочим, были представлены тогдашние весьма почтенные фигуры: Н.М.Языков, И.С.Аксаков, С.М.Соловьев, А.С.Хомяков, К.С.Аксаков, М.А.Максимович, И.И.Срезневский, П.А.Вяземский и др.) пространную статью под названием “Об окончательном отменении хлебных законов в Англии”. В отдельном (1846) брошюрном издании статьи появилось примечательное добавление к начальному заголовку: “предложенном сэром Роберт-Пилем (так писали тогда!) и о влиянии этой реформы на промышленность, на общественную и государственную жизнь Великобритании”. Молодой профессор подошел к сути проблемы: речь шла не просто о событии в торговой политике, а о реформе, затрагивавшей принципы организации общества: должно ли оно основываться на либеральных пр. лицах свободной игры свободных сил или на принципах “отеческого управления”, принципах регламентируемого и регулируемого государством общества.

Сам Я.Липовский достаточно отчетливо обозначил в своей работе собственную позицию как идеолога среднего сословия, ратующего за права личности и собственности, за развитие промышленности и вообще благосостояние. Рассказав довольно подробно об истории создания манчестерской школы, он оценил ее деятельность как “смелый и огромный подвиг”, особенно в связи с ее противостоянием британской аристократии. В манчестерах он усмат-

ричал достойных последователей учения Адама Смита о пользе свободной торговли, о том, что тарифы, пошлины и монополии замедляют успехи промышленности и обременяют потребителей. Отмену хлебных законов в Англии Я.Линовский приветствует: "...Не только одна Англия выиграет от этого постановления, но и многие другие государства, преимущественно земледельческие. Россия в особенности должна радоваться этой реформе, ибо у нас более чем где-либо добывается сырых продуктов, составляющих главнейший предмет внешней торговли; у нас сильнее, чем в других странах, жалуются хозяева на непрерывное колебание цен, на трудность сбыта земледельческих продуктов"⁷⁸.

Сказав "а", Линовский не сказал, однако, "б": либеральный принцип свободной торговли, который он посчитал выгодным для России в торговле сельхозпродуктами, он объявил неприменимым к России в сфере промышленности. "В настоящее время, — писал он, — все государственные люди более или менее убеждены в том, что абсолютная свободная торговля, предлагаемая часто теоретиками, тогда только могла бы существовать, когда бы весь род человеческий составлял одно нераздельное целое, одно государство"⁷⁹. Молодой профессор высказался поэтому за временное покровительство возникающей промышленности, пока производительные силы государства не поднимутся на высшую ступень развития и смогут соперничать с более сильным, деятельным, образованным народом: "Это гласит не только Лист и его школа, но это превосходно понимают все практические государственные люди..."⁸⁰. У Я.Линовского получились любопытный теоретический компот: наградив сначала комплиментами либералов-фритредеров, последователей Адама Смита, он не устоял и перед теорией национально-либеральной политической экономии немецкого протекциониста Листа. Это было не просто индивидуальное противоречие в мировоззрении молодого профессора, но отражение противоречия во всем русском обществе между "теоретическим" и "практическим" разумом, только применительно к сфере экономики. Теоретически великими достоинствами обладала либеральная теория свободной торговли, на практике же она оборачивалась для промышленности России огромными минусами.

В том же 1846 г., когда теоретик Я.Линовский делился своими соображениями о свободной торговле и протекционизме, императорское Вольное Экономическое Общество сочло необходимым, чтобы относительно животрепещущих торговых дел высказался практик: "первостепенному кушу" Ивану Вавилову Общество по-

ручило, как бы мы сейчас сказали, прочитать цикл лекций (тогда это называлось "публичные беседы"). И.Вавилов такие беседы провел, а затем выпустил довольно объемную книгу⁸¹.

И.Вавилов — не простой купец, а весьма просвещенный идеолог торгово-промышленной буржуазии, осознающий близкую связь торговли с промышленностью, влияние промышленности и торговли "на образованность, просвещение и силу народов", понимающий, что "одно только просвещение может поставить Русское купечество на одну ступень с иностранным"⁸².

Хотя "практик" И.Вавилов в начале своей книги попытался отксерститься от любых экономических теорий, все-таки свою позицию ему пришлось обозначить: он высказался за протекционизм, против либерального принципа свободной торговли. Констатируя слабую развитость русской внешней торговли вообще, к тому же находящейся в руках иностранных негоднянгов и их комиссионеров, пребывающих в России, И.Вавилов сформулировал основные принципы: "Для успешного же хода внешней торговли Правительство сколько можно ограждает ее права от совместничества и влияния иностранцев, подкрепляя своих негоднянгов разными преимуществами"⁸³. «Если будем рассматривать с настоящей точки ход торговли коммерческих наций, то мы увидим, что ни одна из них не сделала замечательного успеха в коммерции, не даровавши существенных прав и преимуществ своему коренному купечеству пред иностранным. — Все они стараются поощрять отечественную коммерцию и мореплавание уступкою пошлин, премиями и разными привилегиями, примером тому могут служить Англия, Франция, Голландия, Северная Америка и т.д.; хотя ныне Англия и склоняет все коммерческие нации к равенству прав коммерческих, не говоря уже о том, что равенство это есть только мнимое, она вздумала предложить его другим нациям, тогда уже, когда ее купеческий флот несравненно превсходит флоты других государств, и тогда, когда коммерция ее благодаря этой охранительной системе, какой она не терпит у других, достигла такого величия, каким подавляет коммерцию всех других наций. Склоняясь безусловно на подобное равенство прав и преимуществ в коммерции, значит: "Сражаться с Голиафом маломочному Давиду без пращи!"»⁸⁴.

Уж если профессор, ориентирующийся на интересы третьего сословия, а тем более первостатейный купец не принимали либеральные фритредерско-манчестерские принципы, то неудивительно, что идеологи российского консерватизма николаевской

эпохи тем более не хотели слышать об их применении к российской действительности. Самое большее, на что шли некоторые из консерваторов — это, как и при Александре I, утилитарное использование идеи свободы в торговле российскими сельхозпродуктами на европейском рынке.

Но по сравнению с александровской эпохой в николаевское время в русской общественной мысли наметились и благоприятные для либерализма подвижки. Одним из демонстративных свидетельств тому являются события, связанные с приездом в Россию осенью 1847 г. одного из лидеров манчестерской школы, самого Ричарда Кобдена. “Знаменитый Кобден”, как назвал его “Московский Городской Листок”, приезжал на Нижегородскую ярмарку, а в Москве обзирал фабрики, в частности Гучковых и Прохоровых и, между прочим, “удивлялся на некоторых из них успехам техники и заботливости хозяев о рабочем классе и вообще с доброжелательством отзывался о России”⁸⁵. Но не этой, любопытной, впрочем, деталью ознаменовался визит Кобдена: приезд английского фритредера стал поводом для новой стычки в прессе по вопросу о свободной торговле. В своей газете “Северная Пчела” консерватор Фаддей Булгарин высказал несколько весьма категорических тезисов: “...Свобода торговли может быть применяема только к одной Англии”; “...для Русской фабричной и мануфактурной промышленности, едва оперившейся, и для русского земледелия и скотоводства, находящихся еще в колыбели, эта система пагубна”; “Свобода торговли — мечта или игрушка, а таможня есть карантин от страшной болезни, называемой народная бедность”⁸⁶. В “Северной Пчеле” попадались оскорбительные выражения типа “Кобденлы скотского мира”.

Либеральная по тогдашним понятиям газета “Санкт-Петербургские ведомости” ответила, да как! Младший брат известного историка и писателя начала XIX в. Николая Молсого К.А. Полевой (1801–1867) буквально воскликнул в связи с высказываниями против свободы торговли: “Кто подумал бы, что в наше время найдется человек, который станет доказывать вред ее!”⁸⁷.

Публицист Санкт-Петербургских ведомостей, конечно, ошибался: претивников фритредерства в России было много. Но сам факт, что оказалось возможным публично заявить чуть ли не о всеобщем принятии в России идеи свободной торговли, свидетельствовал о том, что в отношении к фритредерству в русском обществе конца 40-х годов произошли значительные изменения. Российские консерваторы (в том числе из буржуазной среды),

противники фритредерства, руководствовались главным тезисом: свободная торговля -- душитель русской промышленности. А его сторонники выкинули на стол козырную карту: открыв порты Англии для русского хлеба, фритредер Кобден обеспечил России неслыханные прибыли⁸⁸.

Вспышка нового спора о свободной торговле в связи с приходом в Россию фритредера-манчестерца Р.Кобдена стала еще одним из проявлений оживления начавшегося еще в александровскую эпоху противостояния сторонников и противников "экономического либерализма".

Правда, как и в начале XIX столетия, фритредерство в николаевской России носило превращенную, русифицированную форму: если в Западной Европе идеологами фритредерства-либерализма выражались в первую очередь интересы либеральной промышленной буржуазии, то в России "свободную торговлю" защищало торгующее сельскохозяйственной продукцией дворянство. Для дворянства фритредерство, как в александровское, так и в николаевское время, оставалось просто утилитарным средством конъюнктурной торговой политики, отнюдь не являясь выражением модели либеральной свободной экономики английского типа. По сути дела, такое фритредерство эпохи Николая I являлось несколько осовремененным физиократизмом, вполне совместным с политическими формами самодержавия, а потому оно не было, строго говоря, настоящим экономическим либерализмом, а только протолиберальным элементом в консервативной, по преимуществу дворянской, идеологии. Выразителями идей свободной промышленности и свободной торговли, наряду с манчестерцами, по-прежнему выступали физиократы и Адам Смит. На них, как и в начале века, сосредоточивали свой огонь консерваторы всех оттенков. В николаевское время настоящий русский экономический либерализм еще не оформился, а война против него уже развертывалась.

Вопреки предпринятой в 40-е годы попытке включить славянофилов в либеральный лагерь (увы, и до сих пор встречаются авторы, относящие славянофилов к либералам) следует сказать, что славянофилы, изначально находясь в глубокой оппозиции ко всему буржуазному, выступали противниками всякого либерализма. А.С.Хомяков, симпатизировавший политическому строю Англии эпохи тори, как бы подчеркивал тем самым свое неприятие вигизма, из которого вырос английский либерализм.

Буквально красной тряпкой для российских консервативных критиков западноевропейского либерализма стало мальтузиан-

ство. Принадлежность Мальтуса к либералам стала для консервативных критиков либерализма одной из козырных карт. Когда, скажем, консервативный романист В.Ф.Одоевский формулировал тезисы: "Мальтус есть последняя нелепость в человечестве"; "Мысли Мальтуса, основанные на грубом материализме Адама Смита..."⁸⁹, они, по-видимому, доходили до многих умов и отнюдь не способствовали умножению в России числа приверженцев либерализма.

Уже в александровское время, наряду с консерваторами, идею свободной промышленности и свободной торговли отказались принять некоторые наши радикалы из среды декабристов. В 40-е годы российский радикализм значительно окреп, и в числе его противников оказались физиократизм и смитонианство.

Наиболее прицельно по этому принципу отстрелялся "петрашвец" В.Н.Майков, синкретическое мировоззрение которого носило просветительский в основе характер, но уже содержало очевидные вкрапления социалистических идей. Против принципа *laissez faire, laissez passer* В.Н.Майков выдвинул в 1846 г. аргументы, которые в дальнейшем в разных вариантах будут повторяться и развиваться русскими радикальными критиками либерализма. Физиократам и Смиту Майков противопоставил Сисмонди. "...Полувесковой опыт, — утверждал Майков, — заставил подозревать, что в знаменитой формуле физиократов таится для человечества зародыш неисчислимых страданий, и Сисмонди, восстав против безусловной свободы промышленности вообще, не мог не воззвать к общественным властям, убеждая их обратить силу свою на водворение порядка и справедливости среди экономической анархии. С тех пор вопрос об участии правительства в делах промышленности решается экономистами *pro* или *contre*, смотря по тому — принадлежат ли они к школе Смита или идут по новому пути, указанному Сисмонди"⁹⁰. Главный и сильно действующий психологически упрек Майкова в адрес Смита состоял в том, что в его теории нет и намёка на справедливое распределение богатства. "Государства, принявшие систему Смита, — утверждал Майков, — являют собой картину благосостояния немногих избранных, основанного на разорении большинства"⁹¹.

В 1845 г. во Франции вышла книга либерала Дюноае "Свобода труда". И ее В.Н.Майков не оставил без своего критического внимания, включив ее автора в число тех, кто вместе с физиократами и Адамом Смитом несет неисчислимые страдания человечеству... Радикальная критика "петрашевцем" Майковым физиократов

и Смита означала, что на поле действия формирующегося русского либерализма в 40-е годы стали образовываться новые "узкие места", на которых ему предстояло держать нелегкую оборону, объясняясь, в частности, за мальтузианство классического либерализма, за равнодушие к идее социальной справедливости и т.д. и т.п..

Поскольку до сих пор встречаются высказывания о том, что западники — это представители русского либерализма и что это чуть ли не общепризнанный факт, есть смысл еще раз присмотреться к соотношению "западничество" — "либерализм".

Открываем, например, том Малой Советской Энциклопедии, написанный еще в 1929 году. Б.Поршнев, автор статьи "Западники", различает в западничестве: левое крыло (Герцен, Огарев, "отчасти" (!) Белинский), которое "разделяло взгляды буржуазно-утопического социализма"; "либерально-буржуазный центр западников", представленный Грановским, Боткинским и др.; правое крыло (см. Кавелин), примыкавшее к идеям умеренно монархическим, приблизившееся позднее, с 60-х гг., к реакционному абсолютизму (Чичерин, Катков). Далее идут утверждения: "Идеология западников получила оформление в двух кружках в 30-х гг. 19 в.: в кружке Станкевича (участники: Бакунин, Белинский, Боткин, Грановский и др.)...", "Разложение западников началось в конце 50-х и начале 60-х гг., вместе с распадом славянофильства. Влияние западников испытали на себе идеологии многих более поздних революционных группировок (социализм Чернышевского и Добролюбова, народничество 70-х гг.)"⁹².

Перед нами концепция, согласно которой западничество — это не просто общественное течение (правда, неоднородное, с разными "крыльями"), но некая общая идеология. Как себе мыслил Б.Поршнев эту общую идеологию, представителями которой были столь разные мыслители от Герцена до Чичерина и Каткова, сказать очень трудно.

Пропустим годы господства сталинско-жdanовской идеологии и заглянем в третье издание БСЭ. В 1972 г. С.С.Дмитриев предложил версию западничества, весьма непохожую на версию конца 20-х годов. По мнению С.С.Дмитриева, идеи западничества выражали и пропагандировали: П.Я.Чаадаев, И.С.Тургенев, Н.А.Мельгунов, В.П.Боткин, П.В.Анненков, М.Н.Катков, Е.Ф.Корш, А.В.Нижиненко, Т.Н.Грановский, П.Н.Кудрявцев, С.М.Соловьев, К.Д.Кавелин, Б.Н.Чичерин, П.Г.Редкин, И.К.Бабст, И.В.Вернадский, Д.В.Григорович, И.А.Гончаров, А.В.Дружинин, А.П.Заблочкин-Десятовский, В.Н.Майков, В.А.Милотин, Н.А.Нескрасов,

И.И.Панасев, А.Ф.Писемский, М.Е.Салтыков-Щедрин и др. “В общественной борьбе против реакционной официальной идеологии, .. и в идейных спорах со *славянофилами* вместе с западниками выступали в 40-х гг. А.И.Герцен, Н.П.Огарев, В.Г.Белинский. В конце 30-х и в 40-х гг. 19 в., когда между демократизмом и либеральной идеологией еще не было тех противоречий, которые обнаружилось позднее, на рубеже 50-60-х гг., Герцен, Огарев и Белинский воспринимались в общественно-идейных спорах и журнальной полемике как западники, и сами себя к ним относили. Однако по сути взглядов и общественно-политической позиции они являлись представителями зарождавшейся революционно-демократической идеологии”⁹³.

В отличие от Б.Поршнева С.С.Дмитриев уже не включает прямо в западничество демократов Герцена, Огарева и Белинского, ставя их, правда, рядом. Западничество же выступает как “одно из направлений русской общественной мысли 40-50-х гг. 19 в.” и как “либеральная идеология”, отличная от зарождающейся революционно-демократической идеологии. Если не принимать во внимание отдельные нюансы, то концепцию, изложенную в третьем издании БСЭ, можно, пожалуй, считать господствовавшей до недавнего времени в отечественной историографии.

Совсем недавно оригинальную концепцию западничества предложил А.И.Володин⁹⁴. А.И.Володин совершенно справедливо возвращается к высказанной еще в прошлом столетии мысли о неадекватности термина “западничество” (равно как и “славянофильство”) и пишет о “так называемых западниках”. Автор выделяет три основные идеи “западничества” XIX в.:

1) констатация давней исключенности России в контекст мировой, прежде всего европейской, истории, зависимости ее развития от этого “контекста”;

2) приоритетность личности, ее освобождение от традиционных, преимущественно патриархальных и средневековых пут, провозглашение ее свободы и самоценности, развитие ее самостоятельности в истории;

3) постановка западниками вопроса о правовом обеспечении свободы личности.

А.И.Володин опустил вопрос об объективной неоднородности, гетерогенности “западничества”. Но если мы посмотрим, кого он включает в число западников, то этот вопрос всплывает сам собой. В статье фигурируют “западники”: А.И.Герцен, В.Г.Белинский, П.В.Анненков, Н.Г.Чернышевский, Д.И.Писарев,

П.Я.Чаадаев, П.Л.Лавров, В.П.Боткин, Н.К.Михайловский, К.Д.Кавелин, П.Б.Струве... Как и Б.Поршин в конце 20-х годов, А.И.Володин включил в западничество и "левых", и "центристов", и "правых". Но есть и принципиальное, качественное отличие позиции А.И.Володина от автора 20-х годов, равно как и от авторов, писавших о западничестве в духе С.С.Дмитриева: А.И.Володин акцентирует "условный характер" самого понятия "западничество", необходимость заключения его в кавычки. На наш взгляд, этот вывод имеет принципиальное значение. Пора, давно пора прекратить разговоры о западничестве как о некоем направлении русской общественной мысли, тем более как в некоей общей "либеральной" идеологии. Действительно, "были западники и "западники"", как верно заметил А.И.Володин. Проблема, однако, заключается в том, чтобы, признав "западничество" условным термином, "раскассировать" его как одно "либеральное направление", как "идеологию", не выплеснуть вместе с водой и ребенка.

На протяжении веков, с первых политических и культурных контактов еще древней, а затем средневековой, московской Руси с Западной Европой, позитивное или негативное к "Западу", положительные или отрицательные взгляды на роль западной культуры в русской культуре стали, имплицитно или эксплицитно, неизменным компонентом буквально всех направлений русской общественной мысли, всех идейных группировок, а затем и политических партий. Никогда не было некоего одного "западничества". Сколь многоликой всегда была Западная Европа, столь многоликим было и русское "западничество". Каждый из русских "западников" симпатизировал не вообще какому-то отвлеченному Западу, а достаточно определенному кругу родственных его умонастроению или его теоретическим принципам западноевропейских ценностей. Проблема русского "западничества" — это не только отношение к "Европе" мыслителей-демократов, дворянских и буржуазных либералов. Элемент "западничества" есть в самых что ни на есть антизападнических течениях русской мысли.

Разве династия Романовых, ставшая династией немецкой по крови и поддерживавшая тесные родственные контакты со своими немецкими сородичами, не подражала Западной Европе? Разве случайно в русской литературе писали об австрийском образце, на который походило русское самодержавие? Разве не Екатерина II объявила Россию страной европейской? Разве случайно Николай I слыл сторонником "норманизма", столь противного славянофилам и советским патриотам сталинско-жdanовского разлива? И это все

при официальном национализме, в рамках теории православия, самодержавия и народности: утилитарное западничество царского двора — существенный компонент этой идеологии. Только при таком “западничестве” в российских правительствах могли время от времени появляться “либеральные бюрократы” типа Сперанского, а затем Валуева, Лорис-Мелкова или Витге.

Православная русская церковь при ее византийском происхождении и вековой идейной ориентации на Константинополь периодически сталкивалась с попытками ее, нередко высокопоставленных, адептов внести в православие западноевропейские христианские ценности: то это были заимствования из католического или протестантско-рационалистического, то из мистического богословия. Если глубоко верующий Гоголь симпатизировал протестантизму, а священник Бухарев получил прозвище русского Лютера, Вл. Соловьев принял католическую веру, если XIX век принес с собой многочисленные попытки обновить православие фактически в духе протестантизма, если веками повторялись попытки соединения восточной и западной церквей, то правомерно выделить прозападнические мотивы также в православно-христианской мысли.

Значительная часть русских аристократов еще в XVIII веке так “европеилась”, что многие из них уже плохо говорили по-русски и гораздо лучше по-французски или по-немецки. Петр Чаадаев симпатизировал средневековой католической Европе. И это тоже западничество, но западничество консервативное, обусловленное не столько религиозными мотивами, сколько светскими, аристократическими ценностными установками.

К консервативным западникам, но совершенно другой разновидности, нежели Чаадаев, относился еще с 40-х годов М.Н.Катков.

Западнический элемент есть даже в таком в принципе антизападническом течении как славянофильство: славянофилы, скажем, очень ценили Баадера, Шеллинга; у них есть заимствования из консерватизма английских тори и т.д.

Русские просветители 40-60-х годов XIX в., дворянские и буржуазные либералы в свою очередь, по своим мотивам, в том или ином объеме ориентировались на западноевропейские ценности, соответствующие их мировоззрению, их идеологии. Каждый из них был западником, но по-своему.

Если так понимать русское “западничество”, то очевидно, что его ни в коей мере нельзя отождествлять только с либеральной идеологией. Но “западничество”, в его наиболее последовательных

формах, создавало идейную атмосферу, более или менее благоприятную для проникновения в Россию настоящих либеральных идей.

Можно, пожалуй, согласиться с теми авторами, в том числе В.И.Приленским, которые полагают, что центральная фигура сформировавшегося на базе западничества русского Просвещения российского либерализма — это Т.Н.Грановский. Но, в отличие от В.И.Приленского, я связываю Грановского не с идеологией русского Просвещения, которое, по моим представлениям, изначально носило демократический характер и, кроме того, включало в себя значительный пласт социалистических идей, но считаю правомерным применение к нему традиционного термина “дворянский либерал”—западник.

К тому, что сказал В.И.Приленский о либерализме Грановского, я бы добавил несколько штрихов. Я бы не преувеличивал “практический” характер этого либерализма. Высказывания Грановского в защиту западничества и против консервативного славянофильства, с одной стороны, против демократов и социалистов — с другой, его почти полная сосредоточенность на идее реформирования исключительно политических форм и учреждений, апелляция к правам человека и т.д. — все это направления, по которым Грановский теоретически обосновывал сформировавшийся отечественный либерализм. А его резкое противостояние славянофильству под экстравагантным лозунгом: “Эти люди противны мне как гробы. От них пахнет мертвечиной”⁹⁵, — одна из светлейших страниц истории западничества и формирования теории русского либерализма.

Я бы несколько смягчил мысль В.И.Приленского о неприятии Грановским всякого насилия, А как изволите истолковывать весьма категорическую мысль Грановского о Петре I, которого некоторые нынешние наши либералы считают своим символом: “Не только Петр Великий был бы нам полезен теперь, но даже и палка его, учившая русского дурака уму-разуму”⁹⁶.

Основное направление становления Грановского как одного из теоретиков западного дворянского либерализма я связываю с его философским либерализмом, проявившемся в его исследованиях по философии истории. Профессор Московского университета не был чисто академическим ученым. Ценностные ориентации его становящегося либерального мировоззрения пронизывали его “штудии” по истории и отражали его теоретически осмысленный философский либерализм.

Думается также, что крупный исторический масштаб личности Т.Н.Грановского не должен закрывать некоторых его современников, соратников по становящемуся дворянскому либерализму. Мысль В.И.Прилепского о "практическом" характере либерализма Грановского я хотел бы использовать для доказательства тезиса о том, что поскольку у Грановского теория либерализма действительно разработана незначительно, его взгляды, несмотря на крупный исторический масштаб его личности, не могут служить наиболее адекватной моделью дворянского либерализма николаевской эпохи. На мировоззрении ровесника Грановского литературного критика П.В.Аппенкова (1813—1887) и, чуть более старшего, публициста В.П.Боткина (1810—1869) характер дворянского либерализма николаевской эпохи можно проиллюстрировать более демонстративно, чем на мировоззрении Т.Н.Грановского.

Что представлял собой становящийся российский "дворянский либерализм" николаевской эпохи? (Термин, правда, очень неточный, как показал еще в 1964 г. А.Валицкий, но применять который все-таки можно.) Почему "дворянский", т.е. небуржуазный и вместе с тем "либерализм", т.е. по определению "буржуазный"?

В.П.Боткин и П.В.Аппенков выражали ту стадию развития российского либерализма, на которой последний только начинал оформляться в более или менее определенную систему идей, когда не существовало еще и самой русской буржуазии как класса "для себя" и соответственно аморфной была и его идеология. В кругу Боткина—Аппенкова наличествовали еще явные продворянские тенденции. Как дворянин В.П.Боткин провозглашает: "Я вовсе не поклонник буржуазии. И меня, не менее всякого другого, возмущает и грубость ее нравов, и ее сальный прозаизм". В духе "феодалного социализма" Боткин признает даже, что "... в качестве угнетенного, класс рабочий, без сомнения, имеет все мои симпатии". "А вместе с тем, — заключает он, — не могу не прибавить: дай Бог, чтоб у нас была буржуазия"⁹⁷. По ряду важнейших вопросов тогдашней общественной жизни ("европеизация" страны, отношение к крепостному праву, сословным дворянским привилегиям и т.д.) Боткин стоял на антикрепостнической "западнической" платформе, он ориентировался на европейский промышленный путь развития. С интересами буржуазии он связывал идею неприкосновенности личности и собственности, считал, что настало время, когда средний промышленный класс, перестав быть ничтожным разносчиком и торгашом, начинает получать общественное значение, становится необходимым звеном "в целом сос-

таве общественном". Идею бессловности Боткин еще не приемлет, он радуется, что "сословия дворянское, купеческое, мещанское и цеховое, сошлись вместе", надеется, что "торговые дома будут основываться дворянством, и оно выступит на поприще промышленности"⁹⁸. Но европейскую цивилизацию Боткин не принимает безоговорочно, считая ее бедной общечеловеческими элементами; он надеется, что к ней "пристанет Азия и Африка с ее "одичалой", но все-таки человеческой природой Востока". Если к этому добавить, что Боткин — противник "легкомысленного фритредерства", сторонник покровительства национальной промышленности, то перед нами предстанет причудливая смесь продворянских и пробуржуазных мыслей.

Анненков и Боткин — свидетели момента, когда в Западной Европе разгорелись споры между "экономистами" (т.е. либералами) и социалистами. Как же они реагировали на этот спор?

Разбирая в 1847 г. спор между экономистами и социальной школой, Анненков отвергает три "философские" системы: "позитивную" философию Конта, "гуманитарную" Пьера Леру, "католическо-демократическую Бюше". Конт не симпатичен Анненкову, в частности, потому, что советует "политическую стоячесть". Свои симпатии Анненков отдает "экономистам", а не социалистам. В его глазах "чистые экономисты — это те, кто защищает личное право каждого члена в государстве", в противовес тем, кто стоит за безграничное "право общины" (среди них кабетисты, фаланстериане, социалисты), а также Прудон, который представляется Анненковым столько же врагом личного права, сколько и общинной тирании.

В приведенных высказываниях Боткина и Анненкова отчетливо просматриваются их протолиберальная, скорее даже паралиберальная политическая, окололиберальная позиция, близкая к настоящему либерализму, с акцентом на индивидуальное личное начало, хотя вместе с тем очевидно, что на их представлениях о личности лежит еще дворянско-аристократический отпечаток. В адекватную правовую форму, что обязательно для настоящего либерализма, они не облекли свое "личное начало".

Боткин и Анненков — первые русские дворянские либералы, у которых намечены достаточно заметными штрихами будущие либеральные социально-философские концепции. Во всяком случае их философский либерализм бесспорен. Боткин отрицательно относится к спекулятивной метафизике и склоняется в той или иной степени к эмпиризму и даже к позитивизму. Так в сфере философии

он симпатизировал Конту, сугубо критически относился к Гегелю и к немецким теориям с их “схоластической внешностью”, хотя не стал последовательным позитивистом. Антиспекулятивные, “позитивистствующие—реалистические” ориентации его философских взглядов проявились достаточно четко, что как раз характерно для философского либерализма. Примечательно, что статья Боткина “Германская литература”, которая явилась первым в России печатным откликом на работу молодого Ф.Энгельса, находившегося тогда на левогегельянских позициях, “Шеллинг и откровение” была опубликована на страницах “Отечественных записок”, издававшихся А.А.Краевским, чье мировоззрение в те годы также находилось в рамках дворянского либерализма, хотя в его журнале до 1846 г. одну из главных ролей играл лидер становившегося в те годы революционно-демократического крыла в русском Просветительстве 40–60-х годов XIX в. В.Г.Белинский.

В чем проявился философский либерализм Боткина в этой статье?

Боткин приветствует переход немецкой философии в лице младогегельянцев от “вращения” почти исключительно в теоретическом, отвлеченном направлении к сфере практической. “Молодая гегелевская школа” — это критическое движение, которое имеет много общего с французской литературой XVIII века. Боткин считал, что “чтения Шеллинга” в Берлинском университете организованы с целью пресечь влияние младогегельянцев; историю призвания Шеллинга в университет он излагает, опираясь, в частности, на брошюру Энгельса “Шеллинг и откровение”, которая вышла с подзаголовком “Критика новейшего покушения реакции на свободную философию” (!).

Факт обращения Боткина именно к брошюре левогегельянца Энгельса “Шеллинг и откровение” весьма примечателен: мысль Энгельса о том, что левогегельянство придало учению Гегеля новый “французский вид”, что это учение приняло в устах его учеников более человеческую, более наглядную форму, что противник Гегеля Шеллинг — реакционер, покушающийся на “свободную философию”, сторонник примирения веры и знания, философии и религии, что его учение не имеет основы ни в себе самом, ни в чем-либо другом доказанном, что левогегельянская критика Гегеля ведет к тому, что в философии занимается новая заря, всемирно историческая заря, подобная той, когда из сумерек Востока пробилось светлое, свободное эллиническое сознание, что мир, который был до сих пор человеку так чужд, природа, скрытые силы которой пу-

гали человека как привидения, оказались родственными, близкими человеку, что человек — это самое любимое дитя природы, возвратившееся к своей матери-природе и т.д. не могли не импонировать Боткину. Они упрочивали его уверенность в истинности его мыслей насчет оценки состояния немецкой философии, в связи с выходом на арену левогегельянства, оценки сути и исторических судеб философии Гегеля как философии осторожной и нелиберальной, а с другой стороны, оценки левогегельянства как школы, стремящейся сблизить науку с жизнью, школы, сближающейся с духом французской литературы XVIII в. Принципиально нового Боткин у левогегельянца Энгельса не заимствовал. Ориентация его мировоззрения до знакомства с его работой уже была примерно такой же, как в момент работы над статьей “Германская литература”. Тенденция к критике отвлеченно теоретического характера немецкой идеалистической философии начала XIX в., особенно Шеллинга и Гегеля, внимание к “практической сфере”, к реализму, к позитивности, predeterminedena внутренней природой дворянского либерализма Боткина. Но нельзя не заметить, что в статье “Германская литература” боткинские мысли относительно немецкой философии и вообще его философский либерализм получили весьма четкую форму, в чем нельзя не видеть влияния глубоких мыслей левогегельянской статьи Энгельса “Шеллинг и откровение”.

Если философский либерализм Боткина особенно проявился в связи с работой младогегельянца Энгельса, проявителем философского либерализма П.В.Анненкова стал Маркс периода уже ставшего марксизма.

Внимание Анненкова к Марксу — не случайно. Добиваясь личного знакомства с ним, он действовал не из любопытства, а из желания ближе познакомиться с набравшим силу социальным движением, в котором Маркс играл все более и более заметную роль. Анненков — не просто “русский турист сороковых годов”, как называл его Лавров; нельзя сказать, что “не имея твердых общественных убеждений”, он обладал, так сказать, “умственной беззаботностью” и “нравственным безучастием” и “наблюдал за европейской жизнью с позиций любопытствующего путешественника”, что он вообще оказался совершенно неподготовленным к восприятию взглядов Маркса. Как и в случае с Боткиным, идейные контакты Анненкова с Марксом (с ним Анненкова в марте 1846 г. познакомил Г.Толстой) — это начало своего рода диалога российского либерализма с социализмом вообще, марксизмом в частности, одним из наиболее ярких аспектов которого станет участие

русских либералов в дискуссиях о “Капитале” в 70–80-х годах XIX в., а заключительным, мощным аккордом конца XIX в. станет “легальный марксизм”, представлявший собой первый политический союз русских либералов и русских марксистов.

Какие ж идеи Маркса привлекли внимание дворянского либерала Анненкова?

Знаменитое письмо Маркса Анненкову от 28 декабря 1846 г., в котором изложена в обобщенном виде Марксова концепция исторического материализма и политической экономии в том их виде, как они сложились к моменту выхода в свет “Нищеты философии”, произвели на адресата, по его выражению, “поистине живительное действие”. Дружеский голос Маркса отрезвил российского корреспондента, очень симпатизировавшего многим идеям Прудона. Призыв Маркса “держаться в рамках реального”, указание на опасность быть ослепленными ложным блеском абстрактной идеи, совет держаться экономических и исторических фактов в их действительном развитии, а не вымышленного развития чистых категорий и логических противоречий — подорвал у Анненкова самую основу чрезвычайно сложного здания прудоновской системы, которую он теперь признал оторванной от жизни, историей и подлинной наукой.

Маркс как философ-материалист, Маркс как экономист впервые услышал от русского дворянского либерала слова признательности “за то целебное действие, какое оказывали” его мысли, отрезвлявшие от идеализма и метафизики. Ориентированность дворянско-либерального мировоззрения Анненкова против идеалистической спекулятивной метафизики, на “практический мир”, проявившаяся у него еще до знакомства с идеями Маркса, стала той базой, на которой оформились его симпатии к отдельным аспектам Марксова философского материализма (враждебное отношение к философии, оторванной от жизни, признание первичности материального и вторичности идеального, доверие к опыту, к фактам). Другое дело, что то влияние, которое испытал дворянский либерал Анненков со стороны Маркса, вылилось только в форму философского либерализма: в Марксовы формулы он вкладывал свое содержание, толковал их по-своему. Наиболее заметным влиянием именно Марксовых идей проявилось в том, что Анненков частично воспринял основное положение исторического материализма о решающей роли способа производства в жизни общества. О значении промышленности в общественной жизни он знал и раньше, но Маркс стимулировал его мысль к более сложному тео-

ретическому обобщению, что и вышло в формулировке Анненкова в духе "экономического материализма".

Уже в 40-х годах дворянский либерал и первый русский почитатель Маркса Анненков вычитал очень нужный для себя "экономический материализм". На путях политико-экономического и исторического "реализма" мыслил себе Анненков также возможности общественного движения в России по пути цивилизации, а последняя, считал он, не может отказаться от всего того, что она завоевала для человечества навсегда, приобрела путем разделения труда, машин, конкуренции и т.д.

Во взаимоотношениях Анненкова с Марксом выявилась еще одна особенность его философского либерализма. Ему не могли не импонировать Марксовы мысли о том, что люди не свободны в выборе той или иной общественной формы или своих производительных сил, что экономические формы, при которых люди производят, потребляют, совершают обмен, являются формами преходящими и историческими. Такие мысли вполне поддавались дворянско-либеральной интерпретации в пользу развития России к цивилизации, но развития эволюционным путем.

Неприятие российскими дворянскими либералами круга Анненкова-Боткина социализма также сказалось в тот момент, когда они вступили в идейный контакт с марксизмом. Анненков прямо задавал Марксу вопрос: не предполагает ли коммунизм отказа от некоторых преимуществ цивилизации, отречения от некоторых прерогатив личности, завоеванных с таким трудом, не предполагает ли он весьма трудно достижимого высокого уровня всеобщей нравственности? Его пугало, что коммунизм придется внедрять и испытывать на практике "принудительно".

Анненков стал тем посредствующим звеном, через которое влияние отдельных идей Маркса, хотя и не очень сильное, дошло до Боткина. Боткин вместе с Анненковым совершает в 1846 г. трехмесячное путешествие. В боткинских "Письмах об Испании" появляются мысли, которые в некоторой степени отражали идейное содержание контактов Маркса с Анненковым.

Разумеется, "экономический материализм" Боткина, как и Анненкова, отнюдь не объясняется в первую очередь влиянием идей Маркса; но это — и не просто следы знакомства с отдельными высказываниями Маркса, как иногда у нас писали. Именно потому, что Боткин и Анненков иногда признавали до 40-х годов, а с конца 40-х годов навсегда признали значение экономического фактора в истории, они могли найти с марксизмом некоторые

точки соприкосновения. Сам по себе марксизм не мог бы внести ничего принципиально нового в дворянско-либеральное мировоззрение Боткина и Анненкова, если бы они не были готовы к восприятию некоторых его идей. Идеи Маркса лишь упрочили их философский либерализм, веру в антиметафизику, ангиидеализм, в "реализм" вообще, в значение экономической деятельности людей, производства, промышленности в частности.

Когда Анненков вернулся в Россию, от дальнейших контактов с Марксом он воздержался. Оправдывался он тем, что, мол, время надежд, гаданий и всяческих стремлений тогда уже прошло, а практическая деятельность Маркса не соответствовала условиям русской жизни вообще, а если, мол, стоять на почве русской жизни, то за деятельностью Маркса можно было следить только издали, отрывочно, через газеты и журналы. Со своей точки зрения Анненков был, в сущности, прав. Российская действительность еще не созрела не только для усвоения марксизма. Сам российский дворянский либерализм, который Анненков представлял, не созрел еще настолько, чтобы попытаться использовать марксизм в большем объеме, нежели он был использован им в 40-е годы.

Напоминая об "экономическом либерализме" эпохи Николая I и о западническом дворянском либерализме Анненкова и Боткина, я хотел показать, сколь неправомерно было строить концепции русского либерализма николаевской эпохи на какой-то одной фигуре, даже на "центральной фигуре" Т.Н. Грановского и, в частности, датировать начало либерализма 1846 годом, годом разрыва Грановского с Герценом. К 1846 г. и в 1846 г. в русском дворянском либерализме произошло немало других интереснейших событий, которые дают возможность представить более адекватно тогдашний механизм формирования либерализма в России в рамках западнического дворянского либерализма, подходившего к стадии паралиберализма.

О НИ ВОЗРОЖДЕНИИ РУССКОГО

VI. ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ

**КАКОЙ ЛИБЕРАЛИЗМ ПОРЕФОРМЕННОЙ ЭПОХИ СТАЛ
“КЛАССИЧЕСКИМ” — ДВОРЯНСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ
К.Д.КАВЕЛИНА — Б.Н.ЧИЧЕРИНА ИЛИ БУРЖУАЗНЫЙ
ЛИБЕРАЛИЗМ “ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ”, “РУССКОЙ
МЫСЛИ” И ИХ ЕДИНОМЫШЛЕННИИ. ЭВ**

Как шло размежевание дворянских и буржуазных либералов, либералов с демократами и социалистами? За и против laissez faire, laissez passer-изма. Конституционализм либеральный и другие формы конституционализма. Славянофильство и либерализм пореформенной эпохи. Земское движение и либерализм. Русские консерваторы о либералах. “Старый” либерализм и зарождение “нового” либерализма.

“Либерализм! Это лозунг всякого образованного и здравомыслящего человека в России. Это знамя, которое может соединить около себя людей всех сфер, всех сословий, всех направлений. Это слово, которое способно образовать могущественное общественное мнение, если мы только стряхнем с себя губящую нас лень и равнодушие к общему делу” (*Чичерин Б.Н. Современные задачи русской жизни (1855) // Чернышевский Н.Г. Голоса из России. Вып. 2. М., 1975. С. 111*).

“...Вообще протекционисты защищают свое дело с такой узкой точки зрения чисто фабричных интересов, которая едва ли кому-нибудь, кроме фабрикантов, может казаться удовлетворительной и взводит на систему свободной торговли такие обвинения, которые по меньшей мере забавны” (*Чернышевский Н.Г. Рец. на кн.: О свободной международной торговле. Из путевых записок А.Сербера-Медальгейма. Москва, 1857 // Соч. Т. IV. С. 62*).

«Я не понимаю, что значит упрек в конституционности моего направления, нигде ни одним словом не намекал я на возможность применения к нашему отечеству каких-либо политических форм,

которые выработаны историей других народов... "Русский вестник" не уступал никому в глубоком сочувствии тому духу, который раскрывается в предначертаниях и действиях верховной власти в нашем отечестве» (М.Н.Катков министру народного просвещения Е.Ковалевскому в 1859 г. — Цит. по кн.: *Сладкевич Н.Г.* Очерки истории общественной мысли России в конце 50-х — начале 60-х годов XIX века. Л., 1962. С. 122).

"Мы не отвергаем того, что в старину принцип *laissez faire, laissez passer* был чрезвычайно полезен, что и теперь во многих странах и во многих случаях он является благотворным... Мы только думаем и постараемся доказать, что принцип *laissez faire, laissez passer* не заключает в себе один полного и готового ответа на все возможные экономические вопросы, не может считаться исключительным решением всех общественных задач" (*Чернышевский Н.Г.* Экономическая деятельность и законодательство. Благоприятна ли для личной свободы теория *laissez faire, laissez passer*. — Может ли государство, если бы и захотело, не иметь чрезвычайно сильного влияния на экономическую деятельность частного лица? — При каких условиях прямое вмешательство законодательства в экономические отношения бывает полезно для личной свободы (1859) // *Чернышевский Н.Г.* Соч. Т. V. С. 577–578).

"Для нас нет лучшей забавы, как либерализм, так вот подмывает нас отыскать где-нибудь либералов, чтобы потешиться над ними" (1862) (*Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч. Т. VIII. М., 1950. С. 634).

"...Мы признаемся, что либерализм г.Гизо, Тьера, Токвиля и прочих имеет для нас очень мало прелести, и вся эта статья внушена желанием разъяснить причины нашего нерасположения к либерализму подобного рода" (*Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч. Т. V. М., 1950. С. 214).

"У нас либерализмом называется образ мыслей, видящий благо России в постепенном прогрессе, на манер западных государств" (Настольный словарь для справок по всем отраслям знания (справочный энциклопедический лексикон), изд. Ф.Толлем. Т. 2. М., 1863. С. 691).

"Мне кажется, что только одно условие требуется от иностранной книги, чтоб она была сейчас же переведена на русский язык, — именно либеральность. Основательна ли она, имеет ли действительно ученый или общественный интерес — об этом рас-

суждается уже потом, когда решено, что она либеральна, иначе, без этого штемпеля, все ученые достоинства никуда не годятся и составляют научный балласт. Характером либеральности решается вопрос и о надобности книги для русской публики. Все либеральное годится для нее несомненно, все другое — не стоит труда переводить. И кем и чем меряется либеральный характер книг? Случайными запросами на либерализм, случайными отзывами случайных публицистов, часто не умеющих в деле науки различить десницы от шуйцы. Оттого истинно либеральные и глубоко научные сочинения остаются для нашей публики совсем неизвестными, а вещи, без которых она легко может обойтись, предлагаются вниманию. В самом деле, как ни велико значение книг вроде Бокля, Дарвина, Вундта, стоит, однако ж, задуматься над тем фактом, что мы перевели Дарвина, не имея даже сносного учебника ни по описательной, ни по сравнительной зоологии, ни хороших монографий по сим наукам; — что Бокль переведен нами ранее Шлоссера и Гервинуса, и притом когда не было у нас никаких действительно научных монографий по историческим вопросам; оттого так превратно влияние у нас этих бесспорно имеющих достоинство книг и так беззащитны наши незрелые умы от этого влияния. Я понимаю, из каких побуждений возникает желание переводить как можно более и более либеральных книг. Нам хочется непременно знать последние результаты науки; тернистый путь к ним, главным образом составляющий силу ее, мы оставляем в стороне, как тяжелый и бесполезный труд. Но так как все мы знакомы главным образом только с результатами науки, то оценки у нас этих результатов и различения действительных выводов от мнимых, гипотез от научных положений — нет, да и быть не может. Меряя достоинство вывода его либеральностью, чем мы гарантируем себя от промахов и увлечений? Оттого мы приняли многие либеральные гипотезы за доказанные истины, и по страсти своей строим на них свои выводы пришли ко многим истинам, которые бытием обязано только нашему стремительному невежеству" (Владислава М.И. Литературные впечатления новоприезжающего // Эпоха. 1864. № 11, отд. XII. С. 11).

“Плохой профессор, он, Катков, оставляя кафедру, вынес из своей школьной деятельности учительский тон, тяжелый педантизм, напыщенную надменность и с ними пустился проповедовать конституционный либерализм”; “Либеральный публицист, выдвинутый из третьих, четвертых рядов на авансцену, начал с того, что бросил за борт либерализм, конституционализм, поклонение

Европе и пр. и внезапно почувствовал себя неистовым патриотом, неистовым самодержистом, террористом, и пошел проповедовать Муравьева, русификацию, конфискацию" (*Герцен А.И. Правительственная агитация — журнальная полиция (1864) // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. XVIII. С. 269*).

"Колеблющаяся среда либерализма, основанная на освобождающемся разуме и держащаяся за обязательные предания, — среда неискренняя, полная страхов и угрызения совести, в которой сосредотачивается вся деятельная сила Франции, падает из ошибки в ложь, из лжи в ошибку. Она не верит и поддерживает католицизм, она боится социализма и хлопочет о народном образовании, она не имеет храбрости открыто звать на помощь невежество и великую избу голода. Из такого нравственного сумбура жизнь не может осесть серьезно, а беспрерывно расплзается, чинится, меняется, беспрерывно торопится, не зная куда, зачем, в каком-то чадуду противуречий" (*Герцен А.И. Письма к путешественнику. Письмо шестое (1865) // Там же. С. 382*).

"В конце 1867 года в Московском университете произошел довольно необычный случай. Г-н Чичерин, профессор права, вынужден был покинуть университет и 20 декабря произнести свою прощальную речь. Будучи человеком весьма консервативных взглядов, г.Чичерин мог решиться покинуть университет и отказаться от своего призвания, конечно только вследствие самой невыносимой реакции" (*Герцен А.И. В конце 1867 года... // Там же. Т. XX. Кн. I. М., 1960. С. 105*).

"...С точки зрения неприкосновенности современного промышленного порядка Мальтус и его последователи имели полное право настаивать на необходимости и неизбежности бедности; только эта бедность, только постоянное несоответствие средств к существованию с потребностями рабочего населения могут обеспечить при господстве буржуазии экономический прогресс. Теория Мальтуса, следовательно, была самым полным и последовательным выражением истинных интересов, потребностей и желаний всех сторонников буржуазного эгоизма" (*Ткачев П.Н. Рец. на кн. г. Мальтуса. Опыт о законе народонаселения (1869) // Ткачев П.Н. Соч. Т. I. М., 1975. С. 285-286*).

"Под грубой формой иного черноземистого русодрала скрывается нередко честное хорошее сердце и благородные, человеческие порывы. А каковы эти нынешние, перекрашенные либералы? Под перчатками скрывают барские кулаки своих дедушек; вместо

сердца у них — холодная устрица, а совесть заклеена преЙскурантом из двух-трех дюжин ходячих современных афоризмов и чужих фраз, затверженных по-сорочьи. Вот эти клоуны, по-мосму, будут повреднее" (В.Н. Стахович, персонаж комедии Д.Д. Минаева "Либерал" // Отечественные записки. 1870. № 12. С. 379-380).

«...Слабым развитием интересов, господствующих в Западной Европе, у нас обуславливается невозможность цельной и ясной "либеральной" программы, так как наши либералы по необходимости эмансипированы и по необходимости не могут относиться свободно к явлениям общественной жизни: у них нет почвы под ногами, нет вех перед глазами. Слово и понятие "либерализм" выработано не нашею жизнью, следовательно, люди, соглашающиеся носить имя либералов, считают своєю доктрину, известную под именем либерализма на Западе. Доктрина эта строго соответствует в Европе интересам буржуазии, т.е. среднего класса, людей, богатых и умственным развитием, и капиталами. Она обнимает собою все области мысли и выражается протестантизмом в религии, метафизикой в философии, свободой в конституционной, промышленной и торговой политике, словом, она разветвляется по всем закоулкам, всегда оставаясь верна самой себе. Эта цельность и многосторонность программы либерализма позволяет европеЙцу-либералу ориентироваться в самых сложных явлениях и отделять в них плевелы от пшеницы, т.е. годное для него от негодного. Но цельна и многостороння программа либерализма в Европе потому, что она составляет органический продукт развития интересов буржуазии. Она развилаь вместе с ростом этих интересов. И потому западноевропейский либерализм может быть последователен, т.е. свободен в своих отношениях к окружающему миру. Он имеет программу, позволяющую ему обходиться без наглазников, какие надевают пугливым лошадям» (Михайловский Н.К. Литературные и журнальные заметки. (1872) // Михайловский Н.К. Полн. собр. соч. Т. 10. М., 1913. Ст. 560).

(Либеральная журналистика) «смотрит на русскую жизнь полная надежд. Сама по себе, она очень благодушна, дурных намерений не имеет, она любит народ. Она любит также свободу, просвещение. Но это все слишком общие вещи, для того, чтобы из них могла составиться своеобразная политическая программа. Единственное живое место либеральной журналистики сводится к опасению, чтобы гнет, от которого наш народ только что избавился, не вернулся в форме, близкой к старой. Вследствие этого, учреждения, обеспечивающие невозможность такого возрождения сож-

жесткого Феникса, представляются ей неприкосновенными. Но ошибка тут состоит в том, что Феникс в старой форме ни в каком случае не возродится. Это дело решила и подписала история, поэтому дрожать за факт нечего. Тем более, что сосредоточивая свое внимание на этом пункте, мы по необходимости можем проглядеть возрождение Феникса в совершенно новой, небывалой еще на святой Руси форме. Либеральная журналистика уже проглядывает его.

Говоря все это, мы имеем в виду не одни "С.-Петербургские ведомости". Но в них действительно наиболее полно выражается наш либерализм и потому самому встречается наибольшая степень эмансипации и наибольшая сумма шаталий, шаталий фатальных и совершенно бескорыстных, ибо интересы, нарождению которых "С.-Петербургские ведомости" служат, пока, действительно, почти не существуют. В целом получается приличная, стыдливая девица, желающая нравиться и потому затягивающаяся в корсет. За кого она выйдет замуж? А за кого-нибудь непременно выйдет. Слишком продолжительное существование эмансипированной газеты невозможно. Час ее пробьет, — и то или другое содержимое наполнит пустой сосуд» (Там же. Стлб. 563—564).

"У нас слово *либерал*, принимается часто как синоним вольнодумца, а *либерализм* переходит в либеральничанье, жалкое хвастовство на словах такими политическими и общественными теориями, которые никогда не проводятся в практику, а мнимые либералы в жизни нередко отличаются низкими и деспотическими поступками" (Русский энциклопедический словарь, изд. проф. С.Петербург. ун-та И.Н. Березиним. Спб., 1874. Т. I. С. 357).

"Натура Пушкина была более открыта к сочувствиям, нежели к отвращениям. В нем было более любви, нежели негодования; более благоразумной терпимости и здравой оценки действительности и необходимости, нежели своевольного враждебного увлечения. На политическом поприще, если оно открылось бы перед ним, он без сомнения был бы либеральным консерватором, а не разрушающим либералом. Так называемая либеральная, молодая пора поэзии его не может служить опровержением слов моих. Во-первых, эта пора сливается с порою либерализма, который, как поветрие охватил многих из тогдашней молодежи. Нравнее, впечатлительное создание, каким обыкновенно рождается поэт, еще более, еще скорее, чем другие, бывает подвержено действию поветрия. Многие из тогдашних так называемых либеральных стихов его были более отголоском того времени, нежели отголоском, исповедью внутренних

чувств и убеждений его. Он часто был Эолова арфа либерализма на пиршествах молодежи, и отзывался теми всяческими, теми голосами, которые налетели на него" (*Вяземский П.А. Приписка к рецензии "Цыганы. Поэма Пушкина"* [1875] // *Вяземский П.А. Полн. собр. соч.* Т. 1. Спб. 1878. С. 322–323).

"Вестник Европы, при всяком удобном случае стремится выставить неудовлетворительность существующего устройства России и преимущества представительного образа правления" (Из доклада Главного управления по делам печати министру внутренних дел Л.С.Макову в ноябре 1878 г. Цит. по кн.: *Алафаев А.А. Русский либерализм на рубеже 70–80-х годов XIX в. Из истории журнала "Вестник Европы"*. М., 1991. С. 18).

"Дальнейшие последователи и искажители Смита (вроде, например, Курсель–Сенеля и Бастиа) довели, как известно, его оптимистическую теорию до крайних пределов односторонности и бессмыслия, до оправдания и обоготворения вопиющих экономических неправд и нелепостей" (*Ткачев П.Н. Утилитарный принцип нравственной философии* (1880) // *Ткачев П.Н. Соч.* Т. 2. М., 1975. С. 495).

«Союз с либералами тоже не страшен, если вы вступите в него честно и без лицемерия объявите им свой святой девиз: "Земля и Воля". Они к вам пристанут, а не вы к ним. В практической борьбе безумно не пользоваться выгодами союзов, хотя бы случайных и временных. И признаюсь вам: я думаю, что многие либералы гораздо к вам ближе, чем вам кажется» (*Михайловский Н.К. Политические письма социалиста. Письмо второе* / [Народная Воля. 1879. № 3] // *Литература партии "Народная Воля"*. М., 1930. С. 53).

"...Насколько роль разрушительная падает преимущественно на центральную организацию, настолько же роль созидательная падает на местные организации. Ввиду этого местные группы должны заранее заручиться:

- а) положением в администрации и войске;
- б) влиянием на крестьянство;
- в) должны по возможности сходиться с местными либералами и конституционалистами".

"В отношении к либералам следует, не скрывая своего радикализма, указывать на то, что при современной постановке партийных задач интересы наши и их заставляют совместно действовать против правительства" (*Подготовительная работа партии* (1880) // *Литература партии "Народная Воля"*. М., 1930. С. 307).

“Никакая администрация, даже если бы она обладала сверхъестественной мудростью и энергией, не в состоянии будет справиться с бесчисленными вопросами и задачами, возникающими в такой усложнившейся жизни при отсутствии общественного самоуправления...

Единственное средство вывести страну из ее настоящего положения заключается в созвании независимого собрания из представителей земств и в предложении этому собранию участия в управлении нацией и в выработке необходимых гарантий для прав личности, свободу мысли и слова. Такая свобода вызовет к деятельности способные силы общества, пробудит дремлющую жизнь народа и разовьет все обилие производительных ресурсов государства. Свобода лучше самых строгих репрессивных мер будет способствовать исчезновению анархических элементов, враждебных государству. Свободное обсуждение докажет ошибочность их теорий, а могучая и здоровая деятельность, заменив настоящее повальное недовольство, отнимет у них поле для их пропаганды.

Русские не менее Болгар созрели для свободных учреждений и не могут не чувствовать глубокого унижения, оставаясь так долго под опекой. Стремление к подобным учреждениям, хотя и вынужденное скрываться и отчасти задуманное репрессивными мерами, тем не менее находит себе выражение в земских и дворянских собраниях и в печати. Дарование таких учреждений и созыв представителей общества воскресит силы нации, а также и ее доверие к правительству и ее собственной будущности. Когда русское общество охотно бросилось в недавнюю войну, то оно при этом инстинктивно сознавало, что в освобождении родственных национальностей лежит залог и его собственной свободы. Неужели же этим желанием и надеждам не суждено никогда осуществиться?” (Из записки московских земцев, направленной М.Т.Лорис-Меликову в марте 1880 г. Цит. по кн.: *Кеннан Ж.* Последнее заявление русских либералов. Изд. 2. Женева, 1890. С. 39–40).

“Вы говорите, что мы ничего не хотим, кроме законности, и под ней-то и разумею конституцию... Совершенно верно!” (Из письма *М.М.Стасюлевича* *К.Д.Кавеличчу* 31 марта 1881 г. // *М.М.Стасюлевич и его современники...* Т. 2. Спб., 1912. С. 156).

“...Либерализм — понятие собирательное, обнимающее собою на русской почве весьма различные взгляды; ...в узком, специальном своем смысле, — в том смысле, в каком оно все больше и больше теряет кредит в Западной Европе, — оно неприменимо к гро-

мадному большинству этих взглядов, а может быть, и ни к одному из них" (Вестник Европы. 1881. № 5. С. 344).

"Самое распространенное и числящее в своих рядах более всего сторонников есть направление, называемое либеральным. В позднее время выдумали его принижать, над ним издеваться, его бранить и укорять в чужеземности, в повторении чужих и затвержденных фраз, в поверхностности и в неведении того, что именно нужно для нашего народа и нашей земли. Некоторые из этих упреков, до известной степени, справедливы; но свободны ли от них те люди, которые все более и все ожесточеннее нападают на либерализм вообще и превращают его в бранное слово?" «Либералы неясно, неполно, непожительно высказывают свои мнения; но кто же их выражает вполне определенно? Во всяком случае недобросовестно укорять в этом одно либеральное направление. Не уместно ли тут применение евангельской притчи о сучке и бревне? Либеральное направление высказывало и высказывает всего более положительных и к делу приложимых мыслей; и если Россия сколько-нибудь двинулась вперед в частном, общественном и государственном отношении, то это, конечно, всего более по милости либерального направления и с ним, в весьма многом, согласного прежнего так называемого славянофильства; но виновато ли учение Христово в том, что жгли еретиков? Не нравятся многим иностранные слова: "либерализм", "либерал" и "либеральное"; так придумайте русские слова, которые выражали бы стремление к обеспечению людям того, что им, в гражданском отношении, всего дороже — свободу мысли, слова и действия, и которыми могли бы обозначаться приверженцы этого стремления и все к нему относящееся; а пока перестаньте над ними издеваться и их ругать». "Не можем не упомянуть еще об одном направлении, которое хотя считает в своей среде не много сторонников и до сих пор очень неопределенно высказывает свои мнения, однако имеет в обществе некоторое значение. Оно стоит за свободу совести, мысли и слова, за земский собор, за свободное развитие русской жизни и пр.; следовательно, оно как будто сродственно либерализму и даже с ним едино; но оно его ругает и ничего общего с ним иметь не желает; в этом оно сходится как бы с первым направлением. Мы, в нашем понимании, эти два направления, т.е. первое, нами очерченное, и это, теперь излагаемое, вовсе не отождествляем, и думаем, что последнее зиждется на недоразумении и что по свойствам и убеждениям, оно едино с настоящим либерализмом. Оно само считает себя славянофильством; противники называют его неославянофиль-

ством; а мы считаем, за немногими личными исключениями, и славянофильство и западничество, уже отжившими свой век, и превратившимися или превращающимися в русское, с разными, к сожалению, еще довольно значительными разноречиями и оттенками либеральное направление" (*Кошелев А.* Где мы? Куда и как идти? Берлин, 1881. С. 15, 16–17, 17–18).

«Как Вам не претит эта пошлость деления на либералов и консерваторов? Это чистейшее западничество, и, конечно, Хомяков отверг бы такую пошлую себе кличку. Нет русского "либерального" направления, может быть только истинное и ложное, здоровое и вредное, направление русское и антирусское» (*Аксаков И.С.* — Кошелеву А.И. в 1881 г. Цит. по кн.: *Цимбаев Н.И.* Славянофильство. М., 1936. С. 106).

«Нужно, необходимо, даже неизбежно водворить в нашей жизни порядок, который может быть основан только на праве, точном и всеми признаваемом» (*Модестов В.* Славянофильская злоба // *Голос.* 1882. № 54. 28 февр.).

«Вот уже почти полтора года, с памятной эпохи "либеральных веяний", как наша печать ведет если не бурные, то по крайней мере запальчивые споры политического содержания; как выкинуто знамя какого-то "либерализма", и целый сонм газет и журналов с самодовольной осанкой возглашает про себя: "мы, либеральная печать"; "...Все доктрины либеральные, радикальные, нигилистические не имеют как доктрины никаких корней в общественном сознании, лишены всякой органической связи с нашим общественным строем, всякой исторической почвы. В сущности, они не заслуживают и опровержения, и вообще не представляют положительной опасности. Все это не более как пена взбаламученной мысли" (*Аксаков И.С.* Программа наших либералов (февраль 1882 г.) // *Аксаков И.С.* Соч. Т. 2. М., 1886. С. 549, 551).

«Русская "либеральная партия" как целое, не только не имеет своего органа — она вовсе не существует: группы, соединяемые обыкновенно под этим именем, единодушны по некоторым вопросам, но во многом другом далеко и резко расходятся между собою» (*Вестник Европы.* 1882. № 3. С. 799).

«Как наследие прошедших уже условий быта, — одною из наиболее выдающихся особенностей в нашем либерализме является прежде всего неприязнь ко всему, что выступает в значении авторитета, требующего покорности и подчинения ко всему официаль-

ному, в чем проявляется так или иначе автократия власти; далее с этою нелюбовью ко всему принудительному, стесняющему, ограничивающему, соединяется требование свободы в различных отношениях и стремления к осуществлению ее в обществе; как основание или коренной мотив этого требования и стремления является далее господствующую чертою либеральных воззрений натурализм; натурализм же проявляется в том, что в духовной жизни человека прилагаются воззрения и понятия, выработанные на почве естествознания, а также в преимущественно и даже исключительном внимании к задачам политико-экономическим, как имеющим ближайшую связь с натуралистическим воззрением на человеческую жизнь, признающим, если не единственными, то наиболее существенными потребностями — физические нужды и в равномерном удовлетворении их видящим идеал человеческого благополучия.

Славянофилы справедливо укоряют либералов в пренебрежении к историческому праву, к преданиям и условиям исторической жизни народов. С этой точки зрения либерализм является воззрением вполне абстрактным, или, как у нас выражаются, беспочвенным, ибо свои требования относительно общественной и народной жизни выводит не из исторически утвердившихся начал этой жизни, а из общих отвлеченных понятий о природе человека и натуральном состоянии, хотя с другой стороны, опираясь на науки по преимуществу опытных, либерализм также в принципе является ярким противником всяких отвлеченностей, не выведенных и не проверенных посредством опыта. Само по себе это пренебрежение к правам истории, к авторитету предания есть уже несообразность во взгляде на человека и человеческую жизнь, ибо если человеку свойственно дорожить прошлым, если он существо историческое, то он не может безнаказанно попираť свое прошлое, не рискуя впасть в состояние чисто животной грубости. Пренебрежение к истории и всему историческому приводит либерализм к таким последствиям, которые оказываются несообразными с основным принципом самого же либерализма. Между тем как существенное содержание либерализма заключается в требовании свободы, общественной и частной, направление это в то же время ведет к грубому нарушению и даже совершенному отрицанию свободы. Так либерализм требует известного устройства государственного управления и такого, а не иного ведения дел, именно в смысле этого устройства, полагая, что это единственный способ осуществления свободы в государстве, но в своем неумеренном стремлении

к этой цели, т.е. к достижению этого, а не иного устройства государственной власти, либерализм готов допустить как средство к цели всяческое нарушение свободы и прав, принадлежащих не только частным лицам, но и целым классам общества. Само по себе неуважение к преданию ведет к отрицанию того, что дорого и свято для других, для целого даже народа, — и в этом именно отрицательном отношении к прошедшему истории и заключается важнейший пункт соприкосновения новейшего либерализма с западничеством. Современный либерализм — это выродившееся западничество. Отрицать же то, что дорого и свято для других и даже для целого народа, — не значит ли попирать свободу этих других и самого народа? Итак, либерализм в крайних своих последствиях и проявлениях приходит к отрицанию самого себя. Он требует свободы политической, а между тем, во имя этой свободы позволяет обман, оправдывает даже насилие и произвол. Он требует свободы мысли в науке, но вместе с тем лишает ее всякого самостоятельного значения, обращая ее в орудие к оправданию и проведению излюбленных идей в общее сознание, отличаясь исключительным догматизмом, решительно несовместимым со свободой исследования. Либерализм требует свободы мнения в литературе, но вместе с тем смотрит на литературу опять только как на средство к распространению и утверждению либеральных идей и с этой точки зрения оценивает ее успехи, а эта точка зрения прямо исключает всякую свободу литературного творчества, внося фальшивую тенденциозность в литературные произведения. Либерализм требует свободы совести, но вместе с тем отрицает религию, последствием чего является не свобода, а насилие религиозной совести. Либерализм требует неприкосновенности и свободного развития личности. Но сам же либерализм не щадит никаких прав личности, коль скоро идет к тому, чтобы дать ход известным идеям". "Требование свободы составляет основу и даже сущность и того направления, которое известно под именем либерализма. Либерализм не только требует свободы, но и состоит ни в чем другом, как именно в этом требовании. Либерализм требует свободы ради свободы, а не для чего-нибудь иного; он требует всяческой свободы, как мы видели, и во всех отношениях, и вот почему либерализм есть направление отрицательное по преимуществу" (*Линицкий П.* Славянофильство и либерализм. Опыт систематического обозрения того и другого. Киев, 1882. С. 201–204, 244–245).

«Имея в виду предписание высшего начальства о недопущении рассуждений о необходимости конституции для России, Комитет,

согласно с мнением цензора, полагает Апрельскую книжку "Вестника Европы" арестовать... если редакция не согласится исключить неудобные места на страницах 806, 807 и 809» (Из решения Петербургского цензурного комитета от 25 марта 1882 г. См.: *Алафьев А.А.* Русский либерализм на рубеже 70–80-х годов XIX в. М., 1991. С. 109).

"Объяснять появление у нас либерализма, сходного с западноевропейским, одним только недоразумением или недомыслием в области экономических учений, значит забывать, что в основании движения всегда лежит потребность. Пока потребность не удовлетворена, не могут исчезнуть и соответствующие ей стремления" (*Арсеньев К.К.* Литературное обозрение // Вестник Европы. 1882. № 5. С. 422).

«Мы видим, таким образом, что партия "Народной Воли" рассчитывает не на один только рабочий и крестьянский классы и даже не главным образом на эти классы. Она имеет в виду также и общество и офицерство, которое, в сущности, есть "плоть от плоти и кость от костей" того же общества. Она хочет убедить либеральную часть этого общества, что "при современной постановке партийных задач" интересы русского либерализма сходятся с интересами русской социально-революционной партии. Что же она делает, чтобы вселить в русских либералов это убеждение? Она издает, во-первых, программу "Исполнительного Комитета", в которой говорится, что "*народная воля* была бы достаточно хорошо высказана и проведена учредительным собранием, избранным свободно, всеобщей подачей голосов, при инструкциях от избирателей". В известном "Письме Александру III" Исполнительный Комитет также требует "созыва представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни и переделки их сообразно с народными желаниями". Такая программа, действительно, совпадает с интересами русских либералов, и для ее осуществления они, пожалуй, примирились бы и со всеобщим избирательным правом, которого не может не требовать "Исполнительный Комитет". Во всем этом программа названного "Комитета" обнаруживает гораздо большую зрелость, чем все предшествовавшие ей программы. Но, не говоря уже о таком крупном промахе, как требование свободы сходов, слова, печати и избирательных программ лишь "в виде временной меры", припомним другие заявления партии "Народной Воли". Орган этой партии попытался предупредить читающую публику, что большинство диспу-

татов учредительного собрания будет состоять из сторонников радикального экономического переворота. Мы уже говорили выше, что эта уверенность была не более, как фикцией, придуманной для соглашения несогласимых между собою элементов народолюбческой программы. Взглянем теперь на печатное выражение такой уверенности с точки зрения тактики. Спрашивается, разве экономический переворот входит в интересы русского либерализма? Разве наше либеральное общество сочувствует аграрной революции, которой, по словам "Народной Воли", будут добиваться крестьянские депутаты? Западноевропейская история говорит нам весьма убедительно, что там, где "красный призрак" принимал хоть сколько-нибудь грозные формы, "либералы" готовы были искать защиты в объятиях самой бесцеремонной военной диктатуры. Думал ли террористический орган, что наши русские либералы составят исключение из этого общего правила» (Плеханов Г.В. Социализм и политическая борьба (1883) // Плеханов Г.В. же. Избранные философские произведения. М., 1956. Т. 1. С. 98–99). «...Мы думаем, что единственною нефашистскою целью русских социалистов может быть теперь только завоевание свободных политических учреждений, с одной стороны, и выработка элементов для образования будущей *рабочей социалистической партии* России — с другой. Они должны выставить требование демократической конституции, которая вместе с "правами человека" обеспечила бы рабочим "права гражданства" и дала бы им путем всеобщего избирательного права возможность активного участия в политической жизни страны. Не пугая никого далеким пока "красным призраком", такая политическая программа вызывала бы к нашей революционной партии сочувствие всех, не принадлежащих к систематическим противникам демократии; вместе с социалистами под ней могли бы подписаться очень многие представители нашего либерализма. И между тем как захват власти той или другой тайной революционной организацией всегда останется лишь делом этой организации и лиц, посвященных в ее планы, агитация в пользу названной программы была бы делом всего русского общества, в котором она усилила бы сознательное стремление к политическому освобождению. Тогда интересы либералов действительно "заставили" бы их вместе с социалистами действовать против правительства", потому что либералы перестали бы встречать в революционных изданиях уверения в том, что испровержение абсолютизма будет сигналом социальной революции в России. Вместе с тем другая, менее пугливая и более трезвая, часть либерального

общества перестала бы видеть в революционерах непрактичных юношей, задающихся несбыточными и фантастическими планами. Этот невыгодный для революционеров взгляд уступил бы место уважению общества не только к их героизму, но и к их политической зрелости. Постепенно это сочувствие перешло бы в активную поддержку или, что вероятнее, в самостоятельное общественное движение, и тогда пробил бы, наконец, час падения абсолютизма» (Там же. С. 106–107).

“Этот человек (П.–Л.Росси) развил во мне много новых мыслей и утвердил во мне *настоящий либерализм*, который, к сожалению, у нас редко встречается, ибо в среде наших так называемых либералов по большей части встречаются люди, проникнутые западным доктринерством и руководящиеся чувствами и правилами скорее деспотизма, чем истинного свободолобия и свободомыслия” (Кошелев А.И. Записки (1812–1883). Берлин, 1884. С. 39).

“...Народный характер, степень промышленного развития страны и обилие капиталов должны решать вопрос о вмешательстве или невмешательстве правительства в экономическую жизнь народа. Говорят, что наша промышленность находится еще в детстве, что совершенно справедливо; но если это так, то и обращаться должно с нею как с детьми, т.е. воспитывать и направлять, а не оставлять на произвол с лозунгом: *laissez faire, laissez passer*”. “...Насаждения Кольбера до сих пор делают из Франции одну из богатейших стран в мире”; “Пускай нам укажут пример, где строго примененная экономическая теория свободной конкуренции — *laissez faire, laissez passer* — имела бы такие благодетельные последствия для какой-либо страны, как степль униженная меркантильная система при Кольбере во Франции” (Дантлевский Н.Я. О низком курсе наших денег и новых источниках государственных доходов // Русский вестник. 1882. № 8 и 9. [Отдельное издание. Спб., 1886. С. 112, 174, 175]).

“Хотя Хомяков никогда не выдавал себя за либерала, но никогда не укорял кого-либо в либерализме. Он уважал и ценил его и сам был отменно либерален как в своих мнениях и действиях вообще, так и в отношениях к собеседникам и даже противникам, старавшись им доказать несостоятельность их убеждений и не позволяя себе действовать ни на кого, хотя словом, насильственно” (Кошелев А. Записки (1812–1883). Берлин, 1884. С. 71).

“Для социалистов было бы очень невыгодно, если бы руководство борьбой перешло в руки наших либералов”; “Чтобы содей-

ствовать ... умственной и политической самостоятельности русского рабочего класса, нашим революционерам не нужно прибегать к каким-либо искусственным мерам, становиться в сколько-нибудь ложное или двусмысленное положение. Им нужно только проникнуться принципами современной социальной демократии и, не ограничиваясь политической пропагандой, постоянно внушать своим слушателям, что экономическое освобождение есть великая цель, которой всякое политическое движение подчинено как средство. Усвоивши эту мысль, наш рабочий класс сам уже сумеет пройти между Сциллой и Харибдой — между политической реакцией государственного социализма и экономическим шарлатанством либеральной буржуазии” (Плеханов Г.В. Наши разногласия (1884) // Плеханов Г.В. Избр. филос. произв., М., 1956. С. 127, 361).

“...Теперешние либералы не имеют прочных корней в обществе. Русский либерализм вдруг оказался колоссом на глиняных ногах” (Приклонский С.А. Очерки самоуправления земского, городского и сельского. Спб., 1886. С. 36).

«“Земство” и “либеральная партия” — далеко не синонимы...» (Арсеньев К. Новый обличитель русского либерализма // Вестник Европы. 1886. Май. С. 555).

“...Либеральное движение в России растет по неотразимым законам истории. Факты, которые мы изложили выше, показывают, что Россия вступает в период, подобный тому, который прошла, например, Франция перед 1788 г. и Пруссия перед 1847 г....” (Драгоманов М. Земский либерализм в России (1858–1883). Женева, 1888. С. 45).

(Конституционалист): — “...Наши либералы в большинстве случаев совсем не принципиальные враги социализма и уже вовсе не враги рабочих и вообще народа. Они готовы отстаивать целый ряд важных экономических реформ, но социалистические идеалы кажутся им неосуществимыми” (Плеханов Г.В. Как добиваться конституции. (Разговор конституционалиста с социал-демократом (1888) // Он же. На два фронта. Сб. политических статей. Женева, 1905. С. 99).

(Социал-демократ): — “...С нашим либерализмом дело обстоит далеко не так благополучно, как вам кажется. Я без труда мог бы доказать вам, что не только русский либерализм, но даже и так называемый русский социализм, в сущности, стоит в противоречии с интересами рабочего класса...” (Там же. С. 103).

«...Положим, что я ошибочно смотрю на русских социалистов и либералов, что же дальше? Следует ли из сказанного в ми, что наше "общество", будто бы столь сочувствующее интересам рабочих, может обойтись без поддержки этих последних?»

(Конституционалист): — «Я, конечно, сказал бы — *нет*, если бы думал, что конституционное движение в России пойдет тем же путем, каким оно шло на Западе. Но дело в том, что у нас конституционная борьба, наверное, не дойдет до баррикадного боя на улицах. Правительство уступит раньше под напором общественного мнения».

(Социал-демократ): — «Опять русская самобытность, на этот раз под конституционным соусом! Когда-то русские социалсты-народники думали, что социалистическую революцию легче сделать в России, чем на Западе. Теперь я слышу от вас, что Россия добьется политической свободы с меньшим трудом, чем добивались ее западноевропейские государства. Кажется, русское правительство до сих пор не давало повода до такой степени лестно думать об его уступчивости. Оно, конечно, уступило бы вам, если бы за вами, или вообще за противниками абсолютизма, шла народная масса. Иначе всякая уступчивость с его стороны была бы совершенно необъяснимой. Посмотрите на Англию, пользующуюся репутацией страны мирного прогресса. Проследите хоть историю либеральной лиги против хлебных законов, и вы увидите, как хорошо сознавала добивавшаяся мирной уступки английская буржуазия необходимость заручиться помощью рабочего класса, как настойчиво она, иногда, прямо бунтовала рабочих. Если Ричард Кобден грозил английским лордам разрушением их замков, само собой понятно, что не на буржуазию рассчитывал он в деле такого разрушения. И Кобден, и Брайт, и их товарищи прекрасно знали, что добиться от парламента уступок они могут лишь с помощью давления извне, "pressure from without", и что для этого давления необходимы сильные руки рабочих. Так было во всех тех случаях, когда английское правительство уступало напору общественного мнения. История Англии, более чем история какой бы то ни было другой страны, подтверждает справедливость острого правила: если хочешь мира, готовься к войне. Вы же поступаете как раз обратно этому правилу. Вы проповедуете крестовый поход против правительства, вы приглашаете социалистов на борьбу с ним и в то же время сами видите, что вы можете победить только в случае его особенного миролюбия. Вы хотите начинать борьбу, прекрасно

зная, что у вас нет сил дать решительной битвы!» (Там же. С. 104–105).

“...Чернышевский не упускал случая посмеяться в своих статьях над русскими либералами и печатно заявить, что ни он, ни вся крайняя партия не имеют с ними ничего общего. Трусость, недалекость, узость взглядов, бездеятельность и болтливая хвастливость — вот отличительные качества, какие он видел в тогдашних либералах”.

«...Нам никогда не случалось читать такой злой и вместе с тем меткой характеристики русского либерализма. Что сказал бы Н.Г.Чернышевский тем немалочисленным теперь у нас людям, которые, называя себя революционерами, возлагают все свои упования на либеральное “общество” и всеми правдами и неправдами стараются превратить нашу революционную партию в партию солидных и умеренных либералов? Ведь русские либералы мало изменились с того времени, когда “Современник” осыпал их своими сарказмами». «...Не недостатком любви к свободе вызывалось презрительное отношение Чернышевского к либерализму. Достаточно было прочесть хоть некоторые из его политических обозрений, чтобы увидеть, как горячо сочувствовал он всяким освободительным движениям, где бы они ни начинались: во Франции или в Италии, в Америке или в Венгрии. Он думал только, что роль либералов в таких движениях бывает очень некрасива. Сами они делают очень мало, часто даже тормозят усилия других, нападая на людей более, чем они, смелых и решительных. Зато впоследствии, когда, благодаря усилиям этих решительных людей, борьба близится к концу и победа кажется несомненной, либералы стараются протиснуться на первый план и полакомиться каштанами, вынутыми из огня руками “фанатиков”. Кто не знает, что либералы всегда и всюду вели себя подобным образом? Кто не знает, что эти люди и в политике остаются такими же эксплуататорами, какими являются в области экономики, где они принадлежат обыкновенно к классу дельцов и предпринимателей? Вот за эти эксплуататорские наклонности и ненавидел их Чернышевский» (Плеханов Г.В. Н.Г.Чернышевский (1890) // Плеханов Г.В. Избр. филос. произведения. Т. 4. С. 131, 132–133; 133–134).

“...Русский либерализм всегда отличался ярко-демократическим характером”... (Гольцев В.А. По поводу статьи “Вестника Европы” “Народники и ненародники” // Русский вестник. 1891. Кн. 3. С. 84).

“Либералы — это ведь не заговорщики; это в большинстве случаев умные, способные и часто честные люди, которые главным образом расходятся с правительственным образом мыслей в том *только*, что существующие недостатки в жизни и высказывающиеся неудовлетворенные нужды правительство признает нужным лечить своими агентами власти и своими мсрами, а либералы хотят лечить посредством предоставления правительственных полномочий людям общественного выбора”; “Либералы — умные и даровитые люди, но они делатели плохие, и потому плохие, что всегда хотят делать луну, и делают ее скверно. Если бы Петр Великий был либерал и взял в сотрудники либералов, вероятно, мы бы и сотой части нашей новой истории не видали бы. У либералов в голове свой, воображаемый народ; оттого все их дела носят беспочвенный характер, приводили к беспорядку”; “Живы либералы, — живы их иллюзии, надежды и доктрины; но вся суть, вся мудрость задачи именно в том и заключается, чтобы Иеремиину плачу либералов не внимать для окончательного и прочного утверждения порядка в русской жизни” (*Меуцерский В.П.* Дневник, среда, 13 октября // Гражданин. 1893. № 283).

«...Самодержавие, как принцип, отвергалось либеральной частью образованного класса еще задолго до царствования Императора Александра II. Но никаких *практических* стремлений к ограничению самодержавия, со времени попытки 14 декабря 1825 года, не предпринималось. Напротив, с 1856 года теоретически осуждаемое, оно долго еще допускалось либеральной мыслью практически, как орудие совершения либеральных реформ, подготовляющих возможность его упразднения. “Увенчание здания”, то есть дарование конституции, рассматривалось тогда как нечто представляющееся все-таки в будущем, хотя и очень близком. Практических действий для достижения этого “увенчания” не предпринималось. Но когда правительство Императора Александра II стало находить страну достаточно устроенною и приостановилось в дальнейших “реформах”, мысль об увенчании здания явилась уже в попытках к осуществлению»; “Во весь период 1856–1881 годов господствующим умственным направлением был либерализм. Он издавна принес к нам *веру в революцию* как некоторый закон развития народов” (*Тихомиров Л.* Конституционалисты в эпоху 1881 года. Изд. 2. М., 1895. С. 5, 17).

“Теории и программы либерализма, т.е. буржуазии”... “как грибы после дождя росли после Великой реформы” (*Ленин В.И.*

Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (1894) // *Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 528*).

“Земский либерализм ... всегда обнаруживал стремления соединить под своим знаменем главные передовые силы русского общества” (*Иорданский Н.И. Земский либерализм. М., 1905. С. 4*).

[А.И.Герцен] «был вождем, когда с первой книжки “Полярной Звезды” до последнего листа “Колокола” в течение двенадцати лет, не покладая рук, боролся за минимальную программу русского либерализма, за

освобождение крестьян — от помещиков,

освобождение слова — от цензуры,

освобождение податного сословия — от побоев» (*Гершензон М.*

Социально-политические взгляды А.И.Герцена. М., 1906. С. 3).

“Вестник Европы” был первым органом политической партии, которая, несомненно, уже имела глубокие корни в русском обществе и считала многочисленных членов своих среди земских и городских деятелей, в рядах культурной и культуртрегерской интеллигенции, а также и в либеральной части высшей бюрократии. Этот журнал должен был объединить, и вскоре же фактически объединил те прогрессивные круги общества и литературы, которые занимали средину и центр в общественном движении, начавшемся после “освободительных” реформ. В нем нашли себе прибежище и голос те элементы тогдашнего общества, которые были недовольны крайними направлениями, отражавшимися в журналистике» (*Геккер Н. М.М.Стасюлевич и старый русский либерализм // Современник. 1911. № 4. С. 232*); “Основной пункт разногласий между либералами и не либералами 80 годов заключался в вопросе о правовом порядке, т.е. об ограничении самодержавия и введении у нее конституции” (*Там же. С. 247*).

“Константину Константиновичу Арсеньеву по праву принадлежит титул учителя русского либерализма. В продолжение многих десятилетий, из месяца в месяц, он обозревал русскую действительность, критиковал идеи и учреждения, которые шли в разрез с идеями права, свободы и общественного блага. Даже в момент л наибольшей реакции, когда все молчали, — говорил один Арсеньев”; “Это не был западноевропейский либерализм в его чистом виде... В политическую программу либерализма он вкладывал элементы социально-экономического характера...” (*Сакер Я. К.К.Арсеньев (К дню его 80-летия) // Северные записки. 1917. № 1. С. 260, 261*).

“Публицистическая деятельность К.К.Арсеньева подобна гранитному памятнику — утесу, льющему окрест себя тихий и немеркнувший, издали видимый свет”; “В истории русской публицистики он был и есть и всегда пребудет апостолом русского либерализма”; “У запада он заимствует аргументы в защиту гражданской свободы, вообще, — свободы религиозного убеждения и печатного слова в особенности. Блестящие строгости, написанные Арсеньевым в защиту свободы совести и печати, родят его с благородными тенями прошлого, с Мильтоном и Миллем, Б.Констаном и Токвилем”; “Сочетание интенсивного стремления к политической свободе с не менее интенсивным стремлением к социальной реформе — характерная особенность русского либерализма” (Гессен В. К.К.Арсеньев как публицист // Русская мысль. 1917. № 2. С. 14, 15).

“Единственным философом либерализма можно было бы назвать Б.Чичерина, да он и был скорее либеральным консерваторм или консервативным либералом, чем чистым либералом” (Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX в. // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 171).

“Крымская война, нанеся первый серьезный удар крепостническому самодержавию и вызвавшая, наряду с крестьянскими восстаниями, широкое движение разночинной молодежи, породила новый расцвет либерализма конца 50-х и начала 60-х годов”; “...Либерализм этой эпохи в основном тоже не шел дальше умеренной конституции, административной реформы и свободы экономического развития России...”; «Самым левым проявлением этого либерализма явилось издание А.И.Герценом “Полярной звезды” и “Колокола”, практическая программа которых была близка к программе либералов”. “Лишь после русско-турецкой войны 1877-1878 гг., снова показавшей всю гнилость царского самодержавия, и под влиянием подъема революционного движения частично оживилось либеральное движение в форме оппозиционных адресов земских собраний и городских дум и требований конституции... Но убийство Александра II и правительственная реакция надолго заглушили и этот рабский “земский либерализм”. А часть бывших либералов снова, как и в начале 60-х годов, повернула в сторону реакции и угодничества перед правительством» (БСЭ. М., 1938. Изд. 1. Т. 36. Ст. 749-751).

“Кавелин был одним из самых видных и достойных представителей русской интеллигенции, в частности русского либера-

лума" (Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 1, ч. 2. Л., 1991. С. 152).

"В период революционной ситуации 1859–1861, когда со всей остротой встал вопрос об отмене крепостного права, происходит решительное размежевание между демократизмом и либерализмом... Либеральная буржуазия, несмотря на экономическую заинтересованность в отмене крепостного права, боялась революционного движения масс и пошла на сговор с царизмом и сохранение самодержавно-дворянского государства. Либералы оказались в одном лагере с крепостниками"; "В пореформенный период, во 2-й половине 19 в., либералы ограничиваются робкой оппозиционной деятельностью, преимущественно в земствах... и органах городского самоуправления, и выступают с верноподданническими ходатайствами перед царем о расширении прав буржуазии" (БСЭ. Изд. 2. Т. 25. С. 72).

"Против славянофилов до поры до времени боролись также помещичьи и буржуазные либералы: Боткин, Анненков, Кавелин, Чичерин и др. Либералы из среды помещиков видели неизбежность буржуазного развития России, считали необходимым переход помещиков к формам капиталистической эксплуатации, сознавали опасность сохранения крепостнических порядков, чреватых крестьянскими восстаниями, были сторонниками смягчения бюрократического принципа управления и произвола. Поэтому в условиях разгула правительственной реакции они считали нужным выступать против славянофилов как идеологов застоя и отсталости и защитников обскурантизма. Еще более решительно выступали против славянофилов буржуазные либералы, видевшие идеал в капиталистических порядках буржуазного Запада. Они были заражены низкопоклонством перед западной буржуазной культурой и, стоя на космополитических позициях, сочтали рабские перед капиталистическими порядками на Западе и мишурой буржуазной цивилизации с презрением к собственному народу"; "Либерализм — идеология буржуазная... Так называемые дворянские либералы — это помещики, признавшие неизбежность капиталистического развития и потому перешедшие на позиции буржуазной идеологии, причем принадлежность к помещичьей, барской среде, естественно, вызывала у них стремление сохранить возможно большее число их дворянских привилегий. Поэтому попытку Цаголова отделить дворянских либералов от буржуазных как якобы враждебные друг другу течения нельзя признать правильной" (Покровский С.А.

Политические и правовые взгляды Чернышевского и Добролюбова. М., 1952. С. 32, 33, 45).

“Между дворянским либерализмом кризиса крепостничества и дворянским либерализмом предшествующего времени имеется то существенное отличие, что до кризиса крепостничества дворянский либерализм не ставил вопроса о немедленной ликвидации личной крепостной зависимости крестьян. Он стремился к насаждению буржуазных отношений, к оттеснению буржуазными отношениями феодальных, но был противником немедленной отмены крепостного права” (Цаголов Н.А. Кризис крепостничества. Основные направления экономической мысли // История русской экономической мысли. Т. 1, ч. 2. М., 1958. С. 223).

“Либерализм Кавелина, как и многих других русских либералов периода реформы, весьма значительно отличается от экономического либерализма в том его виде, как его развили буржуазные экономисты на Западе и как его развивал в период реформы ряд русских буржуазных экономистов. Так, Кавелин не разделял основного требования экономического либерализма — невмешательство государства в хозяйственную жизнь” (Цаголов Н.А. Теория и программа дворянского либерализма в работах К.Д.Кавелина // История русской экономической мысли. Т. 1, ч. 2. М., 1958. С. 408).

«К непосредственным продолжениям славянофильства принадлежит прежде всего славянофильствующая фракция дворянского либерализма. Говоря о либерализме, мы имеем в виду не либерализм как категорию мировоззренческую, как определенную социальную философию и определенный, противостоящий консерватизму “стиль мышления” — речь идет в данном случае о русском, дворянском либерализме XIX в., то есть о носящем это название конкретном политическом направлении, определяемом не столько через общие мировоззренческие положения, сколько через общие практические цели, обозначаемые непосредственным образом посредством не “облагороженными” классовыми интересами дворянства. Принадлежность к так понимаемому либерализму предопределяли объективные критерии: отношение к революции и аграрный вопрос, защита помещичьего “прусского” пути капиталистического развития. Следовательно, это было не определенное мировоззрение, а определенная политика, ставящая целью, с одной стороны, адаптацию дворянства к требованиям нового строя, с другой — максимальная адаптация нового строя к потребностям дворянства». «...Использование в этом значении термина “ли-

Широкие общественные круги ожидали, что окончание войны, освобождение Болгарии и превращение ее в конституционное государство неизбежно вызовут внутренние преобразования и в России. Однако эти иллюзии были безжалостно разбиты царизмом. Вчерашних рабов сделали гражданами, а сами вернулись домой рабами — говорили тогда в России. Глубокое недовольство охватывало разночинную интеллигенцию. Роптала либеральная общественность. Нельзя было, словословия “освобождение славян”, мычать о рабстве в России. Характерной чертой либерального движения тех лет была его тесная связь с земской оппозицией. Тверское, Самарское, Черниговское и другие находившиеся под влиянием либералов земства были озорными пунктами либерального движения. По своему социальному положению виднейшие деятели земской либеральной оппозиции являлись представителями обуржуазившегося (в основном среднего) дворянства. Органами либерально-оппозиционных кругов были “Вестник Европы” (М.М. Стасюлевича), “Голос” (А.А. Красевского), “Русские ведомости” и др. Позже, уже в годы революционного кризиса, к ним присоединились “Земство” (А.И. Кошелева, В.Ю. Скалона), “Порядок” (М.М. Стасюлевича, К.Д. Кавелина и др.) и т.д.

Оживление демократического движения, “хождение в народ”, ропот обнищавшего крестьянства отозвался в среде земцев своеобразным эхом. Раздавались голоса о необходимости исследования экономики России, предпринимались первые попытки статистических описаний губерний и уездов, организации ссудно-сберегательных товариществ, артелей и т.п. Большая часть этих начинаний дальше разговоров не продвинулась. Только в годы революционной ситуации земская оппозиция оживилась, оставаясь при этом дворянско-либеральным, верхушечным движением. Либеральная печать заявляла также о необходимости народного представительства и гражданского равноправия. Но и эти скромные пожелания разделялись не во всем и не всеми либеральными группировками.

Кавелин в анонимно изданной за границей еще в 1875 г. брошюре “Чем нам быть?”, критикуя реакционное направление внутренней политики, одновременно оказался против “конституционных поползновений”...

Еще более правые позиции занимали славянофилы. Их идейный руководитель И.С. Аксаков провозгласил лозунг, что не “увенчанием зданий” следует заниматься, а приведением в порядок органов местного самоуправления: “в уезде, как в зрне, наша бу-

душность". Этот призыв к "уездному парламентаризму" сочетался к тому же с утверждением о "достаточности крестыязских наделов", с прославлением церковных школ.

Мечтая о конституции, либералы были не прочь использовать освободительное движение, чтобы оказать давление на власть. Часть их выражала даже сочувствие революционерам, пока последние оставались подпольной организацией, не связанной с массами. С другой стороны, и некоторые народники возлагали определенные надежды на либералов. В "Народной воле" были опубликованы статьи Н.К. Михайловского, призывавшие к союзу с либералами. Но последние на союз не пошлИ, даже лучшие из них лишь "сочувствовали" подполью» (Там же. С. 196–197).

«Буржуазно-демократическое движение в России, кроме радикального, демократического крыла, имело умеренное, либеральное крыло.

В общественной жизни 80-х и первой половине 90-х годов на авансцену выступает либеральное течение. Не случайно этот период В.И. Ленин называл "буржуазно-либеральной эпохой".

Помещичий либерализм нагляднее всего проявился в земском движении. Новое земское положение 1890 г. отнимало почти всякую возможность для легальной оппозиции самодержавию со стороны земства. Земские либералы не могли без конца мириться с произволом самодержавной власти. "Земцы — цензовики и предводители дворянства суть демократы, поскольку они выступают против самодержавия и крепостничества. Их демократизм ограничен, узок и непоследователен, как ограничен, узок и непоследователен... весь и всякий буржуазный демократизм". Земский либерализм, при все его дряблости и непоследовательности, в течение долгого времени был наиболее заметным проявлением конфликта между старым и новым господствующими классами — помещиками — буржуазией (пока главным образом в лице обуржуазившихся помещиков). Земские либералы продолжали вести линию легальной оппозиции самодержавию, которая, по словам Ленина, состояла в том, чтобы "десятки лет только и делать, что трусить, благодарить и униженно ходатайствовать". Иногда они осмеливались лишь пассивно противодействовать тому или иному мероприятию царской бюрократии, направленному против земств» (Там же. С. 486).

«В первой половине 90-х годов возникла нелегальная организация демократической интеллигенции, имевшая целью осуществить основную идею буржуазного либерализма — идею борьбы за

ставители земской оппозиции. В большинстве перечисленных работ содержится интересный фактический материал и справедливо указывается на появление в изучаемые годы "нового" либерализма ("легальный марксизм", "освобожденцы"). Однако преемственность между "новым" и "старым" земским либерализмом раскрывается слабо. Не показывается взаимосвязь различных течений в буржуазно-либеральном лагере на тех или иных этапах его развития. При таком несколько одностороннем подходе недостаточно четко определяется общая тенденция развития всего либерально-буржуазного движения конца XIX начала XX в.»

«В конце 80-х годов XIX в. под влиянием стачечного движения пролетариата и оживления революционных настроений в студенческой среде заметно активизируется деятельность буржуазно-интеллигентских групп в Москве и Петербурге. В Москве печатными органами, выражавшими их взгляды и интересы были журналы "Русская мысль" и "Юридический вестник" и газета "Русские ведомости". Значительной популярностью среди московской либеральной интеллигенции пользовались "януловские воскресенья", а также вечерние собеседования на квартирах В.А.Гольцева и В.М.Соболевского. Однако эти "семейные" встречи на исходе 90-х годов уже не удовлетворяли деятелей либерального движения. Объединяющим центром становится Юридическое общество, существовавшее при Московском университете. К 1898 г. вокруг общества группировались до 150 представителей либеральной настроенной интеллигенции. Во главе этой группировки стояли В.А.Гольцев, М.М.Ковалевский, М.Я.Герценштейн, С.А.Муромцев, А.И.Чупров и др. Основной базой их деятельности становится статистический отдел общества, в 90-е годы руководимый Н.А.Каблуковым».

«В Петербурге в конце 80-х годов буржуазно-либеральная интеллигенция объединялась журналом "Вестник Европы", направление которого определялось такими видными общественными деятелями пореформенного периода как М.М.Стасюлевич и К.К.Арсеньев».

«Либералы конца XIX — начала XX в., оставаясь на монархических позициях, все же выступали против российского абсолютизма, осуждали произвол и насилие, процветавшие в стране. Стремясь к созданию прочного буржуазного правопорядка, они ожидали буржуазных реформ (свободы слова, свободы печати, расширения функций местного самоуправления, привлечения буржуазной общественности к решению общегосударственных вопро-

сов и пр.) сверху. Их весьма робкая оппозиционная деятельность все же способствовала ослаблению самодержавного строя. Словесный же радикализм левой части либералов позволял им оказывать воздействие и на более широкие демократические слои интеллигенции с целью вовлечения их в сферу своего влияния. Известны и факты отдельных контактов либералов (В.А.Гольцев и П.Б.Струве в частности) с революционерами, программа и деятельность которых им были совершенно чуждыми, с литераторами и публицистами революционно-демократического лагеря (И.Г.Чернышевским, Г.В.Плехановым и др.), статьи которых иногда появлялись на страницах толстых либеральных ежемесячников (в "Русской мысли" например)» (*Лаверычев В.Я.* Общая тенденция развития буржуазно-либерального движения в России в конце XIX — начале XX века // *История СССР.* 1976. № 3. С. 46, 47, 48).

В середине 50-х годов "либерализм, проявившийся ранее главным образом в интеллектуальной жизни общества, стал фактором общественно-политическим"; "Земский либерализм был либерализмом дворянским, помещичьим; он вел свое начало от либеральных требований дворянства, принявших форму определенного политического течения в годы подготовки и проведения буржуазных реформ 60-х годов XIX в." (*Пирумова Н.М.* Земское либеральное движение. М., 1977. С. 53, 229).

«В страхе перед возможностью революционного взрыва заговорили и либералы — представители буржуазии и обуржуазившихся помещиков. При этом ранее довольно горячо спорившие по вопросу о путях дальнейшего развития славянофильцы и "западники" сошлись на общей позиции как по крестьянскому, так и в своем отношении к самодержавию. После поражения в Крымской войне представители этого лагеря выступали с требованием реформ управления "сверху": установление "гласности", необходимости скорее покончить с крепостным правом, развития просвещения, улучшения суда, борьбы с произволом начальства. Все это нашло отражение в печати или в распространявшихся в обществе "записках". Вся либеральная шумиха отражала стремление либералов предупредить революцию, к которой они питали непримиримую вражду. Революция "снизу" или реформа "сверху" стали решающим водоразделом между революционно-демократическим и буржуазно-либеральным направлениями в общественном движении» (*История СССР. Учеб. для студентов ист. фак. пед. ин-тов. Ч. 2. 1861-1917. Изд. 4. М., 1978. С. 19.*)

«Подъем активности революционных элементов общества заставил зашевелиться деятелей буржуазии — либералов. Возникло естественное стремление использовать трудное положение правительства, чтобы добиться некоторых уступок в свою пользу. Для буржуазии важно было создание более широких возможностей капиталистического развития. Но решительно выступать против царизма она была не в состоянии, так как страшилась революционных выступлений масс. Она ограничивалась просьбами и ходатайствами перед правительством...

Под давлением революционной ситуации либеральные земцы все же решили собрать тайный земский съезд с участием представителей буржуазной интеллигенции (писателей, ученых, адвокатов и др.). Съезд этот состоялся в Москве в начале апреля 1879 г. Съезд признал необходимость бороться за введение в России конституции путем пропаганды, поддержки конституционных требований с мест. Однако предложение создать тайное общество для достижения конституционного порядка было съездом решительно отвергнуто. По поводу этих земских выступлений В.И. Ленин писал, что “земский либерализм сделал заметный шаг вперед в политическом отношении”, обнаружив свои конституционные стремления. Но ... это был только бессильный “порыв”, на смену которому пришло прежнее смирение перед властью. Самое большее, чего хотели либералы, — компромисса, полюбовинной сделки с царизмом, на основе хотя бы небольших уступок со стороны последнего» (Там же. С. 103).

“Славянофильство представляет собой одну из разновидностей буржуазно-помещичьего либерализма, при этом имеется в виду, что другой разновидностью были западники” (*Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983. С. 8.*)

“Либерализм как особое течение политической мысли сформировался в России в середине XIX в., хотя ранние, не вполне зрелые ростки его можно обнаружить уже в конце XVIII в.” (*Шпилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. Организация. Программы. Тактика. М., 1985. С. 28.*)

“В 1870-е годы он (И.Аксаков) отходит от либеральных воззрений славянофильства. Взгляды его прежних единомышленников — Ю.Самагина, Ф.Чижова, А.Кошелева, В.Черкасского — изменились не столь резко. До конца своих дней они стояли на позициях умеренного либерализма, но говорить о славянофильском характере их общественно-политических взглядов в

1870-е годы едва ли возможно. Либеральные политические идеи этих представителей славянофильства со временем лишились специфически славянофильских черт и растворились в политической программе земского либерализма, видными деятелями которого стали А.Кошелев и Ю.Самарин» (Цимбаев Н.И. Славянофильство. М., 1986. С. 230).

«“Вестник Европы” отражал взгляды либеральной (каковой была определенная часть средней и мелкой) буржуазии, которая стремилась к конституционному, буржуазно-демократическому переустройству российской государственности при сохранении монархии»; «...В программе “Вестника Европы” выразилось стремление либералов трансформировать самодержавие в буржуазную, конституционную монархию. Публицисты журнала рисовали идиллию обновленной, либеральной России. Перед читателем вставала величественная картина переустроенного архитектурного сооружения, олицетворявшего собой правовое государство»; «Политическая тактика русских либералов, какой бы она гибкой ни была, всегда подчинялась стратегическим целям буржуазии и правительства. Непонимание этого привело С.А.Венгерова к выводу, что в коллизиях между трудом и капиталом “симпатии Арсеньева всегда на стороне труда”. На наш взгляд, ... К.К.Арсеньев был, по существу, на стороне правительства». «Политическая история журнала М.М.Стасюлевича — это история борьбы либеральной оппозиции за введение в стране конституции и буржуазных свобод. Идеологи умеренно монархической буржуазии остались верны идее “мирного” обновления России. Об этом свидетельствует и программа партии демократических реформ, опубликованная в “Вестнике Европы” (1906, №2). Лидерами этой партии были ближайшие сотрудники журнала: К.К.Арсеньев, М.М.Ковалевский, В.Д.Кузьмин-Караваев, М.М.Стасюлевич и др.» (Алафеев А.А. Русский либерализм на рубеже 70–80-х годов XIX в. М., 1991. С. 96, 111, 54, 171).

«1855 год положил начало новому периоду в политической жизни России...

Отчего же в столь короткие по российским масштабам сроки — всего за пять лет! — обретают вполне определенные контуры фундаментальные преобразования, столь насыщенные, но маловероятные в предшествующий период? В значительной степени от того, что безликая историческая необходимость — преодоление вековой отсталости — “обрела” своих исполнителей, круг лиц, оказавшихся

в состоянии стать инструментом “сцепления” общественных потребностей и правительственной инициативы. Важную роль в этом кругу, условно называвшемся “партией реформ”, играли либерально настроенные молодые чиновники — братья Николай и Дмитрий Милотины, Сергей Зарудный и др. Так и сановники старой гвардии, чье политическое здравомыслие, воспоминания об идеалах юности, а зачастую и внутреннее покаяние за неблагоприятную роль в процессе над декабристами делали их сторонниками преобразователей “сверху”. К таковым можно отнести председателя Государственного совета Д.Н.Блудова, Министра внутренних дел С.С.Ланского, товарища министра юстиции Д.Н.Замятнина, Я.И.Ростовцева, М.А.Корфа. Именно этим представителям двух разных политических эпох приходилось отбивать нападки “партии крепостников”, чье постоянное ворчание и угрозы замедляли и усложняли ход дела, но не могли нарушить в целом реформаторскую тенденцию.

Нельзя не упомянуть и об участии в этом процессе великого князя Константина Николаевича, глаголы морского ведомства, поддерживавшего либеральные проекты, и великой княгини Елены Павловны, в салоне которой представители либеральной интеллигенции активно обсуждали характер будущих преобразований. Участие членов императорской фамилии! в подготовке реформ как бы легитимировало новые процессы в государстве и обществе.

Факт существования и активной деятельности либеральных чиновников в правительственном аппарате той эпохи важен не только сам по себе, но с общественно-политической точки зрения. В условиях колоссального напряжения внутри всего механизма патриархальной империи и скверно работающего механизма ее управления в нужный, наиболее острый момент обнаруживает свою эффективность союз передового общества, либерального чиновничества и самой власти, желающей пусть и строго “сверху”, но и все же освободить!» (Наше отечество. Опыт политической истории. Т. 1. М., 1991. С. 115–116). “Возрастающее внимание к социально-экономической проблематике — одна из важных примет эволюции пореформенного либерализма” (Там же. С. 149).

“Борис Чичерин, деятельность которого относится ко второй половине XIX в., был, как мне кажется, наиболее последовательным представителем классического либерализма на востоке от Германии” (*Валицкий А.* Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX — начала XX века // *Вопр. философии.* 1991. № 8. С. 29).

“...В эпоху идейной подготовки и проведения преобразований 60-х гг. XIX в. складывается специфическая форма общественного сознания — русский просветительский либерализм. Его специфика, нашедшая выражение в социально-идеологических ориентациях Кавелина, Чичерина и Соловьева — в формулировании идеала нравственно-правовой организации общества и в утверждении мысли о необходимости совпадения с идеалом способа исторического действия, подчинения средства цели. Отсюда попытка обосновать такой вариант общественной перестройки, который, не разрывая с традицией, предполагает решающую роль в ней государственной власти в союзе с мыслящей частью русского общества” (Ерыгин А.Н. Философия истории русского либерализма второй половины XIX века (К.Д.Кавелин, С.М.Соловьев, Б.Н.Чичерин). (докт. дисс.) Ростов-на-Дону, 1992. С. 391).

“Специфика либералистской позиции Кавелина (как и Чичерина) — в органическом соединении как представления о свободном (либеральном) обществе в качестве ближайшей практической цели русской исторической жизни (1), так и представления о либерализации (деятельности по освобождению общественных структур от оков и пут традиционализма) в качестве единственного приемлемого средства и способа осуществления цели (2). Иными словами, здесь утверждается принцип обязательности совпадения (тождества) цели и средства, общественного идеала и способа его действительного осуществления, что коренным образом отличает данный тип либерального сознания от революционного просветительства”; У Кавелина — «либерализм, но либерализм “просветительский”, лишь потенциально включающий в себя и лишь объективно тенденцию капиталистически-ориентированного общественного развития. Отсюда — пласт идей антикапиталистической тональности в субъективном самосознании мыслителя и связанные с этим его определенные симпатии к утопическому социализму» (Там же. С. 106, 108).

“Русский либерализм в 1860-е гг. стремился не столько к организационному оформлению, сколько к созданию трибуны, влиятельного органа печати. В этом деле Стасюлевичу суждено было сыграть решающую роль”; “Либеральное движение всецело опиралось на издательский комплекс М.М.Стасюлевича”; “Своеобразие деятельности Стасюлевича состояло в том, что он был не только издателем, но и редактором всех своих изданий. Под его руководством журнал “Вестник Европы” превратился, по существу, в центральный орган либеральной оппозиции” (Кельнер В.Е. Человек

своего времени. (М.М.Стасюлевич: издательное дело и либеральная оппозиция). Спб., 1993. С. 19, 251).

“Истоки, смысл и уроки великих реформ 60–70-х годов XIX в., их духовное и интеллектуальное наследие свидетельствуют о том, что укоренившиеся в тот период либеральные начала являлись и являются универсальными принципами обустройства государственного и общественного бытия, несмотря на все российские особенности в методах, способах и характере этого укоренения”. «“Охранитель” наследия реформ 60-х годов, Деятель и Мученик своего времени — таков обобщенный портрет русского либерала пореформенных лет». “Маски действующих лиц в этом спектакле обозначают разные ипостаси русского либерализма. В отдалении от всех высится одинокая фигура Б.Н.Чичерина, либерала старой закалки, вынужденного в пореформенные годы играть роль консерватора как по отношению к тем, кто, по его мнению, слишком забегал вперед, так и к тем, кто тянул Россию назад.

Охранительный либерализм — неотъемлемый компонент либеральной палитры новой эпохи, очевидный симптом свершившихся в русском обществе перемен и веское свидетельство наличия в России либеральной традиции, пустившей корни в новых учреждениях 60-х годов. Защита этих нововведений станет на целые десятилетия своего рода “программой-минимум” всего русского либерализма”. “В отстаивании незыблемости возведенного в 60-е годы фундамента отечественной гражданственности заключалось существо политических воззрений Чичерина первых пореформенных лет.

Фигура Чичерина не была, однако, типичной для русского либерализма. В многоцветьи либеральных тонов и красок чичеринский склад ума отличался глубоким уважением к существующей власти и каким-то особенным высокомерием по отношению к “обществу”, с присущими ему оппозиционными настроениями.

В то же время себя самого Борис Николаевич считал представителем “спокойного, серьезного и разумного либерализма”, чуждого как духу “упорной рутины”, так и “поиску уличной популярности”. «Апологет либерального реформаторства 60-х годов, не пошедший “рука об руку” с пореформенным самодержавием, философ, своей жизнью не сумевший подтвердить чрезмерно оптимистичной концепции происхождения российской свободы, основанной на синтезе гегельянства с московско-петербургской политической традицией, — таков был Чичерин.

Один из столпов отечественного либерализма, он никогда не нес того мученического креста, который был возложен на проповедников русского социализма. Все выпавшие на его долю испытания не идут в сравнение с тяжелой долей посаженных в крепость, осужденных на каторгу, сосланных в Сибирь, повешенных на плацу адептов социального переустройства. Несчастье Чичерина заключалось в ином».

«Воплощение на русской сцене англосаксонской заповеди "help yourself" станет своеобразным амплу пореформенного либерализма, а среди наиболее одаренных исполнителей этой роли история признает трудолюбивого и деятельного М.М.Стасюлевича». «Стасюлевич — это история русского либерализма, свернутая до пределов одной человеческой судьбы, или, наоборот, это личность, в судьбе которой, как в капле воды, отразилась история целого общественного течения. В жизни Михаила Матвеевича либеральное умонастроение находило убедительное оправдание и защиту, практические воплощения и свидетельства своей общезначимости. Пример Стасюлевича — удобный ключ к пониманию русского либерализма».

«Выразительной метафорой судьбы либералов нового поколения, обязанного своим политическим воспитанием преобразованиям Александра II, но оказавшегося заложником непоследовательности реформ и жертвой их насильственного обрыва, была гражданская драма В.А.Гольцева, чья жизнь общественного деятеля почти целиком уложилась в рамки безвременья 80–90-х годов. Ход дальнейших событий еще более расширяет смысл этой метафоры, ибо, по сути, весь старый российский либерализм останется в истории лишь безвременником свободы, так и не дождавшимся часа своего полного воплощения».

«...Быть политическим деятелем»!

Для исполнения подобной роли требовался особо одаренный актер. Им оказался Виктор Александрович Гольцев. Среди своих сверстников и единомышленников он отличался исключительной преданностью либеральной идее. История как будто бы с намерением испытать прочность гольцевских убеждений вывела его на сцену политической жизни в канун крушения либеральных надежд, рожденных политикой Лорис-Меликова, и заставила уйти со сцены в год созыва и разгона первой Государственной думы». «Значение Гольцева в истории русской общественности не сводилось только к его «влиятельному обаянию», к «шумному успеху, по-

стоянно его сопровождавшему». Либеральное движение 70–80-х годов, как отмечал П.Б.Струве, “имело два фланга, из которых один соприкасался с русским консерватизмом, другой — с революционным движением”. Своеобразие Гольцева заключалось в том, что он в одни и то же время выступал на обоих флангах» (Секиринский С., Филиппова Т. Родословная российской свободы. М., 1993. С. 252, 187, 197, 198, 213, 216).

В.И.Приленский доказывает, что К.Д.Кавелин и Б.Н.Чичерин являются наиболее яркими и последовательными проводниками либерального мышления середины и конца XIX в.

Либеральные идеи находят свое наиболее адекватное выражение у Кавелина и Чичерина, т.е. основных деятелей так называемой государственной (или юридической, или цивилистской) школы в русской историографии. В рамках тех построений, которые характерны для этой “школы”⁹⁹, главной, сквозной темой является рассмотрение проблемы “государство — личность”. Выделение личностного начала в истории (что, кстати, было характерно и для Грановского), уделение ему особого внимания, анализ типов государственных отношений на Западе и в России — все это так или иначе содействовало более глубокому проникновению в ту проблематику, которая изначально присуща либерализму как образу мыслей.

Одной из центральных тем и у Кавелина, и у Чичерина является рассмотрение проблемы личности, ее статуса в общественном и государственном устройстве. Причем это рассмотрение ведется с привлечением очень широкого материала (не только отечественного, но и западноевропейского) и в исторической ретроспективе. Особенно заметны в этом отношении работы Кавелина. Онтологические и гносеологические вопросы решаются у него только в свете проблематики человека, личности и только с точки зрения индивидуальности, творческих способностей личности.

Факт остается фактом: и в “Задачах психологии”, и в “Задачах этики” (основных его философских трудах), и во множестве написанных им статей Кавелин постоянно обращается вокруг личностной тематики, в центре его интересов человек, его отношение к миру, его индивидуальные творческие способности, в конце концов, свободное проявление личности в мире. Казалось бы, что уже одно

это должно было бы содействовать формированию у него либерального типа мышления. В какой-то мере это так. Внимание к личности, ее индивидуальности, ее свободному выбору составляет одну из существеннейших сторон либерализма. Но все же корни либерализма заключаются не в этом. Они лежат глубже, а именно в понимании той громадной роли, которую играет в жизни общества право и в осознании необходимости такого совершенствования правовых отношений, при котором, с одной стороны, сохраняется свобода выражения индивидуума, а с другой — создаются условия для осуществления общественных целей и идеалов. Разработка этих вопросов составляет предмет философии права. И именно поэтому только имея дело с более или менее четкими философско-правовыми концепциями, в которых прослеживается стремление к наиболее возможной степени свободы личности в обществе, мы можем говорить о собственно теоретических основах либерализма.

В этой связи небезынтересно вспомнить некоторые рассуждения классика западноевропейского либерализма Джона Стюарта Милля, который писал: "Предмет моего исследования -- не так называемая свобода воли, столь неудачно противопоставленная доктрине, ложно именуемой доктриной философской необходимости, а свобода гражданская или общественная, — свойства и пределы той власти, которая может быть справедливо признана принадлежащей обществу над индивидуумом"¹⁰⁰. Формулируя принцип свободы индивидуума, Милль продолжает: "Власть общества над индивидуумом не должна простираться далее того, насколько действия индивидуума касаются других людей; в тех же своих действиях, которые касаются только его самого, индивидуум должен быть абсолютно независим над самим собою, — над своим телом и духом он неограниченный господин"¹⁰¹. Милль здесь прямо не указывает на право как на институт, строго ограничивающий область вмешательства общественной власти в свободные действия личности. Но совершенно ясно, что речь здесь идет именно об этом.

О личности, о ее свободе писало множество мыслителей, в том числе и русских, но далеко не каждого из них можно причислить к либералам. Только сознательное отношение к правовой тематике, сопряженное с искренним желанием наиболее полного осуществления личной свободы человека в обществе, рождает те или иные либеральные концепции. Кавелин очень много занимался проблематикой правовых юридических отношений в старой Руси. Здесь им сделано немало. Во многом благодаря его исследованиям было

прояснено место и значение личности в русском государственном строе. И все же взгляд этот был в основном историческим. В отличие от Чичерина, создавшего свою "Философию права" и разрабатывавшего перед тем эту тематику на протяжении многих лет ("О народном представительстве", трехтомный "Курс государственной науки", пятитомная "История политических учений", двухтомный труд "Собственность и государство", а также целый ряд отдельных статей), Кавелин, кроме упоминавшихся исторических разысканий, а также работ, посвященных текущей политике, не оставил после себя фундаментального философско-правового исследования. Его интересы больше склонялись к тому, что несколько выше было названо практической стороной либерализма. Этот факт, впрочем, повлиял и на те конкретные формулировки его либеральной позиции, о чем речь несколько ниже. Я хочу, чтобы меня правильно поняли. Наследие Кавелина не только в практическом, но и в теоретическом плане составляет славную страницу в истории русского либерализма. Но он не стал его классиком: эта роль по праву принадлежит Чичерину.

Политическая платформа Кавелина — это умеренный либерализм. Такой вывод обосновывается всей его теоретической и практической деятельностью. И все же чрезвычайно любопытно посмотреть на то, как сам Кавелин определял свое политическое лицо. В дневнике 1857 г. он приводит выдержку из своего разговора с императрицей Марией Александровной: "Да, я был большим либералом, бывши студентом, и через мою голову прошли самые крайние теории; будучи профессором, я тоже был большим либералом, хотя не таким именно, каким меня почитают. В политический либерализм я не вдавался, а был искренним, ревностным социалистом. Спецн прибавить, что в ошибочности социальных теорий я убедился теперь, но остаюсь и теперь убежденным, что эти теории правильно указывали на болезни обществ человеческих, и правительства, приступая к реформам, по необходимости, неизбежно, будут разрешать задачи, поставленные социализмом"¹⁰². Кавелин добавляет к этому и то, что его можно считать либералом и потому, что все его друзья тоже были либералами — Грановский, Белинский, Герцен. Необходимо лишь заметить, что в то время под либералом понимался любой человек, оппозиционно настроенный по отношению к существующему порядку. Понятие "либерал" охватывало собою целый спектр часто резко отличающихся друг от друга вариантов отношения к окружающей действительности и путей дальнейшего общественного развития: от ниспровержения су-

ществующего строя и его радикальной перестройки до вполне умеренных, реформистских настроений. Несомненно, что Кавелин разделял именно последние.

В работе "Злобы дня" (1884 г.) Кавелин представил очерк развития общественной мысли в России со времен знаменитых споров западников и славянофилов до середины 80-х гг. Его отдельные высказывания и оценки, данные им в этом кратком обзоре, могут более ясно показать политические симпатии и ориентации автора. Идеалы и западников, и славянофилов, при всем их различии, были для Кавелина одинаково чисты, возвышенны и безукоризненны. Сама борьба западников со славянофилами во многом способствовала тому, что "наше народное самосознание" сделало заметный шаг вперед. На развалинах этих двух течений, по словам Кавелина, появляется новое направление — народники, которые унаследовали от славянофилов "горячую веру в творческие силы русского народа, не зараженного европейскими влияниями", а от западников — "идеалы передовых европейских мыслителей" в сфере социальной и экономической.

Чрезвычайно важной чертой мировоззрения Кавелина является защита им, как бы мы сказали сегодня, плюрализма в общественном сознании. Он прямо утверждает: "Мне кажется, что нельзя ни теоретически, ни практически относиться только отрицательно к какому бы то ни было мирозерцанию"¹⁰³. Конкретных примеров этого в его работах можно найти много: достаточно вспомнить его оценки славянофильства, западничества, народников, социализма. Общечеловеческие истины могут быть раскрыты, по мнению Кавелина, только при наличии широкого спектра мнений, в спорах и полемике между различными направлениями человеческой мысли.

Выделим, пожалуй, самую отличительную, самую заветную для Кавелина идею о необходимости для русского общества укоренения в нем чувств законности и справедливости, что находится в тесной связи с его упованиями на развитие личностного, индивидуального начала в отечественной общественной жизни: "Мы, русские — пишет Кавелин, — добрейшие люди в мире; сердце наше исполнено милосердия, сострадания, великодушия и незлобия; мы охотно прощаем обиды и помогаем ближним; из сердечной доброты мы легко отказываемся от своих прав и даже от своих выгод. Но чувство законности и справедливости, к сожалению, развито в нас чрезвычайно слабо, так слабо, что иной раз думается, не лишены ли мы вовсе органа, производящего в людях эти добродетели".

тели?"¹⁰⁴. Основное, магистральное направление общественного развития в России должно, таким образом, по глубокому убеждению Кавелина, протекать на путях воспитания и все более глубокого проникновения и укоренения в массах общества идей законности и справедливости, т.е. вести к осознанию необходимости полного воцарения правильного гражданского и юридического быта, достойного человека, личности. А это в конечном счете и составляет основание либерального мировоззрения Кавелина.

Кавелиным не была разработана специально философско-правовая тематика, да он к этому и не стремился. И все же именно его с полным правом можно назвать одним из первых русских либералов. Одним из самых главных пунктов, позволяющих квалифицировать Кавелина как либерала, является его вполне осознанное понимание необходимости установления правовых отношений в обществе. Его апелляции к свободной, творческой личности идут рука об руку с требованиями предоставления этой личности возможностей для своего развития, что, по его мнению, может быть осуществлено только лишь в правовом обществе.

В лице Б.Н.Чичерина русский либерализм получил своего самого яркого выразителя (по крайней мере в XIX в.). Действительно, либеральное мировоззрение Чичерина очень точно и четко очерчено в его работах. Он последователен и логически строг в своих теоретических построениях. Кроме всего прочего, Чичерин, не в пример большинству русских мыслителей его времени, отличает ярко выраженное стремление к систематичности. Все это невольно подводит к мысли о классической форме его либерализма. Классической, конечно же, для России XIX в.

Бердяев довольно точно характеризует Чичерина как мыслителя (кроме, пожалуй, безапелляционного утверждения о превосходстве государства над человеческой личностью в мировоззрении русского философа). Но при этом нельзя не заметить ту долю отстраненности (и даже отторжения), которую он высказывает, говоря о противоположности самого "духа" воззрений Чичерина, ревностно защищаемой им "русской идее". Здесь Бердяев абсолютно прав. В отличие, например, от Кавелина, который увлекался и "особым призванием России", и якобы спасительной ролью общины, и многими другими подобными предметами, Чичерин неколебимо отстаивал свои либерально-западнические идеалы.

Определяя свое отношение к различным типам государственного устройства, Чичерин особенно выделяет конституционное начало: "На наших глазах конституционное устройство, с теми или

другими видоизменениями, водворилось у всех западноевропейских народов. Везде, где начало свободы получило подобающее ему признание, оно становится существенным элементом политической жизни"¹⁰⁵. И продолжает: "Великое значение конституционной школы состоит именно в том, что она выработала этот идеал для всех народов, у которых начало свободы получило право гражданства, т.е. для всех народов, способных к развитию и образованию"¹⁰⁶. Указывая на идеи конституционализма как на последнее достижение западноевропейской (а тем самым и общечеловеческой) политической мысли, Чичерин все же воспринимает их с определенной степенью осторожности.

Рассматривая отношения "государство — общество", Чичерин подчеркивает, что первое относится к второму как единичное к множественному. Общество же в данном случае представляет собой совокупность частных лиц. Развитие одного из этих начал в ущерб другому приводит в первом случае к деспотии, а во втором — к анархии. И именно в народном представительстве он видит процесс проникновения государства и общества друг в друга. С одной стороны, общественные силы вызываются к политической деятельности, с другой — "многообразие вводится в единство".

В своей работе "Конституционный вопрос в России" Чичерин отмечает: "Не только распространение либеральных идей, которым никакие китайские стены не в состоянии положить преграды, но и самая практическая необходимость ведет к водворению представительного правления. Государство, в котором задерживается общественная самодеятельность, не в состоянии тягаться со свободными странами, где все общественные силы развиваются на полном просторе и призываются к содействию общей цели"¹⁰⁷. Вот что он говорит о существенной стороне самого принципа представительства: "...в самом существе представительства лежит двойственный характер, который необходимо иметь в виду при обсуждении всех вопросов, до него касающихся. Оно является вместе и выражением свободы и органом власти. Свобода возводится здесь на степень государственной власти"¹⁰⁸. Для Чичерина очень важным здесь является подчеркивание недопустимости полной свободы, или свободы для частных лиц, которая не ограничена государственной властью. Отсюда и его последовательное неприятие и критика демократизма. Не сдержанная ничем демократия становится в конце концов одной из форм деспотизма. "Самое страшное явление новейшего времени, — пишет он, — террор 93 года, был произведением демократического деспотизма. Но и в более мирное

время, при спокойных обстоятельствах: деспотизм большинства тем невыносимее, что от него нет спасения: он проникает всюду, во все углы общества, в частную жизнь"¹⁰⁹. И что очень примечательно для Чичерина — для него такой демократический деспотизм значительно страшнее самодержавной власти: "Никто не смеет возвысить голос в противность общественному мнению, которое является тираном мысли и совести в гораздо большей степени, нежели какой бы то ни было самодержец"¹¹⁰.

Вообще говоря, Чичерин очень подозрительно и даже с опаской смотрит на развивающиеся на Западе демократические институты и на те идеи, которые их вызвали к жизни. Особенно ему претит идея равенства. Считая ее чисто западноевропейским явлением, он пишет: "Равенство, в каком бы то ни было виде, было вовсе не в Русских нравах; оно явилось к нам как иностранное нововведение"¹¹¹. Именно поэтому и в самом общем плане, и особенно в своих рассуждениях о политическом будущем России он обращается к представительной монархии: "...представительная монархия, по своей идее, наиболее приближается к совершенному образу правления. ...Все существенные элементы государства: монархический, аристократический и демократический соединяются в общем устройстве для совокупной деятельности, во имя общей цели"¹¹². При этом он замечает, что и представительная монархия (кстати, как и все вообще образы правления) также страдает своим недостатком: а именно разделением власти, что, по его мнению, всегда в той или иной мере ведет и к произволу, и к борьбе различных субъектов этой власти.

Для Чичерина, постоянно подчеркивающего необходимость и желательность политической свободы, все-таки очень характерны такие высказывания: "С другой стороны, бури, вызываемые политической свободой, могут подвергать жизнь и имущество граждан гораздо большей опасности, вносить в общественные отношения несравненно большую шаткость, нежели самый сильный деспотизм. Поэтому частные интересы обыкновенно ищут успокоения от революционных смут под сенью самодержавной власти, которая доставляет каждому возможность мирно заниматься своими делами и безопасно достигать своих выгод. Просвещенный абсолютизм, дающий гражданам все нужные гарантии в частной жизни, содействует развитию народного благосостояния гораздо более, нежели республики, разбираемые партиями"¹¹³.

В конечном счете Чичерин полагает: "Русскому человеку невозможно становиться на точку зрения западных либералов, кото-

рые дают свободе абсолютное значение и выставляют ее непременным условием всякого гражданского развития. Признать это, — значило бы отречься от всего своего прошедшего, отвергнуть очевидный и всеобъемлющий факт нашей истории, которая доказывает ясное дело, что самодержавие может вести народ громадными шагами на пути гражданственности и просвещения". Но добавляет к этому: "Русская история не мешает нам любить свободу, к которой, как к высшему идеалу, стремится всякая благородная душа"¹¹⁴. Он считает, что именно самодержавие в России было той властью, под сенью которой окреп русский народ. Именно во времена самодержавия русский народ смог просветиться и вступить в семью европейских народов как ее полноправный член. Но роль самодержавия как такового ограничивается ролью "воспитателя юных народов". На определенном этапе исторического развития, в эпоху "зрелости" этих народов, эта его прогрессивная роль утрачивается: оно уже не может вести народ и не "в состоянии поднять народ выше известного уровня". В этом положении, по мнению Чичерина, необходимо преобразование самодержавия абсолютного в самодержавие ограниченное, в конституционную монархию.

Рассуждая о самодержавии, Чичерин указывает на то, что его существование без наличия привилегированных сословий представляется немислимым. Между управляемым народом и полноправным правителем необходим аристократический элемент, роль которого, между прочим, состоит в умерении произвола исполнительных органов и в привлечении в самое верховную власть более прочных основ, которые в данном случае выражаются в укреплении связей между этой верховной властью и интересами образованнейших слоев общества. Именно поэтому он считает, что дарование вольностей дворянству "было началом свободы в России".

При переходе монархического правления от абсолютизма к конституционализму роль аристократического элемента не падает, а, наоборот, возрастает. "С водворением общегражданского строя, — пишет Чичерин, — все искусственные преграды падают и естественное превосходство одних сил над другими выступает уже беспрепятственно. Оно обнаруживается во всех сферах — и в экономической, и в умственной. Высшее развитие общества, освобожденного от старых пут, состоит именно в том, что эти высшие силы получают в нем должное значение. Это есть и то возрождение аристократии, о котором говорено выше, как с существенным требованием современной жизни и необходимом результате законов развития человечества"¹¹⁵.

Итак, для Чичерина конституционная монархия представляется наиболее предпочтительным образом правления. Он пишет: "Ограниченная монархия, свойственная новому времени, есть так называемая конституционная монархия, в которой монархическая власть ограничивается не привилегиями сословий, а представительством народа, как целого, причем аристократии и демократии уделяется та степень влияния, которая принадлежит им фактически, по их общественному положению. Эта форма представляет согласное с государственными началами сочетание всех основных элементов государственной жизни, власти, закона, и свободы, связанных совокупною целью, которая есть общее благо"¹¹⁶. В другом месте он пишет: "По идее, совершеннейшим политическим устройством следует признать то, которое соединяет в себе всю совокупность элементов государственной жизни, власть в лице монарха, закон в лице аристократического собрания, свободу в лице народного представительства, так что каждый орган сдерживается другими, и все вместе, подчиняясь высшей государственной цели, образуют одно стройное целое. Такова конституционная монархия"¹¹⁷. Как можно видеть, для Чичерина конституционная монархия является здесь не только предпочтительным, но и "совершеннейшим" образом правления. Сравнивая ее с другими типами политического устройства, он часто употребляет и термин "наилучший". Но здесь нельзя делать поспешных выводов. Одно из его центральных положений гласит: "...Совершенно противно здравой политической теории возведение какого бы то ни было образа правления на степень чего-то вроде религиозного догмата, составляющего предмет веры и признаваемого за абсолютную истину"¹¹⁸. В том же, что касается конституционной монархии, Чичерин, считая "уравновешенную" монархию наилучшим образом правления, все же замечает, что "из этого не следует, что все другие образы правления никуда не годятся и что им должно всячески противодействовать"¹¹⁹. Главным же недостатком конституционной монархии, как уже указывалось выше, Чичерин полагает сам принцип разделения властей.

Для лучшего понимания либеральных воззрений Чичерина следует, видимо, очень кратко остановиться на его отношении к социализму и коммунизму. Антисоциалистическая направленность его высказываний базировалась, во-первых, на признании социализма утопией, во-вторых, он указывает на его несоответствие ни природным, ни человеческим качествам, в-третьих, Чичерин указывает на совершенно противоположный путь развития челове-

ского общества, опирающийся на признание экономической и политической свободы личности. "Он (социализм — В.П.) может возбуждать народные страсти, — пишет русский мыслитель, — производить смуты и потрясения, сбивать с толку робкие умы, которые, видя его грозные полчища, считают нужным входить с ним в компромиссы; но сила вещей возьмет свое. Западная Европа еще не закончила своего развития; последние результаты предстоят еще впереди; но можно наверное сказать, что и она, и с нею весь образованный мир, останется при выработанном западною цивилизацией начале экономической свободы, ибо оно одно соответствует и требованиям человеческой личности, и экономическим законам, и началам права, управляющим промышленными отношениями"¹²⁰. В то же самое время Чичерин отмечает, что критика социалистов указала "на темные стороны современного экономического быта". Более того, он считает, что социализм не является только лишь случайным заблуждением человеческого ума. Для него он "составляет необходимый момент в развитии мысли, но момент, по своему содержанию, все-таки радикально ложный. В нем выражается крайнее развитие исключительного идеализма, и сопряженное с этою крайностью отрицание частного во имя общего, поглощение лица государством, наконец, отрицание выработанного историею во имя фантастического будущего"¹²¹.

Коммунизм же, для Чичерина, представляет собой высшее выражение всех социалистических стремлений. Он пишет: "Коммунизм ставит себе целью возвеличение человека, и обращает его в раба; он провозглашает высшее нравственное начало, братство, и делает это начало принудительным, то есть лишает его нравственного характера; он хочет удовлетворить всем человеческим потребностям, и уничтожает всякое побуждение к труду, следовательно, делает невозможным сколько-нибудь широкое удовлетворение потребностей"¹²². В конечном счете коммунизм, по его мнению, есть "полное отрицание человеческой свободы", он по своей сути противоречит достоинству человека.

Чичерин, разбирая понятие коммунизма, рисует также и наглядную картину того состояния общества, к которому оно может прийти, следуя за коммунистическими лозунгами: "Но так как природу уничтожить невозможно, то насильственно подавленная личность неизбежно проявится иным путем: она выразится в стремлении каждого пользоваться как можно более общественным достоянием, внося в него как можно менее со своей стороны. Чем недобросовестнее человек, тем легче это сделать. Тут в накладе бу-

дут не худшие, а лучшие элементы. Коммунизм, по меткому выражению Прудона, есть эксплуатация сильного слабым, и не в материальном только смысле, а также и в нравственном: это эксплуатация добросовестного недобросовестным"¹²³.

В другом месте, говоря о социализме, Чичерин утверждает: "Если же личный интерес, подавленный в частной сфере, не будет иметь иного выхода, как государственное управление, и этому управлению будут настежь открыты карманы всех и каждого, то грабительству не будет конца. Едва ли можно представить себе что-нибудь ужаснее, как эксплуатация всего материального богатства страны и всего благосостояния частных лиц в пользу владычествующей партии. А к этому именно ведет социализм"¹²⁴.

В этих словах Чичерин показал себя необычайно проницательным мыслителем.

Обоснование Чичериным либерализма идет по многим параметрам. Отметим наиболее существенные. Во-первых, это его критика существующего режима. В одной из своих анонимных и бесцензурных статей он прямо пишет: "Россия вовсе не была приготовлена к либеральным идеям и учреждениям, оппозиции з ней нет, и правительству нетрудно справиться с отдельными лицами, которые осмеливаются возвысить свой голос; не встречая препятствий в народе, правительство привыкло делать что ему угодно"¹²⁵. Во-вторых, абсолютно недвусмысленное и полное отрицание радикальных и революционных действий. Для Чичерина "революция не есть право, а нарушение права. Она может иногда быть оправдана обстоятельствами, притеснениями, но никогда не может быть выражением правомерного образа действия. В правильном государственном порядке она немыслима. Право на восстание, провозглашенное конституцией 1793 года, есть узаконение анархии"¹²⁶. И, наконец, в-третьих, Чичерин обосновывает необходимость либерализма экономической необходимостью. Поскольку это в данном случае наиболее важный пункт, то попробуем, хотя бы ненадолго, остановиться именно на нем.

Чичерин полагает, что свобода составляет и "экономическое начало", это — "источник промышленной деятельности". Именно свободная воля лица является для него "важнейшим определяющим началом всего экономического производства"¹²⁷. "Те чудеса промышленности, — пишет он, — которые поражают нас в современном мире, суть плоды экономической свободы. Классическая, или либеральная политическая экономия, то, что ныне принято обызывать презрительным термином манчестерства, может с гордостью

указать на эти результаты провозглашенных ею начал. Она имеет за себя не только теорию, но и блистательную практику. Этими началами живет современное человечество"¹²⁸. Таким образом, по своему существу, свобода, по мнению Чичерина, составляет основное начало в экономической области. Человечество обязано всеми современными достижениями промышленности "свободному составлению". Вообще говоря, Чичерин очень высоко оценивает капиталистический способ производства. Он даже утверждает, что вся история человечества (в экономическом плане) представляет собой постепенное его развитие. "Вся экономическая история человечества, — пишет он, — есть ничто иное как развитие капитализма, с самых первых времен человечества и до нашего времени. ...Капитал всегда был и есть произведение свободной деятельности человека, обращенный на покорение сил природы, а потому он принадлежит отдельным лицам, которые думают, чувствуют, работают, сберегают, а не обществу, которое представляет только фиктивное юридическое лицо"¹²⁹. Здесь интересно отметить и обратную зависимость политической свободы от наличия в обществе обеспеченных слоев, от тех, кому принадлежит капитал. "Политическая свобода, — пишет он, — немыслима без обеспеченных состояний. Только экономическая независимость обеспеченных классов дает обществу независимость политическую. ...Поэтому бедная страна не может быть свободной страной..."¹³⁰.

Как можно видеть, экономический фактор в обосновании Чичериным либерального образа мыслей играет немаловажную роль. Он никогда специально (т.е. в узком смысле) не занимался политико-экономической проблематикой, но самые общие идеи в этой области были ему очень близки.

Итак, либерализм является для Чичерина единственным образом политического мышления, которому он отдает явный приоритет перед всеми возможными другими. К такому пониманию он пришел еще в середине 50-х гг. Так в своей работе "Очерки Англии и Франции" (1858 г.) он кратко сформулировал свои мысли по этому предмету: "Хотя это начало (либерализм — В.П.) у различных народов может принимать своеобразные формы, однако оно везде носит на себе некоторые общие черты: признается свобода человеческой совести, свободное развитие науки, искусства, промышленности; устанавливается гласность, как необходимое условие правильного развития, признается общественное мнение, как выражение общественных потребностей. Государство, достигнув высшей степени своего развития, само видит, что без содействия

общественных сил оно не в состоянии исполнить свою задачу"¹³¹. И здесь мы вновь возвращаемся к уже поднимавшемуся вопросу о том, каковы же в России те общественные силы, на которые должно опираться государство на пути общественно-политических преобразований. О сколько-нибудь развитом состоянии для исполнения такой роли среднего сословия (как это было на Западе) не приходится говорить. Именно поэтому Чичерин устремлял все свои надежды на дворянство, на осознание им своей роли в общественно-политической жизни русского общества. Чичерин особенно не обольщался и на этот счет, видя реальное положение вещей. Но все-таки часто именно к дворянству были обращены все его надежды.

Общественная самодеятельность, пробуждение общественных сил, ведущая роль в этих процессах дворянства, с одной стороны, и осознание правительством необходимости изменения в России существующих политических структур, а также его сближение с прогрессивными, сознательными общественными силами — го помощь им — с другой, и могут, по мнению Чичерина, содействовать продвижению России по либеральному пути.

Особый интерес представляет довольно обширная статья Чичерина "Россия накануне двадцатого столетия", написанная им на грани веков и вышедшая в свет в Германии. В ней он дает панораму общественной и политической жизни России в XIX в., а также формулирует насущные задачи дня.

Чичерин считает девятнадцатый век поворотной точкой в русской истории. До этого времени русское государство складывалось и укреплялось в жестких рамках самодержавной власти. В нем, кроме престола, не было никаких самостоятельных начал. Даже либеральные идеи, как он утверждает, исходили сверху. Даже Екатерина II, будучи поклонницей "гуманных идей", очень скоро смогла убедиться в трудности их практического применения в России. Еще бесплоднее, как он пишет, были либеральные стремления ее внука, Александра I. Обнаружилось явное противоречие между "благородными стремлениями юного монарха" и "состоянием подвластной ему страны". Движение декабристов было вызвано "возвышенными идеями", но они еще не были "по плечу русскому обществу". Чичерин пишет о декабристах: "Это был цвет русской молодежи, но цвет, оторванный от почвы, а потому обреченный на гибель"¹³². Эпоха Николая I, следовавшая вслед за этим, характеризовалась наступлением реакции по всем линиям, которая достигла своего апогея в 1848 г. Надежды на новый порядок вещей

возникли только лишь после отмены крепостного права в России в 1861 г. К этому же времени относит Чичерин и широкое распространение социалистической пропаганды.

Социалистическая пропаганда не встречала препятствий. По мнению Чичерина, “реакция, всегда и везде, составляет неизбежное последствие появления на сцену крайних элементов; это — общий исторический закон”¹³³. И, как он показывает, убийство Александра II положило конец всяким либеральным начинаниям.

Рисуя обстановку царствования Александра III, Чичерин замечает: “Либерализм казался правительству опасным; но социализм, пока он являлся в теоретической форме, представлялся безвредным”¹³⁴. Одной из существенных задач политики в благоустроенном государстве, по его мнению, является привлечение к правительству лучших общественных сил. В данный же период все происходило наоборот: “кверху поднимались именно худшие элементы”; все же, имеющее свои убеждения, — тщательно устранилось.

Свой краткий исторический обзор Чичерин заканчивает выдвинутым конкретным политическим требованием. А основой для их осуществления, как он полагает, может служить выполнение главной потребности русского общества, а именно перехода к конституционной монархии. Он пишет: “Если законный порядок составляет самую насущную потребность русского общества, то эта потребность может быть удовлетворена только переходом от неограниченной монархии к ограниченной. В этом и состоит истинное завершение реформ Александра II. Иного исхода для России нет”¹³⁵.

“Россия накануне двадцатого столетия” — это одна из последних работ Чичерина, посвященных общественно-политической тематике, а потому она может, в некотором роде, считаться его политическим завещанием. Одной из ведущих тем этой статьи является трагическая и печальная судьба русского либерализма XIX в. А в данном контексте это представляется наиболее важным.

Л.И.Новикова и И.Н.Сиземская о типе пореформенного, или дворянского, либерализма

Пореформенный либерализм может быть охарактеризован как дворянский. Его истоки восходят к XVIII — началу XIX века, с одной стороны, к “Наказу” Екатерины II и деятельности по уложению законов, деятельности М.М.Сперанского, хотя и не давших

практических результатов, но породивших дух вольности в обществе, с другой — к пропаганде и развитию идей вольности в творчестве Н.И.Новикова и А.Н.Радищева и их разработке в политической программе декабристами. Однако теоретическое обоснование его как особого направления русской социально-философской мысли падает на 50-60-е годы XIX века, период, связанный с подготовкой и проведением реформ, которые современники не без основания называли "Великими реформами". Но не "высочайшее соизволение", как принято было говорить, а глубочайший кризис всей сословно-монархической системы, основанной на крепостном праве, спровоцированный поражением России в Крымской войне, стал той реальной почвой, потребовавшей коренных преобразований социально-экономической структуры общества. Осознанием и теоретической проработкой этих потребностей и явился русский либерализм, идеологами которого стала университетская профессура, и прежде всего К.Д.Кавелин, Б.Н.Чичерин. Идеология либерализма стала своеобразной рефлексией по поводу западничества и "приживления" его на российской почве. Благодаря деятельности ученых-правоведов русский либерализм изначально принял концептуально целостное выражение. Ключевыми для него стали вопросы о свободе и ценности человека, об отношении к власти, о праве как гаранте свободы. Однако краеугольным камнем решения всех этих проблем для русских либералов оставалось отношение к крепостному праву. Разработанная профессурой система взглядов на много лет вперед определила либерализм как идейно-политическое направление, послужившее основанием программы реформ 60-70-х годов.

Во всех своих проявлениях либерализм — это доктрина, утверждающая свободу личности. Русский либерализм отстаивал это кредо, может, даже больше, чем западноевропейский. Для русских либералов эта проблема имела не только теоретическое, но вполне конкретное и острейшее содержание, не замечать которого после Радищева просвещенной дворянской интеллигенции было уже невозможно.

Идейная подготовка нового направления проходила в кружках Н.В.Станкевича и Т.Н.Грановского. Теоретическое обоснование ей дали профессор-правоведы К.Д.Кавелин и Б.Н.Чичерин. Оценивая социальные традиции русской истории, основанные на общинно-хоровом начале, и подобающее им место в современном историческом процессе, Кавелин писал: "Для народов, призванных ко всемирно-историческому действию в новом мире, такое су-

ществование без начала личности невозможно”, ибо именно “личность, сознающая сама по себе свое бесконечное, безусловное достоинство, — есть необходимое условие всякого духовного развития народа”¹³⁶. Отсюда следовал важный вывод, что самими законами развития общества предусмотрено “появление и рост личности”. Этим всеобщим законам подчиняется и история России. Как бы соглашаясь со славянофилами, Кавелин признает, что историческое развитие России и Европы имело разные социальные основания. Исходным историческим основанием России был родовой строй. Но исчерпав свои жизненные возможности, он в конечном счете был преодолен государственным началом. Появление государства в качестве прогрессивной объединяющей силы означало выход на историческую арену личности, прообразом которой стал Петр Великий.

Таким образом, личностное начало, согласно Кавелину, выжило в России позже, чем в Европе, пройдя через распад родового быта, патриархальной семьи и совпало с возникновением сильного государства. Следовательно, различия России и Европы относятся лишь к прошлому. Вступив на путь общечеловеческого развития, Россия подчиняется тем же историческим законам, которые определяют развитие Европы по пути обретения свободы личности и достижения социального равенства, и поэтому у них “цель, задача, стремления, дальнейший путь один”¹³⁷. Отстаивая этот взгляд, Кавелин как бы снимал спор между западниками и славянофилами, предостерегая в равной степени как от пренебрежения “русским началом”, так и от преувеличения роли последнего в новейшей истории, ибо и то, и другое обнаруживает взгляд неисторический, следовательно, ложный.

К аналогичной идее о решающей роли личности в общечеловеческом развитии пришел и Б.Н.Чичерин, ученик, соратник, а впоследствии оппонент Кавелина. Для него данная проблема стала центральной как в общеполитическом, так и в социально-политическом плане. По оценке В.В.Зеньковского, “Чичерин явил в русской историософии и политической доктрине чистейший и редкий у нас тип защитника свободы личности *quand tunc*”¹³⁸. В решении этого вопроса Чичерин переходил на позиции персонализма и стоял ближе к Канту и Фихте, чем к Гегелю.

Следуя в общем метафизике и философии права Гегеля, Чичерин не соглашается с последним в тезисе о растворении личности в Абсолюте. Только признание абсолютной ценности самой личности, считает Чичерин, позволяет обосновать значимость

нравственных начал человека и делает его не только свободным, но и нравственно ответственным за содеянное. Источник свободы не в Абсолюте, ибо свобода предполагает и возможность уклониться от его законов. Смысл человеческой свободы в возможности человека "возвышаться к сознанию безусловной своей сущности и тем самым к своей независимости от чего бы то ни было, кроме самого себя"¹³⁹. Как носитель абсолютного начала человек сам по себе имеет абсолютное значение, и только в силу этого свойства он может быть признан свободным лицом, и именно поэтому с ним непозволительно обращаться как с простым средством достижения каких бы то ни было внешнеположенных ему целей.

Этот тезис стал незыблемым основанием русского либерализма. Его различные частные определения могли меняться в зависимости от теоретических пристрастий или политической ситуации, но положение об абсолютной ценности человека всегда оставалось его красугольным камнем.

С изложенным пониманием роли личности в истории связано и понимание либералами гражданской свободы и их требования создания такого правового государственного порядка, при котором ценность общественных институтов измерялась бы тем, в какой мере они защищают интересы личности. Смысл права, согласно Чичерину, не может быть сведен ни к произволу законодателя, ни к общественному договору. В его основе лежит естественное право человека на жизнь, свободу и собственность, которая является гарантией свободы и независимости человека. С таким пониманием свободы связана и политическая программа либералов: свобода совести, гласность, независимость суда и презумпция невиновности, беспрепятственное проявление частной инициативы в хозяйственной деятельности, незыблемость частной собственности. Эти требования, закрепленные в системе положительного права, и составляют то, что называется гражданскими свободами.

В определении свободы русский либерализм воспринял не только западные идеи, но и дополнил его отечественной гуманистической традицией. Абстрактно-всеобщие формы правового равенства, характерные для европейского либерализма, в России наполнялись конкретно-гуманистическим содержанием, в частности идеалом "правды", сочетающим принципы равенства и справедливости и вносящим в гражданское общество высокий нравственный потенциал.

Гражданское общество — это общество равных возможностей всех граждан. В его основе лежит принцип равенства. Посредством

гражданского права оно гарантирует всем гражданам равные возможности в достижении своих целей, материального благосостояния, освобождая тем самым их интеллект для творчества и культурного созидания. Они же воспитывают и подготавливают народ к политическому представительству. Вот почему реформы следует начинать с гражданского общества. "Преобразования, вводящие прочный, разумный и законный порядок в стране взамен произвола и хаоса, по самому существу дела должны предшествовать политическим гарантиям", — писал К.Д.Кавелин¹⁴⁰. Попытки политического опережения развития общества ведут к нарушению естественного хода вещей.

В контексте изложенных воззрений рассматривался вопрос о соотношении гражданских и политических прав.

Политические свободы есть продолжение гражданских свобод и, в определенном смысле, их дополнение и гарантия. Государство в соответствии с принципом "правды" призвано внести поправку в этот беспристрастно уравнительный принцип гражданского общества, компенсируя исходное неравенство, поощряя и вознаграждая отдельных граждан за особые заслуги перед обществом. Русский либерализм, таким образом, никогда не отрывал экономику и политику от этики. В этом направлении на него оказывала влияние русская общественная мысль от Радищева до Соловьева. Вместе с тем русские либералы были едины в своем противостоянии всем формам правового позитивизма, ставящего политическую власть над законом. Они настаивали на освобождении права от диктата политики, на приоритете закона над политической властью. Именно поэтому либералы, будучи в большинстве своем юристами и правоведами, в своей практической деятельности стремились к развитию правовой культуры, боролись против ее излишней политизации, против правового нигилизма и волюнтаризма. Верховенство закона защищалось ими как высшая ценность среди принципов нормального государственного устройства.

Последовательно отстаивая приоритет права, либералы связывали его с идеей сильного правового государства, способного проводить необходимые реформы, обеспечивая порядок в обществе. Согласно их учению государство по природе своей есть сила, стоящая над классами и сословиями. Оно создается для того, чтобы привести враждующие силы к согласию, чтобы над частным интересом возобладали идея общественного блага, чтобы само устремление к частным интересам служило достижению общественных целей. Государство есть высшая форма организации, своеобразный

“страховой полис” нации (Чичерин). Но оно не может подменять гражданское общество, вмешиваться в частную жизнь граждан, регламентировать их экономическую деятельность, хотя и должно гарантировать свободу и условия предпринимательской практики. “Как и всякая экономическая деятельность, производство и накопление капитала, — писал Чичерин, — есть дело частное, а не государственное. В качестве охранителя права государство призвано только устанавливать общие для всех условия его приобретения и ограждать от посягательства со стороны других”¹⁴¹.

Понятно, что решать эти задачи может только сильное государство, способное в случае опасной “разбалансировки” гражданских интересов выступить на страже общественного блага. Вот почему реформы должны осуществляться “сверху”, ибо только государство может осуществить их, опираясь на закон, средствами, уравнивающими интересы различных слоев общества и минимизирующими опасность социальных взрывов. Отсюда же вытекает резкое неприятие либералами всех революционно-деструктивных идей и действий, от кого бы они ни исходили.

В свете сказанного становится понятной позиция либерализма 50–60-х годов в отношении к самодержавию. Вопреки распространенным обвинениям они защищали не самодержавие само по себе, а сильное государство, которое в то историческое время не могло быть ничем иным, кроме как исторически сложившейся монархией. Следует, однако, отметить, что в отличие от начала века понятие просвещенной монархии у либералов получило иную интерпретацию. Ставка делалась теперь не на личность просвещенного монарха, а на монархию как институт, опирающийся на закон и сильную исполнительную власть, в конечном счете просвещенную бюрократию.

Реформы 60-х годов подтвердили правомерность такого подхода. Император Александр II, с именем которого связывают проведение реформ, по свидетельству современников, отнюдь не подходил под ранг “просвещенного монарха”. Но естественная логика исторического процесса, поражение в Крымской войне, разложение армии, нигилизм в обществе — заставили его пойти на реформы, привлечь к их подготовке и проведению способных людей (Н.А.Милютин, Я.И.Ростовцев, Я.А.Соловьев), которые в ходе реформ становились либералами. Вместе с тем процесс естественной либерализации общественной жизни показал, с одной стороны, несовместимость его с устоями абсолютной монархии, с другой — неподготовленность самого общества к демократии, его нетерпение

и нетерпимость. Отсюда резкий поворот вправо в самом начале реформ и активизация деятельности революционных демократов, перешедших к открытому террору. Таким образом, подготовка и проведение реформ проходило под сильным давлением как "справа" со стороны реакционеров-крепостников, так и "слева", со стороны революционеров различного толка. В этих условиях либералы предпочли оптимальную позицию "охранительного либерализма", видя в правительстве "единственную европейскую силу", способную осуществить реформы или хотя бы сдвинуть дело с мертвой точки, чтобы оно в дальнейшем пошло само.

Конечно, Чичерин прекрасно понимал, что говорить о гражданском обществе в России можно с большой натяжкой, а точнее, в смысле долженствования. Проблема гражданского общества, "среднего класса" была, можно сказать, камнем преткновения русского либерализма. Одни, подобно Б.Н.Чичерину и А.М.Унковскому, рассчитывали на то, что оно сформируется из той части дворянского сословия, которое сумеет преодолеть сословные предрассудки и обратится к свободной созидательной деятельности. Другие возлагали надежды на разночинную интеллигенцию, которая явится связующим звеном между высшим сословием и народом. Купечество и промышленники, целиком зависевшие от государственных заказов и жаждавшие не столько свободы, сколько льгот и охранительно протекционистской политики двора, еще не проявили себя субъектом социальных реформ.

По этой причине либерализм 50–60-х годов выступил против конституции. Либералы справедливо полагали, что конституция в тех условиях могла быть только сословно-олигархической. Во-первых, с конституционализмом, корни которого уходят вглубь российской истории, в борьбу боярства за свои права, у либерализма были сложные отношения в силу того, что первый нес на себе явную печать крепостничества, защиты чисто сословных интересов. Либерализм же, требуя освобождения крестьян, выступал против сословных привилегий дворянства, считая лежащее в их основе крепостное право самой страшной бедой и виной России. Во-вторых, основная масса населения России, еще не вышедшая из рабского состояния, была фактически не готова к конституционному порядку. В таких условиях выборы представительного собрания и его деятельность от имени общества были бы самообманом. "Общество должно сперва переродиться, чтобы политические гарантии не обратились в театральные декорации, в намалеванные кулисы, ничего не значащие, ничего не стоящие"¹⁴². В-третьих, са-

модержавие в союзе с либерально настроенной частью правительственной бюрократии представлялось той сильной верховной властью, которая способна осуществить реформу и контролировать ее ход на местах. Такой союз действительно стал силой, сумевшей противостоять дикому сопротивлению крепостников и, несмотря на все колебания и противоречия, осуществить целую серию реформ, либерализовавших общественную жизнь.

Отказ либералов от участия в конституционном движении 50-х годов отнюдь не свидетельствовал о принципиальном отрицании идей конституционализма. Напротив, они были убеждены и неоднократно проговаривали, "что все народы, способные к развитию, рано или поздно приходят к представительному порядку. Свобода составляет один из самых существенных элементов, как общественного благосостояния, так и политического могущества, а свобода естественно, неудержимо ведет к участию народа в решении государственных вопросов"¹⁴³. Государства, в которых задерживается общественная самодеятельность, не способны конкурировать со свободными странами, в которых все общественные силы участвуют в экономическом и социально-политическом процессе. Поэтому страны, живущие активной общественно-политической жизнью, неизбежно увлекают за собой и другие страны и народы. Такова в перспективе и судьба России. Но, считал Чичерин, невозможно говорить о демократическом развитии страны, где до вчерашнего дня существовало крепостное право, где не только низшие, но и средние классы, которые везде в Европе выступали носителями идеи равенства, едва начинают заражаться этими стремлениями. И все же, заключает ученый, "для всякого, кто беспристрастно вглядывается в современное положение России, введение представительного порядка представляется единственным исходом. Завершение воздвигнутого в нынешнее царствование здания (имеется в виду царствование Александра II — Авт.) силою вещей становится необходимостью. Этот вопрос стоит на очереди и должен быть разрешен в более или менее близком будущем"¹⁴⁴.

В.Ф.Пустарнаков обосновывает мысль о том, что оформившийся в эпоху Александра II либерализм сразу стал принимать преимущественно не классическую, а постклассическую форму “нового” либерализма, хотя при этом продолжали также существовать прежние формы парламентаризма (разновидности дворянского либерализма)

Высказывания моих коллег, строящих свои концепции русского либерализма на анализе идейного наследия крупнейших, по их мнению, представителей русского либерализма XIX в. — Кавелина и Чичерина, в первую очередь, приводят к тому, что в одно целое объединяются весьма различные периоды истории русского либерализма. Во всяком случае, царствования Александра II и Александра III оказываются за одной скобкой. Мне же думается, что эти два царствования — это качественно разные царствования — эпоха реформ и эпоха контрреформ и две качественно разные эпохи в истории русского либерализма. По-видимости, александровская эпоха — это либеральная эпоха, начавшаяся буквально на второй день после смерти Николая I 18 февраля (2 марта) 1855 года, когда в русском обществе началась “оттепель” и правительство нового царя Александра II взяло курс на реформы и в первую очередь на отмену крепостного права.

Наоборот, царствования Александра III — это явно антилиберальная эпоха. К.Д.Кавелин писал в 1888 г. о современных ему умонастроениях: “После радужного настроения, светлых надежд и кипучей деятельности, наполнивших собою эпоху реформ, наступили годы полного и горького разочарования, и было от чего: светлые надежды не сбылись, победное шествие реформ остановилось, отчасти попятилось назад. Радужное настроение прерратилось в мрачное, ироничное, дошедшее в некоторых до отчаяния или крайнего озлобления”¹⁴⁵.

В таких условиях русский либерализм (как, впрочем, и радикализм) оказался в глубоком отступлении. Один из историков русского либерализма этих десятилетий выразился весьма образно: “Загнанным и разочарованным либералам оставалось только отбиваться в своих интимных позициях и отстаивать свои минимальные требования”¹⁴⁶. Что это за минимальные требования? “Самое большее, о чем возможно было говорить тогда, были: свобода печати (гласность), распространение грамотности в народе (учреждение школ — низшей и высшей) и развитие реформ уже намеченных (судебной, воинской и др.)”¹⁴⁷.

Примерно в том же ключе размышляет о русском либерализме эпохи Александра III Ричард Пайпс. «...В 1885 г в России либерального движения в полном смысле этого слова не существовало. В этот период русские люди, разделявшие либеральные принципы, уже не хотели идти на схватку с монархией. Борьбе за конституцию они предпочитали так называемые "малые дела", т.е. работу по улучшению материального и духовного состояния русского народа»¹⁴⁸.

Нисколько не возражая против высказываний об очень скромном характере программы русского либерализма при его отступлении в эпоху контрреформ, мне хотелось бы еще раз обратить внимание на необходимость видеть за деревьями лес. Минимальные требования, фигурировавшие в открытых либеральных программах не должны закрывать от нас очень крупные идейные и весьма прогрессивные сдвиги, проходившие в эти десятилетия в русском либерализме: оформление настоящего, буржуазного либерализма нового, постклассического типа, отодвинувшего на задний план программы дворянских либералов типа Кавелина и Чичерина, а также дворянский земский либерализм, хотя последний на поверхности явлений продолжал доминировать в русской либеральной мысли.

История русского либерализма эпох Александра II и Александра III отличаются, по видимости, от предшествующих эпох еще в одном отношении: если раньше понятие "либерализм" — большая редкость в отечественной литературе, то в 60–80-х годах в русском обществе достаточно широко распространились понятия "либерал", "либеральная печать" и даже "либеральная партия". Вопреки американскому профессору Тимберлейку, настаивающему на том, что в XIX в. в России преобладал уничижительный, иронический смысл понятия "либерал" и его производных, что это понятие старались не употреблять, мне бы хотелось зафиксировать факты, свидетельствующие о том, что в понятие "либерализм" с начала 60-х годов многие русские мыслители вкладывали неадекватное, но все-таки положительное содержание, отражавшее определенное умственное направление и общественное движение, хотя они могли к этому направлению и движению относиться отрицательно. Приведенные цитаты из статьи Н.Г.Чернышевского 1862 г., из Энциклопедического словаря 1863 г. и др. вполне подтверждают этот факт. Приведу еще высказывание М.Н.Каткова из его статьи "К какой мы принадлежим партии?": "У нас есть политические партии всех оттенков: кон-

серваторы, умеренные либералы, прогрессисты, конституционалисты (даже не выговоришь этого ужасного термина!) и демократы, и демагоги, и социалисты, и коммунисты; но у нас нет ничего похожего на политическую жизнь"¹⁴⁹.

Все "партии", з глазах Каткова, — это "шутовские" партии, но термины применены им все-таки для разграничения направлений русской мысли начала 60-х годов.

И все-таки сомнения профессора Тимберлейка относительно употребления в России понятия "либерал", "либерализм" не совсем безосновательны. Многие русские мыслители пользовались им редко и, по-видимому, неохотно. Скажем, против ожидания, понятие "либерал" и его производные — не частый гость в работах 60–70-х гг. демократа и родоначальника "русского социализма" А.И.Герцена ("либеральные министры", "рассудительный петербургский либерализм" и т.д.). У К.Д.Кавелина можно встретить обороты: "либеральные фразы", "либеральные откровенности", "либеральные поползновения александровской эпохи". Но русский либерализм как течение Кавелин не выделяет, предпочитая пользоваться даже в конце жизни терминами "славянофилы", "народники", "западники", "катковцы", "православные фанатики". Обосновывая свое понимание принципа "консерватизма", Кавелин никак не увязал его с понятием "либерализм". Стоит напомнить также, что в 70–80-х годах на страницах либеральных русских газет и журналов понятия "либерал" и "либерализм" часто ставились в кавычки. В данном случае видимость явления отражает в известной степени его сущность, а именно специфику русского нового либерализма постклассического типа сравнительно с классическим западноевропейским либерализмом.

Формально-логическому преимущественно методу исследования русского либерализма "по персоналиям" я бы хотел противопоставить более конкретный, более исторический подход, отталкивающийся от разнообразия образовавшихся в эпоху реформ "очагов либерализма". Такими очагами стали либеральные по тогдашним представлениям газеты и журналы, число которых сравнительно с николаевской эпохой существенно возросло. Либеральными считались журналы и газеты, издаваемые А.А.Красвский (1810–1889): журнал "Отечественные записки" (с 1839 по 1867 гг.), а также газеты "Санкт-Петербургские ведомости" (с 1852 по 1862 гг.) и "Голос" (1863–1864). Среди публицистов "Голоса" — В.П.Безобразов, А.Д.Градовский, В.И.Модестов и др.

С конца 50-х годов под редакцией В.Ф.Корша (1828–1883) в либеральный орган превратилась газета “Московские ведомости”, оставаясь таковой до ее перехода под редакторство М.Н.Каткова. Либеральными остались “С.Петербургские ведомости” после того, как от Краевского редакторство перешло к Коршу, при котором в 1863–1874 г. в газете сотрудничали П.В.Анненков, П.Д.Боборыкин, В.А.Полетика и др. Н.К.Михайловский полагал в 1872 г., что в “С.Петербургских ведомостях” русский либерализм выражается наиболее полно.

В 1856 г. М.Н.Катков (1818–1887) при участии своего давнишнего единомышленника П.М.Леонтьева организовал журнал “Русский вестник”, в котором в первые пять примерно лет сотрудничали многие тогдашние дворянские и буржуазные либералы. С 1863 г. с резким поворотом М.Н.Каткова к ультра-консерватизму “Русский вестник” выпал из обоймы русской либеральной печати.

В 1857 г. стал выходить журнал И.В.Вернадского (1821–1884) “Экономический указатель”, ставший одним из наиболее последовательных защитников идей либерализма.

С 1863 г. одним из наиболее влиятельных либеральных органов стала газета “Русские ведомости”, с которой в дальнейшем связаны весьма крупные представители русского дворянского и буржуазного либерализма: Кавелин, Чичерин, Кареев, Ключевский, Ковалевский, Мануилов, Чупров, Янжул и др.

С 1866 г. М.М.Стасюлевич стал издавать в Петербурге журнал “Вестник Европы”. В истории либерализма, пропагандированного на страницах этого журнала, особенно значительную роль сыграли публицисты, которые вели в журнале внутреннее обозрение — Л.А.Полонский (до 1880), К.К.Арсеньев (с 1880) и ряд других публицистов: В.А.Гольцев, А.А.Исаев, П.И.Иванюков, Л.З.Слонимский и др.

В самом конце александровской эпохи реформ стал выходить журнал “Русская мысль” (М., 1880–1918). Будучи сначала славянофильским по основной ориентации, с приходом в него в 1885 г. В.А.Гольцева стал органом радикального крыла буржуазного либерализма; в журнале печатались не только либералы (П.Д.Боборыкин), но и демократы (Н.В.Шелгунов, К.А.Тимирязев) и социалисты-народники (Н.К.Михайловский, В.П.Воронцов, С.Н.Южак) (впоследствии журнал станет органом кадетов под редакцией П.Б.Струве и А.А.Кизеветтера).

На рубеже 80-х гг. список либеральных органов печати пополнился издававшейся М.Стасюлевичем газетой “Порядок” и га-

зетой "Страна", которую издавал бывший ведущий обозреватель "Вестника Европы" Л.Полонский. Впоследствии беспощадный критик либерализма Лев Тихомиров назвал "передовыми либеральными органами" 80-х годов XIX в. газеты "Порядок", "Страна", (а также "Голос"), причем "Порядок" определялся даже как "архилиберальная газета"¹⁵⁰.

О плюрализме "очагов либерализма" в эпохи реформ и контрреформ я говорю для того, чтобы сформулировать тезис, расходящийся с уже давно существующей и до сих пор имеющей сторонников концепцией, связывающей русский либерализм XIX в. прежде всего с именами Кавелина и Чичерина. Полагаю, что ни Кавелин, ни Чичерин не являются типичными выразителями настоящего русского либерализма ни эпохи Александра II, ни эпохи Александра III. Характерный для этих эпох либерализм постклассического типа в наиболее адекватной форме выражали журналы "Вестник Европы" М.М.Стасюлевича и "Русская мысль" В.А.Гольцева. Я присоединяюсь к дореволюционным авторам, которые присвоили титул "учителя русского либерализма", "апостола русского либерализма" ведущему публицисту "Вестника Европы" К.К.Арсеньеву. Другие формы тогдашнего русского дворянского либерализма — это формы паралиберализма или даже квазилиберализма.

Внешним признаком подъема либерального движения и либеральной мысли в России в эпоху реформ стал нарастающий интерес к трудам ряда западноевропейских либеральных экономистов-фритредеров, особенно бельгийца Густава Молинали и француза Ж.Б.Сея. Французский экономист, последователь Сея, Мишель Шевалье (1806–1879) стал даже официальным сотрудником "Экономического указателя" И.В.Вернадского. В России появились новые статьи, пропагандирующие учение Адама Смита. В 1866 г. в переводе А.Бибикова вышел новый перевод труда Смита "Исследование о природе и причине богатств народов".

Мощным фактором, способствовавшим оформлению в эпоху реформ либерализма как направления, стало поддерживаемое сверху фритредерство. Среди тогдашних влиятельных фритредеров были член Государственного Совета (с 1848) и председатель Тарифного комитета (1850–1857) экономист Л.В.Тенгоборский (1793–1857), директор канцелярии (с 1858 г.) при министре финансов А.М.Княжевиче (1792–1870) Ю.А.Гагемейстер (1806–1873), сначала "товарищ" (заместитель) (с 1866 г.), а затем министр финансов (с

1875 г.) С.А.Грейг (1827–1887), Е.И.Ламанский (1825–1902), одно время управляющий государственным банком и др.

С конца 50-х гг. под покровительством Тенгоборского и Гагемейстера в Академии наук стал действовать кружок фритредеров. Одни остряк, противник фритредерства, с иронией писал, что этот фритредерский кружок состоял из трех тайных советников, четырех действительных статских советников, одного статского и одного надворного советника. С ретроспективной точки зрения, такая ирония представляется весьма неуместной. Наоборот, существование такого кружка — одно из ярких свидетельств крупных подвижек в русской экономической мысли к началу эпохи реформ, которое проливает свет на механизм оформления либерализма как общественного движения и умственного направления.

Что касается содержательной, сущностной стороны истории русского либерализма эпох Александра II и Александра III, то мне хотелось бы акцентировать несколько моментов.

Только при очень расширительном понимании "либерализма" можно говорить, как говорит Р.Пайпс, что либерализм был доминирующей "философией" образованных классов в России в пореформенную эпоху. Такой мощью русский либерализм тогда не обладал. Но есть и другая крайность в оценке русского либерализма. Хотя консерваторы не без оснований писали о том, что либеральные доктрины не имеют корней в русском обществе, что они лишены какой-либо органической связи с российским общественным строем, что либерализм — это колосс на глиняных ногах, а радикалы писали о трусости, недалекости, бездеятельности, хвастовстве и т.д. либералов, и те и другие недооценивали степень распространности либерализма и его укорененности. Первые русские социал-демократы не без оснований считались уже с начала 80-х годов с возможностью перехода руководства российским освободительным движением в руки либералов.

Уже в момент оформления либерализма как самостоятельного направления русской мысли возник спор о том, интересы каких слоев, каких общественных классов выражают либералы. Радикалы сразу выбросили обвинение в том, что либералы выражают корыстные интересы господствующих имущих классов. Они увязывали либерализм прежде всего с буржуазными интересами. В начале XX столетия Макс Вебер высказал противоположную мысль: мол, русский либерализм был движим не социально-экономическими интересами, а идеями, что основная социальная поддержка либерализму исходила со стороны интеллигентного обра-

зованного класса, который ничего не мог проиграть, но многое выиграть от политических реформ, которых требовала либеральная партия. Вслед за Вебером Ричард Пайпс считает, что в основе русского либерализма второй половины XIX в. были мотивы, ничего общего не имевшие с социально-политическими интересами. Русские либералы искали-де выход для своих подавленных патриотических чувств и индивидуализма. Доказательство: сторонниками либерализма в России не были купцы и промышленники, стремившиеся устранить преграды их бизнесу, как в Англии. Наоборот, русские купцы и промышленники искали поддержки правительства, что противоречит принципам либерализма.

Думается, что выход из таких противоречивых представлений о социальной базе русского пореформенного либерализма следует искать в несоответствии идеологической формы и объективного содержания этого направления. Русский либерализм приобрел в пореформенный период идеализированную, надклассовую форму. Никто из настоящих русских либералов того времени открыто не защищал интересы какого-то отдельного класса или группы, но ратовал за интересы всего народа, всего общества, всей страны. Другое дело, что с ретроспективной точки зрения можно выявить объективное буржуазное содержание тогдашнего либерализма.

У Р.Пайпса есть формула, согласно которой большинство русских либералов в пореформенный период были скорее либеральными консерваторами, чем либеральными демократами. И в данном случае, как мне кажется, весьма сведущего в русских делах американского историка подводит неотработанность методологических критериев разграничения форм либерализма. Придерживаясь расширительного толкования либерализма, Р.Пайпс, говоря о русских либералах, всегда имеет в виду "либералов" типа Б.Н.Чичерина, которого он сам относит к недемократическому крылу консервативного либерализма. Но если мы будем исходить из того, что мыслители типа Чичерина — это не либералы в точном смысле этого слова, то тогда вопрос о демократизме русского либерализма пореформенной поры будет поставлен в иную плоскость: тогдашние русские либералы хотели быть именно демократами и во многом это им удавалось.

В отличие от авторов, акцентирующих дворянско-помещичий характер пореформенного русского либерализма, считаю нужным развести оформившийся в эпоху Александра II буржуазный либерализм постклассического типа и разновидности либерализма дво-

рянского. Хотелось бы также подчеркнуть несводимость русского либерализма эпохи Александра II к земскому либерализму.

Что же касается вопроса о форме русского буржуазного либерализма этой эпохи, то я попытаюсь обосновать основной тезис: русский либерализм стал оформляться не в классической, а преимущественно в постклассической форме “нозого” либерализма.

Есть в истории русского либерализма пореформенного периода еще одна проблема, которая требует осмысления заново, а именно проблема идейной направленности эволюции либерализма той эпохи. Аксиомой для советской историографии либерализма стала формула В.И.Ленина: “Катков — Суворин — “веховцы”, это все исторические этапы поворота русской либеральной буржуазии от демократии к защите реакции, к шовинизму и антисемитизму”¹⁵¹. Думается, что пора признать: это — совершенно ошибочная формула, не соответствующая историческим фактам. Индивидуальный идейный путь Каткова и Суворина В.И.Ленин неправомерно выбрал в качестве модели идейного развития всего общественного направления. Во-первых, еще нужно доказать, что Катков когда-либо был либералом: он уже в 40-е годы не выходил за рамки консервативного западничества, а в пору издания “Русского вестника” его “прозападнические” политические симпатии не шли дальше консерватизма тори (не вигизма, как базы английского либерализма!), а экономические — дальше *laissez faire, laissez passer*-изма, совместимого не только с либерализмом, но и с политическим консерватизмом. Но даже если бы Катков был сначала либералом, то он его, по выражению А.И.Герцена, “выбросил за борт”. Переход того или иного деятеля на другие идейные позиции, ренегатство — вещь весьма распространенная. Даже если бы Катков покинул либеральные позиции, перейдя на ультраконсервативные, это отнюдь еще не значит, что на его примере можно говорить об аналогичной эволюции всего русского либерализма 60-х годов. При всех компромиссах русского либерализма, начиная с 60-х годов XIX в., со старым режимом, в идейном отношении он с тех пор развивался, хоть и медленно, но поступательно, по восходящей линии, прогресса, но отнюдь не в сторону реакции, а тем более не в сторону национализма и еще более шовинизма. О последнем речь пойдет лишь к 10-м годам XX в.

Прежде, чем ответить на вопрос, каким же был механизм формирования в эпоху реформ и контрреформ русского либерализма в новой постклассической форме, я хотел бы пополюемизировать с исследователями, которые, расширительно толкуя понятие либера-

лизм, относят к либералам и раннего Каткова, и Кавелина, и Чичерина, и Градовского, и других деятелей и мыслителей такого типа. Начну с М.Н.Каткова.

В 40-х годах Катков стоял на позициях синкретического мировоззрения, в рамках которого нашлось место для консервативного западничества. "Западничество" Каткова предопределялось "триединой" формулой; "классицизм", "европеизм" и "народность", которую он с 40-х годов отстаивал вместе со своим единомышленником П.М.Леонтьевым. Согласно этой формуле в Европе усматривались, помимо "элементов разложения", "элементы жизни и порядка", от усвоения которых Россия не должна была ожидать вреда. Какие это элементы? Государственное устройство Англии, историческая школа Ф.Листа в Германии, индустрия и искусство, особенно музыка. Отсюда сочувствие Каткова английским тори и "конституции" той эпохи, когда Англией управляли избранные. В некоторых вопросах Катков шел дальше русских дворянских либералов, не готовых признать, например, принципа бессловности. Так в споре с Чичериным Катков выступал против сохранения сословных различий. В сфере политической экономии Катков в принципе склонялся к "национальной" доктрине Ф.Листа, главного критика классического экономического учения А.Смита. Но временами Катков поддерживал принцип свободы промышленной деятельности. В 1864 г. он писал: "...Принцип невмешательства государства не есть нечто чуждое правительству, противоречащее ему, ограничивающее его или уменьшающее. Наоборот, этот принцип является воплощенной правительственной мудростью. В развитии этого принципа и состоит весь прогресс как правительства, так и общества"¹⁵². В целом, однако, либерализм как учение Катков никогда не разделял. Наоборот, он был одним из его ярких противников. До своего перехода с позиций "торийского" консерватизма на ультра-консервативные, националистические позиции в 1863 г. Катков усматривал в русском либерализме неопасное проявление теоретических увлечений. С 1863 г. он стал бичевать либерализм как феномен антинациональный.

Элемент консервативного западничества и "фритредерства", наличествовавший в мировоззрении раннего Каткова, позволил ему как редактору "Русского вестника" сотрудничать некоторое время с такими известными дворянско-либеральными и буржуазно-либеральными деятелями, как К.Д.Кавелин, Б.Н.Чичерин, В.П.Безобразов, П.В.Анненков, А.В.Дружинин, И.К.Бабст, И.В.Вернадский. На страницах "Русского вестника" в апреле

1856 г. появилась статья И.В.Вернадского "О свободе торговли", положившая начало горячей дискуссии на эту тему. Но тот факт, что у Каткова печатались сторонники принципа *laissez faire, laissez passer* отнюдь не значит, что его "Русский вестник" стал очагом настоящего либерализма.

Катковский "Русский Вестник" изначально не мог быть либеральным в строгом смысле этого слова уже потому, что в нем в момент его создания предполагалось участие не только дворянских и буржуазных либералов как Б.Н.Чичерин, В.П.Безобразов, П.В.Анненков, И.К.Бабст, И.В.Вернадский, В.Ф.Корш, но и славянофилов С.Т.Аксакова, К.С.Аксакова, И.С.Аксакова. Очень быстро выяснилось, что Каткова тяготит участие в журнале либералов, даже консервативных: сначала из журнала был вытеснен Корш, а затем пришлось уйти Чичерину.

Еще раз вспомним, что у фризократов экономический принцип *laissez faire, laissez passer* уживался с деспотизмом. Аналогичную роль он выполнял и в "Русском вестнике" Каткова, хотя такие авторы как, скажем, Вернадский понимали этот принцип более широко, уже в либеральном духе.

Пожалуй, еще более удивительным, нежели публикации в журнале Каткова фритредерских статей, является не только сугубо критическое, но иногда и примиренческое отношение журнала к социализму. Именно на страницах "Русского вестника" в конце 50-х годов после длительного перерыва вновь появляется имя Ф.Энгельса и ссылки на его "Положение рабочего класса в Англии".

~ 1856-1857 гг. профессор из Харькова Д.И.Каченовский публикует здесь несколько статей, в частности статью "Взгляд на историю политических наук в Европе".

Антисоциалистическая ориентация Каченовского бесспорна. Он убежден, что сами понятия социалистов об обществе неверны, шатки, незрелы, нерезализуемы, а некоторые даже безнравственны, ибо они смотрят на общество с хозяйственной, грубо материальной точки зрения, приносят в жертву своему идеалу духовно-нравственную природу человека и сводят все отношения между людьми к имуществу. Зачем же тогда понадобилось профессору ссылаться на коммуниста Энгельса? А все дело в том, что для Каченовского "социалистическая утопия" не так опасна для спокойствия и цивилизации, как думали прежде, мол, несмотря на странности и ошибки социалистов, они дали сильный толчок науке и принесли некоторую пользу, побудив к размышлению о природе и организации общества.

В.К.Ржевский — еще один публицист “Русского вестника”, откликнувшийся на работу Ф.Энгельса “Положение рабочего класса в Англии”. Это — первая в России более или менее развернутая критика марксизма с позиций либерального консерватизма, приспособившего к своим потребностям смитонианство. Особенности позиции Ржевского хорошо проявились в его отношении к концепции Бруно Гильдебранда (1812–1878) — одного из основателей исторической школы в политической экономии, которая стремилась в противовес смитонианству исправить недостатки буржуазного строя, преодолеть вредные последствия фабричной системы, не затрагивая существа этого строя. Будучи противником социализма, Гильдебранд признавал тем не менее заслуги социалистов в полемике против принципа *laissez faire, laissez passer*.

Либеральному консерватору Ржевскому это не понравилось, и он раскритиковал Гильдебранда за его мысли о необходимости реформировать политическую экономию, основанную на смитонианских принципах. Книгу Адама Смита он поставил в политической экономии на то же место, что и Эвклида в математике, полагая, что начало основанной Смитом политической экономии останется в науке неизблемым, ибо это начало есть несомненная истина: свобода экономических отношений, свобода труда, свобода обмена, свобода промышленной деятельности во всех ее видах является единственным рычагом, которым создается материальное богатство и развивается благосостояние народов; политическая экономия будет развиваться и разрабатываться, но это развитие и эта разработка будут успешны лишь в той мере, в которой в их основании будет лежать “великое начало экономической свободы” и никаких уступок социалистам — вот позиция публициста из журнала Каткова: в его глазах теории французских социалистов Бабефа, Сен-Симона, Фурье, Луи Блана и им подобных — это, мол, “старая рухлядь”. Гильдебранда он порицает за то, что тот отводит видное место Фридриху Энгельсу и его книге о положении рабочего класса.

Под углом зрения истории либерализма в России катковский журнал “Русский вестник” наиболее примечателен прежде всего двумя обстоятельствами: во-первых, “Русский вестник” — это издание, в котором “экономический либерализм” мирно сосуществовал с политическим консерватизмом, принцип “экономической свободы” пропагандировался в нем вне связи с принципами политической свободы, так что в целом журнал находился на позициях либерального консерватизма; во-вторых, наряду с полным неприя-

тнем социализма в журнале уже встречались, хоть и небольшие, примирительные нотки в отношении социализма. Наметьшаяся уже в 40-е годы тенденция к сосуществованию экономического либерализма с политическим консерватизмом, проявившаяся также в катковском журнале "Русский вестник" — одна из закономерностей в движении либеральных идей в России. Такое сочетание можно встретить даже у славянофилов. Так у А.И.Кошелева (1806—1883) есть похвалы идее невмешательства британского правительства в дела частных лиц и компаний, хотя принципы свободной конкуренции он отвергал, ориентируясь на модель национальной экономики Ф.Листа.

В иной пропорции, нежели у раннего Каткова, сочетаются либеральные и консервативные идеи в дворянском либерализме эпохи реформ и контрреформ, который представлен в первую очередь именами К.Д.Кавелина и Б.Н.Чичерина.

В студенческие годы, вспоминая Кавелина, он был "большим либералом", но "в политический либерализм" не вдавался, а был "искренним, ревностным социалистом"¹⁵³. Уже эти первые формулировки свидетельствуют о том, что "либерализм" Кавелин толковал очень широко, коль скоро свой "социализм" подверстывал под "либерализм", исключая политический. Что же изменилось в "либерализме" Кавелина в дальнейшем?

В политический либерализм он так и не "вдался", ибо ратовал за Россию с самодержавным политическим строем, за "правильную", основанную на законах, но неограниченную монархию. Правда, монархию европейского типа, освобожденную от обветшалых, полуазиатских, полукрепостнических форм, с прочными, самостоятельными учреждениями, составляемыми из лучших людей страны. Политическая позиция Кавелина — это европеизированный абсолютизм, ни в чем существенном не совпадающий с политическим либерализмом с его базовой идеей суверенитета нации, но не государя. У Кавелина же царь есть само государство — идеальное, благотворное, но вместе и грозное его выражение; он выше всех, вне всяких сомнений и споров, и потому неприкосновенен. Кавелин к тому же убежденный антиконституционалист, для которого царь — это единственный и самый верный оплот против аристократических или мещанских конституций. Кавелин агитировал за реформу системы управления, против исключительности прав дворянства, против крепостного права, за "строгое" правосудие, за развитие промышленности, торговли, кредита, и т.д., но вместе с тем он не хотел нарушить помещичье право собственности

(а потому стоял за вознаграждение помещиков при отмене крепостного права). Он выступал против "раскрестьянивания" и роста пролетариата и потому стоял за частичное сохранение общины как противовес частной собственности на землю), причем его противостояние капитализму заходило так далеко, что он готов был, признавая социализм ошибочной социальной теорией, решать задачи, поставленные социализмом, поскольку — де социализм правильно указал "на болезни человеческих обществ"¹⁵⁴. Кавелин усматривал много позитивного в буржуазном строе: "Все знают, какое огромное развитие промышленности и духу предприимчивости дает начало личной собственности. Оно создало те чудеса индустрии, которыми так справедливо гордится Европа, Северо-Американские Штаты. Оно — живая сила, поддерживающая современные общества в вечном движении, толкающая их беспрестанно вперед на пути всех преуспеший". Тем не менее он — решительный противник либеральной модели общества с его исключительным правом личной собственности и свободной игрой свободных сил: "Но давно уже, рядом с этими благодетельными и блистательными действиями личной собственности, история отметила и тесную ее сторону. Где только личная собственность господствует исключительно, там рано или поздно непременно наступает полная социальная анархия и бедствие народных масс, страшные общественные неудачи, против которых доселе оставались бессильными все средства, — недуги, которые развиваются неудержимо, питаясь и поддерживаясь сами собою. Оба явления не случайно совпадают с исключительным господством личной собственности и между собою, но состоят в теснейшей связи"¹⁵⁵.

Кавелин видел в России только две "стихии" — крестьян и помещиков. Среднее сословие — малочисленное и незначительное — он не брал в расчет. Трудно представить себе, как можно совместить такое отношение к "третьему" сословию и настоящий либерализм.

Обычно в качестве главного доказательства либерализма Кавелина выдвигается его концепция личности, "личного начала". Действительно, многие формулы Кавелина звучат весьма "либерально": стремление человека к полному, всестороннему нравственному и физическому развитию является движущей силой истории, главной причиной всех изменений, реформ и переворотов, считал Кавелин¹⁵⁶. "Индивидуальность есть почва всякой свободы и всякого развития; без нее немислим человеческий быт"¹⁵⁷.

Мы поспешили бы однако, если бы на основании этих высказываний сделали вывод об индивидуализме Кавелина. Наоборот, "личное начало" он подчиняет началу общественному: "Есть также мнение — и оно очень распространено в наше время — будто единственное назначение общежития есть, в конце концов, благо отдельных лиц. В таком взгляде есть большая доля правды, но и некоторое преувеличение и крайность. Обществу состоит из индивидуальных лиц, которые, чрез общение между собою, вместе, совокупными силами, достигают целей, полезных для каждого человека в отдельности. Но это справедливо лишь в общем смысле и никак не применимо к каждому отдельному лицу и данному единичному случаю. Правильное общежитие, доставляя людям множество благ, материальных и духовных, вместе с тем, ограничивает каждого человека, налагает на него обязанности, подвергает его лишениям и жертвам, нередко самым тяжелым. Поэтому нельзя требовать от общежития блага для каждого отдельного лица, тем более, что представления о благе чрезвычайно различны и каждый понимает его по-своему. Сожительство людей, представляя равнодействующую всех социальных элементов, имеет, по необходимости, свои условия и законы, задачи и цели, которых никак нельзя и не должно смешивать с условиями и законами, задачами и целями индивидуальных лиц"¹⁵⁸. Либерализм как классический, так и постклассический — доктрина индивидуалистическая и с такими взглядам Кавелина несовместимая.

В сфере философско-исторической Кавелин сделал ряд шагов в сторону западничества. В отличие от славянофилов, утверждавших, что Россия представляет полную противоположность Западной Европе, Кавелин признавал, что русское общество вступило на путь "общечеловеческой цивилизации". Но вместе с тем у него встречается немало выпадов против "псевдоевропеизма", отживших, окостенелых европейских форм: "Поборники европеизма думают, что отступись мы от европейских идеалов и форм, с ними исчезнет и самый смысл к тому, что они выражают в Европе. Странное самоуничижение, точно мы школьники, умеющие рассказывать урок, пока нам его подсказывают! Сочувствие к тем или другим общественным и политическим формам выражает потребности общества, которое надеется, что этими формами можно им удовлетворить. Стало быть, впереди идет потребность, а не идеал, не форма; потребность же, если она серьезна, действительна, а не выдуманна, не может умереть, непременно скажется и найдет себе удовлетворение в той или другой форме, смотря по обстоя-

тельствам. Если мы прежде верили в европейские общественные и политические формы, а теперь к ним охладели, — значит мы прежде верили в их способность удовлетворить нашим потребностям, а теперь перестали верить”¹⁵⁹.

Кое с чем в этих рассуждениях Кавелича можно было бы согласиться, если бы не одно “но”: он вообще не хотел отождествлять “европейское” с “общечеловеческим”; желая русским перестать быть народом восточным, он не хотел, чтобы они стали народом европейским, оставаясь просто “по природе русскими” ... Кавелич сам порой признавался, что его филиппики против “европеизма” “поборники европеизма” расценят как славянофильство. Славянофилом его, конечно, назвать нельзя, но примирение западных и славянофильских начал — фундаментальная особенность его мировоззрения, не выходящего поэтому за рамки дворянского либерализма, а потому являющегося лишь паралиберализмом.

Аналогично дело обстоит с Б.Н.Чичериным. В отечественной и зарубежной литературе тип мировоззрения Чичерина определялся с разными оттенками: дворянский либерал, истинный либерал (Хаттер Д.), правый либерал (Бенсон С.), либеральный консерватор или консервативный либерал (П.Струве), просто консервативный либерал (Леонтович). Но в последние годы “либеральный статус” Чичерина стал неожиданно порываться. Особенно меня удивило то, что А.Валицкий изменил свою квалификацию Чичерина: если в книге “Русская философия и общественная мысль от просвещения до марксизма” (1973) А.Валицкий квалифицировал Б.Н.Чичерина как идеолога правого крыла дворянского либерализма, исходя из того, что тот соединял, в частности, гегелевский культ сильного государства и правового порядка с экономическим либерализмом вульгарной политической экономии, то теперь польский ученый назвал Чичерина самым крупным либералом к востоку от Германии. Подхватывая эстафету, В.И.Приленский стремится доказать, что в лице Чичерина “русский либерализм получил своего самого яркого выразителя (по крайней мере в XIX в.)”. Познавательную причину расхождения я усматриваю в разном понимании самой сути либерализма как доктрины, и поэтому я попытаюсь измерить либерализм Чичерина по изложенным выше критериям и в первую очередь по критерию сочетаемости экономического и политического либерализма.

Чичерин — сторонник экономического либерализма. По его мнению, “вся экономическая деятельность есть дело частное, а не государственное. В качестве охранителя права государство призна-

но только установить общие для всех условия приобретения и ограждать его от посягательств со стороны других"¹⁶⁰; "...Удовлетворение потребностей возможно только при свободном соперничестве"... "Невозможно считать, что песня индивидуализма спета"¹⁶¹. Князя-экономиста А.И.Васильчикова (1818–1881), во многом примыкавшего к славянофилам, Чичерин критикует за то, что по его теории "вместо личного интереса главным двигателем народного хозяйства, высшим судьей выгоды или невыгоды предприятий выступает правительство, которое во все вмешивается, все регламентирует и все направляет в соответствии со своими теоретическими целями"¹⁶².

Чичерин — поборник свободы совести, свободы развития науки, искусства, ратует за гласность — казалось бы, здесь прорисовывается его также и политический либерализм. Ан нет! Коренной либеральный принцип свободы Чичерин толкует иначе, чем западные либералы, прямо заявляя, что "русскому человеку невозможно становиться на точку зрения западных либералов, которые дают свободе абсолютное значение и выставляют ее неизменным условием всякого гражданского развития", что "признать это, значило бы отречься от всего своего прошлого, отвергнуть очевидный и всеобъемлющий факт нашей истории, которая доказывает яснее дня, что самодержавие может вести народ громадными шагами на пути гражданственности и просвещения"¹⁶³. Можно было спорить и спорили о том, исчерпало ли в России самодержавие свою историческую функцию, но бесспорно, что апология самодержавия в рамки адекватного политического либерализма никак не вписывается. Чичерин — критик "нетерпеливых либералов", которые в ходе реформ 60-х годов хотели провести конституционные идеи. Много разумного можно выявить в аргументах Чичерина, доказывавшего, что Россия того времени была не готова к конституции, что только в будущем она превратится в конституционную монархию, но тогда нужно признать, что и либерализму в России еще не было места, что, собственно, Чичерин фактически признавал, когда писал, что русские усваивают выработанные европейской жизнью европейские идеи, приравнивая их к собственным потребностям, "в тех размерах, какие допускаются нашей историей и жизнью". Оказалось, что Чичерин допускал западноевропейский политический либерализм в таких ничтожных "размерах", что о его собственном политическом либерализме говорить просто не приходится. Не признавая принципов, заимствуя частности, нельзя быть адептом какой-либо доктрины.

Если классический либерализм — это, в числе прочего, максимальное ограничение государства не только в экономической, но и во всех других сферах, если постклассический либерализм, пересмотрев либеральных классиков, все-таки видит в государстве только средство для осуществления либеральных целей, то Чичерин — самый настоящий этатист. Хотя он критиковал социалистов за то, что в их учении частное отрицается во имя общего, лицо поглощается государством, сам он придерживается не менее жесткой концепции сильного, централизованного государства, более того, государства с развитой бюрократией, что также противоречит принципам либерализма.

В сфере философии русской истории у Чичерина с очевидностью просматриваются продворянские мотивы, несовместимые с настоящим либерализмом. Признавая общечеловеческую цивилизацию, Чичерин стремился законсервировать преимущественно аграрный, социальный и сословный строй России и на этой основе установить мирное сожительство деревни и города, дворянства и буржуазии при преобладании деревни над городом, дворянства над другими сословиями, аристократии как первенствующего сословия на долгое время. Это идеология консервативная, а не либеральная.

Чичерин одним из первых начал возрождать в России теорию естественного права и учение о правах личности как естественных правах, что со временем высоко оценили некоторые русские либералы начала XX в. Этот факт свидетельствует о том, что в сфере философии, в том числе философии права, Чичерин придерживался либеральных принципов. Но и это — лишь еще один либеральный фрагмент в нелиберальном в целом мировоззрении Чичерина. Чичерин занял в истории русского либерализма почетное место. Но все-таки типичным либералом ни в классическом, ни в постклассическом варианте он не стал; он не вышел за рамки дворянского либерализма, т.е. паралиберализма.

“Дворянский либерализм” — действительно распространенное явление русского XIX в. И он, конечно, был более влиятелен, чем либерализм буржуазный. Но думается, что формула: “дворянский либерализм наиболее полно выразил дух классического русского либерализма” неверна. “Дворянский либерализм” — либерализм ненастоящий, нетипичный, неадекватный. Понятие “дворянский либерализм” — формула условная. Если говорить о классическом русском либерализме XIX в., то это был вышедший за рамки дворянского либерализм “Санкт-Петербургских ведомостей” (1863-

1874) В.Ф.Корша, "Вестника Европы" М.М.Стасюлевича и "Русской мысли" В.А.Гольцева.

Существенно отличающийся от паралиберализма Кавелина и Чичерина настоящий русский либерализм формировался в тех же очагах, в которых возникал дворянский либерализм. Но по принципам этот новый либерализм существенно отличался от кавелинского и чичеринского. Новый либерализм постклассического типа формировался под влиянием прежде всего неблагоприятного в конечном счете для идеологии классического экономического либерализма соперничества с идеологией протекционизма, приведшего к пересмотру либералами роли государства в своей доктрине, а также под влиянием социализма.

После того, как в апреле 1856 г. в "Русском вестнике" И.В.Вернадский опубликовал статью "О внешней торговле", в русской печати началась дискуссия о свободе торговли. Уже в 1857 г. появились такие констатации: "Вопрос о свободной торговле, уже более года занимающий почти всех в России, породил множество статей, помещенных в разных журналах, в защиту и против старых и новых начал о торговле"¹⁶⁴. "Мы следим с большим интересом за тою горячею полемикою, которая возникла у нас по вопросу о свободе торговли"¹⁶⁵.

В "горячей полемике" 1856–1857 гг., занявшей "почти всех в России" (и в дальнейшем), проявилось несколько тенденций, высветивших узловые проблемы оформления нового русского либерализма как направления. 12 сентября 1856 г. на приеме в Москве городских глав предприниматель В.А.Кокорев (1817–1889), провозглашая тост "за правильное развитие нашей промышленности и фабрикации", так обрисовал ситуацию: "На счет торговли существуют у нас самые противоположные мнения; одни говорят о Китайской стене, другие о свободной торговле. Но ведь крайности ничего не определяют...". Иными словами, Кокорев обозначил протекционистские, фритредерские и центристско-промежуточные устроения в русском обществе.

Горячим пропагандистом экономической свободы с 1856 г. выступил И.В.Вернадский, доказывавший, что идея свободного обмена — это "такое же великое открытие, как изобретение книгопечатания, применения пара, электричества и т.п.". Эта идея, по Вернадскому, включает в себе и идею свободы труда, промышленности, и идею свободы торговли. "Свобода торговли как торговой промышленности, есть такой же вечный, неизменный и святой как и свобода всякой другой промышленности...". Не веря в казенное

управление промышленностью, Вернадский осудил протекционизм, который "производит неравномерность в экономическом положении граждан, фактически создает привилегии некоторых производителей, стесняет потребление и многие производства и рождает противоположность интересов, антагонизм сословий (хозяев и рабочих) внутри страны, а во внешних сношениях возбуждает недоверие, зависть, вредную растрату сил, стремление к захватам и эксплуатации. Все это не может не производить вражды и противодействия со стороны других народов и составляет источник разрушительных политических действий и предприятий, поглощающих средства, получаемые правительством охраняемой страны"¹⁶⁶.

Энергичными выражениями защищал идею свободной торговли также профессор И.К.Бабст, полагающий, что правительство должно уклоняться от вмешательства в промышленные дела, предоставляя свободное поле частной деятельности и предприимчивости, и выступать с инициативой только в тех случаях, когда у частных лиц не хватает средств или когда эгоизм и корысть мешает общему благу. Профессор буквально декларировал: "Против свободной торговли, как одной из неоспоримых и основных истин народного хозяйства, которая с каждым часом завоевывает себе новую область во всемирном хозяйстве, нельзя идти. Опровергать эту истину значило бы идти наперекор всему движению, охватившему Европу, где в каждом уголке заметно одно стремление — ослабить или облегчить все стеснения, противопоставляемые свободному развитию международного обмена. Запретительная и ограничительная системы ограничиваются уже в настоящее время борьбою оборонительною"¹⁶⁷.

Из наиболее последовательных сторонников свободной торговли 50–80-х годов следует вспомнить также о Б.Ф.Калниновском (1827–1884) (преподаватель истории и статистики в петербургских военных заведениях, защитивший магистерскую диссертацию на тему "О развитии и распространении идеи свободной торговли и о применении ее к положительным законодательствам в главных западноевропейских странах" (Спб., 1859), и об известном социологе–органицисте Я.А.Новикове, опубликовавшем книгу "Протекционизм" (Спб., 1890).

Как и в Западной Европе в период эйфории, связанной с пропагандой промышленной и торговой свободы, в России середины XIX в. этот принцип олицетворял собой новую либеральную модель жизни общества. На страницах либеральных "Московских ведомостей" можно было прочитать такое, например, основанное на

иностранином источнике, описание учения о свободной торговле: "Как учение система свободной торговли предполагает, что открыла начала, способные дать международной торговле не только более свободы, чем прежде, но довести ее до последней степени возможной свободы, как плод этой свободы она предлагает человечеству эру благосостояния и нравственного совершенства, которым не было ничего подобного в истории, наконец, мир, если только он будет сообразоваться с правилами, выводимыми ею, должен сделаться настолько свободным, счастливым и просвещенным, насколько это позволяет самое его назначение"; "...Система свободной торговли не есть в глазах ее приверженцев только идеал для экономиста-философа, она есть также и идеал, осуществить который должен стремиться всякий государственный человек, достойный этого имени. Англия открыла дорогу; все остальные нации, по словам поборников системы свободной торговли, должны устремиться за нею на этот путь, если они не хотят отказаться от очевиднейших и драгоценнейших выгод своего благосостояния и величия"¹⁶⁸.

Но вскоре после начала дискуссии о свободной торговле, вылившейся в дискуссию о либерализме вообще, стало выясняться, что сторонники экономического либерализма стали проигрывать спор протекционистам. В 1863 г. либеральная газета "Голос" в статье "Новый проект устава о промышленности" следующим образом описала наметившуюся тенденцию: "Безусловная промышленная свобода, без всяких организующих элементов, принесла не одно лишь хорошее, но много и дурного. В этом убедились и правительства, и народы — и блестящее развитие свободных рабочих ассоциаций на Западе доказывает, что некоторая организация труда необходима"... Одна из крайностей усматривалась в "принципе безусловной свободы, без вмешательства администрации в промышленные дела и интересы"; другая крайность — "в стремлении все регламентировать, все подводить под известные законодательные рамки и определенные административные обряды". Вывод газеты: "Точка зрения безусловной свободы, конечно, разумная, и в теоретическом смысле она близка к идеалу; точка зрения регламентации при условии успешности всех организаторских попыток также близка к идеальному совершенству. Но в практическом применении оба эти воззрения несостоятельны. И административный индифферентизм, и административная ревность одинаково неудобны для истинных интересов промышленности"¹⁶⁹. Иными словами говоря, либеральная газета по практическим сооб-

ражениям высказалась за своего рода "третий" или средний путь между принципом промышленной свободы и принципом регулируемой экономики.

Прошло еще несколько лет и выяснилось, что русские сторонники экономического либерализма во многом утратили свое былое влияние под давлением протекционистов, ратовавших под знаменем патриотизма за интересы русской национальной промышленности. Такими мотивами был пронизан, например, весьма странший труд графа А. Бобринского, который сделал общий вывод: "...В настоящее время многие из первенствующих экономистов стали признавать, что система свободной торговли не может быть применена с успехом к народам, еще не созревшим в производственном отношении"; "Применение фритредерской системы к России, не созревшей еще в производственном отношении, поведет правительство к урону и, вместе с тем, промышленность — к расстройству, а народ — к обеднению"¹⁷⁰.

Интересно, что апологию протекционизма можно было встретить и на страницах либерального "Вестника Европы". В 1868 г. журнал писал в жестких формулировках: "...Сложившаяся под покровительством Любецкого и руководством Тенгоборского школа доморожденных фритредеров опрокинула самым насильственным образом долголетнюю деятельность покойного министра, и, под влиянием теоретико-бюрократической ломки, мы проложили длинный путь ошибок, приведших нас к современному печальному состоянию. Подчиняясь указаниям опыта, не доверяя более нашим смелым и так много обещававшим финансистам, общество в последнее время начало отрезвляться от прежних увлечений и смотрит более подозрительно на фритредерские возгласы и рутинно-научные толкования людей, мало сведущих в теории и совершенно незнакомых с практикой". Оказалось, что журнал отражал умонастроения отечественных предпринимателей, поскольку "в общих основаниях с московским купечеством" (в пользу протекционизма — В.П.) сошлись петербургский и рижский биржевые комитеты; один только одесский заявил себя безусловно в пользу свободной торговли". На этом основании был сделан вывод: "...Север России есть протекционист по силе своих экономических местных условий, а юг, — избылующий сырыми продуктами, — фритредер из сознания собственных выгод..."¹⁷¹.

Тот же журнал констатировал в статье "Новый таможенный тариф, по европейской торговле", что приверженцы "так называемой" (!) свободы торговли, защищавшие ее в принципе и дале-

кие от мысли, чтобы полное осуществление ее возможно было у нас теперь, ввиду многочисленных интересов и значительных капиталов, связанных с промышленностью, выросшего на почве запретов и высоких тарифов, но убежденные в необходимости сохранения нашей промышленности известной доли покровительства, с постепенным ослаблением его, по мере успехов промышленности и народного развития, в последнее время как бы смолкли, наскученные частым и бесплодным повторением одних и тех же идей, и тем доставили, по-видимому, торжество протекционизму, успевшему завоевать себе не только часть литературы, но и значительную часть образованного общества..."¹⁷². Сторонники принципа экономического либерализма не сдались, но неблагоприятный для них ход противостояния с идеологией протекционизма существенно повлиял на содержание формирующегося либерализма пореформенной эпохи.

В отличие от дворянского либерализма, в котором экономический либерализм уживался с политическим консерватизмом, в русском буржуазном либерализме, который стал интенсивно формироваться с середины 50-х годов XIX в., экономический либерализм постепенно сослился с политическим либерализмом. Уже в первых работах И.В.Вернадского такая связь экономического и политического либерализма наметилась. "Допустив начало гражданской личной свободы в обществе, — писал он, — необходимо допустить в нем и свободу экономическую, потому что эта свобода составляет только одну из форм того же гражданского быта"; и еще: "Экономическая свобода, право полного распоряжения своим трудом и пользования его плодами должны следовать затем, как следует равноправность суда и политического положения"¹⁷³. В опубликованной на страницах "Экономического указателя" (редактировавшегося И.В.Вернадским) речи бельгийского либерального экономиста Молилари рядом с аргументами в пользу фритредерства стояли также аргументы в пользу свободы вообще: "...Разве теперь государства, при свободе, не богаче и не сильнее государства средневековых, когда существовало рабство?"; "Вы знаете, как рассуждают деспоты о свободе и независимости политической, об обществах и ассоциациях, о свободе книгопечатания, о публичном судопроизводстве. Разве нация скорее погибнет при уничтожении деспотизма, нежели при уничтожении свободы?"¹⁷⁴.

И вот наступил момент, когда на страницах либерального "Вестника Европы" либерализм был определен как "система свободы", подразумевавшая неразрывную связь экономического и по-

литического либерализма: "...В законодательстве страны могут долгое время уживаться принципы совершенно противоположные; устройство правления может быть либерально, а социальная организация основана на неравенстве, торговое же законодательство на принципе олигархии, монополии, эксплуатации всех, в пользу нескольких, в силу фальшиво понятого интереса государства. Совсем другое в рациональной теории, в общем взгляде на начала, благотворные для общества. Здесь предполагается цельность, которая не допускает противоположности принципов. Либерализм есть целая система свободы; но свобода в общественном устройстве есть равенство прав; свобода во всех отраслях предприимчивости есть отсутствие монополии, вольная конкуренция..."¹⁷⁵. Вот чего не было в дворянском либерализме, ни у Кавелина, ни у Чичерина. Вот чем, в первую очередь, существенно отличался настоящий буржуазный либерализм от дворянского паралиберализма!

Неразрывную связь экономического и политического либерализма в настоящем либерализме осознавали и некоторые русские мыслители из окололиберальных кругов. Либеральный консерватор А.Д.Градовский так описывает искомого читателя, следящего за либеральной литературой: «Вдумываясь в творения Адама Смита, Сэя, останавливаясь на деятельности манчестерской лиги вообще и Кобдена в особенности, перелистывая Бастиа и заглядывая в Молнари, он почувствует, что вся эта доктрина была выработана людьми, которые или подготовили либеральное движение нашего века, или выросли под влиянием этого движения. Он увидит, что экономический либерализм есть общий продукт либерального движения в области политики, религии, науки, искусства, — всего, в чем проявляется жизнь человека. Экономическая формула "laissez faire, laissez passer" выражает тот же принцип, что и формулы: вероисповедания свободны, наука свободна, мысль свободна; а все эти формулы заключаются в одной общей: каждый человек имеет право сделать все, что не вредит другому»¹⁷⁶.

Коль скоро в либеральном "Вестнике Европы" первых лет его существования либерализм определяется как "целая система свободы", что напоминает тезис Б.Констана о либерализме как "свободе во всем", естественно сделать вывод о том, что уже к концу 60-х годов русский либерализм принял форму, аналогичную формам западноевропейского классического либерализма. Но это был бы поспешный вывод. Специфика русского либерализма состоит в том, что, восприняв ряд принципов классического западноевро-

пейского либерализма, пореформенный либерализм в России стал развиваться по преимуществу в новой, постклассической форме.

Горячие выступления Вернадского и Бабста в защиту свободы торговли это отнюдь еще не свидетельство их полной приверженности классической либеральной системе, покоящейся на принципе *laissez faire, laissez passer*. Бабст прямо критиковал “односторонний рациональный космополитизм промышленной школы Адама Смита”. Новый постклассический характер либерализма Вернадского проявился прежде всего в том, что он стал соединяться с социальным реформаторством. Русские либералы с похвалой относились к критике социалистами феодально-крепостнических учреждений и снисходительно к критике недугов капиталистического общества.

Положительную сторону учения социалистов Вернадский ни в коей мере не принимает. Социалисты, мол, забыли, что народ — это живой организм, что формы жизни вытекают из потребностей народного организма и поэтому нельзя, “опасно и нелепо” наложить на народ произвольные формы извне. Но тем не менее он говорит о заслугах социалистов: социалистическое движение, мол, заставило экономистов обратить внимание на многие вопросы, прежде остававшиеся в тени — например, вопрос о товариществе и вопрос о владении имуществом. В глазах Вернадского социалисты сильны, когда крикуют темные стороны современного промышленного строя, но слабы в своих идеалах.

В свою очередь, на уступки социалистам идет Бабст. “Еще очень недавно, — писал он, — слово социализм произносилось у нас шепотом; оно было изгнано из литературы, его боялись произносить с кафедр, и отсюда происходило, как и всегда, то печальное явление, что все бросилось на запрещенный плод, каждый ловил жадно социальные брошюры, и кто больше кричал о социализме, кто громче его проповедовал, конечно, благодаря какой-нибудь запоздалой брошюре, потерявшей всякое значение в Европе, тот считался передовым человеком. Слава богу, теперь можно говорить спокойно и безбоязненно о социальных реформах...”¹⁷⁷. Оказывается, “социализм и социальные теории — это великий современный исторический факт. Отвергать его значение и смешно, и дико, и в этом — то состоит великая ошибка большинства представителей господствующей школы политической экономии”¹⁷⁸. Более правы социалисты, подметившие “все слабые стороны современной экономической организации”. От главных принципов социализма Бабст, разумеется, отрешивается, но на его позитивных аспектах настаивает достаточно энергично: “...Нисколько не увлекаясь

утопиями социалистов, мы все-таки должны сознаться, что общее сочувствие всегда и везде будет на их стороне, потому что эти первые указали на слабые стороны современной промышленной жизни, на бедствия миллионов людей, и подняли завесу будущности, той печальной будущности, которая может грозить европейскому обществу, ежели оно не позаботится об изменении коренных основ своего быта. Тут-то и заключается вся положительная заслуга социалистов"¹⁷⁹.

В природе либерализма той его разновидности, которая представлена Бабстом и Вернадским и которая усматривается в социализме не только слабые, но и сильные с их точки зрения стороны, коренная побудительная причина их интереса даже к марксизму.

Вскоре после выхода в свет труда К.Маркса "К критике политической экономии" данная в нем формулировка принципов материалистического понимания истории и политико-экономическая концепция обратила на себя внимание Бабста, который 18 января 1860 года в публичных лекциях в Московской практической академии коммерческих наук высказал некоторые мысли в духе идей, идущих, несомненно, от Маркса. В опубликованном тексте лекций Бабста нет ни одной ссылки на Маркса и его работу "К критике политической экономии". Сообщивший Марксу о лекциях Бабста Н.Сазонов допустил ошибку, приняв лекции Бабста за изложение идей "К критике политической экономии". Но в лекциях Бабста влияние идей Маркса тем не менее чувствуется: Бабст высказал, в частности, мысль, которая является парафразой Марксова принципа соотношения базиса и надстройки. Бабст исходил из того, что в юридических формах выражается хозяйственная жизнь народа и поэтому призывал изучать историю народа, отталкиваясь от его хозяйственных отношений, и понимать, что законодательство необходимо должно изменяться рука об руку с изменением народного хозяйства. В такой форме эту мысль Бабст просто не мог заимствовать из какого-либо другого источника, кроме марксизма. А что Бабст действительно интересовался марксизмом, подтверждает тот факт, что в вышедшем в 1872 г. его труде "Изложение начал народного хозяйства" (т. 1, в.1) "Капитал" Маркса фигурирует в числе одного из пособий.

Приведу еще один пример отношения к социализму либерала-анонима, писавшего в газете "Голос": "...У нас, на Руси, как и в Англии, социализмом пугают, и дразнят, и иппыняют друг друга в ущерб правильному и спокойному общественному развитию"¹⁸⁰. Аноним развивал мысль о том, что социалисты становятся менее

радикальными, подобно прудонистам, которые стали самыми искренними индивидуалистами, защищают собственность, ратуют против общего владения, против коммунизма, оставаясь на позициях неприятия идеологии I Интернационала в целом, который аноним тем не менее расценил как организацию, которая ищет выход из социальных неурядиц.

На вопрос: существовало ли в сороковых годах какое-нибудь непосредственное воздействие идей Маркса на эволюцию русской общественной мысли, Рязанов в свое время ответил, что такое влияние имело место, но оно оставалось чисто индивидуальным и наблюдалось только в случайных заявлениях. Думается, что эта суммарная оценка нуждается в существенных коррективах. Уже в случае с Боткиным и Анненковым, хотя и небольшое, но влияние Маркса было не случайным, а закономерным. Оно объяснялось особенностями становления русской либеральной мысли, спецификой становящегося либерального мировоззрения, которое, будучи и с социально-политической, и с философской точки зрения оппозиционным по отношению к господствовавшей в России идеологии самодержавия и православия и более или менее близким к ним разновидностям реакционного и консервативного мировоззрения, нуждалось в аргументах против них и находило их у социалистов и у Маркса, в частности. Оформление на рубеже 50–60-х годов нового либерализма постклассического типа с отчетливо и недвусмысленно выраженными симпатиями к “сильным” сторонам социалистических учений еще более демонстративно доказывает не случайный, а закономерный характер интереса части некоторых первых русских либералов даже к Марксу и Энгельсу, к их работам. Хотя российский либерализм 50–60-х годов XIX в. как течение испытал не очень значительное по объему влияние социализма, это влияние все-таки весьма ощутимо. В целом это — первые страницы истории российского либерализма нового, постклассического типа, на последних страницах которого в конце XIX в. окажется “легальный марксизм” как классический российский вариант либерализма постклассического типа, за которым последуют другие разновидности нового либерализма XX в., которые, в частности, анализируют И.Н.Сиземская и Л.И.Новикова.

В 80-х годах российский новый либерализм постклассического типа оформился уже достаточно ясно и в теоретическом, и практически-политическом, программном отношении. Я попробую наметить основные характерные черты данного типа либерализма, от-

талкиваясь от таких его виднейших представителей как К.К.Арсеньев, И.И.Иванкоков, В.А.Гольцев и М.М.Стасюлевич.

К.К.Арсеньев, получивший по праву титул апостола русского либерализма, ведущий обозреватель журнала "Вестник Европы", в 1906 г. вместе с бессменным редактором "Вестника Европы" М.М.Стасюлевичем, М.М.Ковалевским и другими стал одним из лидеров "Партии демократических реформ", вошедшей впоследствии в партию прогрессистов, представлявшей собой нечто промежуточное между октябристами и кадетами. Возьмем на заметку по крайней мере тот факт, что К.К.Арсеньев примкнул со временем к группировкам правее кадетов. А какую же позицию занимал он в 80-е — начале 90-х годов XIX в.?

Хотя Арсеньев — представитель наиболее "чисто" либерального из всех российских печатных органов, он очень четко обозначил принципиальное отличие русского либерализма от либерализма западноевропейского. Эти различия Арсеньев свел к двум "существенно-важным", как он выразился, вопросам. "Первый из них — это вопрос о границах государственного вмешательства в сферу экономической жизни". Под удар погладает коренной принцип классического либерализма и все его следствия. "Либеральное доктринерство, — пишет Арсеньев, — разрешает его, как известно, в смысле, по возможности узком: оно поддерживает тесно *laissez faire, laissez passer*, возводит право собственности и свободу договора чуть ли не на степень абсолюта, отвергает покровительство трудящейся массе, ограждение ее путем закона и правительственного контроля"¹⁸¹.

Чем же отличается тогда русский либерализм? «Исходя из точки зрения, во многих отношениях прямо противоположной, "Вестник Европы" стоял за широкое регулирование фабричной работы, за право законодательной власти изменять железнодорожные и банковые уставы, за возможность предоставления крестьянам права пастыбы скота на земле соседних владельцев, с вознаграждением последних по таксе, установленной уездным земством; он возражал против регламентации наемного труда в интересах землевладельцев»¹⁸². Не могу не прервать на этом месте цитату, чтобы акцентировать отмежевание Арсеньева персонально от Чичерина. Оказывается, в перечень принципиальных положений, защищаемых "Вестником Европы", входит и возражение "против ошибочного взгляда на характер гражданских прав, нашедшего самое яркое выражение в книге г. Чичерина о собственности и государстве"¹⁸³. Обосновывая отличия русского либерализма в

истолковании "Вестника Европы", Арсеньев счет нужным заодно и размежеваться с главным представителем либеральной о консерватизма. Но это — между прочим... Главное в другом: русский либерализм в истолковании Арсеньева действительно весьма отличается от классического своим совершенно отчетливым социальным реформаторством, своей социальной ориентацией на облегчение положения как наемных рабочих, так и крестьян.

Второе существенное расхождение между старым западноевропейским либерализмом и русским Арсеньев сформулировал весьма витиевато как вопрос "распределения влияния и силы между различными сословиями или общественными группами". А речь шла о том, чтобы заявить о небуржуазности русского либерализма, а также о неприятии тезиса одного из критиков либерализма С.А. Приклонского о том, что кумиром русских либералов является интеллигенция. Быть может, утверждал этот критик, русский "либерализм" не повторяет, буквально и слепо, западноевропейских задов, что его кумир — не буржуазия; его кумир — интеллигенция, за которой он хочет обеспечить преобладающее участие в управлении, а следовательно, и в выгодах, сопряженных с властью.

Свое опровержение Арсеньев построил на критике классического либерализма. "Богатство — один из главных источников власти; понятно, что старо-либеральное, буржуазное доктринерство не хочет и слышать о всем том, что угрожает накоплению богатств в среде "правлящих классов". Оно возражает против подоходного налога, тем более — против прогрессивного его роста; оно отвергает высокие пошлины на наследство, увеличивающиеся по мере отдаленности родства между наследником и наследодателем"¹⁸⁴. Тем самым Арсеньев хотел сказать, что русский либерализм всех этих положений старого западноевропейского либерализма не разделяет.

Обоснованная К.К.Арсеньевым разновидность русского либерализма в его отличиях от "старого", т.е. классического либерализма — не единственная разновидность нового русского либерализма постклассического типа. Другую его разновидность наиболее полно обосновал в журнале "Русская мысль" И.И.Иванюков (1844—1912).

Иванюков — профессор политической экономии сначала Варшавского университета, затем ряда учебных заведений Москвы и Петербурга. В то же время он — активный публицист, печатавшийся причем как в народнических "Стечественных записках", так и в либеральных журналах "Русская мысль" и "Вестник Европы".

Возьмем на заметку последующую партийную принадлежность Иванюкова: в 1906 г. он окажется в "Партии мирного обновления" вместе с К.К.Арсеньевым, М.М.Стасюлевичем, М.М.Ковалевским; что означает, что политические взгляды Иванюкова оказались, как и у Арсеньева, "правее" кадетских. В такой ретроспективе особенно интересной выглядит иванюковская концепция либерализма, обоснованная им в 20-х годах.

Исходными для Иванюкова являются принципы, лежащие в "основании устройства современного культурного государства", а именно принципы равенства перед законом и свободы личности. В политической области применение принципов свободы и равенства перед законом, выражаются в признании свободы мысли, слова и собраний, в признании участия в законодательстве, суде, администрации, в признании равенства податной и воинской повинности. Но, продолжает рассуждать Иванюков, равенство перед законом было бы лицемерной фразой, если бы, рядом с признанием за всеми гражданами права пользоваться благами культуры, достигать благосостояния, образования, любого социального положения, организация общественного порядка была такова, что воспользоваться этим правом могли бы лишь некоторые классы общества. Новейшие государства признали принцип равенства перед законом не для того, чтобы заменить прежние юридические привилегии фактическими, а чтобы устранить влияние социальных условий на образование неравенства между людьми¹⁸⁵.

Необходимо поэтому свести неравенство между людьми лишь к различиям их умственных и нравственных качеств, необходимо сделать каждого ответственным за свою судьбу. Устранить нужно не только юридические привилегии, но также исторически созданные экономические привилегии, проявляющиеся в неравенстве владения. Это особенно важно потому, что неравенство владения в системе свободной конкуренции усиливает социальные различия: идея века о равенстве всех перед законом политически полнокровных граждан находится в противоречии с распадом общества почти на касты, причем каста обделенных постоянно возрастает не только абсолютно, но и относительно¹⁸⁶.

Исходя из таких принципов, Иванюков порывает с классической либеральной "смито-рикардовской школой" и примыкает к "реалистической школе", которая, как он считает, занимает среднее место между свободно-конкурентной и социалистической системой народного хозяйства и сочетает принципы трех систем: частно-хозяйственной, общественной и благотворительной. Ко-

ренные отличия концепции Иванюкова от классической либеральной экономической системы свободной конкуренции сводятся к регулированию государством частно-хозяйственной деятельности, к "расширению сферы принудительно-общественного хозяйства" и признанию права собственности не естественным, не неприкосновенным и не неограниченным, как то постулировал классический либерализм, а к праву, ограниченному законом.

Иванюков черпает свои аргументы из трудов Шмоллера, А.Ланге, А.Вагнера, Шеффле — представителей школы в политической экономии, которую адепты манчестерства называли катедер-социалистической. Иванюкова это не только не смущает, но, наоборот, он охотно признает свое родство с катедер-социализмом, становясь тем самым последовательным идеологом русского либерализма в катедер-социалистической форме.

Принципы нового русского либерализма постклассического типа разделял также редактор журнала "Русская мысль" В.А.Гольцев (1850-1906), сотрудничавший и в других либеральных органах: "Голос", "Вестник Европы" и др. В дальнейшем он стал одним из видных деятелей партии кадетов.

Постклассический характер либерализма Гольцева проявился в первую очередь в открытой критике им "ошибок европейского либерализма", особенно манчестерской школы. Требования полного невмешательства государства в экономические отношения — это не основа либерализма, доказывал Гольцев. Основную ошибку западноевропейского либерализма он усматривал в том, что тот отказывал государству в праве регулировать отношения между предпринимателями и рабочими и не признавал за рабочими равных прав с фабрикантом. Вот сколь далеко заходили уже в 80-е годы социальные установки нового русского либерализма постклассического типа!

Я уже говорил о том, что с 50-х годов XIX в. для русского либерализма одной из коренных проблем стала проблема фритредерства. Первые русские либералы горячо ратовали за свободу торговли, но под давлением практических соображений по охране интересов национальной русской промышленности и ожесточенной критики протекционистов из консервативного лагеря им приходилось отступать. На страницах наиболее последовательно либерального и преимущественно фритредерского "Вестника Европы" можно встретить противоречащие друг другу статьи по этому вопросу. В этой связи интересную позицию занял Гольцев.

Гольцев понимает, что на практике свободная торговля невозможна, пока существуют самостоятельные, недоверчиво или враждебно относящиеся друг к другу госуларства. Казалось бы, отсюда должен был следовать вывод о необходимости протекционизма. Гольцев, однако, делает противоположный вывод: "...Но это, по нашему мнению, ничуть не колеблет правильности принципа свободной торговли"¹⁸⁷. По практическим соображениям Гольцев не хочет связывать себя приверженностью то ли протекционизму, то ли фритредерству: "Покровительственная система иногда хороша, иногда вредна, — все зависит от обстоятельств; свободная торговля вредна или полезна, смотря по условиям данной среды и определенного времени". Но теоретически Гольцев — все-таки сторонник идеи свободной торговли.

Но как же в таком случае быть с социальными ориентациями, в частности на фабричное законодательство, которое классический либерализм отвергал? Гольцев решил в данном случае пойти на сближение противоположностей: "Можно быть решительным сторонником свободной торговли России с иностранными державами и в то же время иметь полное основание требовать государственного вмешательства для регулирования отношений между предпринимателями и рабочими"¹⁸⁸.

Получается, что поворот русского либерализма к социальной проблематике, его становление в постклассической форме, отступление от фритредерства под давлением практики и критики протекционистов могли сочетаться с идеей свободной торговли как идеалом, к которому нужно стремиться, так что и в сфере торгово-экономической русские либералы типа Гольцева не порывали полностью преемственной связи с классическим либерализмом, тогда как в сфере социальной разрыв с антисоциально ориентированным классическим либерализмом был полным.

Но, может быть, адепты нового русского либерализма постклассического типа были сосредоточены только вокруг "Вестника Европы" и "Русской мысли"? Отнюдь нет. На примере Н.И.Зибера (1844—1888), профессора Киевского университета, сотрудничавшего в других печатных органах ("Знамя", "Слово") можно также проиллюстрировать специфику русского либерализма 70—80-х годов как либерализма постклассического.

В конце советских 50-х годов в нашей литературе возродилась возникшая еще в начале XX в. странная концепция, согласно которой Н.И.Зибер отражал якобы интересы рабочего класса России и был глашатаем нового социалистического строя. На самом деле

Зибер, хотя он был профессором политической экономии и представлял академическую науку, и следовательно, непосредственно не был связан с идеологией и практикой тех или иных общественно-политических движений в России, выступал как буржуазный экономист и социолог. Зибер стоял за развитие России по пути капитализма на неопределенное время. Именно Зибер изрек: "Русского крестьянина следует выварить в фабричном котле, где чем Россия достигнет экономического разя". Ему принадлежат и очень недвусмысленные рассуждения относительно судьбы капитализма: капиталистическое движение — не частное и второстепенное, а универсальное, "встречающееся во всяком обществе на известной ступени его развития, если только состоят налицо известные условия существования", "противодействовать вредным последствиям капитализма следует, но думать о полном его упразднении, пока он не упразднится сам, значит думать поднять себя за волосы"¹⁸⁹. Апологетом капитализма Зибер не хочет быть, но понимает, что его упразднение — дело далекого будущего. А как же жить в настоящее (для Зиберы) время? Общество, основанное на идее вечных "естественных" законов свободного соперничества, свободы промышленности и торговли, его уже не устраивает. Над фритредерами Зибер насмехается, считая, что «...настоящие, заправские фритредеры встречаются теперь только в лице нескольких англичан, четырех бездарностей "Journal des Economistes", а также в лице Бёмерта, Макса Вирта, Эммингауза и некоторых других немцев доморощенного манчестерского направления»¹⁹⁰.

Право частной собственности на предметы потребления Зибер стремится увязать с общественным потреблением. Он надеется, что при господстве частной собственности можно сгладить социальное неравенство: «Вся экономическая история служит нам ясным доказательством, что экономический прогресс, если не всегда в действительности, то, по меньшей мере, в идее, совпадает с увеличением количества предметов свободного, индивидуального потребления, которое есть вместе с тем и общественное. Действительно, прогресс этот исчерпывается главным образом уменьшением количества труда на производство каждого предмета потребления, за которым следует увеличение количества продуктов, а следовательно, и увеличение возможности индивидуального потребления всех и каждого. Такой режим частной собственности, при котором каждый обладал бы всеми необходимыми и достаточным числом приятных предметов личного потребления, совершенно устранил бы ту резкость представлений о "моем" и "твоем", какую оно отличается

при громадном различии состояний»¹⁹¹. Основное направление мысли Зибера — пути «социализации производства», «приближения государственной монополии», а не к «свободному соперничеству». Более того, в какой-то далекой перспективе он усматривает смену капитализма социализмом, предвидя время, когда на арену управленья выйдут все и прекратится деление на классы. Дело рабочего класса представляется ему общечеловеческим делом. В России, думал он, капитализм не разовьется до конца, потому что придет раньше к окончанию в других странах.

Социалистические элементы — несомненно, часть мировоззрения Зибера, но часть не определяющая. В целом Зибер — представитель постклассического, «нового» либерализма катедер-социалистической разновидности.

Еще одним крупным представителем нового либерализма катедер-социалистической окраски, ратовавшим за вмешательство государства в экономические отношения, был экономист и статистик, профессор Московского университета, а с 1895 г. академик И.И.Янжул (1845–1914). Для характеристики специфики русского либерализма пореформенной эпохи особенно ценен его труд «Английская свободная торговля. Исторический очерк развития идей свободной конкуренции и начал государственного вмешательства» (в.1–2. М., 1876–1882). В книге с названием, которое говорит само за себя, на огромном историческом материале показано и доказано как, когда и почему Англия перешла от протекционистской политики к фритредерству, какие она получила от этого выгоды, какими оказались последствия этой политики для других стран, — все это подвел под непрерывные споры о протекционизме и фритредерстве солидную научную базу. Фундаментальная книга Янжула, несомненно, усилила позиции русских протекционистов и ослабила позицию фритредеров. Но идеи Янжула приобрели еще большую историческую значимость, когда их защитником и пропагандистом выступил Д.И.Менделеев, который при министре финансов И.А.Вышнеградском играл главную роль в комиссии по подготовке протекционистского таможенного тарифа 1891 г., получившего даже название «менделеевский».

В либеральной русской печати, отстаивавшей фритредерство против протекционизма, не раз писали, что в рядах сторонников протекционизма нет выдающихся сил и талантов. Утверждалось также, что в России протекционизм сводится в большинстве случаев к защите привилегий небольшой группы фабрикантов. И вот в роли мощного защитника протекционизма выступил великий

ученый Менделеев, да к тому же при поддержке правительственных структур. Можно себе представить, в какое смущение ввела либералов-фритредсров огромная и убедительная книга Менделеева под названием "Толковый тариф, или исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 г." (Спб., 1892).

Как либерал Менделеев — сторонник полной свободы религии, науки, искусства, простора всем сторонам общечеловеческой жизни. В духе нового постклассического либерализма он критикует "старую доктрину" за то, что она придавала значение только накоплению капитала, увеличению производства, забывая о благосостоянии масс. Постклассический характер либерализма Менделеева проявлялся также в его антибуржуазных мотивах. Как и катедер-социалисты, он связывал идею развития России по капиталистическому пути с идеей перехода от капитализма к социализму в будущем, доказывал, что громаднейшее большинство русского народа, "видя и сознавая зло капитализма, не видит возможности обойтись без него и принимая его не как цель, а как неизбежное историческое средство"; "сюда не без колебаний в прошлом, примкнула и моя мысль. А потому она временно мирится с капитализмом и только стремится найти путь для освобождения от его всеильного влияния..."¹⁹².

Будучи либералом-космополитом (в нормальном смысле этого слова) в сфере общечеловеческой жизни, Менделеев сделал исключение для сферы экономической политики. Политическую экономию, писал он, «вместе с Листом, следовало бы переименовать в "национальную экономию"; "от абстрактной, общечеловеческой или "политической" экономики переход к "народной" и "личной" совершенно таков же, как переход алгебры или геометрии к действительной механике — небесной ли или прилагасмой в машинах»¹⁹³.

Опираясь на книгу И.И.Янжула об английской торговле, Д.И.Менделеев сделал в духе национальной экономики Ф.Листа вывод: «Государственное невмешательство, то есть "laissez-faire", "свобода торговли" (free trade) не есть общий закон человечеству обязательный и полезный, а непременно приведет к экономической гегемонии народов, у которых промышленность успела развиться ранее признания указанного принципа, над народами, принявшими принцип невмешательства ранее, чем у них развилась своя промышленность, могущая бороться с иностранною...»¹⁹⁴.

В отличие от консервативных критиков фритредеров Менделеев находит в их учении и деятельности много светлых сторон: «Партия людей, проповедовавших и проводивших, ко благу Англии, начала "свободной торговли", в то же время во всех своих действиях и влияниях возвещала всем мир и блага, промышленностью приносимые, а противу войны боролась с возможною настойчивостью. Слава Брайта (один из лидеров манчестерства — В.П.) не омрачена потворством стремлениям к военным приключениям и вмешательствам. Он, например, и с ним многие фритредеры, не только до, но и во время и после крымской войны — открыто восставали противу бессмысленной и бесцельной бойни народов. Много симпатичного, цельного и действительно передового проводили фритредеры; процветание, богатство и сила Англии возросли с применением к ней их начал, а потому "свободная торговля", защищаемая ими, получила даже свое название от партии английских экономистов, положивших начало учению, с тех пор всюду распространенному»¹⁹⁵. И все-таки ученый Менделеев вынес фритредерству приговор: "Пусть учение фритредеров логично, рационально и красиво. Это еще не значит, что оно верно"¹⁹⁶.

Очень любопытная форма, в какой Менделеев высказался против фритредерства, за протекционизм. Во введении к книге есть фрагменты, похожие на исповедь: «...В нашей русской литературе очень часто, а в наиболее ходячей — даже через-чур часто, встречаются и поныне произведения, так называемого, фритредерского направления и в них обыкновенно утверждается, что протекционизм защищают в России только люди, липящие научной подготовки, из-за мелких эгоистических целей. Принадлежа к тесному кругу русских, отдавших всю жизнь науке, не имея ни заводов, ни фабрик, зная, что современная наука научила грубые неверности и пропуски в "классическом" или "ортодоксальном" учении фритредерской школы и, наконец, видя, что исторический и опытный, то есть реальный путь изучения политической экономии приводит к иным выводам, чем те, которые от фритредеров принимаются на веру за "последнее слово науки", я считаю долгом — именно отчасти в защиту истинно-современной, прогрессирующей науки — открыто и громко сказать, что стою за рациональный протекционизм, что фритредерство, как учение, очень шатко; что фритредерский образ действия подходит к странам, уже укрепившим свою заводско-фабричную промышленность; что протекционизм, как абсолютное учение, есть такой же рационалистический вздор, как и абсолютное фритредерство, и что протекционный способ действия

совершенно уместен ныне для России, как был уместен и для Англии — в свое время, когда ей грозило остаться разоренным и бедным островом Атлантического океана»¹⁹⁷.

Итак, в исповеди Менделеева прозвучали ключевые слова “рациональный протекционизм”, противостоящий как абсолютному фритредерству, так и абсолютному протекционизму. Великий ученый не захотел связывать себя “вечными” идеологическими догмами. Но свою версию “рационального протекционизма” фритредерству все-таки противопоставил: “...Протекционизм, а не фритредерство имеет первое всего в виду всестороннее и наиболее широкое развитие как отдельных стран, так и всего человечества. А так как Россия уже давно живет не только лично своею жизнью, но и общечеловеческою, мировую, то она должна понять и принять, как приняла ее правительство, истинные основания рационального протекционизма, потому что они исторически всюду испытаны и оправданы. Фритредерство есть только частная форма общего понятия”¹⁹⁸. В будущем Менделеев усматривает возможность ослабления протекционизма вплоть до фритредерства, но применительно к русским 90-ым годам XIX в., он — протекционист: “Когда-нибудь впереди, в какие-то будущие времена, когда народы поровняются в своем экономическом, то есть промышленном развитии, когда люди или найдут средства победить современное значение капитала, или, по крайней мере, сумеют распределить его с некоторою равномерностью между странами и народами, когда за труд добычи хлеба и сырья придется платить не меньше, чем за труд превращения сырья в передельные товары, то есть когда промышленность всякого рода сделается столь же всемирно-распространенною, как земледелие, наконец, когда между странами и государствами водворится нравственно-обязательный и реально-обеспеченный мир, основанный на обязанностях и правах каждого, то есть когда человечество начнет ближе жить общию жизнью и будет стремиться ее всеми способами поддерживать и укреплять, тогда, но только тогда, будет рационально ослабить протекционизм — до фритредерства. До тех же пор в той или иной форме протекционизм как проявление государственности, составляющей эволюционную форму общей жизни человечества, непременно будет жить и владеть умами людей, понимающих великое значение самобытного внутреннего экономического, а чрез него и всякого иного, развития отдельных стран”¹⁹⁹. По-видимому, предвиденное Менделеевым фритредерство для России не наступило до сих пор...

И.И.Янжул и Д.И.Менделеев внесли в русский либерализм эпохи Александра III качественно новый элемент, фундированный научно. В конкретных российских условиях, пока русская промышленность слаба, протекционизм предпочтительнее фритредерства. Тем самым русский либерализм еще более упрочивался в его постклассической форме.

Но где-то грань, которая отделяет своеобразный "либеральный" протекционизм менделеевской формы от протекционизма, который пропагандировался русскими консерваторами?

У русских либералов-протекционистов катедер-социалистической окраски протекционизм лишь временное средство, а сама протекционистская политика — не запретительное, а только оборонительное начало. В отдельной сфере государство выступает у них, как и везде, орудием достижения общих либеральных целей не для того, чтобы отгородить Россию от остального мира, оставить ее в ее "самобытности", о чем мечтали протекционисты-консерваторы, а для того, чтобы подготовить страну для участия в общечеловеческих делах.

***

Как и применительно к другим эпохам характер и специфика русского либерализма эпохи реформ и контрреформ определяется не только местом, которое занимал в концепциях либералов экономический либерализм, но также их политической программой в первую очередь по проблеме конституционного устройства страны. Либеральный конституционализм — один из основных критериев зрелости либерализма как движения и умственного направления в целом.

В нашей дискуссии высказана мысль, как бы оправдывающая длительный антиконституционализм Чичерина. Мысль эта звучит не впервые. Совсем недавно появилось утверждение о том, что многие либералы конца 50 — начала 60-х годов подчеркивали свой антиконституционализм, опасаясь конституционализма олигархических группировок и полагая, что опасно для страны "слепое копирование западноевропейских парламентских порядков при отсутствии в народе правовых традиций и опыта местного самоуправления"²⁰³. Невооруженным глазом видно, что имеется в виду Чичерин и его аргументация.

Поскольку для меня Чичерин отнюдь не эталон русского либерала, то и высказывание насчет "многих либералов", выступавших против конституции, неприемлемо по одной простой причине: если

некто против конституции, то, значит, он просто не либерал, независимо от того, по какой причине он выступает против нее. Ведь конец 50 — начало 60-х годов XIX в. — это время, когда вопрос о конституции буквально висел в воздухе. По цензурным соображениям его невозможно было публично обсуждать, но он тем не менее ставился в подцензурной печати, в ходатайствах "навстречу", устно в разного рода собраниях — активнее в "либеральную" эпоху Александра II, более скромно (но более содержательно) в эпоху контрреформ. И во всех событиях, связанных с конституционным движением этих десятилетий вполне просматривается, в числе прочих форм, собственно либеральный конституционализм, соответствующий общему постклассическому характеру тогдашнего русского либерализма.

При оценке разного рода конституционных замыслов середины 50 — середины 90-х годов XIX в. точкой отсчета должны быть не якобы опасные конституционные планы дворянской аристократии, а тогдашняя официальная политическая идеология православия, самодержавия, народности, которая в эти десятилетия мало в чем изменилась со времен ее оформителя графа С.С.Уварова. основополагающим, лезыблемым принципом официальной государственной идеологии признается принцип неограниченного самодержавия, толкуемый в духе непримиримости ко всяким формам народовластия: демократии, конституционных форм власти и управления. Сильная, централизованная государственная власть, опирающаяся на всех уровнях на чиновников, назначаемых правительством, а не выбираемых населением, объявлялась наилучшей формой правления. Соответственно той роли, которая отводилась принципу самодержавия, важнейшее значение в арсенале средств его апологетов придавалось доказательствам необходимости принципа неделимости и целостности империи и доказательствам превосходства принципа централизации и бюрократических форм управления над всякими формами самоуправления и автономии. Непримиримый антиконституционализм и принцип строго централизованного, чиновно-бюрократического управления пронизывает всю политическую и правовую официальную идеологию самодержавия XIX в.

Эта идеология продолжала пользоваться мощной поддержкой подавляющего большинства имущих классов как при Александре II, так и при Александре III. В конце царствования Александра III наследник катковской идеологии, один из будущих идеологов черносотенного движения, В.А.Грингмут попытка предст-

вить конституционализм совершенно непригодной формой правления: "Мы неуклонно и безусловно стоим за неограниченное самодержавие, как за единственно разумную форму правления, имеющую для России абсолютное, а не временное только значение государственного устройства, обеспечивающего ей целостность, спокойствие, могущество и благополучие; либералы же, совершенно наоборот, видят в самодержавии лишь временную, несовершенную форму правления, от которой Россия, рано или поздно, и чем раньше, тем лучше, должна освободиться, дабы принять форму правления конституционную". "В начале или в середине нашего столетия можно было еще быть и умным, и честным конституционалистом, так как тогда можно было еще рассуждать о мнимых выгодах конституционной формы правления чисто теоретическим образом. Но в настоящее время так рассуждать уже нельзя: пред нами полувекковой опыт Западной Европы и Америки, который нельзя игнорировать и который с неопровержимою наглядностью и убедительностью доказывают наиполнейшую непригодность конституционализма, в какой бы форме он ни применялся к тому или другому государству. Везде он сопровождался привлечением к кормилу правления худших элементов населения, везде он вызвал страстное соперничество партий, ставящих, по естественному социологическому закону, свои эгоистические, чисто партийные интересы выше интересов общегосударственных, везде он привел государства к зияющей пропасти социальной революции"²⁰¹.

Основоположник теории культурно-исторических типов, почвенник и панславист Н.Я.Данилевский — конечно, не чета будущему черносотенцу Грингмуту. Но и в его арсенал насмешек над "скудоумием так называемой интеллигенции, видящей свой идеал в нелепостях либерализма"²⁰², входит и статья под названием "Несколько слов по поводу конституционных вожеланий нашей "либеральной прессы" (Московские ведомости, 1882, № 138). Ее основной тезис: "...Возможна ли конституция в России?... Нет, конституция в России совершенно и абсолютно невозможна, то есть нет власти и могущества на земле, которые могли бы ей даровать ее"²⁰³. Между прочим, аргументы Данилевского против конституции мало чем отличаются от аргументов К.Д.Кавелина и Б.Н.Чичерина.

В решающей степени вопрос о каких-либо конституционных формах и в пореформенной России зависел от милости российских государей. А "царь-освободитель" мыслил освобождение в весьма скромных рамках. Александр II сказал Н.А.Милютину в 1863 г., что лично он не дорожит абсолютной властью, но не считает себя

призванным водворять конституционную эру в России²⁰⁴; и действовал император соответственно.

11 января 1865 г. Московское дворянское собрание подавляющим большинством голосов (270 против 36) приняло адрес на имя царя, в котором царю предлагалось доверить основанное им государственное здание "созванием общего собрания выборных людей от земли русской, для обсуждения нужд, общих всему государству". Царь-освободитель резко одернул "зарвавшихся" дворян, хотя в их адресе просмагиваются лишь очень скромные попытки введения выборного начала.

Хотя Александр II решил тем самым положить конец всяким конституционным поползновениям в стране, А.И.Герцену почему-то показалось, что "несмотря на головомойку московскому дворянству и на рекламу своему царствованию Александр Николаевич втихомолку примеривает конституционные формы"²⁰⁵. Герцен ошибся. Царский двор не допускал и мысли о конституции. Но в историю русского конституционализма вмешались новые, как внешние, так и внутренние факторы.

После победоносной для России войны с Турцией в 1877-1878 гг., закончившейся освобождением Болгарии, под влиянием России было создано в г. Тырново Великое народное собрание, которое избрало болгарским князем рекомендованного русским царем Александра I Баттенберга и приняло либеральную конституцию (1879). Согласно конституции во главе страны стоял наследственный князь, как глава исполнительной власти, но его законодательная власть ограничивалась парламентом. Тырновская конституция упраздняла сословия, вводила равенство граждан перед законом, избирательное право для мужчин, достигших 21 года, провозглашала неприкосновенность личности и собственности, свободу печати. Русское общество, внимательнейшим образом следившее за перипетиями русско-турецкой войны, не могло, конечно, не заинтересоваться столь действительно либеральной по тогдашним временам болгарской конституцией.

Специфическим образом на оживление конституционных настроений в обществе сказался проведенный С.Н.Халтуринным взрыв в Зимнем Дворце 5 февраля 1880 г. Назначенный 12 февраля начальником Верховной распорядительной комиссии, а затем министром внутренних дел и шефом жандармов М.Т.Лорис-Меликов (1825-1888) для борьбы с революционным движением не ограничился только репрессивными мерами, но решил провести ряд реформ. Сам Лорис-Меликов считал, что формы народного предста-

вительства, заимствованные с Запада, чужды русскому народу и могли бы поколебать все его политические воззрения и внести в них смуту, последствия которой трудно предвидеть. Предложенный им проект реформирования государственных учреждений ничего специфически либерального не содержал. Совершенно не посягая на основы самодержавия, Лорис-Меликов хотел лишь устранить бесконтрольный произвол не всегда удачно выбранных администраторов, в чем он усматривал источник всех зол. Для решения этой административной, по сути дела, задачи Лорис-Меликов предложил создать при Государственном совете общую комиссию из земских деятелей и "сведущих людей", частью избранных, частью назначенных.

Этот проект расценивается некоторыми историками как проект подготовительных работ для введения конституционного строя, одобренный Александром II. Это — большое преувеличение. Ознакомившись с проектом Лорис-Меликова, Александр II сказал своим министрам, что тем самым предлагается собрание нотаблей Людовика XVI и призвал министров учесть последствия, заверив, правда, что он не будет противиться этому проекту, если министры сочтут его полезным для страны²⁰⁶. Александр II воскликнул по-французски: "Да, ведь это генеральные штаты!" Судьба проекта Лорис-Меликова, безосновательно получившего название конституции, была предрешена. Убийство Александра II 1 марта 1881 г. поставило на этом проекте точку. Думается, что прав был Максим Ковалевский, который писал о проекте Лорис-Меликова, что это была "скромная попытка примирения культурных классов с бюрократией и абсолютизмом", что с ее неудачей "устранен был единственный путь к мирному развитию русского народа и завершению тех реформ, начало которым положено 19-го февраля 1881 года"²⁰⁷.

Из среды консерваторов в 60–80-е годы конституционных проектов было мало. Но один получил известность: проект славянофила А.И.Кошелева (1806–1883), который в брошюре "Конституция, самодержавие и земская дума" (1862) предлагал созвать земскую думу в качестве совещательного органа и предполагал осуществить право участия, правда, "самого отдаленного" "в устройстве и отправлении общих дел страны". Славянофильствующий князь А.И.Васильчиков тоже не шел дальше пожеланий "призвать местных жителей к некоторому (!) участию в решении законодательных вопросов". Зато другие консерваторы выступали непримиримыми противниками всяких формальных конституций.

В нашей литературе долгое время русский либерализм пореформенного периода связывался только с земским движением. Но уже в 80-е годы XIX в. выяснилось, что земство и либерализм — это отнюдь не одно и то же. И “конституционализм” земцев — это еще не вполне либеральный конституционализм. Даже в начале XX в., когда оформился (в 1903 г.) “Союз земцев-конституционалистов”, программа этого союза до собственно либерального конституционализма не достигала: союз выступал за народное представительство при органическом единении царя с народом. А раз отсутствует как минимум идея суверенитета нации (а сохраняется суверенитет государя) — это еще не либеральный конституционализм. Другие же земские “конституционные” проекты 60-90-х годов XIX в. носили еще более скромный характер. Так не шли дальше идеологии дворянского либерализма ходатайства, направленные царю в 1878-1879 г. Харьковскими, Полтавскими, Черниговскими, Тверскими и Самарскими земцами, просившими собрать земский собор и даровать “истинное самоуправление”, неприкосновенность прав личности, независимость суда и свободу печати. Земцы представляли себе земский собор лишь как совещательный орган.

Собственно либеральному конституционализму эпох реформ и контрреформ противостояли не только противники конституционализма из консервативного лагеря, но и конституционные проекты радикалов. Демократическая политическая программа Герцена-Огарева конца 1861 г. покоилась на идее народного суверенитета. Она предполагала, что в России должен быть “Земский царь, который избирается народом и исполняет “волю земства”, делает “что народу нужно”²⁰⁸. Программа Герцена-Огарева предполагала выборный “Земский собор” и выборные областные земские думы. Чернышевский не был конституционалистом. Для него важна была идея такой будущей политической формы, которая сняла бы односторонность всех предшествующих. Формальная сторона государственного принципа — монархия или республика — его не очень волновала: его волновало прежде всего то, насколько эта форма соответствует реальным потребностям общества и поддерживается им. Но как безусловный противник абсолютизма (“австрийского принципа”) Чернышевский признавал относительную прогрессивность даже умеренно-конституционных режимов (“сардинский правительственный принцип”). Считая западноевропейский парламентаризм недостаточной политической формой, Чернышевский вместе с тем усматривал в нем и определенные до-

стоинства. В его политической программе наличествовали требования в духе демократической конституции: единая власть и равный суд для всех, свобода выбора местожительства, равенство состояний и др. В первой "Земле и Воле" 60-х годов были сторонники идеи народного собрания от всей "свободной Русской Земли". В программе оформившейся в 1879 г. "Народной воли" выдвигались требования созыва учредительного собрания, введения всеобщего избирательного права, гарантий свободы печати, собраний, свободы совести и т.д. — опять в духе демократических конституций.

Либеральный конституционализм пореформенной эпохи формировался таким образом в процессе противостояния антиконституционализму консерваторов и аристократическо-олигархическому конституционализму, антиконституционализму либеральных консерваторов типа Кавелина-Чичерина, с одной стороны, в противостоянии конституционным концепциям радикальных демократов и политическим программам социалистов-народников, которые, за исключением народолюбцев, к конституционным проблемам оставались равнодушными.

Символично, что будущий председатель первой Государственной Думы С.А.Муромцев (1850-1910) уже 10-12-летним мальчиком играл в конституционное государство с двумя палатами, а к 16-18 годам у него сложился проект нового фантастического государства. В марте 1880 г., будучи профессором Московского университета и редактором журнала "Юридический вестник", он вместе с другими московскими деятелями (всех их было 20), и в частности с другим профессором Московского университета А.И.Чупровым (1842-1908) и председателем Московской уездной управы, издателем и редактором газеты "Земство" В.Ю.Скалоном (1846-1907), подал Лорис-Меликову "Записку о внутреннем состоянии России", в которой выдвигалась идея созыва особого самостоятельного собрания представителей земства для участия в государственной жизни и деятельности и прочного обоснования права личности на свободу мысли, слова и убеждения. "Вестник Европы" хотел напечатать эту Записку, но цензура заставила вырезать ее и записка была опубликована в Берлине.

Но и до проекта 20 московских деятелей журнала "Вестник Европы", в частности его обозреватель Л.А.Полонский, со второй половины 70-х годов проводил идею созыва высшего законосовещательного органа. Журнал ратовал за введение "новых начал государственного строительства", или за "увенчание здания". Таки-

ми, в частности, эффемизмами по цензурным соображениям приходилось заменять понятие "конституция".

В.А.Григмут, вспоминая в 1893 г. конституционные амбиции либералов, сообщил, что некий тогдашний поэт сочинил экспромт, сказанный якобы Лорис-Меликову:

Поэт:
В зидях субординации,
Держась порядка строгого,
Сыны Российской Нации
Желают, граф, немного.

Лорис-Меликов:
Чего ж они хотят?

Поэт:
На первый раз хоть куцу
Им дайте конституцию.

Историки конституционного движения в пореформенной России писали не раз, что тогдашним либералам будущая конституция представлялась в несколько туманной форме, и они готовы были помириться, как с величайшим благом, с любым законосовещательным учреждением как делом несложным и неизбежным. Думается, однако, из опубликованных и подцензурных работ либералов того времени и их тогдашних программ можно сделать выводы более определенные, во всяком случае вывод о том, возможная будущая конституция могла бы быть именно либеральной, причем либеральной в духе постклассического либерализма.

Настоящие либералы круга М.М.Стасюлевича-Л.А.Полонского-К.К.Арсеньева мечтали отнюдь не о куцей, а о полноценной либеральной конституции. Еще в мае 1857 г. во время путешествия за границу Стасюлевич посетил в Бельгии Палату депутатов и увидел у входа четыре статуи с надписями: объединение бельгийцев — свободно; пресса — свободна; религиозные культы — свободны; образование — свободно. Русский путешественник восклицает: "Вот четыре основы Бельгийской конституции: это бельгийское Православие, Самодержавие и Народность!"²¹⁰.

Выше я уже говорил, что либералы "Вестника Европы" доработались до понимания либерализма как системы свобод. Если к этому добавить, что Л.З.Слонимский вообще предлагал заменить термин либерал, казавшийся ему не очень определенным, на более определенный — "свободник", то нетрудно сделать вывод, что конституция либералов круга "Вестника Европы" должна была бы в первую очередь стать юридическим воплощением либеральной

концепции свободы в духе Бенжамена Констана о либерализме как свободе во всем.

Либеральная пореформенная конституция носила бы антиэтистский характер, исходя из отрицания строгого централизованного государства и бюрократическо-полицейских форм управления и, наоборот, ориентируясь на децентрализацию и самоуправление разных уровней. Дворянские либералы типа Чичерина не хотели поступиться идеей самодержавия с его централизмом и бюрократией. Мысль либералов круга Стасюлевича шла в другом направлении. Слушая в 1857 г. лекции французского ученого и политического деятеля — республиканца Э.Л.Лабуле (1811–1883), а также лекции по “английской конституции”, Стасюлевич “совершенно” проникся идеей английской и североамериканской администраций. Что же привлекало в “их” администрации? Она не заменяла собою самостоятельности народа. Лабуле, писал Стасюлевич своему приятелю М.С.Куторге в марте 1857 г., “каждую лекцию в разных формах повторяет нам одну и ту же идею: напрасно правительства говорят своим народам, спите спокойно, мы за вас сделаем все, и города построим, и в них Университеты заведем, фабрики, устроим флот, проведем дороги; что же из всего этого? Правительство прибегает к централизации и с каждым годом находит себя все более и более в необходимости централизоваться; жизнь государственная исчезает в провинциях и сосредоточивается в одной столице, положение правительства все делается затруднительнее и затем один шаг до политической смерти”. И еще: “...Всякое государство, где администрация берет на себя даже и пережевывание пищи, как делает то кормилица с новорожденным, где правительство называют кормильцем и благодетелем, то государство останется навсегда в состоянии детства”²¹¹. Перед нами ясно выраженное желание видеть не такое, а либеральное государство с ограниченными функциями.

Полицейскому государству, каким была Россия с XVIII в., и которое особенно упрочилось в эпоху контрреформ, русские либералы противопоставили идею правового государства, которое управлялось бы “политически, а не полицейски”, как писал Стасюлевич в своей изданной в Берлине анонимно брошюре под характерным названием “Черный передел реформ императора Александра II. Письмо из Москвы за границу “par bonté” (не по почте)” (Берлин, 1882).

Если консерваторы после 1 марта 1881 г. на все лады пропагандировали лозунги: “твердое правительство”, “назад, домой”,

“самобытность и народность”; “России непригодны европейские порядки”, если “либеральные бюрократы” типа Лорис-Меликова источник общественных зол видели в людях, то Стасюлевич, исходя из мысли о том, что “корень добра и зла заключается всегда в системе”, стремился изменить в европейском духе как раз политическую систему России, ограничить самодержавие законом, ввести в стране правовой порядок, сделать российское государство правовым государством. Между прочим, название “правовой порядок” Стасюлевич хотел дать своей газете, которую он основал в конце 1880 г. Но ему это не удалось. Прилагательное “правовой” пришлось убрать, остался один “Порядок”.

Соратники Стасюлевича по “Вестнику Европы” мыслили в том же конституционном направлении.

Во “Внутреннем обозрении” первой книги “Вестника Европы” за 1876 г., вырезанном цензурой, его автор Л.А.Полонский писал: “...Реформы, затронувшие весь склад русской жизни, не могут быть приведены в систему без некоторых изменений в высших государственных учреждениях. Нельзя перестроить, расширить все здание и оставить на нем прежнюю крышу, если необходимо, чтобы оно было сплочено в нечто целое”²¹². В другом обозрении, также написанном Полонским и также вырезанном цензурой (январь 1879 г.), проводится идея особого учреждения для обсуждения и утверждения законов, т.е. фактически идея парламента, причем в качестве модели выступала либеральная конституция Наполеона Бонапарта.

Вспоминая о конституционных умонастроениях в круге “Вестника Европы”, М.М.Ковалевский писал: “Мы постепенно проникались сознанием, что самоуправление внизу в общине, волости, уезде, городе и губернии нуждается в самоуправлении сверху, что правовой порядок немислим без конституции”²¹³.

Во всяком либеральном конституционализме центральной является идея суверенитета нации, противостоящая, с одной стороны, идее суверенитета государей, а с другой — суверенитету народа. Но эти идеи невозможно было обсуждать даже в “либеральную” эпоху Александра II, а тем более в эпоху контрреформ Александра III. Лишь изредка появлялись намеки на нечто подобное. Идея лишения государя права на суверенитет просматривается в таком, например, высказывании в газете Л.Полонского “Страна”: “Надо, чтоб основные черты внутренних политических мер внушались представителями русской земли и потому лежали на их ответственности. А личность Русского Царя пусть служит впредь только

вполне симпатичным символом нашего национального единства»²¹⁴. Эта идея существенно отличала настоящий конституционный либерализм от других разновидностей параконституционализма, например, от проектов «либеральных бюрократов» П.А.Валуева и С.Г.Строганова, выступавших за «совещательно-представительные» учреждения или от проекта князя-эмигранта П.В.Долгорукова, который хоть и провозглашал лозунг конституционной монархии, но «предписывал», что государь не должен подлежать никакой ответственности.

Идею правового порядка и правового государства разделяли также либералы из журнала «Русская мысль» В.А.Гольцева. «Государство нового времени, — писал редактор «Русской мысли», — не имеет ничего общего ни с монастырем, ни с казармой: оно есть произведение обще-человеческого развития и народного духа, художественное произведение, в котором мысль должна соответствовать форме... Наилучший выход, высшее примирение различных и даже противоположных интересов, которые живут и отстаивают свое существование в обществе, значительная группа писателей видит, как известно, в *правовом порядке*»²¹⁵.

В отличие от классического либерализма, в котором государство мыслилось как необходимое зло, которое нужно максимально ограничивать, в постклассическом либерализме, в том числе у русских либералов с катедер-социалистической окраской, государство выступало как нравственное учреждение для воспитания человеческого рода. Либералы круга Стасюлевича-Арсеньева, больше акцентировавших идею самостоятельности общества, самоуправления, ограничения вмешательства государства в дела общества и т.д., и в этом отношении отличались от либералов катедер-социалистической ориентации круга Гольцева-Иванюкова, но тем не менее и они уже не были антиэтатистами в духе классического либерализма.

Примечательной чертой конституционных устремлений либералов круга «Вестника Европы» и «Русской мысли» является их стремление выражать интересы всего народа, всей страны, а не какого-то одного класса. В берлинской брошюре Стасюлевича есть такая формула: «Для Верховной власти нет истинного самодержавия там, где не самодержавен народ! — вот это и есть истинная конституция...»²¹⁶. Эту формулу П.В.Анненков, не знавший имя автора брошюр, в письме самому... Стасюлевичу назвал громкой, но бессмысленной²¹⁷. С такой оценкой впоследствии согласился Г.В.Плеханов. А напрасно.

Критики Стасюлевича не учли того обстоятельства, что тот несколько раз публицистически обыгрывал понятие “самодержавие”, отнюдь не будучи его сторонником. А в данном случае Стасюлевич выразил фундаментальный принцип постклассического либерализма, признавшего идею суверенитета народа в отличие от идеи суверенитета нации, которой руководствовались либералы классического периода.

Мысль о том, что либералы выражают интересы народа, не раз высказывал также К.К.Арсеньев. “В возобновлении прерванной работы, — писал он, пропагандируя идею продолжения либеральных реформ эпохи Александра II, — народ заинтересован еще больше, чем общество — заинтересован не только в том, что прямо касается массы, но и в том, что важно, по-видимому, только для меньшинства. Народ не имеет пока своих газет и журналов, но значительная часть его обладает литературой, судьба которой неразрывно связана с общим вопросом о свободе печати. Свобода совести ни для кого не нужна в такой мере, как для нескольких миллионов из среды народа. Личная свобода крестьянина обеспечена, в некоторых отношениях, даже меньше, чем личные права других классов общества. Формальная сторона либеральной программы построена, таким образом, на основе столь же широкой, как и та сторона ее, которая касается материальных условий народного быта”²¹⁸.

Уж если наиболее чисто либеральный “Вестник Европы” стремится выражать интересы народа, то еще более такое стремление проявили либералы “Русской мысли”, социальный реформизм которых ассимилировал немало катедер-социалистических и народнических идей. Признавая, что в России есть либералы, “для которых народ является только грубою массой, объектом управления”, Гольцев тем не менее сделал весьма ответственный для либерала вывод: “...Русский либерализм всегда отличался ярко демократическим характером”²¹⁹.

Западноевропейские либеральные конституции первой половины XIX в. были цензовыми конституциями. В постклассическом либерализме возобладала демократическая идея всеобщего, равного избирательного права. К этой идее шли и русские либералы. Либералы круга “Вестника Европы” полагали, что “имущественный ценз, в том виде, в каком он существовал и отчасти существует в западной Европе, перестал быть возможным в России еще со времен крестьянской и земской реформ”²²⁰.

Вполне в духе постклассического, “постцензового” либерализма прозвучали в 1880 г. на съезде “либеральной лиги” и созданного в 1878 г. в Киеве “либерального комитета” требования о необходимости добиться центрального народного представительства при непременном условии одной палаты и всеобщего голосования”²²¹.

Сказанного уже достаточно для вывода о том, что в своих конституционных устремлениях основные направления русского либерализма, особенно круга “Вестника Европы” и “Русской мысли”, — явно тяготели к демократизму, что вполне соответствовало логике развития либерализма в Европе при переходе из классического в постклассический период. Но при этом русские либералы все-таки оставались либералами, постоянно демонстрировавшими свое отличие не только от консерватизма и радикализма, но и от демократии. Приведу весьма показательный, на мой взгляд, пример. Один публицист “Вестника Европы” (Ю.А.Россель), опубликовавший серию статей о Джоне Стюарте Милле, которого он охарактеризовал как “самого видного и передового члена так называемой просвещенной демократии (или прогрессивного либерализма)”, подчеркнул то обстоятельство, что Милль “постоянно стремится к тому, чтобы принцип равенства удерживался в своих границах принципом личной свободы, чтобы талантливое меньшинство никогда не подавлялось одним численным большинством и чтобы, таким образом, все пользовались полной свободой в своей деятельности и могли бы употреблять свои таланты по собственному желанию”²²². Перед нами классически либеральная трактовка примата либерального принципа свободы над демократическим принципом равенства. Это лишь один пример, показывающий, что при всех своих демократических устремлениях русские либералы 80-х годов XIX в. не переходили ту грань, которая отделяла их, как либералов, от демократов. Если бы они добились введения конституции, это была бы либеральная конституция, хотя и с элементами политико-юридического демократизма.

Судя по тому, как либералы круга Стасюлевича-Арсеньева и круга Гольцева-Иванюкова представляли себе соотношение политических и социально-экономических задач, их представления также могли найти отражение в возможной либеральной конституции.

В отечественной литературе высказывалась мысль о том, что М.М.Стасюлевич интересовался вроде бы лишь политической про-

блемастикой, что основную задачу либерализма он усматривал в реформировании политических учреждений, что его не затронули социалистические веяния эпохи и т.д. Формально это и так. В работах самого Стасюлевича проблематика политического либерализма действительно господствует. Но из воспоминаний сотрудников "Вестника Европы" мы знаем, что как редактор Стасюлевич не пропускал ни одной строчки в своем журнале, и нет сомнения в том, что по крайней мере внутренние обозрения в нем, в которых он иногда и сам участвовал, отражали и позицию журнала, и его личную позицию. А эта позиция отнюдь не сводится лишь к политической проблематике. Ведущие обозреватели "Вестника Европы" Л.А.Полонский, а затем К.К.Арсеньев постоянно поднимали социально-экономические вопросы. Причем поднимали в духе постклассического либерализма. Так в 1879 г. Полонский в совершенно несвойственной классическому либерализму манере писал: "Русское общество уже вполне осознает, что необходимы дальнейшие меры для улучшения экономического быта народной массы, для поднятия финансовых средств и обеспечения кредита твердым контролем"²²³. Особенно очевидным постклассический характер социально-экономических идей русских либералов проявился в 80-х гг. XIX в., когда были предприняты попытки разработать программы либерализма. В ответ на упреки консерваторов в том, что у "беспочвенных" либералов нет никакой программы, в либеральных кругах начала 80-х годов был поставлен даже вопрос об организации либеральной политической партии и выработке ее политической программы. Такую идею впервые высказал земский деятель и публицист В.Ю.Скалон. В 1882-1886 гг. о программе русских либералов наиболее обстоятельно высказался К.К.Арсеньев, заметив, правда, только "общие направления" "либеральной партии", не устанавливая "раз навсегда крайние пределы либеральных тенденций"²²⁴. Мысль более чем прозрачная. Арсеньев, излагая программу русских либералов, не мог говорить о главных и конечных целях либерального движения. На публике в числе "главных" и "основных" оказались у Арсеньева отнюдь не таковые: «На "знамени либералов", выражаясь словами наших противников, — писал Арсеньев, — начертаны совершенно ясно по меньшей мере два девиза: "свобода печати", "свобода совести"²²⁵. Далее шли пункты: свобода и неприкосновенность личности; открытие для учащихся реальных гимназий дверей университета; широкое развитие начального образования. («Этот последний пункт — один из краеугольных камней "либеральной программы"»); правильное устрой-

ство местного управления и самоуправления. Политическая часть либеральной программы этими пунктами только обозначилась.

Но "характеристическая черта" русского "либерализма", как выразился Арсеньев, заключается как раз в том, что либеральные программы "не ограничиваются большей частью вопросами политического и административного свойства; они обнимают собою и экономические вопросы, без правильного разрешения которых невозможно достигнуть последней цели государственного управления — народного блага"²²⁶. В этом пункте Арсеньев усматривал существенное отличие русского либерализма от западноевропейского. (Заковыченные термины "либерализм", "либеральный" также подчеркивали это отличие).

Вот основные пункты экономической части либеральной программы в истолковании "апостола" русского либерализма К.К.Арсеньева: «Поддержание общинного владения как главной гарантии против обезземеления массы. (По-видимому, этим во многом объясняется участие в "Вестнике Европы" защитника общины К.Д.Кавелина, не разделявшего принципы журнала. — В.П.); правительственное и земское содействие к переходу земель во владение крестьян, в особенности там, где они наиболее страдают от малоземелья; организация переселений и мелкого поземельного кредита; освобождение крестьян от стеснений, налагаемых на них паспортной системой и круговой порукой; дальнейшее понижение выкупных платежей, там где они превышают доход с надельной земли; отмена подушной подати; увеличение налогов, платимых более достаточными классами, с соответствующим уменьшением податного бремени, тяготеющего над народом; значительное сокращение непроизводительных государственных расходов, — таковы, между прочим, существенно важные пункты "либеральной" программы, тщательно игнорируемые ее противниками, когда идет речь о содержательности или бессодержательности ее требований»²²⁷. Ничего социалистического, даже в духе катедер-социализма "Русской мысли", в этой программе "Вестника Европы" нет. Но постклассический, социально-реформаторский характер либерализма кружка "Вестника Европы" не вызывает сомнений.

К социализму М.М.Стасюлевич и его единомышленники в лучшем случае относились снисходительно, но никаких его принципов не принимали. Несмотря на свое стремление выражать интересы всего общества, народ в том числе, публицисты "Вестника Европы" все-таки не раз демонстрировали свою объективно буржуазную сущность. Когда, скажем, один корреспондент "с мест" в

письме Стасюлевичу в 1884 г. догустил “выпад” в адрес “богачей”, редактор “Вестника Европы” твердо “поправил” его: “Слава Богу, — писал он, — что, наконец, богатые люди, вместо того, чтобы прожигать деньги на экипажи, лошадей, француженок и т.п., начинают обращать их на дела общепользные”... И поучительно добавить, что желательнее обращать капиталы более производительнее, что “не нужно только монополии...”²²⁸. Не желая вставать во враждебную позицию по отношению к социалистам, Арсеньев в свою очередь тем не менее защищал “капитал”: «“Тот, капитал”, с которым социализм хочет бороться в защиту “труда”, есть самая реальная сила, притом такая, которая действует не только в отношениях экономических, но имеет могущественного союзника во всем существующем политическом строе»²²⁹.

Фиксируя антисоциалистическую позицию либералов круга Стасюлевича-Арсеньева, подчеркнем, однако, их социальный реформизм в духе постклассического либерализма. Если к этому добавить явную катедер-социалистическую окраску либерализма круга В.А.Гольцева — И.И.Иванюкова из “Русской мысли”, учесть распространенность катедер-социалистических настроений в других очагах пореформенного либерализма в России, то вполне можно допустить, что тогдашняя возможная либеральная конституция могла бы принять и черты конституции не чисто политико-юридического документа, но довольно либеральной конституции с определенной социальной направленностью.

И последний вопрос, который я хотел бы затронуть из проблематики русского либерализма эпох реформ и контрреформ: насколько реалистическим был тогдашний либеральный конституционализм?

Еще при жизни Б.Н.Чичерина М.М.Ковалевский опротестовал чичеринские антиконституционные аргументы. Открыто называя Чичерина “лжелибералом”²³⁰, Ковалевский с иронией писал, что “бывший профессор государственного права признавал русское общество конца XIX века неподготовленным к той свободе, какой англичане пользовались с VIII столетия”²³¹. Аргумент, что называется, бьющий наповал. К нему стоит присмотреться, поскольку речь как раз идет о реалистичности или нереалистичности основного пункта программы русского либерализма эпох реформ и контрреформ. Неготовность русского общества к конституции — аргумент не только либерального консерватора Чичерина.

Но разве Россия конца XIX в. не достигла в своем развитии уровня Англии и Франции тех веков, когда там появились первые

парламенты? Царю Александру Николаевичу, вспомнившему французские генеральные штаты, когда Лорис-Меликов излагал ему свои проекты, в голову почему-то не приходило, что его воспоминание о "штатах" — это явное уничижение своих подданных. Конечно, Россия его эпохи не была по-настоящему европейской страной, каковой ее нарекла еще Екатерина II. Но она не была и чисто азиатской, совершенно отсталой страной, какой ее изображали многие на Западе. Россия того времени — это, по образному выражению Ф.Энгельса, — "Европейский Китай". Думаю, что внешне не очень ясный, но на самом деле очень емкий, содержательный, просто гениальный термин В.И.Ленина "среднеслаборазвитый", до которого он додумался к концу жизни в споре с Бухариным, как раз утверждавшим, что Россия была отсталой, крестьянской страной, к России второй половины XIX в. уже подходил. Хотя основная масса тогдашнего населения России оставалась страшно отсталой, сравнительно с передовыми западноевропейскими странами, все-таки на российском дворе стояло уже не позднее средневековье, а новое время, и страна вполне могла бы опробовать конституционные формы, хотя бы аналогичные первым позднесредневековым английским и французским парламентам. В этой связи конституционные проекты русских либералов эпох реформ и контрреформ были вполне реалистическими. Династический эгоизм Романовых и их ближайшего помещичьего окружения оказался сильнее. И.Ф.Худушина не без оснований возложила на Александра I вину за неосуществленность конституционных проектов начала XIX в. Думается, что Александр II, а еще в большей степени Александр III и все консервативные антиконституционные силы, их поддерживавшие, несут историческую ответственность за то, что не реализовались либеральные конституционные планы. 1 марта 1881 г. стало катастрофой для русского либерального конституционализма. Но за двадцать пореформенных лет, предшествующих этому событию, самодержавие не сделало даже того, что начали делать западноевропейские короли уже в позднее средневековье. Вся последующая трагическая история России напрямую связана с недальновидностью и особенно с "конституционной слепотой" ее правящей верхушки еще в XIX в.

VII. ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ

ЛИБЕРАЛИЗМ В РОССИИ ЭПОХИ ТРЕХ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИЙ

Всегда ли либералы выступали против революции в России? Что значит "контр-революционный либерализм"? Кто относился к настоящему либерализму в начале XX в.: октябристы или кадеты? В каком направлении эволюционировал русский либерализм начала XX в.? Что такое "новый" либерализм? Потерпел ли либерализм катастрофу в 1917 г.?

“...Поскольку высшая часть дворянства непосредственно эксплуатирует государственную машину, поскольку его наиболее богатая часть соединяет в своих руках земледелие и обрабатывающую промышленность (сахароварение и винокурение) и, таким образом, пользуется выгодами “поопирения национальной промышленности”, постольку эта часть является безусловной опорой господствующего режима. Поскольку провинциальное дворянство держится за свои сословные привилегии в земском самоуправлении и умеет их эксплуатировать для удержания в узде арендаторов и батраков, оно в своей большей части тесными узами связано с царизмом. Поскольку оно, тем не менее, ощущает на себе последствия земледельческого кризиса, оно выступает со своими аграрными вождельениями, слишком циничными и реакционными, чтобы они могли слиться с требованиями других недовольных классов. Но по мере того, как правительство обнаруживает все меньшую готовность и возможность пойти навстречу этим требованиям, а с другой стороны, выясняется настоятельная необходимость коренных реформ в системе хозяйств, реформ, немыслимых без общего и широкого подъема производительных сил страны — дворянство начинает выделять элементы, сознающие важность общих реформ и — вместе с обнаружением неспособности современного режима содействовать культурно-экономическому развитию страны — эта

часть землевладельческого класса становится способной порвать со своими сословными привилегиями и примыкает к либеральной оппозиции. Эта часть дворянства, вместе с землевладельцами других сословий, недовольных своим неравноправием и частью опираясь на крестьянство, представленное в земстве, составляет ядро “земского либерализма”.

Другим элементом политической оппозиции служат так называемые “либеральные профессии”. Их материальные интересы прежде всего связаны с широким распространением капиталистического производства, обеспечивающего спрос на их знания; их интересы требуют полного, всестороннего развития всех высших надстроек на экономическом фундаменте капиталистического производства: адвокатуры и свободной науки, прессы и свободной политической арены, создающей класс политиков по профессии. Материальные интересы этого слоя, таким образом, совпадают с идеальными интересами капиталистического общества” (Мартов Ю. Современная Россия. Женева, 1898. С. 11–18).

“...Западноевропейская буржуазия, даже свободомыслящая или радикальная — антиреволюционна во всех отношениях. В лучшем случае она согласна там и сям исправить, залатать то или другое. Но прежде всего она приспосабливается к заботе о предупреждении великого переворота... В России же, где всякий шаг вперед в сферу общественной самодеятельности стоит в принципиальном противоречии с государственным порядком, имеет место обратное явление: даже самые умеренные и осторожные представители нашего либерализма не свободны от “превратных тенденций”. Русский пролетариат, со своей стороны, не может, на настоящей ступени развития России, идти в своих непосредственных практических стремлениях дальше радикально-демократического либерализма. В завоевании политической власти пролетариатом для себя или о реформе буржуазного общества под знаменем социализма у нас пока не может и речи быть.

Итак, для принципиального политического антагонизма между нашим пролетариатом и либеральной буржуазией историческая почва еще не подготовлена; напротив, их обоюдное историческое положение навязывает им общую цель и принуждает их к энергичной, постоянной взаимопомощи” (Аксельрод П.Б. Историческое положение и взаимное отношение либеральной и социалистической демократии в России. Женева, 1898. С. 12–13).

«В умеренных кругах русской оппозиции замечается в настоящее время несомненное оживление и рост политической мысли. Об этом свидетельствуют разные факты из новейшей деятельности учреждений общественного самоуправления в разных других общественных собраниях.

О настроениях в земских сферах один очень хорошо осведомленный корреспондент пишет нам:

“Либеральное движение у нас начинает все более и более складываться в определенные формы. Вырабатывается идейное единство и программа действий”» (*Струве П.Б.* Земство, дворянство и самодержавие // Освобождение. 1904, N 15/16. С. 289).

“В лице Б.Н.Чичерина сошел в могилу крупный ученый и общественный деятель. В теплом некрологе Чичерина, помещенном в “Правде”, А.Ф.Кони усиленно подчеркивал непоколебимость убеждений покойного. Нам думается, что Чичерин, наоборот, ценен именно как образец коренной ломки убеждений, ломки философской, политические выводы из которой были лишь необходимым логическим следствием. Начав с культа государства и власти (теоретически сопряженном с социологическим материализмом в духе Л.Ф.Штейна), Чичерин закончил культом личности и свободы. Из этой общей эволюции взглядов Чичерина вытекали и частные перемены огромной практической важности. Сначала: сторонник подавляющей государственной власти в России и ее орудий, защитник самодержавия и сословного строя, он стал под конец жизни, в качестве окончательно укрепившегося в своей позиции идеалиста и умудренного опытом политика, решительным врагом русского самодержавия и сословных привилегий.

Нас, как последовательно убежденных демократов, конечно, не удовлетворяет недемократический либерализм Чичерина, но, несмотря на это коренное различие, мы высоко ценим его литературную и политическую деятельность и вменяем ему в огромную заслугу перед Россией блестящее политическое завещание потомству — изданную в Берлине (за подписью “Русский патриот”) книгу “Россия накануне XX-го столетия”. В этом произведении, принадлежность которого Б.Н.Чичерину теперь нет более никаких оснований замалчивать, с замечательной силой и убедительно разъяснено, что исторической задачей времени в России является порвать с самодержавием” (С. 323). [*Струве П.Б.* Б.Н.Чичерин. Некролог//Освобождение. 1904. № 18 (42)].

“Наступает время, когда нам приходится думать уже не об одних общих принципах нашей программы, но и об их детальной

практической разработке. События русской жизни принимают такой быстрый и угрожающий ход, что мы можем оказаться внезапно перед перспективой общего кризиса, когда будет поздно обдумывать нашу программу и организовывать средства для ее исполнения. Момент будет упущен, и русская либеральная партия, прежде чем докажет свою способность к созидательной работе, будет оттеснена в самый важный и критический момент другими элементами, более крайними и решительными.

Теперь или никогда нам надо приступить к более обдуманному и планомерному участию в освободительном движении страны. Теперь или никогда нам необходимо занять самостоятельную и твердую позицию, которая дала бы нам возможность в разворачивающемся ходе событий сказать свое обдуманное и определенное слово и сомкнутой колонной стать на защиту тех начал, которые мы исповедуем как священные основы либерализма.

Для того, чтобы занять такую позицию, мы должны освободиться от всяких принципиальных колебаний и сомнений: мы должны ясно и твердо сознать наши собственные начала и отмежеваться от других направлений, которые этих начал не принимают. И, прежде всего, нам необходимо определить себя и резко отмежеваться от того мечтательного славянофильского либерализма, который считает возможным осуществить реформу русской жизни в союзе с самодержавием.

Как бы кто из нас не оценивал монархическое начало, мы все безусловно отвергаем смешение этого начала с самодержавием. Мы признаем, что в современном русском самодержавии монархический принцип имеет если не злейшего врага, то опаснейшего союзника, что русское самодержавие, делая монархический режим игрушкой в руках бюрократической олигархии, превращая его в тормоз свободного развития России, дискредитирует и подкапывает самую идею монархии. С самодержавием следовало бы бороться даже во имя монархии, не говоря уже о других принципиальных и практических основаниях.

Вот почему мы должны решительно отвергнуть всякие следы славянофильских иллюзий и возможности дальнейшего развития России на почве союза самодержавного царя с народом...

...Только в России конституционной, только в органическом союзе с представительством страны монархический принцип может оправдать свое действительное значение...

Стремясь к перевороту, мы полагаем всю силу в этом: в широком и обдуманном воздействии на общественное мнение в целях

подготовки его мысли и необходимости ликвидации существующего строя...

Определенная с отрицательной стороны, как партия переворота, стремящаяся к упразднению самодержавия, свое положительное основание наша партия находит в утверждении свободы как коренного требования жизни. В этом начале мы видим не только разрешительное слово для всех назревших общественных нужд, не только самое мудрое практическое средство для современной нашей политики, но вместе с тем то основное благо общественной жизни, которое мы ценим само по себе, независимо от его практических результатов. В свободе личности мы признаем альфу и омегу нашего политического символа веры...

Не менее чем другие оппозиционные партии, мы имеем в виду реформы экономические и социальные. В наше время либеральная программа немыслима без широкого плана социальных улучшений, в которых и чрез которые свобода находит свое конкретное осуществление. Аграрная реформа, фабричное и рабочее законодательство, вся совокупность задач экономической и социальной политики должна найти место в нашей программе, но все это на почве и в связи с основным нашим началом — свободой личности.

В этой связи мы принимаем как необходимые и демократические последствия либерализма. Свобода как искренний и универсальный принцип политики есть непременно свобода всех, а не только некоторых. Демократический принцип есть логическое и нравственное последствие либеральной программы и, как не ясны отдаленные перспективы демократии, мы должны сказать: мы принимаем последствия вместе с основанием. Демократические последствия либерализма к ним можно брать так или иначе, можно относиться к ним с сочувствием или опасением — и, тем не менее, следует сказать: это неизбежно, неизбежно исторически и морально.

В развитии русского либерализма демократические тенденции являются и прочной исторической традицией и насущной практической необходимостью. Всякий иной либерализм, кроме демократического, не имел бы в русском обществе почвы и не нашел бы в нем отклика. Прогрессивное развитие русского земства давно уже наметило в этом отношении путь, по которому следует идти: это путь, чуждый классовых ограничений и предрассудков и определяющийся бессловным общественным мнением. Но во всяком случае задача того либерализма, который мы исповедуем, состоит в том, чтобы защищать и проводить в жизнь идею истинно либеральной, а не якобинской демократии, чтобы в неясную пер-

спективу грядущего внести начала истинной свободы, безусловное значение которой часто затмевается для масс, не менее, чем для правящей олигархии.

Так рисуется нам впереди наш путь" (*Струве П.Б. Политика либеральной партии // Освобождение. 1904. 19 марта (1 апреля). № 20. С. 345–346*).

«В такое время выступило "Освобождение" со своей первой программой.

Эта программа ясно отразила *новые* веяния. Она пыталась объединить буржуазных детей с буржуазными отцами: от "отцов" г. Струве требовал гражданского мужества, которое до сих пор было уделом одних "детей", "детям" он предлагал отстаивать требования, которые не показались бы "резмерными" им "отцам". То была программа самого умеренного цензового либерализма: предлагалось "учредительное собрание" из земцев и думцев, т.е. представителей помещиков и купцов, усиленное, впрочем, их же ставленниками "из всего русского общества", это собрание должно было выработать "конституцию"; можно себе представить, какова бы она была!

Программа № 1 была *более* чем "умеренна": она весьма ясно указывала на необходимость борьбы не только против самодержавия (враг справа), но и против революционеров (враг слева); она не говорила это прямо, но, не стесняясь, сопоставляла, как одинаково противоположные конституционным стремлениям "правительственную реакцию" с "революционной борьбою..."».

"Но политическая погода менялась... Ветер дул безусловно слева; и "Освобождение" вполне добросовестно, как и подобает честному флюгеру, отметило этот факт своим поворотом к новой, по счету второй программе (№ 17, конец февраля 1903 года).

Новые нотки в либеральной песне стали замечаться уже раньше решительного поворота: "Освобождение" явно изменяло свое отношение к революционерам. Если еще в № 5 оно говорило, что "красные знамена и даже рост революционной партии только симптомы, только предупреждения правительству, во власти которого воспользоваться ими"... (ст. Л.Э.), то уже в № 7 редакционная статья признавала за революционными элементами огромную роль и — "скажем не обинуясь" (слова статьи) — великую заслугу, причем находила, что "в деле национального освобождения ни революционная, ни умеренная и мирная оппозиция не могут обойтись одна без другой"...

15 № “Освобождения” уже предлагает русскому либерализму статью “демократическим течением с широким размахом”; но так как при этом объясняется, что и в земском движении редакция видит “лишь одно, своеобразное и ценное, течение нарождающейся русской демократии”, то мысль становится совершенно невнятной, ибо если уже и земство — демократия, то что тогда не демократия?

Наконец, ветер установился. “Партия должна быть открыто и решительно демократической” (№ 17 стр. 291). “Для того, чтобы в рядах либеральной партии могли рука об руку действовать и земский дворянин, и разночинец-интеллигент, представитель “третьего элемента”, и крестьянин, доработавшийся до политического самосознания, партия должна открыть и решительно исповедовать принцип политической равноправности, и потому в ее программе необходимо *ясное заявление в пользу всеобщей подачи голосов*; такое заявление должно, на наш взгляд, заменить собою соответствующие рассуждения программы конституционалистов об учредительном собрании. За время существования “Освобождения” мы убедились, что требование всеобщей подачи голосов, в справедливости которого мы по существу никогда не сомневались, соответствует политическому сознанию тех слоев бессловной русской интеллигенции, которые стоят в первых рядах борцов за освобождение России” (там же).

Принять программу это, с либерально-политической точки зрения, далеко еще не значит — бороться за нее. Читатель напрасно стал бы искать на страницах “Освобождения” статей, посвященных борьбе с либеральными предубеждениями против всеобщей подачи голосов, статей, посвященных защите, развитию и обоснованию строгого демократизма. Демократические требования приняты в программу не для того, чтобы проводить их в жизнь, а для того, чтобы привлечь симпатии мелкого разночинца-интеллигента и сознательного крестьянина, а главное — активную поддержку партии пролетариата. Орган политической погоды делает уже много, если завтра не отрывается от сегодняшней программы.

И “Освобождение” долго не трепалось, почти полтора года. Правда, то было время бурной погоды. Рабочий класс проявил небывалый подъем политической энергии; летом 1903 года весь юг был охвачен пламенем борьбы; социал-демократия переходила от кружковой организации к партийной, и переход этот, казалось, был завершен ее вторым съездом. Все другие оппозиционные силы побледили и отступили на второй план перед стремительным рос-

том партии пролетариата. “Освобождению” не было никаких оснований менять фронт: сила была слева.

“Освобождение” начинает тогда наполняться сочувственными корреспонденциями о пролетарской борьбе, вопросы придворной политики и соображения о возможных переменах в направлении того или другого министерства ступшевыгаются, хотя, конечно, не исчезают окончательно со страниц газеты. Выражается готовность вступить даже в настоящий союз с социал-демократией.

“Русскому либерализму не поздно еще занять правильную политическую позицию — не против социальной демократии, а рядом и в союзе с нею” (№ 25, ст. П.С.).

Статьи особенно умеренного либерального направления печатаются уже с оговорками о том, что редакция с ними не согласна, но все же их печатает, потому что где же им найти место кроме “Освобождения”?

По вопросу об аграрной программе проповедуются что-то очень мало понятное, но совсем не подходящее к дворянско-либеральным идеям; чувствуется даже как будто влияние аграрной программы социал-демократов: *“Политическое освобождение России должно быть вместе с тем и довершением дела освобождения крестьян, основанного на принципе признания права земледельцев на обрабатываемую ими землю, хотя этот принцип осуществился в 1861 г. в совершенно искаженном виде”* (№ 33, “К аграрному вопросу”. Ст. г. Л.). “На первую очередь должен стать вопрос о демократизации земельной собственности, о более справедливом и экономически более рациональном распределении земли” (там же, немного выше) (Богданов А.А. Либеральные программы. Женева: Изд-во социал-демократ. парт. лит. В.Бонч-Бруевича и Н.Ленина, 1904. С. 5-7).

“Всякий искренний и рассуждающий “либерал” в России требует революции, т.е. замены самодержавия конституционным строем. И потому призывать “либералов” к борьбе с революцией есть величайшая наивность.

“Либералы” имеют право критиковать “революционеров” только с той точки зрения, что последние поступают нецелесообразно в своей борьбе с самодержавием; “революционеры” имеют право нападать на “либералов” лишь с той точки зрения, что “либералы” слишком вяло бьют самодержавие.

“Nous ne connaissons pas d'ennemi à gauche” (У нас нет врагов слева) — лозунг французского республиканца — демократа Бриссона, выдвинутый в 1901 г. — В.П.).

В России нет крамолы, а есть только оппозиция.

Ecrasez l' infame (раздавите гадину — В.П.) — самодержавие” (Струве П.Б. Прямой ответ на кривые речи г. Суворина // Освобождение. 1905. № 73. С. 374).

“Партия народной свободы есть партия либеральная — она отстаивает свободу личности, гражданские права и широчайшее самоуправление. Она есть партия демократической конституции и она есть партия демократических социальных реформ” (Струве П.Б. Идеи и политика в современной России. М., 1906. С. 4).

“Для русского освободительного движения характерно то, что оно дорожит равенством не менее, чем свободой. Оно не может понять свободу иначе, чем в форме всеобщности: для него густь будут свободны все или никто; вот почему оно относится с такой ненавистью к конституции цензовой, конституции для привилегированных. Вот почему рядом с требованиями политическими оно всегда ставило на первый план требования социальные и добивалось для всех людей человеческих условий существования...

Все эти начала вошли целиком в нашу программу” (Трубецкой Е. Идеиные основы партии “мирного обновления” // Московский еженедельник. 1906. № 41. С. 8).

“Россия переросла форму существующего строя, она стремится к строю правовому, на основе гражданской свободы... Первую задачу правительства должно составлять стремление к осуществлению теперь же впредь до законодательной санкции через Государственную Думу основных элементов правового строя: свободы печати, совести, собраний, союзов и личной неприкосновенности. Укрепление этих важнейших сторон политической жизни общества должно последовать путем нормальной законодательной разработки, наравне с вопросами, касающимися уравнивания перед законами всех подданных Вашего Императорского Величества, независимо от вероисповеданий и национальности” (Из доклада С.Ю.Витте, одобренном Николаем II // Русская мысль. 1908. Кн. 12, разд. XXI. С. 144).

“В России, быть может, существует один только “истинный” октябрист Александр Иванович Гучков, который, как купец, не может, конечно, лелеять дворянских интересов, как единоверец, не может защищать полицейского всемогущества господствующей церкви и, как смелый человек боевого темперамента, может понимать выгоды и смысл гражданской свободы. Но этот октяб-

рист-купец иронией судьбы поставлен во главе политического войска, состоящего из перепутанных дворян и прикомандированных к ним для особых поручений мелких чиновников. И, конечно, в данном случае, как и всегда, не вождь ведет свою армию, а армия тянет вождя. И оба вместе они идут в болото" (*Изгоев А.С.* Три года // *Русская мысль*. 1908. Кн. 12, разд. XXI. С. 148–149).

"Отмечено и признано, что октябристская печать от времени до времени регулярно предается воркотне против "аграрной" (читай: крепостнически-помещичьей) Думы и против соответствующей политики царизма. Отмечено и признано, что целый ряд и местных профессиональных и общенациональных организаций торговцев и промышленников, — начиная от провинциальных биржевых комитетов и кончая "Советом съездов представителей торговли и промышленности", — выражает именно в последние годы и особенно в последнее время недовольство помещичьей политикой. Описано московское "братание миллионов с наукой", сиречь закрытых от публики совещания крупнейших московских и петербургских тузов: Крестовникова, Гужона, Вольского и др., с кадетскими профессорами "и писателями": Мануиловым, Струве, Кизеветтером и Ко" (*Ленин В.И.* "Левение" буржуазии и задачи пролетариата (1909) // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 407).

"Либералы сочувствовали "интеллигенции" и тайком поддерживали ее, пока она оставалась только маленькой подпольной сектой, пока она не приобрела множества последователей, пока она не стала реально могущественной; это значит: либерал сочувствовал демократии, пока демократия не приводила в движение настоящих масс, ибо без вовлечения масс она только служила своекорыстным целям либерализма, она помогала верхам либеральной буржуазии пододвинуться к власти. Либерал отвернулся от демократии, когда она втянула массы, начавшие осуществлять свои задачи, отстаивать свои интересы" (*Ленин В.И.* О "Вехах" // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 19. С. 170–171).

"...Что для либерала стирается различие между народничеством и марксизмом, — это не случайно, а не неизбежно, оно не "фортель" литератора (прекрасно знающего эти различия), а закономерное выражение современной сущности либерализма. Ибо в данное время либеральной буржуазии страшно и ненавистно не столько социалистическое движение рабочего класса в России, сколько демократическое движение и рабочих, и крестьян, т.е.

страшно и ненавистно то, что есть общего у народничества и марксизма, их защита демократии путем обращения к массам. Для современной эпохи характерно то, что либерализм в России решительно повернул против демократии; совершенно естественно, что его не интересуют ни различия внутри демократии, ни дальнейшие цели, виды и перспективы, открывающиеся на почве осуществленной демократии" (*Ленин В.И. О "Вехах" // Там же. С. 172*).

"Раз возник в стране контрреволюционный либерализм, демократия вообще, пролетарская демократия в особенности не может не отделять себя от него; она не должна ни на минуту забывать границы между ним и собой. Но из этого нисколько не следует, чтобы позволительно было смешивать контрреволюционный либерализм с контрреволюционным, скажем, феодализмом, — чтобы позволительно было игнорировать их конфликты, отстраняться, отмахиваться от них. Контрреволюционный либерализм именно потому, что он контрреволюционен, никогда не сможет сыграть роли гегемона в победоносной революции; но именно потому, что он либерализм, он неминуемо будет попадать в "конфликтное" положение с короной, с феодализмом, с нелиберальной буржуазией, отражая иногда косвенно своим поведением "левое", демократическое настроение в стране или начало подъема и т.п." (*Ленин В.И. О лозунгах и о постановке думской и внедумской с.д.р.боты (1911) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 14*).

"Действительной силой станет у нас в России либеральная буржуазия только тогда, когда развитие страны переширится через робость либералов, через их примиренческие половинчатые лозунги" (*Ленин В.И. Как П.Б.Аксельрод разоблачает ликвидаторов (1912) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 424*).

"Господа, я убежденный приверженец конституционного строя и притом не со вчерашнего дня. Вне форм конституционной монархии, а отнюдь не парламентаризма, я могу мыслить мирное развитие современной России, со всеми теми особенностями, которые завещаны русской историей и коренятся в русской действительности, с народным представительством, облеченном широкими правами в законодательстве и надзоре за управлением, но и с правительством сильным и ответственным только пред Монархом, а не пред политическими партиями" (Из речи А.И.Гучкова 12 марта 1910 г. после избрания его председателем Государственной

“Мы, конституционалисты, не видим в установлении конституционной монархии какого-нибудь умаления Царской власти”; “Мы, конституционалисты, сумеем доказать вам, что мы такие же верные преданные слуги нашего конституционного Монарха, как были мы и наши предки слугами неограниченных Самодержцев”; (Лозунг парламентаризма): “Мы боролись всеми силами против него” (А.И.Гучков в третьей Государственной Думе (Сборник речей). Спб., 1912. С. 5).

“Пятидесятые и шестидесятые годы XIX века были периодом почти повсеместного увлечения идеей свободы торговли. Горький опыт скоро заставил, однако, убедиться в невыгодах несвоевременного применения этого учения и всюду снова возвращаются к сознанию необходимости иной торговой политики, политики самозащиты.

Последнее двадцатипятилетие знаменуется почти повсеместным поворотом торговой политики государств в пользу протекционизма”.

“Помимо неудачных последствий несвоевременного практического применения начал свободы торговли, на этот поворот к покровительственной политике оказал несомненное влияние известный германский экономист Фридрих Лист, с особенною силою выяснивший недостатки господствовавшей английской школы экономистов и необходимость для каждой страны стремиться к самостоятельному развитию всех своих производительных сил.

Космополитической и индивидуалистической, т.е. объемлющей весь мир и признающей только материальные интересы отдельной личности, экономической теории Адама Смита Лист противопоставляет свою теорию национального развития каждой страны” (*Витте С.Ю.* Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных его имп. высочеству великому князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 гг. Спб., 1912. С.198–199).

“В борьбе со смутой, в момент смертельной опасности для русской государственности октябристы решительно стали на сторону власти, которая целым рядом торжественных заверений, исходящих от Верховной власти, заявила о своей готовности на самые широкие либеральные реформы. В ряде правительственных актов, начиная с указа Правительствующему Сенату от 12 декабря

1904 года и кончая Манифестом 17 октября, заключалась обширная программа преобразований, которая отвечала назревшим нуждам страны и давним чаяниям русского общества. Эти акты явились торжеством русского либерализма, ибо содержащиеся в них начала были теми лозунгами, во имя которых в течение полувека боролись русские либералы" (Гучков А.И. Общее политическое положение и Союз 17-го октября. Спб., 1913. С. 3).

"Октябризм вышел из недр той либеральной оппозиции, которая сложилась около местного земского самоуправления в борьбе против того реакционного курса, который был принят правительством с конца 60-х годов и в общем продержался, со случайными и временными отклонениями, до смутного времени девятисотых годов. Оппозиция эта делала свое культурное дело в тех узких рамках и в той неблагоприятной обстановке, какие обуславливались общим политическим положением, но никогда не упускала из виду, что во главу угла должна быть оставлена коренная политическая реформа на началах народного представительства. Ядро октябристов, положивших в ноябре 1905 г. начало Союзу 17-го Октября, образовалось из того меньшинства общеземских съездов, которое примыкало к общим требованиям широких либеральных реформ во всех областях нашей жизни и перехода от переживших себя форм неограниченного самодержавия к конституционному строю, но в то же время боролось против увлечений безудержного радикализма и против социалистических экспериментов, которые грозили стран политическими и социальными потрясениями" (Гучков А.И. Общее политическое положение и Союз 17-го Октября. Речь, произнесенная 8 ноября 1913 года на совещании Союза 17-го Октября в С.-Петербурге. Спб., 1913. С. 2).

"В течение почти десяти лет русская буржуазия накапливала политический опыт и выработала свою политическую идеологию, почему современные события и не застали ее врасплох.

Попытаемся же угадать формулировку ее политической идеологии на русской, разумеется, почве.

Нам она представляется приблизительно в следующем виде.

Во-первых, цели: 1) величие России, как государства и нации, неделимость ее, укрепление за русской народностью господствующего значения, но с допущением автономии для Финляндии и Польши, как достаточно культурных, этнографически и географически однородных и притом крупных единиц, имеющих свои поли-

тические идеалы, 2) культурный прогресс России в ее целом, и 3) экономический прогресс.

Во-вторых, способы достижения вышперечисленных целей:

- 1) замена существующего режима правильным конституционным;
- 2) мощная поддержка со стороны буржуазии либеральному правительству;
- 3) децентрализация управления в смысле расширения компетенции городов и земств и передачи разрешения мелких вопросов центральными органами власти местным ее органам;
- 4) отмена ограничений инородцев в гражданских правах;
- 5) веротерпимость;
- 6) расширение средств народного образования, общего и профессионального;
- 7) устранение препятствий к самостоятельности общества, его групп и отдельных единиц, проявляемой как в области отвлеченной, так и практической;
- 8) защита национального труда, земледельческого и промышленного, от иностранной конкуренции, извне и внутри России;
- 9) дальнейшее обеспечение сельского населения землей путем продолжения укрепления в собственность уже владемых участков и планомерной колонизации свободных земель на окраинах" (Политическая идеология либеральной русской буржуазии // Утро России. 1915. 3 сент. № 243).

"...На аванпостах русской политической жизни руководящей колонной является в настоящий момент буржуазия". "Напечатанная вчера в "Утре России" неофициальная декларация либерального крыла русской буржуазии должна явиться значительным событием на фоне русской политической жизни последних дней, так как эта декларация отражает позицию, какую в настоящий момент занимают руководящие элементы нашего торгово-промышленного класса, которым, без сомнения, предстоит огромная роль при предстоящем новом государственном строительстве.

К голосу либеральной русской буржуазии, стремящейся в этой декларации оформить всю сумму своих политических стремлений, которые привели ее теперь на самый высокий гребень общественной волны и на высоты нынешнего государственного перевала, должны прислушаться все те политические группировки, которые на пути к достижению заветной русской свободы в соответствии с мудрой тактикой считают нужным объединить все оппозиционное крыло русской общественности"; "Без сомнения, наша буржуазия полна тех творческих начал, каких давно уже нет у ее предшественника на русской исторической сцене — поместного дворянства" (Спутник. С кем идти? // Утро России. 1915. 4 сент.).

“Струвизм есть не только русское, а, как показывают особенно наглядно последние события, международное стремление теоретиков буржуазии убить марксизм “посредством мягкости”, удушить посредством объятий, путем якобы признания “всех” “истинно научных” сторон и элементов марксизма, кроме “агитаторской”, “демагогической”, “бланкистски-утопической стороны его. Другими словами: взять из марксизма все, что приемлемо для либеральной буржуазии, вплоть до борьбы за реформы, вплоть до классовой борьбы (без диктатуры пролетариата), вплоть до “общего” признания “социалистических идеалов” и смены капитализма “новым строем”, и отбросить “только” живую душу марксизма, “только” его революционность” (*Ленин В.И. Крах II Интернационала (1915) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 227*).

“Подводя итоги петроградским совещаниям, Маклаков пришел к заключению, что по существу между левым и более умеренным крылом общественности нет разницы: потеряв последнюю веру в возможность какого бы то ни было соглашения с правительством, даже самый умеренный либерализм после тяжелой борьбы пришел к выводу, что революционный путь борьбы неизбежен. Весь вопрос лишь в моменте открытия этой борьбы, вокруг этого вопроса о моменте сосредоточен спор” (*Из доклада Начальника московского охранного отделения в феврале 1917 г. См.: Лазерычев В.Я. По ту сторону баррикад. М., 1967. С. 165*).

“Как в вопросах внутренней политики надо было руководящим классам прибегнуть к новым приемам, так и в вопросе ведения войны надо было ясно сознать, что рука об руку с существующей властью мы к победе не придем. Нужно было стать на путь государственного переворота” (*Из показаний А.И.Гучкова следственной комиссии временного правительства в августе 1917 г. См.: Падение царского режима. Т. VI. М.; Л., 1926. С. 260*).

“Есть все основания полагать, что в будущем... партии народной свободы часто придется выступать рука об руку с социалистическими партиями” (*Кизеветтер А.А. Партия Народной Свободы и ее идеология. М., 1917. С. 27*).

***

“Новые признаки жизни проявил ... “земский либерализм” лишь в 90-х годах под влиянием голода и холеры 1891–1892 гг. и начавшегося рабочего движения и стал принимать более или менее

конкретные очертания в царствование Николая II"; "В этом новом либерализме имелись две струи, опиравшиеся на разные классовые прослойки, с одной стороны, "земцы", идеологи аграрного капитализма (С.А.Муромцев, И.И.Петрункевич и др.), с другой стороны, представители новой буржуазной интеллигенции (профессора, как П.Н.Милюков, адвокаты и т.п.) — идеологи промышленного капитализма"; "После разгрома первой русской революции октябристы становятся открыто контрреволюционными, к.-д. фактически их поддерживают, образуя с ними в государственных думах единый блок, причем переход от к.-д. к октябристам составляют "мирнообновленцы"» (БСЭ. Изд. 1. Т. 36. Ст. 751, 753).

"В начале 20 в., накануне буржуазно-демократической революции 1905–1907 гг., происходит некоторое оживление деятельности либералов, вызванное ростом революционного движения и особенно репрессиями против студенчества... Всероссийская Октябрьская политическая стачка 1905 г. явилась поворотным моментом в истории русского либерализма: именно в этот период русская буржуазия окончательно переходит в лагерь реакции, становится на контрреволюционные позиции. В ходе первой русской революции либералы активно поддерживали царизм в борьбе с революционным движением народных масс. Революция показала, что либеральная буржуазия ищет союза не с народом, а с царем, что она является контрреволюционной силой" (БСЭ. Изд. 2. Т. 25. С. 73).

"...Представляемый струвизмом тип либерализма явился последним словом буржуазной идеологии того времени" (*Булдаков В.П.* "Легальный марксизм" и эволюция буржуазно-либеральной идеологии в России. Канд. дисс. М., 1975. С. 150).

"Катастрофа либерализма была необходимым условием для спасения России от национальной катастрофы. Либералы всегда приносят величайший вред общественному развитию, когда им удается прийти к власти в результате победы революции...

Пребывание у власти, вкупе с соглашателями, переживших либерализм либералов было несчастьем для страны...

Катастрофа русского либерализма в результате победы второй русской революции была также закономерна, как и сама эта революция. Но, чтобы избавиться от тлетворного действия либералов, переживших катастрофу либерализма, необходима была пролетарская революция. Исторический опыт революции 1917 года в России учит, что катастрофа либерализма — необходимое усло-

вие для предотвращения национальной катастрофы в условиях войны и революции" (Слонимский А.Г. Катастрофа русского либерализма. Прогрессивный блок накануне и во время февральской революции 1917 года. Душанбе, 1975. С. 286–287).

"Антагонизм между либеральной буржуазией и помещичьей реакцией был хотя и менее глубоким, чем антагонизм трудящихся и эксплуататорских классов, но тоже неразрешимым в условиях России начала XX в." (Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978. С. 5).

"...Русская либеральная буржуазия больше всего боялась власти, не хотела ее, уклонялась от нее всеми силами" (Аврех А.Я. Распад трехимпериальной системы. М., 1985. С. 9).

"Для кадетского мировоззрения характерно было сочетание идей объединения "славянского мира" под русской эгидой с признанием необходимости тесного союза России с "западными демократиями" — Англией и Францией. В этом состояло коренное отличие кадетского панславизма от религиозно-неославистской философии С.Н.Булгакова, А.Л.Погодина и других правобуржуазных идеологов..." (Думова Н.Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и февральской революции. М., 1988. С. 21).

"Если для октябристов и прогрессистов было характерно категорическое отрицание революции вообще, то теоретики кадетизма различали социальную революцию, которая ими самими решительным образом отвергалась, и революцию политическую, которая ими до определенного момента признавалась"; "Политическая революция, по мнению кадетских теоретиков, правомерна постольку, поскольку она берет на себя решение тех объективно назревших исторических задач, которые в силу тех или иных причин не в состоянии решить "сверху" существующая власть. При таком подходе политическая революция представлялась автоматическим результатом "неразумной" политики правительства, его неспособности своевременно "увенчать" то здание, строительство фундамента которого началось в России еще в 1861 г."; "...Правомерность политической революции кадетские идеологи признавали до издания манифеста 17 октября 1905 г., который, по их мнению, и явился тем недостававшим в 1861 г. звеном, с помощью которого удалось, наконец, "увенчать здание". Недаром после 17 октября 1905 г. кадетские теоретики сняли вопрос о политической революции с повестки дня" (Шелохаев В.В. Идеология и политическая

организация российской либеральной буржуазии. 1907–1914. М., 1991. С. 36).

“Все яснее стала тенденция к сближению правительственного лагеря и либерально–монархических лагерей... ..Либерально–монархический лагерь как целое проявлял тенденцию к врастанию в третионскую систему...”; “По мере свертывания программы правительственных реформ и усиления реакционного курса царизма “ножницы” между правительственным и либерально–монархическим лагерями все более увеличивались...” (Там же. С. 4).

“На рубеже XIX–XX вв. начался качественно новый этап эволюции русского либерализма. В либерализме возникает и постепенно набирает силу новое течение...”

В либеральном движении все громче и увереннее зазвучали голоса таких деятелей, как известного историка П.Н.Милюкова, профессоров В.Д.Набокова, П.И.Новгородцева, С.А.Муромцева, А.А.Мануилова, А.А.Кауфмана, приват–доцентов Ф.Ф.Кокошкина, М.Я.Герценштейна, С.А.Котляревского и др. На позиции либерализма (сначала идейно, а затем и организационно) перешли некоторые представители народничества (Н.А.Каблуков и А.И.Чупров), “легального марксизма” (П.Б.Струве, С.Н.Булгаков, М.И.Туган–Барановский) и “экономизма” (С.Н.Прокопович, Е.Д.Кускова). Интеллигенция внесла в либеральную идеологию и политику элементы демократизма и социального реформаторства. Одновременно шла дальнейшая “европеизация” русского либерализма, он “очищался” от налета устаревших славянофильских идей и впитывал новейшие достижения западноевропейской науки, в том числе и реформистских течений в марксизме.

Интеллигенция, разделявшая идеи создания правового государства, выступала за ликвидацию неограниченного самодержавного режима. Она настаивала на его замене конституционно–парламентарным строем, на введении всеобщего избирательного права, демократических свобод, реализации требования культурного самоопределения наций и народностей России. В отличие от дворянских либералов XIX в., ограничивавшихся политическими лозунгами, интеллигенция внесла в свою программу ряд социальных требований: принудительное отчуждение части помещичьей земли за выкуп, легализация профессиональных союзов, постепенное введение 8–часового рабочего дня и социального страхования и т.д.

Изменилась и тактика действия. Если дворянские либералы выступали против нелегальной деятельности, ограничивались ад–

ресами и петициями на “высочайшее имя”, то либеральные интеллигенты приступили к созданию своих нелегальных организаций, нелегальных печатных органов, использовали методы “захватного права”. Они поддерживали мирные политические забастовки, оказывали материальную и техническую помощь революционным партиям и организациям.

Появление нового политического течения в либерализме на рубеже двух веков еще не свидетельствовало о том, что дворянские (земские) либералы готовы были сразу же, без боя, уступить свое место. В это время оппозиционный лагерь продолжал оставаться аморфным. Он был представлен несколькими направлениями и течениями. Его правое крыло (славянофильское течение во главе с Д.Н.Шиповым) составляли в основном представители поместного дворянства, занимавшие довольно видные посты в земском и городском управлении и самоуправлении, в дворянских собраниях. Они были связаны не только с помещичьим классом и земельной собственностью, но и нередко родственными узами с правительственной бюрократией.

“Центр” (“земцы—конституционалисты”) был представлен главным образом гласными губернских и уездных земских управ и городских дум. Эти представители среднепоместного дворянства владели, как правило, недвижимостью, но сами редко занимались своим хозяйством, предпочитая сдавать землю в аренду крестьянам. Характер их общественной деятельности во многом сближал либеральных земцев с интеллигенцией и “третьим элементом”. Основной левый (“освобожденный”) крыла были широкие слои интеллигенции. Они занимали более радикальные позиции, чем земские либералы.

Взаимоотношения этих течений в либерализме складывались далеко не просто. В них присутствовали и элементы сотрудничества и элементы борьбы и соперничества. Однако процесс смены старого, земского либерализма новым, буржуазным либерализмом растянулся на целый ряд лет. Он практически так и не был завершен вплоть до 1917 г.

В условиях российской действительности представители старого и нового либерализма отстаивали различные варианты реформистского пути решения политических и социально-экономических проблем. Поэтому старый и новый либерализм имели много общего и оставались родственными идейно-политическими течениями. Их сближало прежде всего желание любой ценой избежать социальной революции, вера в реформы “сверху”, боязнь насиль-

ственных действий народных масс “снизу”, склонность к политическим компромиссам с царизмом. Все это притягивало (особенно в экстремальных ситуациях) различные течения либерализма к друг другу” (Наше Отечество. Опыт политической истории. Т. 1. Гл. 7: Либеральная альтернатива в начале XX в. М., 1991. С. 261–262).

**Л.И.Новикова и И.Н.Сиземская о слабо изученном
“новом либерализме”**

“Новый либерализм” сформировался в условиях социально политического идейного кризиса 90–х годов как попытка синтеза общечеловеческих ценностей классического либерализма и социальных программ демократического социализма. Этому предшествовала идейная борьба внутри самого либерального движения. С развитием капитализма в России расширилась его социальная база, появились новые имена, новые идеи. На земских съездах, следовавших один за другим в конце 90–х годов произошел раскол либерального движения: наряду с выделением ортодоксально-либерального ядра (Д.Н.Шипов, М.А.Стахович, Н.А.Хомяков), образовалось и стало набирать силу новое конституционалистское направление (П.Б.Струве, П.Н.Миллюков, С.Л.Франк), ставшее впоследствии ядром “Союза Освобождения”, а еще позже — партией кадетов, придерживавшейся либерально умеренного направления в своей программе и деятельности²³². Не следует забывать, что либерализм сосуществовал и развивался в условиях острой конкурентно-идейной борьбы с набиравшим силу социал-демократическим движением. Отношения полемики, притяжений и отталкиваний не могли не сказаться на формировании его идеологии, стратегии и тактики. На этой основе внутри либерализма выделилось особое идейное направление, “новый либерализм”, ориентировавший общественную мысль на синтезе ценностей старого либерализма с социальными программами демократического социализма и решительное размежевание с марксистским социализмом (коммунизмом).

Конечно, “новый либерализм” возник не на пустом месте. Во многом он оставался “плотью от плоти” своего предшественника, хотя между ними имели место и существенные различия. Несогласный с формулой “охранительного либерализма”, ориентированного на реформацию общества “сверху”, в том числе и на “дарованную сверху” конституцию, он не отрицал других идей ста-

рого либерализма и прежде всего тех, что были связаны с теорией правового государства и свободой личности. Они-то и являются ядром социально-философской концепции неолиберализма. Его идеологами стали П.С.Новгородцев, И.А.Покровский, Влад.Гессен, Л.И.Петражицкий, позже — Б.А.Кистяковский, С.И.Гессен.

Современники и исследователи зачастую упрекали “новый либерализм” в отходе от классических начал, в эклектизме, в сдаче позиций социализму и пр. Но вопреки обвинениям прослеживается его несомненная связь с классическим либерализмом. С предшественниками их объединяло признание самоценности человеческой личности и ее свободы, защита идеи правового государства, неприятие любых форм правового позитивизма, признание приоритета правозаконности над политикой. Сохранив основное кредо классического либерализма, “новый либерализм” дополнил его новой аргументацией в трех, отмеченных Гессеном, направлениях: 1) в интерпретации прав человека (право-притязание) по отношению к государству; 2) в понимании принципа равенства (равенство исходного старта); 3) в истолковании собственности. Новый либерализм отходит от классического объяснения общества как механического агрегата однородных граждан-атомов, не учитывающего их естественного неравенства и социальных различий “жизненного старта”.

Развивая новые идеи и прежде всего “заимствованную” у Бл.Соловьева идею “права на достойное человеческое существование”²³³, они пытались обосновать их в согласии с общим духом либеральной системы ценностей.

Оригинальность собственных позиций неолиберализма была связана с разработкой идеи взаимных прав и обязанностей между человеком и государством. Если старый либерализм настаивал на невмешательстве государства в дела гражданского общества, в хозяйственную деятельность, то новый утверждал “право-притязание” каждого по отношению к государству и соответственно государства по отношению к своим гражданам. Так каждое лицо имеет право требовать от государства известного минимума социальных благ: право на образование, на вспомоществование в случае старости, болезни, массовой безработицы и пр. В свою очередь, подчеркивал С.И.Гессен, “государство обязано не только не вмешиваться в частную жизнь граждан, но и помогать им положительным образом в ряде определенных случаев. Соответственно этому и отдельные лица обязаны прямо (например, взносы на страхование рабочих) или косвенно (например, школьные налоги)

по отношению к другим лицам положительными актами и притом в порядке не нравственного благотворения, а чисто правового обязательства"²³⁴. В соответствии с расширением понятия естественных прав человека изменяется и содержание понятия свободы. В новом понимании свобода имеет не чисто негативное содержание, но приобретает status positiv по отношению к человеку, предписывающий ему определенные акты поведения, что отнюдь не отменяло свободы личности, признания ее абсолютной ценности. В новой парадигме сфера личных прав интерпретируется как своеобразная "непроницаемость личности для другого лица", в том числе и для государства. Признание непроницаемого ядра личности гарантирует ее от превращения в средство для достижения чуждых ей целей и дает право на сопротивление этому всеми доступными средствами. Таким образом, определение свободы как равной и одинаковой для всех возможности произвольного действия, замнялось более содержательным ее пониманием как свободы самореализации человека.

Столь же существенно новый либерализм отличался от классического в определении равенства. В его интерпретации равенство предполагает поддержку со стороны государства на тот род деятельности, в котором человек нуждается. Поэтому понятие "равенство перед законом" замещается понятием "равенство исходных шансов". Поскольку чисто правовое равенство (равенство перед законом) еще не гарантирует фактического равенства, постольку оно и должно быть дополнено социальным равенством, гарантии которого в значительной мере зависят от соответствующей политики государства. Тем самым сама идея *права* дополнялась идеей *блага*, гарантом которого выступает государство. Отметим, однако, что и в таком толковании вопроса у неоллиберализма не было принципиальных расхождений с классическим либерализмом, поскольку благо мыслилось как орудие права, т.е. как средство, обеспечивающее реальное равенство всех перед законом. "Именно во имя охраны свободы право должно взять на себя заботу о материальных условиях существования; во имя достоинства личности оно должно взять на себя заботу об ограждении права на достойное человеческое существование"²³⁵.

В связи с толкуемой идеей блага следует сказать несколько слов о позиции новых либералов относительно эксплуатации. Это зло современного общества, считали они, частично нейтрализуемо в пределах правового государства посредством повышения уровня благосостояния и благополучия народа. Но подобными средствами

нельзя решить вторую сторону проблемы, связанную с приравниванием труда к товару, а человека к вещи, что связано с господством “духа капитализма”. Его проявление неолбералы видели прежде всего в господстве материального производства (хозяйства) над общекультурной жизнью общества, в превращении средств его развития в цель этой жизни. Однако, оставаясь на позициях правового государства, новый либерализм не ставил задачу борьбы против “духа капитализма”, поскольку такая борьба означала бы предписание целей хозяйствования со стороны государства, а это, в свою очередь, свидетельствовало бы о замене идеи права идеей предписываемого блага, что означало бы отказ от основного принципа правового государства. В то же время идея блага, хотя и в рамках правового государства, подводит к мысли о необходимости регламентации в экономике — о подчинении последней экзистенциальным потребностям и культурным целям человечества.

Из так понятых социально-экономических функций государства вытекают различия и в отношении к собственности. Новый либерализм решительно выступил против монопольной собственности: собственность оправдана лишь как основание и гарантия личной свободы, монополизация же собственности устраняет свободу частной инициативы. Социальным злом является не столько экономическое неравенство само по себе, сколько порабощение человека человеком, превращение его в средство достижения внешних целей. Понятие собственности, таким образом, наполнялось новым содержанием. Собственность мыслилась не как раз навсегда принадлежащая индивиду вещь, а как *поприще человека*, основа его хозяйственно-предпринимательской деятельности и культурного творчества. При этом понятия собственности распространяются на условия труда, сам труд и продукты труда, в том числе духовного. Новый либерализм, таким образом, рассматривает собственность как *непрерывно создаваемую*.

Новый либерализм отходит от классического объяснения общества как механического агрегата однородных граждан-атомов, не учитывающего их естественного неравенства и социальных различий “жизненного старта”. Этой концепции противопоставлялось понимание общества в духе русской философской традиции как живой “цельности”, такого всеединства, в котором каждый человек находит свое индивидуальное место.

Как следствие переосмысления идеи свободы и собственности вытекал тезис о необходимости расширения сферы деятельности государства. Если старый либерализм настаивал на невмеша-

тельстве государства в дела гражданского общества, то обеспечение права на достойное существование, борьба с монополиями требуют от государства решительных действий по отношению к тем, кто нарушает это фундаментальное право человека. В решении таких задач государство рассчитывает не только на свои силы, но и на поддержку народа. С этим связано и новое отношение к демократии. В отличие от старого либерализма, который сводил демократию к чисто формальному принципу представительства как выражению воли большинства народа, новый либерализм весьма скептически относился к понятиям “всеобщей воли” или “воли большинства”, видя в них фикции, используемые в игре политических сил. Но в отличие от большевизма, противопоставившего “буржуазной демократии” диктатуру пролетариата, новый либерализм видел реальный выход из этой политико-правовой ловушки во всемирном обеспечении государством условий для создания общей воли.

“Задача всякого акта государственной власти и заключается в том, — подчеркивал С.И.Гессен, — чтобы *создавать* общую волю, искать ее путем непрерывного сглаживания интересов, путем отказа определенных общественных групп от одностороннего господства в обществе, их интересов, исключаящих все другие”²³⁶. Общая воля иррациональна как результат, но она реальна как задача политического действия. Отсюда политическая программа либерализма: расширение избирательного права, защита прав меньшинства, сглаживание классового антагонизма путем компромисса. Если общая воля есть не готовый факт, а только *задание*, то ни одна группа общества не может узурпировать ее. Отсюда вытекает плюрализм партий, выражающих интересы различных групп и вместе с тем необходимость правового ограничения их деятельности со стороны государства с целью недопущения диктатуры одной из них. Правовое государство должно и может гарантировать народ и каждого гражданина от деспотизма одного лица, партии, класса или даже “самодержавия народа”. В системе понятий нового либерализма демократия понималась в релятивистском духе, как запрет любому считать себя выразителем абсолютной истины и признании за каждым права на ее совокупное искание.

Нельзя не заметить, что концепция правового государства нелиберализма тяготеет к социалистическим принципам. Это было очевидно и для ее идеологов. Один из самых последовательных критиков марксизма П.И.Новгородцев откровенно констатировал: “За марксизмом мы должны признать значение той идейной грани,

после которой уже невозможен возврат нравственного сознания к прошлому, после которой и современное правовое государство должно было радикально изменить свой взгляд на задачи политики на сущность права, на принципы равенства и свободы”²³⁷. В то же время, когда речь заходила о преемственности идейных основ и социальных программ, он решительно размежевывался с последним: “Когда мы говорим, что социализм, вхолящий в культурную работу современного государства, “врастающий” в современное общество, вполне приемлется теорией новейшего либерализма и практикой правового государства наших дней, это значит, что мы имеем здесь в виду социализм, утративший свое внутреннее существо и превратившийся в политику социальных реформ”²³⁸.

Признавая идейную связь неолиберализма с социалистической критикой существующего буржуазного строя, неолибералы имели в виду их общие социальные корни — противоречия развития современного им капитализма, российского в частности, — но предлагали принципиально иные методы и пути их разрешения. Для них был неприемлем революционный экстремизм марксистов-ленинцев, их пренебрежение к праву и демократии, стремление к утверждению диктатуры одного класса, одной (своей) партии, претендующей на то, что только она выражает подлинные интересы народа. Этому неолибералы противопоставили принципиально иной подход: к осуществлению идеалов социальной справедливости, или социализму, в их понимании, можно прийти только путем подлинной демократии на основе правового государства.

Критике неолиберализма слева и справа можно противопоставить соображения, высказанные М.Вебером в связи с развитием демократии в России: “Просто смехотворно приписывать современному развитому капитализму, в том виде, в каком он ныне импортируется в Россию и существует в Америке, этой “неизбежности” нашего хозяйственного развития, избирательное сродство с “демократией” или даже “свободой” в каком-либо смысле слова, в то время как вопрос-то может ставиться только так: как вообще “возможно”, чтобы при его господстве все это (т.е. демократия и свобода) продолжалось? Фактически они существуют лишь там, где за ними — решительная воля нации не дать править собой, как стадом баранов”²³⁹. Представляется, что из аналогичных принципов исходит и русская концепция нового либерализма.

Еще в восьмидесятых годах XIX века проницательные русские мыслители предупреждали об опасностях, которые таит в себе либеральное политическое движение для России. "Либерализм, простертый еще немного дальше, довел бы нас, — пророчествовал Константин Леонтьев, — до взрыва, и так называемая конституция была бы самым верным средством для произведения насильственного социалистического переворота, для возбуждения бедного класса против богатых ... для новой, ужасной может быть, пугачевщины... Если бы монархическая власть потеряла свое безусловное значение и если бы народ понял, что теперь уже правит им не сам Государь, а какими-то неизвестными путями избранные депутаты, то, может быть... русский человек дошел бы до мысли о том, что нет больше никаких поводов повиноваться"²⁴⁰.

Аналогичную мысль высказал в беседе с князем фон-Бюловым в 1884 году граф Дмитрий Толстой. "Всякая попытка ввести в России западноевропейские, парламентские формы правления обречена на неудачу. Если царский режим ... будет низвергнут, на его место придет коммунизм, чистый, неприкрытый коммунизм господина Карла Маркса, который недавно умер в Лондоне и теории которого я изучал со вниманием и интересом"²⁴¹.

Разумеется, не без усилий самого самодержавия либерализм в России оказался "простертым немного дальше", причем настолько, что это дало основание В.В.Водовозову в статье "Либерализм", помещенной в двадцать четвертом томе Нового энциклопедического словаря, утверждать, что резкой грани между либерализмом и социализмом в России не было и что различие лежало скорее в области темперамента, чем в области мировоззрения. И все же большую часть вины за эту подмену, за то, что либеральными лозунгами прикрывалось фактически радикалистски-революционное, близкое социалистическому мировоззрение, должны были бы взять на себя именно русские либералы, точнее псевдолибералы, а если уж совсем заострить проблему и подчеркнуть, куда они, не отдавая себе в том отчета, толкали страну, то можно их условно назвать "либерал-большевиками". Но самое обескураживающее в том и состоит, что сами они (если обратиться, например, к их признанному лидеру П.Н.Милпокову) никакой вины за собой так и не признали. Георгий Адамович справедливо подчеркивает: "У Милпокова смущает то, что в сознании своей правоты он невозму-

тим и требует для своей деятельности оправдательного приговора и от будущего"²⁴². Правда, даже у Милюкова были, видимо, минуты "слабости". Возглавлявший в свое время студенческую кадетскую организацию в Московском университете Е.А.Ефимовский цитирует письмо, в котором П.Н.Милюков пишет члену ЦК кадетской партии князю П.Д.Долгорукову: "История проклянет вождей так наз(ываемых) пролетариев, но проклянет и нас, вызвавших бурю ... Это крах всего дела, всей нашей жизни, крах всего мировоззрения"²⁴³. Почитатели Милюкова объявили эту переписку апокрифом, и сам Милюков в своих позднейших мемуарах ни словом о ней не обмолвился, но это лишь подтверждает несовместимость раскаяния с обликом жестоковыйного лидера кадетов, в числе наиболее заметных черт характера которого П.Б.Струве назвал "хищное властолюбие и политическую бездарность"²⁴⁴.

О кричащем несоответствии между либеральной фразеологией и подлинным мировоззрением у ведущих деятелей кадетской партии свидетельствует и пересказанный тем же Ефимовым им его разговор с ближайшим сподвижником Милюкова, состоявшийся в первые дни февральской революции. "Встречаю, — пишет он, — профессора А.А.Кизеветтера, автора "кадетского катехизиса", в коем обосновывался монархизм партии КД и ее эволюционный характер. Спрашиваю его: "Ну как, Вы довольны происходящим?" Отвечает: "Да, все хорошо. Вот только жалко, что не произошло никакого "несчастливого случая" с Николаем II, было бы крепче". Не веря своим ушам, говорю: "С каких же пор кадеты обратились в терро, истов?". Ответ: Я говорю лишь о "несчастном случае". Разговор на этом оборвался"²⁴⁵.

В свете вышесказанного несколько не шокируют суждения крупнейшего историка русского либерализма В.В.Леонтовича, отказавшего кадетской партии в праве считать себя либеральной и, напротив, находившего элементы подлинного либерализма во взглядах и поведении самодержавных монархов и представителей высшей бюрократии.

Одержимость большинства кадетских лидеров политическими страстями явственно показала, что не личная свобода, а личная власть является для них высшей ценностью, а долгая оппозиционная борьба лишь многократно увеличила дистанцию между этими ценностями, разумеется, не в пользу свободы.

Антипод Милюкова по либеральному движению Василий Алексеевич Маклаков так описывает процесс выветривания либеральных ценностей из мировоззрения будущих создателей кадет-

ской партии. “Бисмарк говаривал, — пишет Маклаков, — что ничего так не развращает политических партий, как долговременное нахождение в оппозиции. Ведь в конституционных странах даже краткое пребывание во власти многому учит; а возможность к ней снова вернуться удерживает оппозицию от слишком односторонней критики и слишком легкомысленных обещаний. Это кладет на партии отпечаток серьезности. В России либеральное течение казалось обреченным быть вечною и безнадежною оппозицией. Либерализм стал по существу оппозиционной категорией. Либеральная власть с либеральной программой казалась в России “*contradictio in adjecto*”... Это издавна развращало идеологию либеральной общественности; отчуждало ее от власти, заставляло в ней видеть природного врага ... Русский либерализм давно этим страдал, как профессиональной болезнью. Но “Освободительное Движение” все эти свойства либерализма усилило и обострило. Борьба, направленная на свержение Самодержавия какой угодно ценой в союзе с какими угодно союзниками — оказалось такой развращающей школой, что либерализм вышел из нее неузнаваемым”²⁴⁶.

Но соблазнить и развратить можно лишь того, кто в глубине души хочет быть соблазненным и развращенным, кто “сам обманываться рад”; кто по собственной воле выстроил такую душевно-духовную структуру, такую систему ценностей, которая лишена глубины, лишена “балласта”, удерживающего жизненный корабль в устойчивом положении.

“Громадная вина старой демократии, — пишет Ф.А.Степун, — заключается в факте предательства свободы с большой буквы на путях защиты политических свобод. Причину этого предательства надо прежде всего искать в том неустанно увеличивающемся за последние столетия разрыве связи между свободой и истиной, который бесспорно составляет... главную причину быстрой сдачи либерал-демократических позиций большевизму и фашизму”²⁴⁷.

Степун убедительно показывает, что либерализм зарождается именно в лоне христианской культуры и вырождается по мере его отрыва от христианских корней. Переживание уникальности человеческой личности как абсолютной ценности — это религиозное переживание, а в рамках позитивистского и материалистического мировоззрения ценность личности только демагогически провозглашается.

“Даже у Локка, — пишет Степун, — естественное право которого еще связано с христианской традицией, мы встречаем ярко выраженную мысль, что личность принадлежит Богу и потому

должна быть в государстве оберегаема как неприкосновенное "Божье имущество". Из этого положения следует, что всякое государственное насилие над бытием человека, над его лежащей под всем его земным и духовным достоянием личностью, есть кража со взломом ... метафизическая уголовщина"²⁴⁸.

Но в метафизической уголовщине повинно не только государство, но и идеологи, принуждающие путем "либерального террора" неповторимую личность оторваться от ее духовной родины и плыть по течению "прогрессивного" общественного мнения. А как эта метафизическая уголовщина легко переходит потом в уголовщину площадную, всем нам слишком хорошо известно из примеров русской и европейской истории.

Степун показывает, что решение метафизического вопроса о соотношении свободы и истины влияет и на политическую философию. Понимание свободы не как открытости в глубину, не как долга послушания истине, не как проводника благодатных сил, а всего лишь как права на провозглашение мнения ... совершение произвольных поступков приводит к завышенной оценке парламента, представляющегося чудодейственной машиной, перерабатывающей сырье индивидуальных убеждений в общезначимую "истину".

"Вера в этот, почти механический процесс производства истины, — пишет Степун, — связана ... с последними мирозерцательными основами позднего позитивистического либерализма, уже не имющего ничего общего не только с христианским гуманизмом, а даже с учением о естественном праве"²⁴⁹.

В сборнике "Вехи" Милюкова больше всего возмутило именно то, что его авторы (среди которых были и его товарищи по партии) подвергли сомнению всеислие социальных институтов и особенно такого совершенного компьютера, как парламент. Позднее в своих мемуарах он, повторяя свои упреки в адрес "веховцев", напишет: "Враждебно относясь к "формализму" строгих парламентарных форм, — на чем строго стояло старшее поколение, — они уже готовились вернуться к очень старой формуле: "не учреждения, а люди", "не политика, а мораль". Со времен Карамзина у нас эта подозрительная формула скрывала в себе реакционные настроения"²⁵⁰.

Нужно ли доказывать, что для подлинного либерала личность сама по себе должна выступать как самый важный "социальный институт" и что понижение роли государства в общественной жизни должно идти прежде всего путем деполитизации личности,

то есть путем сокращения “инвестиций” личного внимания и энергии в политическую жизнь общества. Пока личность политизирована, она “принадлежит” государству и не вправе требовать, чтобы государство оставило ее своим попечением. Без острого переживания того, что социально-политические институты — это мир относительного, что они затрагивают лишь весьма малую надводную часть айсберга жизни человека, который является личностью лишь в меру наличия у него “подводной” части, укорененной в абсолютном, — без острого переживания этого нет подлинного либерала. И когда подчеркивают, что либеральное мировоззрение — это релятивизм, то забывают, что постигнуть нечто как относительное можно только на фоне абсолютного. Без знания абсолютного мы не можем познать относительное. “Веховец” С.И. Франк, один из самых глубоких русских гносеологов и один из наиболее глубоких идеологов либерализма, справедливо подчеркивал: “*Всяческое наше знание имеет своей основой самообнаружение абсолютной реальности ... Абсолютное первое, очевидное всего относительного и частного, которое мыслимо только на его основе*”²⁵¹. Способность легко поддаваться соблазну радикализма у Миллокова и его соратников объясняется не столько политической неуступчивостью самодержавия, сколько их позитивистским мировоззрением, их слепотой по отношению к “самообнаружению абсолютной реальности”. М.М. Карпович справедливо указывает: “Та крайняя важность, какую Миллоков придавал деятельности учреждений, что для его критиков было лишь выражением его формализма как ученого, на самом деле исходила из его глубокой веры в логику политических учреждений”²⁵². Следует, однако, непременно подчеркнуть, что “вера в логику политических учреждений” есть результат натурализации истории, которая возможна лишь при личной духовной нищете и полной глухоте к проблемам метафизики творчества, а значит и метафизики свободы.

Позитивизмом не объясняется и крайнее западничество Миллокова со товарищи. Их попытки пересадить на русскую почву готовые западноевропейские формы обусловлены невниманием к творческим процессам, создающим эти формы. Неспособность понять, что все политические и экономические программы западноевропейских либералов принципиально ситуационны, объясняется отсутствием у русских псевдолибералов-позитивистов органов для постижения ситуации, то есть отсутствием духовной глубины, позволяющей развить те познавательные способности, которые лишь для краткости охватываются единым термином “интуиция”.

“Нельзя не признать, — указывал Н.А.Бердяев, — что господство отвлеченного либерализма в жизни экономической дало свои отрицательные и злые плоды. Если манчестерство и имело относительное оправдание в известный исторический момент, то в дальнейшем неограниченное господство его лишь компрометировало и разлагало либеральную идею... Либерализм не имеет никакой обязательной идейной связи с манчестерством, с экономическим индивидуализмом, эта связь — случайно фактическая”²⁵³. Напротив, те положения, которые призваны были точнее выразить ядро либеральной идеи, отходили на периферию позитивистского сознания и удерживались там лишь в силу традиции и по недомыслию. “Либералы—позитивисты, — подчеркивает тот же Бердяев, — лишь по непоследовательности и по поверхности своего сознания готовы признать неотъемлемые свободы и права человека”²⁵⁴.

***

Так неужто не было на Руси великой подлинных либералов
оприч А.С.Пушкина и Б.Н.Чичерина?

Неужто мы и впрямь обречены тиражировать либерал-большеи-ков кадетского извода?

К счастью, духовный генофонд России не скуден. Хоть и в малом числе, но были и в двадцатом веке в России либералы по мировоззрению и по душевно-духовному складу, а не только по лозунгам и партийным билетам, причем в той же кадетской партии. И все они, как водится, теснились к самому краю ее правого фланга, ибо только у границы консервативного политического спектра и может существовать подлинный либерализм. И тысячу раз прав В.В.Леонтович, когда, представив многочисленные резоны в обоснование своей позиции, формулирует вывод: “Все эти соображения заставляют ... четко отличать радикализм от либерализма и настоящим либерализмом считать лишь либерализм консервативный”²⁵⁵.

И самая яркая, обаятельная и гармоничная личность здесь, конечно же, Василий Алексеевич Маклаков — личность, способная высветить собой вечную правду либерализма даже на фоне очевидности того, какую злую роль это течение дважды сыграло в истории России. Без либерализма нам не выработать иммунитета против самовластиа, но, увы, этого не произойдет, пока мы не выработаем также иммунитета против либеральной демагогии.

Нельзя с достаточной силой подчеркнуть, что подлинного либерала от псевдолиберала отличает не только "что", но и "как", не только программные положения, но и тон речи, душевный склад оратора, как бы прислушивающегося к истине и готового всегда вовремя остановиться, не переходя опасного предела. Это хорошо видно, например, из сопоставления ораторских стилей двух кадетских златоустов. "Парламентский оратор, — пишет П.Б.Струве, — должен всегда больше стремиться к тому, чтобы импонировать своим противникам или внушать этим противникам почтение к защищаемому им делу и к нему самому, к оратору, — этот дар, это умение было в высочайшей степени присуще В.А.Маклакову и составляло его силу. Родичев не умел или не хотел обезоруживать и покорять противников; скорее он им бросал вызов или их даже раздражал"²⁵⁶.

За этим различием стилей речи стоит глубокое различие позиций. Одни ориентированы на примирение и честную совместную работу, другие — на обострение отношений и на войну.

"В моей жизни, — пишет другой мемуарист, — я прослушал всех знаменитых русских и многих иностранных ораторов, но никто из них не производил на меня "маклаковского впечатления", и не столько красотой наизранных фраз; он не любил "ораторской праздности". Своим ученикам... он говорил: "Самым большим врагом оратора является его красноречие"...

В речах Маклакова вы не встретите ни ложного пафоса, ни художественных сравнений; он поражал другим: красотой построения в развитии основной идеи... неподражаем был и метод обращения с аудиторией. У Маклакова совершенно отсутствовал тот часто встречающийся "снобизм", когда оратор как бы измеряет расстояние между аудиторией и ораторской кафедрой; он в каждом видел "джентльмена", с коим можно говорить и должно договориться.

Была еще одна черта в его речах: он никогда не подделывался под аудиторию; он ее морально поднимал до себя. Если это был метод, то я склонен считать его гениальным"²⁵⁷.

Подлинный либерал не только провозглашает, но и практикует свободу. Он не насилует слушателя, не подчиняет его себе, а помогает ему раскрыться до степени свободного контакта с истиной. Эти черты особенно ярко проявились в личности Маклакова, но в той или иной степени они присущи или должны быть присущи каждому подлинному либералу. Этому должно способствовать стеснение задней мысли, стремление не отнять и перераспределить, а

поделиться избытком собственных сил, дать простор уже созревшим творческим потенциям других. Чаще всего указанный склад души встречался среди земских деятелей.

“Участие в делах земства, — вспоминает Б.Н.Чичерин, — ... оставило во мне одни хорошие воспоминания... Едва ли в России найдется другая среда, которая бы до такой степени приходилась чувствам и потребностям порядочного человека... Это — собрание независимых людей, близко знающих дело и совещающихся о тех жертвах, которые они готовы принести для общей пользы”²⁵⁸.

Бескорыстие, доброжелательность и избыток душевного здоровья позволяет подлинным либералам выполнять их главную политическую функцию — быть мостом между крайними силами и способствовать их свободному самоограничению в политических претензиях.

Пример таланта взаимопонимания продемонстрирован, например, во взаимоотношениях основателя партии октябристов, столбового дворянина и камергера Д.Н.Шипова и правого кадета купца М.В.Челнокова.

“Первоклассный земский деятель Шипов, — вспоминает П.Б.Струве, — вовсе не был политиком в настоящем смысле... Но он был огромной нравственной силой, какой-то живой совестью для многих людей, даже расходившихся с ним в политических взглядах. Шипов был самым последовательным и убежденным либеральным славянофилом в истории русской общественности... Долгое время он верил только в монархию, которую он мыслил себе как либеральную автократию... В 1905 г. он стал конституционалистом, непреклонно твердым и щепетильно честным, сохранив славянофильскую душевную складку и то особое этически окрашенное “жизнепонимание”, которое было характерно для классического славянофильства Киреевских, Хомякова и Аксаковых.

...У Челнокова не было той внутренней моральной углубленности, которая составляла крепчайшее ядро всей личности Шипова... Политическая пронизательность Челнокова получала от его неистребимого юмора какое-то мягкое и ровное освещение. Это было не бесстрашие, а какое-то почти философское, чуть что не созерцательное спокойствие. Вероятно, свое высшее освящение это спокойствие как-то получало в том шиповском этическом “жизнепонимании” ... которое изучалось и сообщалось этим незабываемым человеком. Шипов был, я думаю, для М.В.Челнокова... живой совестью. Французы-католики называют таких людей

directeurs de conscience²⁵⁹, на Руси их высшим выражением были "старцы"... Таким светским или, если угодно, политическим старцем Д.Н.Шипов был долгие годы и для М.В.Челюкова, и для кн. Г.Е.Львева, и для М.А.Стаховича, и для Н.А.Астрова"²⁶⁰.

Именно благожелательный тон и демонстрация стремления не к "победе", а к достижению общих целей помогли Маклакову убедить Столыпина отказаться от военно-полевых судов, причем последний, уходя с заседания 2-й Государственной Думы с удивлением отметил, что с Думой действительно можно сотрудничать. Это тем более показательно, что сам Столыпин не отличался уступчивостью и стремлением к взаимопониманию, о чем с горечью говорит Маклаков в своих мемуарах.

"Исключительно "сильные" люди, как Бисмарк, — пишет он, — умели уступать, когда это было полезно, забывая о своем самолюбии. Столыпин же любил идти напролом... У него было пристрастие к тем "эффектам", которые обывателей с толку сбивают (он называл их действие "шоком"). Он не умел целей своих достигать незаметно, под хлороформом, по выражению Витте, в чем была главная сила этого гениального практика. Столыпин нанесил удар тем мерам, которые хотел провести..."²⁶¹.

По мнению Маклакова, либеральное движение в России погубила его собственная ориентация на войну, а не на сотрудничество с властью. Он был шокирован, когда Милпков даже после дарования конституции в октябре 1905 заявил, что ничто не изменилось и что война продолжается. В позднейших мемуарах Маклаков благодарит судьбу за то, что либералам не удалось в 1905 году достигнуть полной революционной победы над властью.

"Революция, — пишет он, — не остановилась бы на либеральной программе. Не представители либеральной общественности могли бы ее на ней удержать. Им, принесенным к власти "народной волей", было бы не по силам с этой волей бороться. Демагогия бы их одолела, как это показал 17-й год. Было счастьем для них, что прежняя власть уцелела и сама объявила новый порядок. Либеральному обществу было легче бороться с прежней властью в рамках нового строя, чем с Революцией в обстановке революционного хаоса. В его интересах было спасти государственную власть от крушения. Но для этого общество должно было стать ей опорой... С властью надо было заключать соглашение на почве взаимных уступок, принимая в уважение ее силу, а может быть и предрассудки"²⁶².

Стремление к компромиссу — это основа политической философии Маклакова. Он был убежден, что не дело либералов захватывать и осуществлять исполнительную власть в стране. Их дело — ограничить эту власть и восполнить ее негосударственными формами регуляции общественной жизни. Он безуспешно пытался втолковать Милкокову, что его идея установления правительства, полностью подконтрольного парламентскому большинству, абсурдна. Такая власть большинства сама оказалась бы бесконтрольной, и ничто не помешало бы ей двигаться по пути деспотизма. Но здесь взаимопонимания достигнуть было невозможно, ибо перспектива его собственной личной диктатуры или диктатуры его партии Милкокова не пугала. И здесь мы должны хотя бы вкратце затронуть гносеологические проблемы, чтобы лучше понять особенности подлинно либерального мировоззрения.

Соратница Милкокова по партии А.В.Тыркова-Вильямс, восхищаясь личностью Маклакова, все же недоумевает: "Странный был ум у этого умного человека. Он точно не хотел додумывать до конца многие основные вопросы практической политики. Останавливался на распутьи. Как писателю, как свидетелю своей эпохи, это давало ему большой простор для критики, для вдумчивого, нередко правильного осуждения деятельности той левой общественности, к которой он сам принадлежал и которую знал изнутри. Но от политика требуют законченности и определенности суждений, а в особенности решений. Нужен определенный подход к текущим политическим событиям. Этим свойств Маклаков был лишен"²⁶³.

Мемуаристика не замечает, что сделала комплимент Маклакову как политическому мыслителю. Определенность политических суждений и решений характерна не для либерального, а для физикалистского рационалистического мировоззрения, которое лежит в основе политической философии деспотизма. "Подлинная и глубочайшая предпосылка деспотизма, — спраг едливо подчеркивает С.Л.Франк в статье "Философские предпосылки деспотизма", — лежит в идее непогрешимости, в своеобразном, по существу мистическом сознании обладания абсолютной истиной... Если бы нормы и идеалы общественного сознания обладали такой же очевидностью, как геометрические аксиомы, то, быть может, деспотизм был бы единственно рациональной формой общественного устройства; и поскольку вера в эти идеалы достигает ясности и убедительности математического сознания... деспотизм является для нее простым и неизбежным следствием"²⁶⁴.

Либерализм возникает там и тогда, где и когда осознают, что “ясно и отчетливо” истина не постигается. Более того, как настаивал Иван Киреевский, если мысль ясна, значит, она недостаточно продумана²⁶⁵. Это суждение Киреевского любил повторять Ф.А. Степун. Н.А. Бердяев также подчеркивал: “Исчезновение тайны означает ложное познание”²⁶⁶. Истину не “постигают”, ее не “усваивают” — к ней прикасаются, переживают ее присутствие. О наличии живой связи с истиной говорит верный тон, верная эмоциональная окраска и животворящая нравственная атмосфера, которые сопровождают произнесение теоретических суждений. Неинтонированное суждение не несет в себе истинного знания. И появление страстей и фанатизма — верный свидетель того, что социальное знание стало “отвлеченным”, а значит неистинным. Даже сама свобода в качестве отвлеченного знания становится лозунгом и орудием насилия. Нельзя смоделировать социальную реальность в понятиях, можно лишь подключиться к ней и освободить свой дух настолько, чтобы он смог выполнять функцию чутких весов, реагирующих на изменения в реальности и на фальшь нашего тона. Другого аршина для измерения меры допустимой политической свободы у нас нет.

Мудрейший русский мыслитель Константин Леонтьев писал: “Государство держится не одной свободой и не одними стеснениями и строгостью, а неуловимой пока еще для социальной науки гармонией между дисциплиной веры, власти, законов, преданий и обычаев, с одной стороны, а с другой — той реальной свободой лица, которая возможна даже и в Китае, при существовании пытки”²⁶⁷.

Метафизическая свобода (а ведь только о ней и должна идти речь), хотя и неистребима даже в условиях пытки, все же для своего возможного цветения и плодоношения нуждается в некоей “инфраструктуре”, т.е. в некотором минимуме политических, экономических и прочих свобод. Эта связь настолько очевидна, что не требует подбора подтверждающих цитат. Важнее другое, то, что никаких прямых пропорций здесь усмотреть невозможно. Стремительный рост политических свобод приводит к кессонной болезни — вскипанию несбыточных иллюзий и страстей, которые вернее китайских пыток иссушают источники метафизической свободы, на которых, как на живительных колодцах, стоит государство. И в результате государство с неизбежностью возвращается к еще горшей несвободе в политическом смысле.

Здесь и пролегает межа, отделяющая либерала от либерал-большевика. Либерал все политические действия оценивает и соизмеряет с интересами уже реально существующих источников метафизической свободы. Он пытается уже существующие политические институты развернуть в направлении этих источников свободы, чтобы помочь им породить новые источники, подлежащие новому политическому оформлению. И так до бесконечности, эволюционным путем, памятуя, что свобода возгорается лишь от свободы же, как огонь от огня, и что человек не Господь Бог и не может творить из ничего. Главное — держать руку на пульсе реальной творческой свободы, и тогда глубина проникновения в нее послужит мерой для социально-политической инженерии.

Либерал-большевик вскрикивает в магно отвлеченных понятий и в свою способность декретировать свободу, скажем, с помощью избирательной четыреххвостки. И эта отвлеченность мышления делает социологическое и политическое воображение безмерным, чем и определяется размах эмоциональной амплитуды: от ювенального энтузиазма до греховного уныния.

“Веховец” С.А.Котляревский (в “Вехах” не участвовавший) дает яркое описание краха завышенных псевдолиберальных ожиданий в результате событий 1905–1906 годов. И это его описание один к одному ложится на нынешнюю духовную ситуацию в России. “Несостоятельной, — пишет Котляревский, — оказалась мысль, что Россия может перейти от полного отрицания политической свободы к ее абсолютно-последовательному осуществлению, от своей глубокой хозяйственной отсталости к социальному порядку, недоступному для современной передовой демократии, от своего еще не так давно приобретенного места в семье европейских народов к первенству среди них, от глубокого культурного отчуждения между ее образованными классами и народными массами к полному взаимному пониманию и единству”²⁶⁸.

Но Котляревский не был бы “веховцем”, если бы не указал мировоззренческую причину переживаемого духовного упадка. “Важнее, — подчеркивает он, — что поражен... сам дух утопизма. Сущность его заключается не столько в том, что человек хочет достигнуть своей цели при помощи невыполнимых средств, и даже не столько в том, что самая цель выбирается невыполнимая, сколько в признании за цель того, что есть простое средство... Всюду утопизму свойственно сосредоточивать исключительное внимание к внешней оболочке предмета, к тому, что можно видеть

на поверхности окружающего нас мира, к тому, что схватывается без усилий, как-то даром”²⁶⁹.

Да, конечно, поверхностное формализованное мышление даст огромное преимущество. Включается как бы невидимый компьютер, мысль быстро обзревает самые отдаленные последствия политических действий. А как красиво и убедительно звучит речь человека, оперирующего алгоритмами и схемами, как зажигает она сердца неопитов: кажется, что лишь по злему умыслу оппоненты отвергают такие простые и ясные идеи. Все знаменитые демагоги были, как известно, гениями упрощения. К сожалению, подлинно либеральные идеи в принципе не могут быть столь заразительными. Либералом человек становится лишь тогда, когда разучивается мыслить “логично”, когда осознает, что мысль, ориентированная на истину, всегда разрывна в самых важных пунктах. Лучший биограф Маклакова Г.Адамович, не будучи сам философом, тем не менее фиксирует внимание на философски чрезвычайно важной особенности мышления своего подопечного. «Маклаков, — пишет он, — схематизирует, обобщает, судит, пока речь идет о действиях и решениях, не связанных с личной судьбой тех, кто действовал и решал, пока дается лишь отвлеченная картина прошлого, пока в истории допустимы статистические методы. Но царь за свои ошибки заплатил жизнью, царь умер вместе с той Россией, которую он представлял, и на этой черте Маклаков останавливается, недоумевает, по совести не знает, как ему быть, будто вспомнив своего учителя Толстого: “Мне отщепенце и Аз вздам”»²⁷⁰.

Только заглянув за край жизни, человек научается жить одновременно в двух мирах и передавать в мысли, речи и стиле своей жизни знание о сопряженности этих миров в каждой их точке. Без овладения этим искусством двумерного и двумерного мышления нет подвижного либерала, и, конечно же, Маклаков научился этому искусству именно у Толстого, о котором, по оценке Г.Адамовича, он написал лучшие страницы, из тех, что были написаны о нем когда бы то ни было на русском языке. В свою очередь, лучшие страницы о Маклакове написаны Адамовичем, и я сознательно пойду на нарушение канонов жанра и вместо пересказа собственными словами (как это принято сегодня) вмонтирую в данный текст (что не возражалось в те баснословные года) две страницы великолепной прозы Г.Адамовича, освещающей особенности маклаковского и соловьевского понимания мысли Льва Толстого.

“Характерны... — пишет Г.Адамович, — его (Маклакова. — А.С.) замечания о соловьевских “Трех разговорах”... книге блестя-

щей и, однако, позволю себе сказать, при всем своем умственном и стилистическом блеске достойной навеки остаться образцом слепого, невпопад бьющего и крайне самоуверенного полемического задора. Невозможно отрицать исключительную умственную одаренность Соловьева. Его ум, его разум — едва ли не самый острый, подвижный, находчивый, в каком-то смысле даже самый бойкий, во всяком случае логически самый сильный во всей нашей литературе, этим свойством менее богатой, чем другими. Сочетание гибкости, отчетливости, изворотливости умственных выкладок с мистическими туманами, сознание его обволакивавшими, у Соловьева удивительно. Но понять Толстого он, по-видимому, органически не мог, и неизменно раздражаясь при столкновении с ним, высокомерно не допуская ничего себе недоступного и непонятного, он иногда договаривался до чудовищных нелепостей. Так в тех же “Трех разговорах” он предсказал, что “Баллада о камергере Деляру” Алексея Толстого, — произведение, конечно, забавное, — но из категории тех шуточек, пародий и экспромтов, которым в конце прошлого века с несколько загадочным увлечением и несколько медвежьей грацией предавались почтенные, уважаемые литераторы, большей частью седые бородачи, — предсказывал, что баллада эта переживает “Войну и мир” и “Анну Каренину”. В тех же “Трех разговорах” приведен для опровержения теории непротивления злу знаменитый, — или в данном случае лучше сказать пресловутый, — пример с маленькой девочкой, над которой некий “мерзавец” собирается совершить “гнусное злодеяние”: что же делать отцу? оставить мерзавца в покое?

Логически пример убедителен и Соловьев, приведя его, заранее торжествует. Маклаков согласен, что если произвольно выделить этот пример из всего, что в целом составляет жизнь, мир, нашу якобы “христианскую” цивилизацию, ответить нечего. Но тут же в “Толстом и суде” он пишет:

“Это возражение обнаруживает полное непонимание Толстого, пропасть в исходной точке, и свидетельствует о безнадежном и неустранимом разномыслии... Мировоззрение Толстого нельзя брать по частям, в отдельных его проявлениях. Его можно только целиком принять или отвергнуть”.

Правильнее не скажешь. Общая оценка, данная Маклаковым соловьевскому спору с Толстым, совершенно верна, и не случайно он, много лет после статьи о “Толстом и суде” снова к “Трем разговорам” вернувшись, охарактеризовал их, как книгу “салонную”. Как беспощадно метко! Дело ведь вовсе не в несчастной девочке, не

в еще более несчастном отце ее, как и не в тигре, внезапной встречей с которым сторонники "сопротивления" пугали Толстого, — на что тот отвечал: "вот сколько лет я живу на свете, а тигра ни разу не встречал!" — дело в том, что Толстой думал о коренном изменении и преобразении всего человеческого существования, в котором это зло должно бы исчезнуть, растворившись в пустоте. Он не был безразличен ко злу, не призывал к безучастному его созерцанию, нет, он верил, что зло нельзя искоренить злом и что при таком методе борьбы со злом количество его в мире будет продолжать расти. Злу противопоставлено то, что в самой природе ему противоположно, — любовь. По удачному выражению Бердяева, Толстой предложил "рискнуть миром", будучи убежден, что при согласии на то, что людям кажется риском, т.е. при подчинении той воле, которую христиане считают волей божественной, Бог в нашу жизнь вмешается и наладит в ней мир, добро и правду. Соловьев был от такой веры и от таких надежд крайне далек, и Маклаков говорит о том, что он "сочетал в себе веру в Христа как в Бога с умом государственным"²⁷¹.

Понимание того, что государство с его логикой должно останавливаться на границе, где начинается бессмертная душа с ее неотчуждаемыми правами, должно останавливать также и индивида в его преобразовательном порыве, когда он сталкивается с "абсурдной" с его точки зрения государственной логикой, освященной многовековой историей. Государство также имеет неотчуждаемые права, которые должны просто признаваться, а не дедуцироваться из прав личности. Эту мысль о необходимости согласования прав личности с правами государства Маклаков вывез из своего юношеского путешествия за границу, и эта мысль легла в основу всей его "философии компромисса", о чем справедливо пишет М.М.Карпович²⁷².

Опыт переживания абсолютной ценности бессмертной души обесценивает стремление карабкаться по социальной лестнице. Если либерал-большевик всегда мыслит по логике "что я сделал бы на месте начальства", то либерала заботит мысль "что я должен делать на своем месте". Отстаивать свои права можно успешно, лишь не притязая на права других. Поэтому не война, а сотрудничество с властью есть ориентир для подлинного либерала. Милуков обуславливал возможность сотрудничества с царским правительством выполнением, последним по сути, ультимативных требований со стороны кадетов. Это вело к войне с правительством и к союзу с революционными партиями. Маклаков считал, что со-

трудннчать можно и нужно при любых условиях. Не победа, а взаимопонимание должно стать целью усилий либералов.

“Мир хорош, — писал Маклаков, — не тогда, когда противник ослаблен, а когда устранены причины для споров.

При заключении мира часто оказывается, что воевать не было необходимости, что те же результаты могли быть достигнуты мирным путем, более долгим, но зато более прочным. Война объясняется тогда не необходимостью, а простой психологией, упорством тех, кто не хотел во время сделать уступок или нетерпеливостью тех, кто не хотел их дожидаться”²⁷³.

Да, философия компромисса делает либералов политически менее конкурентоспособными в сравнении с волевыми экстремистскими движениями. На самом деле либералы и не должны с ними конкурировать. Их цель — не перемена мест, а добавление государственным структурам гибкости и способности отвечать справедливым требованиям.

“Дело не в воле кого бы то ни было, — пишет Маклаков, — а в объективной справедливости, которую нужно не объявлять, а отыскивать. А отыскивать ее нужно прежде всего выявлением разногласий и исканием ими самими соглашения между собой. Этому процессу должны содействовать, а не препятствовать и структура и практика государства”²⁷⁴.

Быть последовательным либералом — это, на мой взгляд, сохранить наперекор всем соблазнам строй души, выплавленный в горниле христианской церкви. Но ведь мы знаем, что В.А.Маклаков был нецерковным человеком и даже масоном высшего градуса. Неужели одного телствования хватило для сохранения несокрушимой стойкости на протяжении всей долгой жизни? Думаю, что последние минуты земного поприща Маклакова позволяют ответить на этот вопрос.

“Уже коснеющим языком, держа в руке Евангелие и указывая на него глазами, Василий Алексеевич с трудом проговорил “Вот!” — будто хотел в самые трудные свои минуты сказать, что в книге этой есть все, нужное людям”²⁷⁵.

VIII. ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ

ЧЕМ РУССКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ ПОХОЖ НА ЛИБЕРАЛИЗМ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ И ЧЕМ ОНИ РАЗЛИЧАЮТСЯ?

Русский либерализм — это копия с западноевропейского либерализма или это “либерализм”? Как соотносятся дворянский либерализм с буржуазным? В чем исторический смысл существования русского либерализма? Почему в России оказался невозможным чистый конституционализм? Почему индивидуалистическая либеральная теория настаивает на конституционных гарантиях прав личности? Русские либералы не любили государственные институты или жались к государству? Чего больше боялись русские либералы: консерваторов или радикалов? Что такое русский либеральный консерватизм? Были ли русские либералы идеологами буржуазии или демократами? Русский либерализм и социализм: противоположные или взаимообуславливающие начала? Когда превратился русский либерализм в национал-либерализм? Исторический смысл существования русского либерализма? В чем его сила и слабость?

«Для нас, как и для большинства русских “либералов”, понятие о народе совпадает с понятием о России, работа, предстоящая России, должна быть предпринята не только для народа, но с участием народа. “Tout pour le peuple, rien par le peuple” (Все для народа, ничего посредством народа) — девиз, не имеющий ничего общего с “либерализмом» (Арсеньев К.К. Внутреннее обозрение. (Ответ на вопрос: “есть ли программа у русских либералов...”) // Вестник Европы. 1882. № 3. С. 808).

“Нужно быть слепым или намеренно закрывать себе глаза, чтобы отождествлять либерализм — как это делается еще слишком

часто — с служением имущему классу, с защитой экономических привилегий” (*Арсеньев К.К.* Внутреннее обозрение (...Вопросы о самобытности и либерализме...) // *Вестник Европы.* 1883. Янв. С. 373).

“Вообще либералы отводят второстепенное место материальным интересам народа...” (*Приклонский С.А.* Очерки самоуправления земского, городского и сельского. Спб., 1886. С. 41).

“...Наши представления об европейских либералах будут совершенно неверны, если мы возьмем положение и репутацию этой партии в настоящее время в той или другой стране Европы. В различных государствах либерализм находится не на одинаковой ступени своего развития: в одном месте он сделал уже многое и бодро готовится к дальнейшей работе; в другом — успел зачахнуть, “свершив в пределах земных все земное”; в третьем — переродился в мирное кулачество, злоупотребляя произвольно почтенным историческим знаменем. С какой же стати будем мы принимать за норму либерализм тех стран, где он сохранил только имя свободы и растерял уже главнейшую часть своих заветных идеалов?”

У нас же нет и элементов для создания могущественной интеллигентной буржуазии, способной поставить себя на место целого народа. Для нас нет ни повода, ни надобности смешивать либеральное движение с теми неудачными формами, в которые оно облекается в иных странах”. (*Слонимский Л.* Либералы и либерализм в Западной Европе. Несколько слов по поводу наших недоразумений // *Вестник Европы.* 1883. Янв. С. 428).

“...Если бы русский “либерализм” был только копией с западноевропейского буржуазного доктринерства, его роль по отношению к административной реформе была бы чрезвычайно проста и ясна...” (*Арсеньев К.К.* Внутреннее обозрение (...Вопросы о самобытности и либерализме...) // *Вестник Европы.* 1883. Янв. С. 372).

“Либералы и прогрессисты также не чужды сознания справедливой народной гордости, но материал для этого чувства почерпнется ими вовсе не там, где ищут их близорукие патриоты, — не в самодовольных и фантастических счетах с Европою, а в великих светилах нашей литературы, в нашем Тургеневе и Льве Толстом, в нашем высшем женском образовании, давшем недавно первый пример женской профессуры по кафедре математики в иностранном университете, наконец, в некоторых сохранившихся хороших обычаях нашего крестьянства. Реальные факты всего менее занимают нынешних славянофилов; они предпочитают гордиться

смутными фантазиями своего собственного изобретения” (Вестник Европы. 1884. Февр. С. 804).

“Нужно было устранить недоразумения, возникающие из самого слова “либерализм”, нужно было провести демаркационную линию между старым, окаменевшим либеральным доктринерством западноевропейской буржуазии — доктринерством Гизо и Тьера, Сея, Бастиа и Молишари, — и стремлениями одной из групп, соединяемых, с большим или меньшим правом, под общим именем “русской либеральной партии” (Арсеньев К.К. Нелый обличитель либерализма // Вестник Европы. 1886. Май. С. 358).

“Везде либерализм означал оппозицию против злоупотреблений и произвола, против недостатков и слабостей старого режима, против несправедливого господства привилегированных сословий, против всяких вообще традиционных зол политической жизни... Истинные либералы везде стояли за народ, за его права и интересы, за его жизнь и свободу, — возмущались его угнетением и побуждали власть снисходить к его бедствиям” (Слонимский Л.З. Основные вопросы политики. Спб., 1889. С. 245).

“Конечно, и теперь не перевелись *народники*, которые клянут цивилизацию и не признают значения за политическими формами, как не перевелись и *либералы*, для которых народ является только грубою массой, объектом управления. Но в общем и главном между двумя названными направлениями произошло довольно тесное сближение, потому что русский либерализм всегда отличался ярко демократическим характером” (Гольцев В.А. По поводу статьи “Вестника Европы” “Народники и народ” // Русская мысль. 1891. Кн. 3. С. 84).

“В 1895–1896 гг. у нас увлекались марксизмом такие лица, которые ни по общественному своему положению, ни по умственному и нравственному своему складу не имели ничего общего ни с пролетариатом, ни с его освободительной борьбой. Одно время на марксизм была мода во всех петербургских канцеляриях. Если бы такое положение дел могло продолжаться, то оно доказывало бы, что основатели научного социализма ошибались, утверждая, что образ *мыслей* определяется образом *жизни* и что высшие классы не могут стать носителями социально-революционных идей нашего времени. Но “критика” Маркса, начавшаяся немедленно после того, как закончилась борьба против реакционных стремлений народничества, лишней раз подтвердила, что Маркс и Энгельс были

правы: образ мыслей “критиков” определился их общественным положением; восставая против “фанатизма догмы”, они в действительности восставали только против социально-революционного содержания Марксовой теории. Им нужен был не тот Маркс, который в течение всей своей жизни, полной труда, борьбы и лишений, горел священным огнем ненависти против капиталистической эксплуатации: Маркс — вожак революционного *пролетариата* казался им неприличным и “ненаучным”. Им нужен был *только* тот Маркс, который в “Манифесте Коммунистической партии” объявил, что он готов поддерживать буржуазию, поскольку она является революционной в своей борьбе с абсолютной монархией и мелким мещанством. Их интересовала только *демократическая* половина социально-демократической программы Маркса. Это было как нельзя более естественно; но именно эти совершенно естественные стремления наших “критиков” делали очевидной полную неосновательность всяких расчетов на них, как на социалистов. Их место — в рядах либеральной оппозиции, которой они и дали в лице редактора “Освобождения” г. П. Струве внимательного, старательного и талантливого литературного выразителя” (Плеханов Г.В. Карл Маркс (1903) // Плеханов Г.В. Избр. филос. произведения. Т. II. М., 1956. С. 721–722).

“...Либерализм и социализм никоим образом нельзя отделять друг от друга или даже противопоставлять один другому: по своему основному идеалу они тождественны и неразрывны — социализм не угрожает опасностью либерализму, как этого опасаются многие, он приходит не разрушать, а исполнить заветы либерализма” (Л. К аграрному вопросу // Освобождение. 1903. № 9 (33).

“Социализм и индивидуализм не только не суть противоположные начала, но взаимно обуславливают одно другое” (Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. Спб., 1^ю03. С. 305–306).

“На первый раз остановимся на одной обширной группе этих возможных союзников, на так называемых “либералах”. Нам надо выяснить, что такое либералы? откуда они являются и куда они идут? и чего от них можно ожидать? Ответить на эти вопросы не так-то просто, и особенно потому, что слово “либерал” употребляется в наше время в очень различных смыслах. Но все же постараемся разобраться во всем этом по порядку.

Лет 50–100 тому назад слово “либерализм” имело очень ясный и понятный смысл. Оно означало стремление освободить челове-

ческую личность от всяких политических и гражданских стеснений и ограничений, которые на ней тяготели. В большей части Европы тогда царили порядки, если не совсем такие, то вроде таких, как у нас в России по сие время. Правительства на каждом шагу заботливо опекали граждан, тщательно оберегали их от всякой "вредной мысли" и от всякого "превратного толкования", от всякой "политики" и от всякого "беспорядка"; делалось это, конечно, как и у нас, при помощи самых отеческих мер — плети, тюрьмы, ссылки, пуды, виселицы и т.д.; и в награду за такие попечения, правительства со своими чиновниками и помещики брали с обывателя, как и у нас делается, столько, сколько удавалось взять — иногда шесть шкур, а иногда и семь. Против всего этого и боролись либералы, т.е. "люди свободы": они требовали освобождения граждан от вечной указки и вечного позора; они хотели свободы мысли, свободы слова, свободы веры и неверия, свободы человека во всех действиях, которые не стесняют свободы других людей. За все это боролись либералы против старого порядка, и среди них были все лучшие люди тех времен, и много славных страниц героизма и мученичества дали они истории.

У нас тоже были такие либералы; их было немного, но они мужественно выступали и против крепостного права, и против самодержавия. 14 декабря 1825 года они дали первую решительную битву самодержавию; они были побеждены, но погибли с честью, и память о декабристах не умрет среди тех, кому дорога свобода. Но ни тогда, ни после у нас в России либерализм не расцветал так пышно, как в Западной Европе; там сложилось все его учение" (Богданов А.А. Либералы и социалисты. Женева, 1904. С. 5-6).

"Теперь нам надо говорить специально о русских либералах, которые теперь одни для нас важны, потому что могут оказаться нашими союзниками. И вот, мы не можем сказать о них, как о старых либералах: это люди, признающие такое-то учение и ведущие борьбу за такие-то требования; а выходят они из таких-то классов, к которым они принадлежат, с такими-то интересами. Нет, чтобы сколько-нибудь разобраться в теперешних либералах, надо начинать прямо с тех классов, к которым они принадлежат и с их ближайших интересов...

Одна часть наших либералов принадлежит к различным классам буржуазных собственников: таковы просвещенные помещики-земцы, таковы многие, по-европейски мыслящие, фабриканты, купцы, банкиры, домовладельцы и т.д....

Другое крыло либерализма, более прогрессивное, составляется по преимуществу из так называемой буржуазной интеллигенции...

Теперь... нам уже не так трудно будет выяснить, чего они хотят и куда стремятся, вообще, какова их практическая программа. Основной смысл этой программы ясен сам собой: хотя либералы, в общем, и обладают разными благами жизни, но им не дают как следует пользоваться этими благами и стесняют в стремлении достигнуть еще более значительных: словом, либералы находят, что у них мало свободы, и желают отмены самодержавия; в этом все они сходятся, но по всем дальнейшим у них большое разнообразие взглядов.

Дело в том, что для массы нынешних либералов свобода не есть единственный бог; они смотрят на нее очень практически и применяют ее к своим ближайшим интересам. Таковы особенно умеренные либералы-собственники. Они согласны с остальными либералами в том, что необходима свобода личности, свобода совести, свобода слова, свобода печати; но относительно некоторых, по крайней мере, из этих "свобод" они не прочь сделать ограничения, побольше или поменьше, кто как, смотря по степени либерального настроения: большинство из них сойдется, например, в том, что *полная* свобода слова и печати опасна, так как она на руку революционерам, помогает им увлекать массы и "разнуздывать страсти"; а умеренные либералы, по их собственным словам, "прежде всего не революционеры". Особенно сомнительна для этих либералов свобода союзов и стачек...

Идея полной экономической свободы в наше время уже настолько опровергнута самой жизнью, оказалась настолько неосуществимой и несообразной там, где дело касается договоров рабочих с капиталистами, что даже самые буржуазные либералы, за исключением немногих, не решаются ее отстаивать. Но там, где дело касается законодательства в пользу рабочих, фабричных и земледельческих, там, конечно, нельзя ожидать, чтобы либеральная буржуазия, помещики и капиталисты, могли забывать о своих прямых интересах, о том, что именно против них направлены такие законы; либеральная буржуазия соглашается здесь, конечно, на такие уступки, которые стали совершенно необходимы, благодаря экономическому развитию и возрастающей силе рабочего класса; но нечего и думать, чтобы они согласились дать больше этого, — скорее уж можно ожидать различных урезок и противодействия.

Основной вопрос политической программы для всех партий, это вопрос о государственном устройстве; и вот здесь особенно

сказывается умеренность либералов-собственников. Они стоят за конституционную монархию, но такую, которая была бы для них наиболее выгодна. Они хотят сохранить значительную часть за царем и его чиновниками: по их мнению, "сильная власть" необходима для поддержания "порядка", т.е., в сущности, для энергичного обуздания низших классов. Им не нравится даже мысль о том, чтобы царская власть была подчинена народному парламенту, т.е. такому, представители в который выбираются одинаково и свободно гражданами всех классов и сословий без различия. Им кажется гораздо более подходящим *цензовый* парламент, т.е. такой, который избирается не всеми, а только избранными гражданами; и они предпочитают именно имущественный ценз, т.е. такой, при котором избирательное право принадлежит только владельцам известных размеров собственности или известных размеров дохода...

Такие же точно порядки желательны для либералов-собственников и в местном управлении. Например, наши земства и думы все построены на имущественном цензе, и очень высоком; и что же? когда заходит речь о расширении круга их избирателей, то самые крайние предложения со стороны земских и думских либералов сводятся только к тому, чтобы несколько понизить этот ценз, т.е. допустить к выборам еще некоторых собственников.

Такова одна часть наших либералов. Есть между ними, конечно, много разных оттенков, более умеренных и менее умеренных, более эгонистичных и менее эгонистичных; но в общем у них всех стремления таковы, что народу надежда на них плохая; и уж особенно мало могут рассчитывать на либералов-собственников социалисты-пролетарии.

Что касается до тех либералов, которые принадлежат к верхам интеллигенции, то эти в большинстве настроены гораздо прогрессивнее. Для них не страшна большая свобода слова и печати: скорее они могут считать ее самым благоприятным условием для своей собственной деятельности и для своего собственного развития. И нечего также особенно бояться свободы союзов и стачек, потому что то и другое обыкновенно не может прямо повредить им — ведь не против них же затеваются рабочие союзы и стачки; а польза от свободы союзов и для них большая, так как и им надо объединяться, чтобы приобрести общественную и политическую силу. Экономическая свобода интересует либерала-интеллигента разве только с той стороны, что он, как потребитель разных товаров, не желает, чтобы и ему их повышали большими пошлинами и акцизами, и поэтому стоит обыкновенно за "свободную торговлю"; но в вопросе

о рабочем законодательстве он чаще всего не против законов в пользу рабочих, а нередко даже, наоборот, горячо поддерживает их; сго самого эти законы ничем стеснить не могут, хотя бы даже они дошли до восьмичасового рабочего дня, а поддерживая их, либерал приобретает сочувствие масс.

Наконец, по вопросу о государственном устройстве, либеральный интеллигент, хотя не имеет очень резких определенных мнений, но при случае, когда это для него политически удобно, он способен идти довольно далеко. Всего выгоднее для него была бы конституция, основанная на образовательном цензе, т.е. такая, при которой право выбора представителей в парламент и в местные управления принадлежит только гражданам, имеющим свидетельство об известном уровне образования; он мог бы также примириться с конституцией, в которой избирательное право давалось бы только при известной, не особенно высокой, величине личного дохода, — ведь у него обыкновенно имеется порядочный доход от своей профессии; но и вполне демократическая конституция, основанная на всеобщем и прямом избирательном праве, была бы также для него довольно подходящей, потому что он, как очень развитой и образованный человек, и при таком порядке очень легко попадал бы и в народные представительства и на различные должности.

Таким образом, в этом пункте программа либерала-интеллигента может быть такой или иной, смотря по политическим условиям. Либеральная интеллигенция, взятая в отдельности, почти никогда особенной силы не представляет; сделать что-нибудь для нее возможно только в союзе с другими партиями; и вот, если для нее выгоднее союз с умеренными, ее программа становится более умеренной, если нужно соединиться с более крайними партиями — программа оказывается более прогрессивной. Это нетрудно видеть, например, на истории нашей заграничной либеральной газеты "Освобождение". Вначале она была органом либералов-собственников, с очень умеренной и неопределенной программой; в ней трудно было бы найти сколько-нибудь демократизма, а были, главным образом, мечты о Земском Собрании, составленном из представителей от нынешних цензовых земств и дум, который и должен был сочинить конституцию, — ясное дело, тоже цензовую. Однако около этой газеты сгруппировалось много либеральной интеллигенции, которая преимущественно вела газету. Но затем эта интеллигенция увидела из опыта, что либералы-собственники представляют довольно слабое и нерешительное течение, что опереться на них — мало толку, между тем как революционные партии

обнаруживают и силу, и решительность. Тогда либералы-интеллигенты повернули фронт: выставили в том же "Освобождении" гораздо более демократическую программу, с требованием всеобщего избирательного права, отвернулись от либералов-собственников и стали искать союза с демократией, причем начали гораздо резче нападать на существующие порядки. Но теперешней их программе их можно было бы, на первый взгляд, принять за настоящих демократов; но это было бы ошибкой...

...Демократами являются защитники интересов именно низших классов, которые могут приобрести политическую силу только при всеобщем политическом равенстве, для которых это всеобщее равенство служит необходимым условием настоящей политической жизни.

Теперь вопрос, такова ли та буржуазная интеллигенция, которая у нас, например, принимает довольно демократическую программу? Так ли она думает, чувствует и действует? Конечно, нет. Для нее требование демократической конституции, всеобщего избирательного права есть только один из пунктов программы, такой же, как всякие другие, — отнюдь не основной, не господствующий над всеми другими. Этот пункт она сначала, по соображениям политики, не вводит в программу, а потом, по новым соображениям, вводит в программу; то и другое для нее, в сущности, — вопрос обстоятельств. И это вполне понятно; для буржуазной интеллигенции народное правление вовсе не есть необходимое жизненное условие, она и без него может достигнуть желательной политической силы и общественного влияния, лишь бы ей самой удалось получить достаточно политических прав и свободы развития.

Если либеральная группа "приняла" в свою программу требование всеобщего избирательного права, то это вовсе не значит, что в ее образе мыслей произошла целая революция, это не значит, что новый пункт выступит на первый план, что группа будет признавать его необходимой опорой для всех остальных пунктов, требованием, не допускающим никакой урезки; и не следует ожидать, что она употребит особенные усилия на пропаганду этого требования среди либералов, на борьбу с распространенными в их среде мнениями о пользе ценза. Группа, которая выполняла бы все это, была бы демократической, а не либеральной; и, конечно, вы не найдете всего этого, например, в той же газете "Освобождение". Достаточно, если либеральный орган будет, при случае, упоминать об этом "пункте" наряду с другими, да при случае, может быть, посвятит ему статью-другую. Так и должно быть, потому что для

либерала идея народного правления — не столько вошедшее в плоть и кровь дело совести, сколько дело “политики”.

Остается еще одна важная черта, общая для различных либералов. Это более или менее враждебное отношение к социализму... Как прежде, так и теперь, либералы остаются *буржуазной партией*, — в этом их различные программы безусловно сходятся.

Что касается до способов политической борьбы, то общую черту современного либерализма представляет усиленное стремление к *легальности*...

Для либеральных партий Запада, и не только умеренных, но и более прогрессивных, самый обычный ход развития был таков: сначала они довольно решительно выступают за дело прогресса против консервативных и реакционных партий; затем им удается приобрести для себя некоторую свободу и политическое влияние, и тогда они начинают очень заботиться о сохранении всего этого; и чем больше приобретают, тем больше заботятся; они не прочь приобретать еще и еще, но только уже непременно так, чтобы без риска. Сообразно с этим возрастает страх перед “разрушительными стремлениями” партий революционных, и этот страх все более сближает либералов с консерваторами и реакционерами, и все больше употребляется усилий для борьбы против “врага слева” — социалистов; но весь этот путь проходит зигзагами, с массой колебаний то в ту, то в другую сторону, с различными расширениями и сужениями программы в угоду тем партиям, на которые либералы хотят в данный момент “опереться”.

Нет никаких особых оснований думать, чтобы ход развития и политика русских либералов должны были оказаться много лучше, чем у либералов Запада. Скорее напротив: по политическим и социальным условиям из стран Европы к России ближе других подходит Австрия: и ее либеральные партии едва ли не хуже всех других. И можно не сомневаться, что у нас, как и в других странах, либералы окажутся, по преимуществу, *политической партией*, с очень неустойчивой, очень изменчивой программой: чуть меняются политические и общественные условия, меняются и либеральные программы...

Уже из всего предыдущего видно, что для пролетарской партии прямое *слияние* с либералами немыслимо: это значило бы соединиться в один лагерь со своими прирожденными врагами и подвергнуть пролетариат всем ужасам того “предательства буржуазии”, которое столько раз испытал на себе рабочий класс Запада и которое, собственно, даже не есть предательство, а только полити-

ка классовых интересов буржуазии. Но это отнюдь не значит, что рабочей партии вообще не следует иметь никакого дела с либералами. Нет, *временный союз* вполне возможен, поскольку есть общие интересы, и в *пределах* этих интересов.

Однако есть два условия, без которых он все-таки недопустим. Во-первых, это должен быть формальный союз партии с партией, основанный на строгом точном договоре. Пока нет либеральной партии, а есть только *течение*, союз заключать не с кем...

Другое условие таково: либералы должны формально принять в свою программу требование демократической конституции, основанной на всеобщем избирательном праве, прямом, тайном и равном для всех. Партия, которая не пожелает принять этого основного демократического требования, тем самым прямо заявит себя *врагом* пролетариата, как партия, не желающая допускать его к политической жизни. Это — необходимый пункт, потому что без него даже ничтожная степень свободы не обеспечивается для рабочего класса. И очень вероятно, что либеральная партия согласится принять это условие, чувствуя себя слишком слабой без союза с демократами и социалистами.

Таковы те основы, на которых может быть создан союз между либералами и социальной демократией" (Богданов А.А. Либералы и социалисты. Женева, 1904. С. 9-29).

«Свобода личности и равноценность, следовательно, и равноправие отдельных личностей — таковы морально-политические постулаты демократического движения. Но на этом нельзя остановиться: демократия должна быть осуществлена не только в сфере политической (в узком смысле слова), но и в области хозяйственных и социальных отношений. Человек должен быть свободен, и он не может быть средством, орудием в руках другого человека; отсюда вытекает моральная недопустимость хозяйственной эксплуатации и социальных привилегий. Истинная свобода как и истинное равноправие осуществимы лишь в обществе, в котором народ сам так же управляет своей хозяйственной судьбой, как и судьбой политической. Лозунги освобождения личности и демократизации общества, примененные к экономической жизни, логически приводят к идее социализма или, скорее, *ее образуют*. Мирозерцание социализма шире и глубже тех экономических или политических формул, с которыми оно обыкновенно отождествляется и приверженцами и противниками его. "Диктатура пролетариата", экспроприация капиталистов, даже отмена частной собственности и обобществление орудий производства не исчерпывают собой основ-

ной идее социализма и даже совсем не затрагивают ее. Все это — лишь частичные, частью односторонние, частью прямо неверные технические приемы осуществления социализма. Даже социализм, понимаемый как коллективное хозяйствование народа или вообще как известная, заранее определенная организация производства, обмена и распределения, не может иметь *принципиального* морально-политического значения; он сводится к вопросу о целесообразности той или иной организации хозяйства, — вопросу, который может быть решен лишь на основании указаний опыта и свободного научного исследования. *Принципиально* в социализме перенесение идеи свободы и равноправия личности на экономическую и социальную область; принципиально в нем только требования отмены хозяйственной эксплуатации и социальных привилегий. Нам известны теперь лишь некоторые из путей, ведущих к этой цели, и мы не можем отождествлять эти немногие пути с самой сущностью социалистического идеала. Социализм есть великая *проблема* наших дней, но для решения ее нужны не только практические, но и *идейные* усилия нашего поколения, как и поколений грядущих. В философском или морально-политическом отношении социализм, будучи прямым выводом из либерально-демократических идей свободы и равенства, прибавляет к ним лишь одну принципиально новую идею — идею *солидарности* или *братства*. Ответственность общества за судьбу и благосостояние его членов, право личности, как члена солидарного целого, требовать от общества обеспечения себе условий свободной, разумной и достойной жизни — вот великий новый моральный принцип, внесенный социалистическим учением. Эта идея уже завладела умами всех, стала уже аксиомой современного общественно-морального сознания. Все социальное законодательство, как бы ни совершенно оно пока еще не было, в принципе исходит из нее и открыто признает ее обязательность. Старое манчестерство, принцип “каждый за себя” ныне уже окончательно истреблены и изгнаны из умов людей; принцип “все за каждого” укреплен навсегда в социальной совести человечества. Социальная справедливость и социальная солидарность — таковы незыблемые основы социалистического мировоззрения. Из этих идей в одинаковой мере вытекают и все текущие законодательные меры в области социального вопроса, — и те великие предположения и планы, которые задаются целью довести дело солидарности и справедливости до последнего его конца.

Старая, великая, осмеянная, но неумиряющая формула — *свобода, равенство, братство* — вновь невольно встает перед нами не

как банальная громкая фраза, а как глубоко серьезное и многозначительное обобщение основных моральных мотивов, руководящих политическим и социальным прогрессом и заключающих в себе неисчерпаемый запас идей для общественного строительства будущего” (Франк С.Л. Политика и идеи (О программе “Полярной Звезды”) [1905] // Франк С.Л. Соч. М., 1990. С. 71–72).

“Есть в глубинных основах русской жизни многое, что крайне затрудняет сохранение последовательного и чистого конституционализма. Относительно этих переживаний оказывается верной та оценка, которая некогда была применена к французскому обществу в эпоху революции: для него на первом плане стояло равенство, а не свобода. У нас также всего глубже таился в общественной совести протест против угнетения одних другими, против сословного и классового неравенства — и традиции демократии оказались гораздо живучее, чем тусклые настроения либерализма. Либерализм аристократический в духе вигов и Бенжамена Констана не имел никакой под собой почвы в России; напротив того, в оценке политики власти обращали гораздо больше внимания на ее цели, — насколько она обслуживает материальные и культурные интересы, чем на методы, которые она применяла”; “Тактический лозунг должен и быть прежде всего: защита конституционализма — невозможны комбинации с мнимыми конституционалистами, со всеми группами, для которых конституция остается куском белой бумаги, которая никого ни к чему не обязывает. И на выборной кампании должны быть выставлены программные пункты, при которых Россия только и может перейти к действительному конституционализму”; “...Конституционализм в России может иметь под собой почву лишь тогда, как будет действительно демократическим”; “...Программы, допускающие насильственную диктатуру одного класса над другими, должны быть решительно отвергнуты прежде всего во имя того же будущего конституционного строя, который одинаково далеко от насилия сверху и насилия снизу” (Котляревский С. Защита конституционализма // Московский еженедельник. 1906. № 25. С. 9, 11, 12).

“Истинный патриотизм есть полная противоположность национализма; между первым и последним — такая же пропасть, как между христианством и язычеством” (Трубецкой Е. Патриотизм и союз 17-го октября // Московский еженедельник. 1906. № 38. С. 13).

“Либерализм в чистом, идеальном виде заключает в себе правду несомненную, но еще формальную, лишённую реального содержания и реальных опор, и потому в своём стремлении утвердить абсолютный формализм, законничество, ведёт к лжи, в которой тухнет искра Божьей правды права.

Царство формального права, царство закона, как высшего в мире, не только висит в воздухе, разъединённые с живыми недрами земли, но и в “отвлечённом” своём виде превращается в что-то злос, бесчеловечное и безбожное. Право, имеющее источник сверхчеловеческий, на пути отвлечённого, формального “законничества” роковым образом подчиняется государству, имеющему источник человеческий, изменчивую волю людскую, и шумная суэта человеческих интересов заглушает высший голос, возвестивший свободу человека. Формальная правда права (объективной идеи) лишь в соединении с реальной правдой любви может противостоять неограниченной власти государства, неограниченной человеческой воле, возомнившей себя суверенной” (Бердяев Н. О народной воле // Московский еженедельник. 1906. № 20. С. 35).

«Критическое положение нашего либерализма и его слабость обуславливаются не только обстоятельствами настоящего времени, но также и его внутренними, органическими недостатками. Он всегда страдал отсутствием независимости. Зависимость слева — первородный грех партии “народной свободы”, зависимость справа — первородный грех “союза 17-го октября»; “...Либерализм наш в большинстве случаев — либерализм дряблый, малодушный, стыдящийся самого себя и нередко руководимый страхом. Страх прослыть буржуазным, страх заслужить свистки и стать непопулярным делает многих из нас фальшивыми, робкими и заставляет нас носить маску поддельного радикализма. А с другой стороны, страх перед революцией, буржуазный, обывательский страх нередко стирает грань между правым крылом освободительного движения и врагами свободы. Русский либерализм вечно подделывается под чужой лад, а потому нередко носит на себе тот отпечаток фальши, который отталкивает честные природы” (Трубецкой Е. Задачи ближайшего будущего // Московский еженедельник. 1906. № 19. С. 4,5).

“Истинный демократизм не имеет ничего общего с демократическими утопиями. Он мирится со всеми теми отступлениями от поголовного равенства, которые вызываются требованиями обще-

ственной пользы" (*Трубецкой Е.Н. К аграрному вопросу // Московский еженедельник. 1906. № 16. С. 9*).

"Абсолютная доктрина либерализма превращается в философию привилегированных, правящих классов, личность забыта, на ее месте мы видим собственника или наследника громкого имени. Та игра социально-экономических интересов, в которой сильный всегда побеждает слабого, признается единственным законом общественного состояния. И слабый, якобы в ограждение его же собственных интересов, был объявлен вне защиты.

В блестящем очерке, посвященном Констану, один из выдающихся современных историков литературы, Фаге, дает, по нашему мнению, удивительно верную характеристику его мирозерцания: "Констан создал либерализм изумительной чистоты, но чудовищно холодный и сухой. Его либерализм есть бесконечная жажда личной автономии, ревнивое желание оградить себя елико возможно от всего остального существующего".

Таков Констан в изображении Фаге, таксбыл, вероятно, он был и в действительности.

Мы не коснемся других либералов: учение Констана может быть названо последним словом либеральной доктрины. Вся позднейшая ее эволюция не дала ничего оригинального, кроме бесчисленных предательств на практике, совершенных в разное время либеральными партиями и правительствами.

Либеральная доктрина, такая, как мы ее видели, должна быть осуждена! Она не есть защита свободы, она есть отрицание свободы! Провозглашая свободу одним, она мирится с рабством других! Как абсолютно безнравственный принцип она сама в себе несет свое осуждение!" (*Боровой А. Общественные идеалы современного человечества. Либерализм. Социализм. Анархизм. М., 1906. С. 22-23*).

"...Русская интеллигенция в ее целом не понимала и до сих пор не понимает значения и смысла промышленного капитализма" (*Струве П. Народное хозяйство и интеллигенция // Слово. 1908. 16 (29) нояб.*).

"Скажут: Струве хочет обуржуазить Россию, привить русской интеллигенции буржуазные добродетели. Но России необходимо обуржуазить, если под этим понимать призыв к социальному творчеству, переход к высшим формам народного хозяйства и отрицание домогательств равенства, совершенно не считающихся со сте-

пению богатства нации. Ведь капитализм сам по себе есть категория производственная, и экономическая необходимость перехода к капиталистическому хозяйству не означает для страны буржуазного духа и буржуазной формы эксплуатации. Буржуазность или небуржуазность духа не может зависеть от материальных причин и от форм хозяйства" (*Бердяев Н.* К вопросу об интеллигенции и нации // Слово. 1908. 30 нояб. (12 дек.).

"Русская интеллигенция не может оставаться при своем традиционном отрицании творческих сторон капитала" (*Котляровский С.А.* Русская промышленность и политическое возрождение // Московский еженедельник. 1908. № 48. С. 7).

"Единственный выход из переживаемого нами кризиса — организация тех средних творческих слоев населения России, которые стоят во главе хозяйственной жизни страны и свое право на преобладающее положение почерпают не из сословных привилегий, а в своей роли организаторов народного труда и производства, увеличивающих богатство и культуру народа. Эти средние слои до сих пор были отгеснены у нас от решения общественно-политических задач и заслонились интеллигенцией, вдохновлявшейся социалистическими утопиями. О судьбе этих утопий сама жизнь сказала свое слово. И у нас в России, как и во всем мире, социализм получит реальные формы лишь как социал-демократическая тенденция пролетариата, далеко не способного у нас руководить целым обществом. Утопический социализм интеллигенции должен исчезнуть, и чем скорее интеллигенция с ним расстанется, тем лучше для страны. Интеллигенция должна найти в себе силы и честность для того, чтобы признать себя тем, чем она является на самом деле, т.е. одним из средних классов" (*Изгоев А.С.* Три года // Русская мысль. 1908. Кн. 12. С. 157-158).

"...Русская буржуазия слишком молода. В ней еще не успело сложиться ядро буржуазной аристократии, зато в ее жилах сохранилось еще много мужицкой крови: она не похожа на английскую титулованную клубократию; ее мирозерцание вышло из мирозерцания народного, одним словом, русскую буржуазию можно назвать самой демократической в мире" (*Массальский В.И.* Возможные задачи нашей буржуазии // Слово. 1908. 15 (28) нояб.).

"Когда я жил за границей, я присматривался и к тамошней "буржуазии", к "средним слоям" (к которым относятся и образованные рабочие), и к духовной буржуазии. У нас эти вещи часто

смешивают, но их нужно различать. Западноевропейская буржуазия своими знаниями, энергией, честностью, трудоспособностью во многом и много раз превосходит русскую, даже социалистическую, интеллигенцию, невежественную, нетрудоспособную, живущую сменой порывов и маразмов. Нарождение энергичной, знающей, честной буржуазии в России желательны” (*Изгоев А.С. О буржуазии и буржуазной душе // Русская мысль. 1908. Кн. 12. С. 177*).

“Начавшись с общинного землевладения, спор Чернышевского с нашими либеральными экономистами скоро принял более широкий характер и перешел к общим вопросам экономической политики. Либеральные экономисты отстаивали принцип государственного невмешательства: Чернышевский оспаривал его. И вышло так, что спор о невмешательстве государства в экономическую жизнь народа послужил поводом для нового торжества нашего автора. Его статья “Экономическая деятельность и законодательство” может считаться одним из наиболее блестящих опровержений теории *laissez faire, laissez passer* не только в русской, но и во всемирной экономической литературе... Замечательно, что принцип государственного невмешательства, имевший у нас таких горячих сторонников в конце пятидесятых и в начале шестидесятых годов, вскоре был почти совсем оставлен русскими экономистами. Это в значительной степени объясняется как общим состоянием нашей промышленности и торговли, так и последующим влиянием на наших теоретиков немецкой катедерсоциалистической школы. Но, несомненно, много значит в этом случае и то, что названный принцип уже при самом начале его распространения в русской литературе встретил такого могучего противника, как Н.Г.Чернышевский. Раз получивши хороший урок, русские манчестерцы почли благоразумным смолкнуть, ступешаваться и сойти со сцены” (*Плеханов Г.В. Чернышевский. Введение (1909) // Плеханов Г.В. Избр. филос. произведения. Т. IV. М., 1958. С. 211–212*).

“...И национализм, и социализм были принципиально враждебны либерализму как направлению космополитическому и не демократическому” (*Милюков П.Н. Интеллигенция и историческая традиция (1910) // Вопр. философии. 1991. № 1. С. 132*).

“С реалистической точки зрения речь может идти только о частичном осуществлении задач социализма, а не о всецелом разрешении проблемы социализма” (*Струве П.Б. Patriotika. Спб., 1910. С. 549–550*).

(Стасюлевич) “питал одинаковую вражду как к социалистам-реформаторам и революционерам-разрушителям устарелых форм, так и к реакционерам, готовым остановить ход развития и дальнейшего совершенствования, к ретроgrадам, идущим назад и удерживающим на месте все то из прошлого, что логически и фатально должно отпасть само собой” (*Геккер Н. М. М. Стасюлевич и старый русский либерализм // Современник. 1911. № 4. С. 238.*)

“Великому народу, создавшему могущественное государство, не только нравственно принадлежит, но и интересам его здоровья отвечает лишь открытый, мужественный, завоевательный национализм и осуществляющий свободно состязание национальностей. Не ради гуманности, не из соображений справедливости русский народ должен держаться такой политики, а из чувства национального самосохранения и самоутверждения, из здорового национального эгоизма” (*Струве П. Б. Официальный национализм и его проявления // Русская мысль. 1910. Кн. VI. Отд. XV. С. 177*)

“Русской национальности естественно должна принадлежать гегемония в России” (*Струве П. Б. Политические оценки и перспективы // Русская мысль. 1913. Кн. XI. Отд. XIX. С. 4.*)

Россия “остаётся и останется русским государством при всей своей многоплеменности даже при проведении самого широкого национального равноправия” (*Булгаков С. Н. Два града. Исследование о природе общественных идеалов. Т. 1. М., 1971. С. 294.*)

“Катков — Суворин — “веховцы”, это все исторические этапы поворота русской либеральной буржуазии от демократии к защите реакции, к шовинизму и антисемитизму” (*Ленин В. И. Карьера (1912) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 44.*)

“Либералы отличаются от консерваторов (черносотенцев) тем, что представляют интересы буржуазии, которой необходим прогресс и сколько-нибудь упорядоченный правовой строй, соблюдение законности, конституции, обеспечение некоторой политической свободы.

Но эта прогрессивная буржуазия ещё более боится демократии и движения масс, чем реакция. Отсюда вечные стремления либералов к уступкам старому, к соглашениям с ним, к защите многих коренных устоев старины. А все это ведёт к полному бессилию либерализма, к его робости, половинчатости, вечным колебаниям” (*Ле-*

“Русский либерализм, чрезвычайно бедный традициями и еще более бедный верою в свои силы, питал всегда жадность к культуре героев бюрократического либерализма: Лорис-Меликов, Святополк-Мирский, Витте или Кони” (Троцкий Л.Д. Н.И.Пирогов // Троцкий Л.Д. Соч. Т. 8. М., 1926. С. 226).

“Не принадлежа ни к одному из крайних направлений, служа представителем “центра”, “Вестник Европы” мог считаться, среди ежемесячных журналов, типичным органом русских “либералов”; но русский либерализм всегда имел мало общего с либерализмом западноевропейским, буржуазным, от которого с течением времени отделялся все больше и больше... Особенно заметным это расхождение стало в восьмидесятых годах, когда быстро усложнявшаяся жизнь обострила одни экономические вопросы, вновь выдвинула на очередь другие” (Арсеньев К. Пятидесятилетие “Вестника Европы” // Вестник Европы. 1915. № 12. С. VIII).

“Борьба всегда велась “Вестником Европы” по направлению вправо; расходясь с левыми в выборе средств действия, он был во многом близок к ним по целям и не считал возможным вступать в полемiku с теми, кто обречен на вынужденное молчание” (Там же).

“С 1888-го года до самой смерти (1900) значительную часть своего труда отдавал “Вестнику Европы” Владимир Сергеевич Соловьев. Порвав связь со своими случайными союзниками, все больше и больше углублявшимися в дебри обскурантизма, Вл.С. вызвал их на бой в первой же статье, помещенной им на страницах нашего журнала (“Россия и Европа”). Еще большее впечатление произвела серия его статей: “Очерки из истории русского сознания”. В предостережении, данном “Вестнику Европы” в декабре 1889-го года, этим статьям было вменено в вину, что они “раздражительною критикою, направленною против русской церкви и государства в историческом их развитии, внушают ложные о них представления и колеблют уважение к основам их и вообще к принципу русской национальности”. Эта официальная оценка не остановила Соловьева; его статья “Идолы и идеалы” нанесла еще более сильные удары “зоологическому патриотизму, освобождающему нацию от служения высшему идеалу и делающему из самой нации предмет идолослужения”. Корни, пущенные этим “зоологическим патриотизмом” на русской почве, так глубоки, что их не могла вырвать даже мощная рука Соловьева; но

для борьбы с фанатиками нетерпимости и человеконенавистничества, прикрывающимися знаменем национализма, борьбы, особенно необходимой в наше время, — статьи Соловьева представляют до сих пор богатейший арсенал, ничем незаменимый” (Там же. С. XII–XIII).

“Панславизм, при посредстве которого царская дипломатия не раз уже совершала свои грандиозные политические надувательства, стал официальной идеологией кадетов. Русский либерализм выродился в *национал-либерализм*. Он состязается в “патриотизме” с черной сотней, всегда с схотой вотирует за милитаризм, маринизм и т.п.” (Ленин В.И. Социализм и война (1915) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 330).

“Также противные христианскому сознанию и другие два полюса — общественность буржуазно-капиталистическая и общественность социалистическая... Почва социалистическая и почва буржуазно-капиталистическая — одна и та же почва. Социализм плоть от плоти и кровь от крови буржуазности. Идеалы социализма — буржуазные идеалы. Социализм целиком принимает все буржуазные ценности благ этого мира и хочет только дальше развить и по-новому распределить, сделав достоянием всего мира. Социализм не сомневается в ценности мирского богатства и хорошей довольной жизни в этом мире. Он только хочет богатства и довольства жизни для всех, хочет всеобщей “буржуазности”. Социализму свойственно не столько презрение к буржуазности, сколько зависть к ней. Социализм хочет окончательной буржуазности как царства мира сего. Социализму чуждо аскетическое преодоление буржуазности этого мира во имя мира иного. В социализме чувствуется безмерная тяжесть буржуазности мира сего, нет свободы от “мира”, нет окрыленности. Социализм лишь заканчивает буржуазное усвоение мира. В социализме нет творчества нового общения, нет нового, преображенного отношения человека к природе и человека к человеку — все то же старое буржуазное отношение. Социализм так же ветхозаветен, так же подзаконен, так же отяжелен неискупленным грехом, как и все старые общества. Последние слова марксистского социализма совпадают с первыми словами ветхой книги Бытия. Социализм весь в дотворческой мировой эпохе и потому обращен назад, а не вперед. Совсем так же, как и анархизм. Социализм — выражение рабства человека у природной необходимости, а не власти человека над природой. Но есть великая правда социализма перед лицом буржуазно-ка-

питагалистической общественности. Мир буржуазный должен будет уступить место миру социалистическому по необходимости и по справедливости. Социализм есть необходимое и справедливое развитие буржуазности, буржуазного мироустройства. Все буржуазные аргументы против социализма — лицемерны и порочны. Социализм есть последняя правда и последняя справедливость буржуазности. Ветхозаветные элементы общественности, не знающие творчества, должны докатиться до социалистической буржуазности. Относительная правда социализма несомненна. Но несомненна и абсолютная неправда социализма. Социализму так же чужда жертвенность, как и общественности буржуазно-капиталистической. А путь ко всякому творчеству лежит через жертвенность. Счеты социализма с разлагающимся буржуазным обществом, как и счеты анархизма с разлагающейся государственностью, свои старые счеты, счеты своих, пребывающих в том же мире, враждующих в той же плоскости, без творческого выхода в мир иной. Социализм буржуазен потому, что целиком принадлежит к природному царству необходимости, а не к сверхприродному царству свободы. Поэтому же социализм лишен духа творческого" (*Бердяев Н.А. Смысл творчества (1916) // Философия свободы. Смысл творчества. М., 1990. С. 481–487*).

"Социализм есть стремление осуществить в действительной жизни все те права, которые ныне признаются неотъемлемым достоянием человека. Из области юридической функции эти права должны перейти в реальную жизнь" (*Туган-Барановский М.И. Социализм как положительное учение. Пг., 1918. С. 16*).

"Перед русской общественной мыслью с первых времен ее зарождения стали: 1) проблема освобождения лица и 2) упорядочения государственного властвования, введения его в рамки правомерности и соответствия с потребностями и желаниями населения.

Вот почему с тех пор, что возникла русская общественно-политическая мысль, она движется вокруг этих проблем и движется, так сказать, по двум параллельным осям: по оси либерализма и по оси консерватизма. Для индивидуальных сознаний эти оси по большей части никогда не сближаются и не сходятся. Наоборот, по большей части они далеко расходятся.

Но были в русском духовном развитии яркие и сильнейшие представители сближения и даже слияния осей либерализма и консерватизма. Суть либерализма, как идейного мотива, заключается в утверждении свободы лица. Суть консерватизма как идейного

мотива, состоит в сознательном утверждении исторически данного порядка вещей, как драгоценного наследия и предания. И либерализм, и консерватизм суть не только идеи, но и настроения, точнее — сочетание сознательной идеи с органическим, глубинным настроением.

Особое место Б.Н.Чичерина в истории русской культуры и общественности определяется тем, что он представлял в ней самое законченное, самое яркое выражение гармонического сочетания в одном лице идейных мотивов либерализма и консерватизма. Это сочетание не было и до Чичерина новостью в духовно-общественной истории России. На свой особый лад это идейное сочетание выступает перед нами в великой законодательнице XVIII века Екатерине II. Свообразное воплощение оно же нашло в величайшей фигуре знаменитого деятеля четырех царствований, адмирала Н.С.Мордвинова (1754—1845), и его же мы встречаем у двух величайших деятелей нашей культуры и общественности, у зрелого Карамзина (1766—1826) и созревшего Пушкина, и у того даровитого и блестящего писателя, который, будучи младшим другом-свойственником Карамзина и старшим другом-соратником Пушкина, пережил первого на 52, а второго — на 41 год, — у князя П.А.Вяземского (1792—1878). Вяземский едва ли не первый для России вычеканил формулу “либеральный консерватизм” и притом именно в применении не к кому иному, как к самому Пушкину.

Но если Екатерина II должна была по своему положению самодержавной монархини быть преданной консерватизму и в последнюю эпоху своего царствования вела даже реакционную политику, если Н.С.Мордвинов, будучи в области политической либералом, в области социальной всегда оставался консерватором, и, скажем прямо, “крепостником”, если и Карамзин, и Пушкин и, позже их обоих, кн. Вяземский утверждались в своем консерватизме по мере и в меру того, что они духовно созревали, то Чичерин, рано созревший, духовный строй которого почти сразу отлился в какую-то твердую и крепкую форму, был всегда “либеральным консерватором” или “консервативным либералом”. В общественно-политических взглядах Чичерина, конечно, наблюдается известное развитие. Выражаясь принятыми условными терминами политики, мы можем, пожалуй, сказать, что Чичерин с начала царствования Александра II по XX век “левел”, но только потому, что будучи добросовестным наблюдателем и отзывчивым участником исторического процесса, он воспринимал и осознавал этот процесс, как процесс глубоких, коренных изменений. (...)

Идеи порядка и свободы имели для Чичерина одинаковое обаяние. Вообще историческую позицию Чичерина можно изобразить так: поскольку он верил в реформаторскую роль исторической власти, т.е. в эпоху великих реформ, в 50-х и 60-х годах Чичерин выступал как либеральный консерватор, решительно борясь с крайностями либерализма и радикализмом общественного мнения. Поскольку же власть стала упорствовать в реакции, Чичерин выступал как консервативный либерал против реакционной власти, в интересах государства отстаивая либеральные начала, защищая уже осуществленные либеральные реформы и требуя в царствование Александра III и, особенно энергично и последовательно, в царствование Николая II, коренного преобразования нашего государственного строя.

Таким образом, Чичерин в своем духовно-общественном делании никогда не переставал неразрывно сочетать консерватизм и либерализм, являя в этом отношении самую законченную и яркую фигуру в истории духовного и политического развития России. (...)” (Струве П.Б. Б.Н.Чичерин и его место в истории русской образованности и общественности (1929) // Полис. 1994. № 3. С. 133).

“Хотя суть либерализма в России была совершенно тождественна с сутью западного либерализма и он и в России должен был преодолеть абсолютистское и бюрократическое полицейское государство и прийти ему на смену, все же необходимо ясно отдавать себе отчет в том, что у русского либерализма не было... этих важнейших исторических корней” (Леонтович В.В. История либерализма в России. Париж, 1980 (первое немецкое издание 1957). С. 3).

“Либерализм — система индивидуалистическая, дающая человеческой личности и ее правам превосходство над всем остальным”; “Однако либеральный индивидуализм не абсолютен, а относителен. Либерализм отнюдь не считает, что человек всегда добродетелен и воля его всегда направлена на благие цели. Наоборот, либерализм хорошо знает, что человек, будучи наделен более или менее самостоятельным сознанием и относительно свободной волей, может стремиться ко злу так же, как и к добру. Поэтому в отличие от анархизма (известные извращения которого и можно считать проявлением абсолютного индивидуализма) либерализм требует создания объективного правового государственного порядка, противостоящего воле отдельных людей и связывающего ее. Поэтому он одобряет учреждения или общественные формы, в ко-

торых отдельный человек подчиняется определенному порядку и дисциплине”; Либерализм — это “индивидуалистическая система, потому что отдельный человек, личность стоит на первом месте, а ценность общественных групп или учреждений измеряется исключительно тем, в какой мере они защищают права и интересы отдельного человека, способствуют осуществлению целей отдельных субъектов. Таким образом, основное задание государства и всех прочих общественных объединений — защита и обеспечение этих прав”; “...Самое важное в конституции — это спасение свободы от подавления концентрированной государственной властью, централизованным бюрократическим административным аппаратом государства — иными словами, прежде всего государственно-правовая и гражданская защита гражданского строя, индивидуалистических принципов, на которых этот строй покоится, и индивидуалистических основных прав, которые этот строй воплощает” (Там же. С. 3, 4, 10–11); “Метод либерализма — это устранение помех личной свободе. Такое устранение не может, однако, принять форму насильственного переворота или разрушения” (Там же. С. 20); “Согласно либеральному мировоззрению исторические долиберальные государственные формы нельзя разрушать революционным переворотом, а надо их преобразовывать. Либерализм знает, что насильственная революционная акция чаще всего разрушает как раз наиболее ценные элементы старого строя, не затрагивая при этом первобытной сущности любой государственной власти, — т.е. силы в чистом виде, а тем самым создаются предпосылки для того, чтобы государственная власть в дальнейшем проявляла себя еще гораздо более грубо, не будучи уже ограничиваема и сдерживаема вообще ничем после отпадения даже древних традиций” (Там же. С. 21–22); “Нет сомнения в том, что либерализм — идеология не сугубо национальная, в том смысле, что она не ограничена какой-нибудь одной нацией. Но в каждой стране либерализму выпадает на долю особое задание. В России этим главным заданием было превзойти старомосковский принцип верховной собственности государства на землю. Либерализм в России потерпел поражение именно потому, что не удалось вовремя это осуществить” (Там же. С. 302).

“Весь либерализм в России, начиная со второй половины XVIII в., был дворянским. Только в эпоху кризиса крепостничества развивается специфический буржуазный либерализм”; “В экономической области общим для обоих видов либерализма является признание необходимости замены старых феодальных экономических

отношений буржуазными отношениями” (Цаголов Н.А. Кризис крепостничества. Основные направления мысли // История русской экономической мысли. Т. 1. Ч. 2. М., 1958. С. 222).

“Крупная буржуазия была политически инертна и долгое время стояла в стороне от либерального движения” (Балашова Н.А. Российский либерализм начала XX в. М., 1971. С. 5).

“Исторический смысл существования русского либерализма состоял в отстаивании пути приспособления нового к старому и соответственно сам либерализм имел право на существование лишь до тех пор, пока эта альтернатива еще существовала. Вторая русская революция была равнодействующей двух противоборствующих тенденций капиталистического развития России. Именно потому, что либералы не могли решить “вопросы, историей поставленные в начале XX века перед Россией”, они оказались в исключительный по конъюнктуре исторический момент помимо своей воли соучастниками демократического решения судеб России.

Еще раз был подтвержден опыт предшествующих революций: “власть лишь тогда переходит к либералу (или левес), когда побеждает демократия *вопреки* либералам”.

Либералы горько об этом пожалели. Военный и морской министр Временного правительства Гучков на торжественном заседании ЦВПК 8 марта 1917 года говорил своим единомышленникам, что они переживают трагические дни. Победа Февральской революции воспринималась Гучковым как трагедия вследствие верного инстинкта и самосознания самого класса” (Слонимский А.Г. Катастрофа русского либерализма. Прогрессивный блок накануне и во время февральской революции 1917 года. Душанбе, 1975. С. 282).

“...Русский либерализм не достиг своих конечных целей. Конституционный эксперимент... продолжался слишком короткое время...

В этом смысле можно говорить, что русский либерализм потерпел поражение. Но вопрос о конечном успехе идеи или движения не нужно смешивать с вопросом об их действительном историческом значении” (Pipes R. Struve: Liberal on the left, 1870–1905. Cambridge, 1970. P. 284).

“Если речь заходит о либерализме как социальном явлении, — то ли европейском, то ли русском, — чаще всего имеются в виду буржуазные либералы. Тем не менее известны случаи — особенно в России, где дворянству принадлежит не последняя роль в истории

ее общественного развития, — когда либерализм в значительной мере был свойственен и дворянскому классу, поскольку буржуазные по своему содержанию преобразования иной раз вынуждено было проводить именно дворянство”; “Как и буржуазный либерализм, либерализм дворянский лавирует между самодержавным строем и народом; он стремится удержать свои привилегии, когда удержать их можно только ценой услуг эксплуатиремым.

Как и буржуазный либерализм, либерализм дворянский должен играть в демократию, чтобы привлечь на свою сторону массы, направить их протест в мирные половинчатые границы.

Наконец, как и буржуазный либерализм, либерализм дворянский опирается на господствующий класс (в первом случае — на теряющую свои позиции русскую буржуазию, во втором — на деградирующих помещиков) и обнаруживает свою подлинную антинародную сущность (соответственно в 1917 и 1861 годах); “В отличие от буржуазного либерализма, дворянский либерализм консервативен во всех своих прогрессистских начинаниях, во всех своих проектах, мерах и идеалах. На его почве должна была произрасти такая идеология, которая необходимость умеренных преобразований обосновывала бы консервативным идеалом, объявляла бы крепостничество, безгласность, произвол искажением древнего народного строя для современников переставшего быть образцом. Таковую идеологию и сформировали славянофилы” (Янковский Ю. Патриархально-дворянская утопия. Страница русской общественно-литературной мысли 1840–1850-х годов. М., 1981. С. 5, 6, 7).

“Особенно поучительно для нас методически проводимое автором (Леонтовичем) различие между либерализмом и радикализмом: слишком долго в русских XIX–XX веках второй называл себя первым, и мы принимали его таким и радикализм торжествовал над либерализмом на погибель русскому развитию” (Солженицын А.И. Предисловие к русскому изданию книги В.В. Леонтовича “История либерализма в России”. Париж, 1980. С. III). “...Либерализм жив, лишь пока он придерживается эволюционного преобразования уже существующих структур. Но как только он будет навязывать существующему — схемы извне, он всегда будет в этом перекрыт и побит социализмом” (Там же. С. IV).

“Незадачливость российского либерализма на всем протяжении его истории имела глубокие корни. Их прежде всего надо искать в запоздалости и слабости развития русской буржуазии. Россия была европейской страной, а ее экономика развивалась по

европейскому пути, хотя в политическом и социально-экономическом строе немалую роль играли черты, объединенные термином "азиатчина". Народническая доктрина о якобы искусственном насаждении капитализма сверху была, как известно, опровергнута марксистской наукой, а главное — жизнью. Но из этого вовсе не следует, что надо закрывать глаза на тот факт, что вмешательство государства в этот процесс было весьма значительным" (*Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1985. С. 201*).

"Давая итоговую оценку месту либерализма в дореволюционной России, историк не может исходить из "абсолютных" размеров его оппозиционности, оппозиционности по степени накала, довольно высокой у освободителей и очень незначительной у земцев. Для истории важен не этот "абсолютный" размер, а другой показатель: в какой мере либерализму удалось достичь осуществления своих целей? Так поставив вопрос, исследователь может дать на него только отрицательный ответ. Русский либерализм не смог повести Россию по мирному, реформистскому пути"; "Либерализм оказался бессилем, ибо за ним в России ничего кроме "общественного мнения" не стояло, он еще не успел получить себе в стране адекватной классовой базы"; "Либеральный путь развития страны в конкретных условиях начала XX в., при тех конкретных людях, которые стояли у кормила власти, был невозможен. Все уступки, которые удалось вырвать народным массам у самодержавия в 1905-1907 гг., были достигнуты революционным, а не либеральным путем. С учетом этого вполне закономерно говорить о поражении, о крахе стратегии, тактики и организации предреволюционного русского либерализма" (*Шацлло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905-1907 гг. М., 1985. С. 323, 327*); "...Глашатаям идей либерализма в России выступали не буржуа, а представители "образованного общества", не только непосредственно не связанные с капиталистическим предпринимательством, но часто даже носившие феодальные титулы и имена" (*Там же. С. 168*).

"Одна его половина (класса буржуазии), собственно промышленники и торговцы, была вплоть до начала XX в. целиком повернута в сторону министерских "передних" и чиновничьих канцелярий, с тем, чтобы при помощи рубля и других подобных средств извлечь как можно больше выгодных заказов и льгот, т.е. в сторону сиюминутных корыстных узкогрупповых интересов. Другая, представленная идеологами буржуазии, такими как П.Б.Струве,

М.М.Федоров, П.Н.Милкоков и др., была обращена в сторону конституции, "парламентаризма" и проч., т.е. в сторону общеклассовых интересов буржуазии"; "Несмотря на то, что революция 1905—1907 гг. заставила купцов и промышленников в той или иной мере приобщиться к политике, способствовала их политическому самосознанию, в массе своей российские Кит Китьчи чуждались политики и не желали консолидироваться в политически организованную силу, предпочитая партийной организации сословно-корпоративные — всевозможные советы съездов, биржевые комитеты и т.п., где "чистую" политику, т.е. политику, не связанную непосредственно с финансово-политическими, торговыми и другими проблемами, не только не жаловали, но просто изгоняли. Политика, направленная на решение основных задач, стоявших перед страной, их не интересовала. Они предоставляли заниматься ею "беспочвенным" интеллигентам".

Показательно, что такими "беспочвенными" политиками русская буржуазия считала не только кадетов, но и октябристов. В результате возникла и утвердилась весьма своеобразная ситуация: партии, выразившие наиболее широкие и ключевые интересы буржуазии как класс, — особенно это относится к кадетской партии, — буржуазия не желала признавать своими, считая таковыми только Совет съездов торговли и промышленности и аналогичные организации. Факт этот не был ни временным, ни случайным. Он коренился в слабости русской буржуазии, ее зависимости от казенных заказов и протекционистской политики царизма, в тесном переплетении ее экономических интересов с помещичьими. Экономическая отсталость порождала отсталость политическую, консерватизм верхов торгово-промышленной буржуазии, особенно петербургской, сугубо прагматический, "купеческий" подход к политике"; "Торговцы и промышленники наотрез отказались стать социальной базой какой бы то ни было партии русского либерализма, предпочитая всяким партийным образованиям свои "купеческо"-патриархальные сословные организации" (Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы. С. 25, 171—172, 176).

"Между западным и российским либерализмом существует принципиальное различие. Западный, укорененный в почве либерализм, борясь с правительством, несет в себе возможность практически реализуемых альтернатив. Он постоянно вырабатывает новые варианты серьезности, противопоставляет серьезности власти свою серьезность. В России же оппозиция, если она становится массовой, приобретает характер сатанинского смеха, шабаша раз-

рушительных сил, сметающих прежде и раньше всего серьезность либерализма"; "Либерализм черпает свою энергию из двух источников: из высшей мировой культуры и из народной почвы, для которой характерно развитие утилитаризма в разных формах. Однако между этими двумя источниками существует гигантский разрыв. Если первый порождает результаты, носящие характер последовательных либеральных стремлений, направленных на создание либерального общества, то второй в лучшем случае давал импульс новым, более развитым формам утилитаризма, более или менее отдаленным почвенным предшественникам либерального нравственного идеала, перекос в сторону первого источника порождает абстрактность либерального нравственного идеала, т.е. его умозрительность, превращение в *утопию* некоторую абстрактную мечту, маниловщину. Перекос ко второму источнику выхолощивает либеральный нравственный идеал, превращает его в *вечевой идеал*, в элемент *гибридного идеала*. Преодоление этого разрыва — основная проблема либерализма в России" (Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. III. М., 1991. С. 164, 165).

"...Природа русского либерализма, так ярко отразившаяся в деятельности М.М.Стасюлевича, обуславливалась всем строем русской жизни, историческим развитием этой страны. Либерализм в России испытывал острую неприязнь со стороны крайних флангов русской общественности. Эти же чувства питали к нему и правящие сферы. Неоправданность антилиберального ожесточения, стремление к подавлению даже самых скромных реформистских чаяний интеллигенции привели, в конце концов, к тому, что это общественное движение оказалось наиболее слабым звеном в политическом спектре России, что и предопределило в дальнейшем многие печальные особенности отечественной истории XX в." (Кельнер В.Е. Человек своего времени (М.М.Стасюлевич: издательское дело и либеральная оппозиция). Спб., 1993. С. 260).

"Либеральная идеология возникла и развивалась в ходе длительной эволюции европейской цивилизации, основанной на принципах частной собственности, личной свободы и рационального мышления. Поэтому утверждение идеологии либерализма и демократии шло практически одновременно. Россия — страна "вторичного капитализма", постоянно пытающаяся догнать развитые страны. На практике это означает форсированный характер модернизации, использование готовых моделей, не "дорастая" до них психологически и культурно, не имея достаточно развитых ме-

ханизмов демократии. В результате либеральные идеи в России, в отличие от Европы, сначала приняли форму просвещенного абсолютизма, а позже превратились в узкоэлитарное течение” (Швечикова Б.А. Россия и либерализм // Россия и Западная Европа: диалог культур. Курган, 1993. С. 28).

“Применяя понятия “консерватизм” и “либерализм” в истории русской общественно-политической мысли, мы часто сталкиваемся с трудностями. В нашем сознании до сих пор еще живет грубая схема, разделяющая деятелей прошлого на “западников”, “либералов”, “революционеров”, “красных”, с одной стороны, и “славянофилов”, “консерваторов”, “реакционеров” и тому подобное — с другой. Действительно, если понимать под консерватизмом “идеологию, пропагандирующую авторитаризм правительства в России” (Пайнс Р. Русский консерватизм во второй половине XIX века. М., 1976), то к консерваторам по некоторым параметрам можно отнести Б.Н.Чичерина — выдающегося русского либерала, государственника, а опыты М.Н.Каткова в издании “русского туризма” уже без колебаний определить как либеральный период его политической эволюции” (Шестаков Н.А. Константин Леонтьев и русский либерализм // Вестник Моск.ун-та. Сер. 12. Соц.-полит. исслед. 1993. № 2. С. 57).

“...в России за последние 200 лет отношение между консерватизмом и либерализмом были, по сравнению с Западом, прямо противоположными” (Рормозер Г. Пути либерализма в России // Политс. 1993. № 1. С. 35).

“Вернадский принадлежал к тем “rare aves” (редким птицам — лат.) русской жизни (как он сам впоследствии о себе говорил), которые “никогда не были затронуты социализмом”. В ответ на предложение выработать социалистический идеал “как мировоззрение и нравственно-общественное мерило многих событий из хозяйственной жизни народа” Владимир Иванович задавался недоуменным вопросом: “Каким образом известное представление о какой бы то ни было регламентации, картине строя может быть известным мерилем или мировоззрением?”. Сомневаясь в научности социализма вообще, указывая на путаницу в толкованиях социализма разных лиц, он считал “совершенно излишним” вводить его в какой бы то ни было форме в “программу современной политической деятельности”.

Либерализм представлялся Вернадскому вполне надежным руководством в мире политики. Исходя из представления о самоценности и самодостаточности либерального profession de foi, он считал необоснованным мнение о влиянии социалистических учений на политику современных европейских государств. “Значительная часть так называемых социалистических мер” в государственной политике “является, — писал Вернадский, — простым логическим развитием либеральной демократической программы — частью вследствие изменения и расширения контингента избирателей (а следовательно, и их интересов), частью вследствие возвышения их умственного уровня, частью вследствие совершенно новых запросов государственной жизни... То, что дается либеральными демократическими программами, признаю само по себе за благо, и за живое и очень существенное... Ничего другого не может достигаться в политической жизни — а в политических программах может быть только то, что в политической жизни может быть достигнуто” (Вернадский В.И. Письма... (Т. 2). С. 86, 122, 124). (Секиринский С., Филиппова Т. Родословная российской свободы. М., 1993. С. 245–246).

“...Большинство либералов второй половины XIX в. — начала XX вв. со знаком минус оценивали историю Отечества” (Сенин А.С. Либералы у власти. История повторяется? // Кентавр. 1993. № 2. С. 111); “Прежде всего следует указать на явную нелюбовь российской либеральной интеллигенции к государственным институтам”; “По примеру своих западных единомышленников либералы в России абсолютизировали понятие свободы” (Там же. С. 110).

“...Проблема либерализма на Западе и проблема либерализма в России — это, по сути, две разные проблемы”; “...Либеральные ценности Запада — это их собственные ценности. Они соответствуют традиции западных стран. Западный человек в либеральных традициях и ценностях находится у себя, чувствует себя уютно. Я — сторонник плюрализма культур и не вижу в либерализме универсальную, общечеловеческую проблему. Для меня либерализм — продукт определенного типа цивилизаций. Люди других обществ, если им навязывается сверху традиция в виде какого-то “великого проекта” и т.д., теряют себя” (Панарин А.С. Процессы модернизации и менталитет // Вопр. философии. 1994. № 1. С. 37).

“...Либеральное направление в России так и не смогло сформироваться в народное движение: либерализма как самостоятель-

ного фактора силы и источника народной инициативы не существовало" (*Паптин И.К.* Драма противостояния. Демократия — либерализм в старой и новой России // *Полис.* 1994. № 3. С. 79).

«Даже либералы здесь (в России) всегда жмутся к государству, ибо основную опасность личностям, аристократическим свободам предполагают со стороны черни, "бунта бессмысленного и беспощадного"» (*Кара-Мурза А.А.* Из выступления на "круглом столе": Риск исторического выбора в России // *Вопр. философии.* 1994. № 5. С. 9.

"Близкая к тому центру беспрецедентного ускорения экономического роста, каким стала Европа со второй половины нашего тысячелетия, культурно, географически связанная с Европой, Россия не обладала набором предпосылок, которые обусловили это органическое, как бы вырастающее из земли ускорение экономического развития: долголетней, протянувшейся на многие века стабильностью отношений собственности (в том числе земельной собственности); надежной уверенностью в том, что плоды твоего труда, твоей инициативы не отнимут по произволу ни чиновник, ни разбойник. Этот поток малых, больших и крупнейших инноваций и сделал Европу центром экономического роста, был совсем рядом. Для России вопрос в том, как отреагировать на этот вызов времени, всегда был ключевым. В истории России на протяжении веков борются две принципиальные тенденции, два стратегических ответа на этот вызов.

Первый из них связан с максимальным усилением государства, с подчинением ему интересов личности, с концентрацией в руках государства максимально возможного объема материальных, финансовых, властных ресурсов и полномочий, с использованием военной мощи, инициирования экономического развития.

Второй связан с попыткой создать тот набор предпосылок, при которых потенциал России сможет реализоваться на основе инициативы граждан, стабильных, надежных источников экономического роста. Для одних история России — это путь от Ивана Грозного к Николаю I и Сталину, для других — это тяжелый путь от кодификации права, проектов Сперанского и великим реформам Александра II, к земству, к формированию местного самоуправления, к финансовым реформам Вышнеградского и Витте, к аграрным реформам Столыпина.

К началу XX века казалось, что Россия твердо выбрала второй путь в своем развитии. Всякий, кто изучал историю начала

XX века, знает, как с каждым месяцем росла экономическая мощь государства, как окрепла общественная система, как, наконец, на основе земельной реформы создались предпосылки роста благосостояния в деревне, как год от года укреплялись государственные финансы, как Россия, создав предпосылки, позволяющие ее народу мобилизовать огромный творческий потенциал, начинала догонять успешные вперед государства Западной Европы. Трагическая мировая война, экстремизм перечеркнули надежду на реализацию этого потенциала российского развития" (*Гайдар Е.Т.* Выбор, который мы предлагаем России. Речь на Учредит. съезде партии ДВР 12 июня 1994 года // *Открытая политика.* 1994. № 2. С. 49-50).

В.И.Приленский. Пять наиболее заметных особенностей ранней русской либеральной мысли

Во-первых, надо отметить, что у русского либерализма (особенно в его ранний период) не было какой-либо прочной социальной поддержки, прочной социальной основы. Отсутствие в России в то время вполне самостоятельного, независимого и влиятельного "третьего" или "среднего" сословия, естественно, не могло определенным образом не сказаться на судьбах русского либерализма. Это сословие находилось еще только в ранней стадии формирования. На этот факт, в частности, указывает доктор исторических наук Кельнского университета Л.Люкс: "...либеральный курс должен был опираться на социального носителя, — найти его было очень трудно. В России не было или почти не было среднего состояния — главной опоры политического свободомыслия на Западе"²⁷⁶.

Объективно получилось так, что носителями либеральных идей в России явились дворяне. Видимо этот факт сыграл немаловажную роль в возникновении у Кавелина своеобразной концепции об особой роли дворянства в российской истории и, в особенности, его роли в настоящем и будущем России. Известно, что в определенный момент своей эволюции Кавелин связывал все свои надежды на преобразования с деятельностью дворянства. Но уже через короткое время и ему самому стало ясно, что эти надежды были беспочвенны и неоправданны. Чичерин же, более трезво оценивая ситуацию, обращал внимание на факт слабости и неустойчивости среднего сословия в России. Он очень точно сформулировал сложившееся положение: "В России дворянство и крестьяне, до

последние²⁷⁷ минуты, составляли две, бесконечно отстоявшие друг от друга крайности властителей и подвластных; а среднее сословие, относительно малочисленное, представляет, с одной стороны, богатство, не связанное с образованием, а с другой стороны, — слишком еще шаткое и скудное образование, не соединенное с богатством”²⁷⁷. Чичерин хорошо понимал, что именно “среднее” сословие наиболее восприимчиво к идеям либерализма. Но не видя в современной ему России достаточно авторитетного “среднего” сословия, которое хоть в какой-то мере могло бы сыграть ту роль, которую оно сыграло в Западной Европе, также был вынужден обращать свои взоры к дворянской среде. Чичерин считал, что поскольку дворянство является единственным сословием в России, хотя бы мало-мальски осознающим свои права, и что именно для него характерен относительно высокий образовательный уровень, постольку оно является “единственным возможным политическим деятелем в России”. “Дворянство, как сословие, — пишет он в газете “Наше время”, — не может быть поставлено во главе государства, но, сдержанное высшею властью, оно может сделаться одним из самых полезных политических элементов в России; оно может стать вместе и опорой престолу и защитником свободы”²⁷⁸. Нельзя не отметить, что такой вывод Чичерина был основан на вполне реальном видении той социально-политической ситуации, которая была характерна для России середины XIX в.

Но как бы там ни было, а факт отсутствия упоминавшейся “социальной поддержки” русскому либерализму со стороны “третьего”, или “среднего” сословия вполне очевиден. Кстати, упоминание об этом обстоятельстве, а также указание на то, что либерализм развивается в основном в дворянской среде, фигурирует почти что в каждом исследовании по истории русского либерализма.

Так Ш.М.Левин подчеркивает: “Характерной особенностью русского либерализма периода реформ (включая уже и канун последних) является решительное преобладание среди его носителей и сторонников дворян-землевладельцев, а также тесно связанных с ними представителей дворянско-помещичьей интеллигенции”²⁷⁹. В этом же смысле высказывается и В.А.Китаев: “Особенность становления и развития либеральной идеологии в России, в частности в 50-е годы, заключалась в том, что основным носителем буржуазно-либеральных тенденций явилось дворянство в лице наиболее дальновидных его представителей. Этим обстоятельством, на наш взгляд, объясняется и неспособность русских либералов быть до

конца последовательными в буржуазном смысле, особенно в экономической части своей программы, и компромисс либерального движения с самодержавием"²⁸⁰. Оставим на совести автора рассуждение о "непоследовательности" русских либералов в экономической программе: о том, что это далеко не так, будет видно из последующего текста. В данном же случае, суммируя вышесказанное, можно отметить, что в России того времени, в той конкретной обстановке, которая сложилась в середине XIX в., либеральные идеи находили свой отклик только в среде наиболее образованных слоев общества, а для России того времени это практически означало только одно — в дворянской среде.

Во-вторых, в раннем русском либерализме явно прослеживается очень сильная антидемократическая тенденция. Чичерин, рассматривая различные формы правления, обращается и к демократии. Но его оценка этого способа правления настолько негативна, что иной раз кажется, что для него цели либерализма и демократии вообще несовместимы и их объединение недостижимо. Естественно, Чичерин не делает такого вывода, тем более, что у него перед глазами был достаточно позитивный опыт хотя бы таких стран как Североамериканские Соединенные Штаты (по терминологии тех лет) и Швейцарская конфедерация. Однако же внутреннее неприятие демократического правления красной нитью проходит через его работы. "Вообще, демократия представляет собою, — пишет он, — по преимуществу, господство посредственности, положение, которое с таким блеском было доказано Токвилем. Конечно, при энергическом и предприимчивом характере народа такого рода общественный быт может иметь свои хорошие стороны; но он никак не может быть предметом удивления и подражания"²⁸¹. Основная причина подобного отношения заключается в том, что он никак не может согласиться с мыслью, что народ, образовательный уровень которого на несколько порядков ниже, нежели у образованнейшей, но малочисленной части общества, может диктовать свои условия, что доминировать в обществе будет не умственная элита, а посредственное общественное мнение. "Всеобщее равенство, — пишет он, — ведет к отрицанию всяких авторитетов. Тут требуется умственная пища, доступная массе, а не та, которую могут оценить только избранные умы. Поэтому времена владычества демократии, вообще, характеризуются разладом умственных сил и понижением умственного уровня"²⁸². Он постоянно утверждает, что демократия не может быть идеалом человеческого общежития. Даже более того, демократия может отвечать

вполне определенным запросам какого-либо отдельного общества, но "как общее явление, она может быть только переходящею ступенью исторического развития"²⁸³. Явно имея в виду современную ему американскую политическую жизнь, Чичерин подчеркивает, что сама политическая борьба в этой стране имеет самые низменные свойства: "Уважающий себя человек неохотно вступает на поприще, где ему приходится вести борьбу с противниками самого низменного свойства, где сам он подвергается грязным нападкам и бессовестной клевете, где каждое его слово толкуется вкривь и каждый поступок представляется в ложном свете, где самая его частная жизнь и репутация близких ему людей становится предметом публичной полемики, язвительных намеков и часто совершенно превратных разоблачений. Чтобы действовать на политическом поприще в демократической стране, нужно сделаться толстокожим; но для этого надобно в значительной степени потерять чувство нравственного достоинства. Многие на это не пойдут. Еще менее станет порядочный человек унижаться до того, чтобы заискивать в массе и льстить толпе, а без этого он не может надеяться на успех. Таким образом, руководителями народа остаются демагоги, которые умсют снизить к уровню массы, говорить ее языком, льстить ее самолюбию, потакать ее страстям, возбуждать в ней самые низменные влечения, одним словом, пускать в ход все те средства, которыми гнушается уважающий себя человек"²⁸⁴. В данном случае мысли Чичерина практически ничем не отличаются от соответствующих рассуждений Алексиса де Токвиля (пожалуй, лишь только большей остротой). Более того, сам Чичерин, как это уже было видно, прямо указывает на французского историка и на полное согласие с ним в этом вопросе. В связи с этим небезынтересно будет для сравнения привести такое высказывание Токвиля: "Природа демократии такова, что она заставляет народные массы не подпускать выдающихся людей к власти, а эти последние, движимые не менее сильным природным чувством, бегут от политической карьеры, где трудно оставаться самим собой и идти по жизни не оскверняясь"²⁸⁵. Практически полная идентичность взглядов Токвиля и Чичерина на природу демократии здесь налицо.

Полностью солидаризируясь с Алексисом де Токвилем в том, что "демократия есть господство посредственности", Чичерин буквально с чувством глубокого удовлетворения констатирует: "Демократического равенства мы не видим в русской истории ни в какие времена. У нас всегда существовала общественная лестница, и лестница весьма резко определенная"²⁸⁶. В том же русле движется и

мысль Кавелина: “Демократия и демократизм, радикальный и умеренный, существуют там, где народная масса, в противоположность высшим слоям, представляет собой самостоятельный политический принцип и имеет свой особый интерес. ...Откуда же у нас взяться демократии и какому бы то ни было демократизму? Для него у нас нет почвы ни в настоящем, ни в исторических воспоминаниях. Демократизм на русской почве так же бессмыслен, как и аристократизм”²⁸⁷. Кавелин и здесь верен своему постулату об отсутствии коренных противоречий между высшими слоями общества (дворянство) и основной массой населения (крестьянство), что выгодно, по его мнению, отличает Россию от Западной Европы.

Следует отметить, что эта антидемократическая тенденция, склонность опираться на принцип монархизма (у Чичерина — конституционного) довольно долгое время была преобладающей в русском либерализме. Но уже на грани веков, сначала достаточно робко, а со временем все ярче и ярче, стала замечаться иная тенденция — постепенное сближение либеральных лозунгов с леворадикальными, демократическими программами. В свое время П.Н. Милуков, сам являвшийся виднейшей фигурой русского либерализма, отмечал, что “дальнейшая история русского либерализма” представляет собой “его постепенную демократизацию”²⁸⁸. Практики русского либерализма начала века направляют его уже явно в сторону демократических принципов, пока, наконец, полностью не отказываются от конституционно-монархической ориентации и не сближаются не только с демократами, но и с социалистами. Практически это последнее было концом либерализма в России как течения определенных общественных сил, это было его политической смертью.

Действительно, если те, кто называет себя либералами, готовы идти рука об руку с социалистами, то это полная измена основным принципам либерализма. Были и есть попытки соединить либеральную и социалистическую программы, но такой симбиоз не может представлять из себя ничего иного как химеру, так как главные устремления этих доктрин абсолютно разнонаправлены.

Третьей особенностью русского либерализма было то, что отрицающая возможность для России демократического пути развития, первое поколение русских либералов связывало свои надежды с монархической формой правления. Идеалом государственного устройства Чичерин считал конституционную монархию. “Оставаясь на почве свободы, — пишет он, — мы должны признать идеалом человеческого развития в политическом отношении сочетание всех

общественных элементов в общий гармонический строй, то есть конституционную монархию, а в общественном отношении, преобладание имущих и образованных классов над неимущими и необразованными"²⁸⁹. Под сочетанием всех общественных элементов он подразумевает, с одной стороны, аристократическое собрание, осуществляющее закон, с другой стороны, народное представительство, осуществляющее свободу, а над ними — верховная власть в лице монарха. При таком сочетании, по мнению Чичерина, демократическому собранию противопоставляется аристократическое. Высшим же умерителем является монарх. Насколько монархическая идея владела всеми мыслями Чичерина прескрасно видно из вырвавшегося у него чистосердечного признания: "...я... предпочтлду честное самодержавие несостоятельному представительству"²⁹⁰. Вообще говоря, Чичерин, считая введение представительного начала одной из основных, ближайших задач российской государственности, все же постоянно подчеркивает необходимость создания для этого прочих предпосылок, которые можно свести к приготовлению русского общества к такому акту. Поспешные шаги с введением этого начала находили у него резко негативную реакцию. В практическом смысле, наряду с другими факторами, начало таких приготовлений он видел, в частности, в деятельности земства, местных органов управления. В своей знаменитой речи 16 мая 1883 г. в Москве, на обеде в честь коронации Александра III, Чичерин, будучи в то время Московским городским головой, утверждал: "По всей русской земле созданы самостоятельные центры жизни и деятельности. Эти учреждения нам дороги; мы видим в них будущность России"²⁹¹. Но даже эти вполне умеренные и довольно лояльные слова в адрес большей самостоятельности местной власти были сочтены правительствующими кругами слишком либеральными. Последствием этой речи была отставка Чичерина.

Уверенность в жизнелности и необходимости для России монархического начала разделял и Кавелин, считая, что "несомненный залог мирных успехов в России есть твердая вера народа в царя"²⁹². В отличие от Чичерина Кавелин не только не был сторонником конституционной монархии, но даже полностью отвергал какую-либо пользу от конституции в России. Его аргументация заключалась в следующем. Конституция в Европе, как она выработалась в процессе исторического развития, представляет собой договор между народом (з под ним он понимает в данном случае высшие сословия, как выразителей воли всего народа) и правителем. Показывая действие внутреннего механизма консти-

туции, он пишет: "...Конституционная теория, выставяющая на первый план равновесие властей, распределенных между государем и народом, в действительности только возводит в принцип момент борьбы, или начало перехода власти от государя к высшим сословиям. Прочность конституционных учреждений покосится, на самом деле, на единстве власти, сосредоточенной или в руках правительствующего слоя общества или в руках действительно правительствующего государя"²⁹³. Таким образом, это не "равновесие", а "момент борьбы" и прочность конституции зависит от степени власти того или иного субъекта управления. Поскольку в русском обществе нет противоборства (по версии Кавелина) между государем и высшими слоями, то, следовательно, здесь не нужна и конституция. Такова логика Кавелина. Более того, по его мнению, конституция даже вредна: "Сама по себе, помимо условий, лежащих в строе народа и во взаимных отношениях различных его слоев, конституция ничего не дает и ничего не обеспечивает; она без этих условий — ничто, но ничто вредное, потому что обманывает внешним видом политических гарантий, вводит в заблуждение наивных людей"²⁹⁴. Какие же политические формы приемлемы для России? Оценивая настоящее России, Кавелин характеризует его как "самодержавную анархию". В этом определении выразилось все его недовольство существующим порядком вещей, в особенности же засильем централизованной бюрократии, которая нигде не находит ни малейшего сопротивления (в этом и заключается, по его мнению, "анархичность" бюрократического управления). Каков же выход, какая политическая форма управления должна прийти на смену существующей? "Самодержавная республика"! В это неудобоваримое понятие Кавелин вкладывает свой особый смысл: единство интересов государя, высших слоев общества, ведущих его вперед по пути прогресса, и основной массы населения, представленной крестьянством.

Четвертой особенностью раннего русского либерализма можно считать наличие в нем чрезвычайно сильного консервативного начала. Не нужно видеть в термине "консервативный либерализм" нечто несогласное с логикой. Это отнюдь не так. Наоборот, без присутствия консервативных элементов сама либеральная теория теряет почву под ногами и либо полностью растворяется во множестве прогрессистских течений, либо трансформируется в одну из разновидностей радикализма. Либерализм и консерватизм, в данном случае, не представляет собой контрадикторной пары. Если уж искать истинной противоположности либерализму, то нужно

остановиться на радикализме и социализме. В первом случае либеральным методам преобразования общества (реформы, постепенные регулируемые изменения в государственном механизме, в конечном счете плавный и спокойный переход общественных и государственных структур от одной формы к другой) будут противостоять методы радикальной идеологии (революция, бунт, восстание, террор, полное низвержение существующего общественного строя с неясной и расплывчатой целью построить нечто новое на обломках старого). Во втором случае, основной цели либерализма — построению такого общества, в котором в основном осуществляются права и свободы личности, будет противостоять основная цель социализма — создание такого строя, при котором главное значение имеют общественные, коллективные интересы, а личность становится полностью социализированной, теряя при этом и свои права, и любые возможности для проявления своей индивидуальной свободы. В.В.Леонтович, затрагивая данную тему, совершенно справедливо считает, что с “консервативной теорией о прогрессе” глубоко связана сама суть либерализма. Четко различая радикализм от либерализма, он считает “настоящим либерализмом... лишь либерализм консервативный”²⁹⁵.

В статье “Еще несколько слов о современном положении русского дворянства (Ответ князю П.Н.Трубецкому)” Чичерин акцентирует внимание на собственном видении консерватизма: “Консервативное направление, к которому я принадлежу и которое я считаю самым крепким оплотом государственного порядка, воспрещает всякую бесполезную, а тем более вредную ломку. Оно равно отдалено и от узкой реакции, пытающейся остановить естественный ход вещей, и от стремления вперед, отрывающегося от почвы в преследовании теоретических целей. Ему одинаково противны упорное старание удержать то, что потеряло жизненную силу, и посягательство на то, что еще заключает в себе внутреннюю крепость и может служить полезным элементом общественного строя. Его задача состоит в том, чтобы внимательно следить за ходом жизни и делать только те изменения, которые вызываются насущными потребностями”²⁹⁶. Понимаемый таким образом консерватизм, консерватизм не только противостоящий разрушительным тенденциям, выражаемых радикально-прогрессистскими идеями, но и отделяющий себя от узкой и слепой реакции, составляет органическую часть либеральной теории. Причем важность присутствия этого элемента в либеральной теории настолько велика для Чичерина, что он произносит такие слова: “Сохранение приобретен-

ного еще важнее, нежели его усовершенствование”²⁹⁷. Конечно, этот афоризм выражает личную позицию Чичерина, но именно он и подобные ему выражения и позволяют мне говорить о “чрезвычайно сильном консервативном начале” в русском либерализме, полагая в этом особенность именно ранней русской либеральной мысли.

Любопытно сравнить рассуждения Чичерина о роли консервативных элементов в либеральной теории с почти идентичными мыслями, высказанными еще Дж. Ст. Миллем. “Так в политике, — пишет Милль, — теперь стало уже почти общим местом, что партия порядка или сохранения status quo и партия прогресса или преобразования суть два элемента, равно необходимые для здорового состояния политической жизни, пока та или другая из этих партий не достигнет наконец такой умственной широты, что будет вместе и партией порядка и партией прогресса, будет способна распознавать и различать, что надо сохранить и что надо уничтожить”²⁹⁸. Милль здесь очерчивает контуры такой партии, которая не может называться иначе как либеральной. Тот же идеал, как можно было видеть, проповедует и Чичерин. В этом смысле он следует за Миллем и тем самым продолжает классическую либеральную традицию западноевропейских мыслителей.

Консервативный элемент имманентно был присущ и либеральным взглядам Кавелина. Но в отличие от Чичерина он не анализировал специально этот вопрос. Зато у Кавелина можно найти очень интересные и неординарные рассуждения по поводу консерватизма. Он выделяет два значения понятия “консерватизм” и на этой основе делает свои, далеко идущие, выводы: “Существенная разница, — пишет Кавелин, — между консерватизмом — в том смысле, какой мы ему придаем, и в том смысле, какой ему приписывается у нас весьма часто — заключается в том, что в последнем он опирается на какой-нибудь идеал, начало, и во имя их отстаивает и охраняет существующее; консерватизм же, как принцип, стоит за существующее не во имя какого-нибудь идеала или начала, а потому только, что нет ввиду лучшего, или не выяснилось, как к нему перейти. Не будучи доктриной, консерватизм — великая сила, с которой на каждом шагу приходится считаться. У нас публика и народ — величайшие, неумолимые консерваторы”²⁹⁹. Великая сила, о которой говорит Кавелин, заключается в том, что “отрицательная” сторона консерватизма, будучи направленной на зарождающееся новое, как бы “высвечивает” это новое, способствуя тем самым его “выяснению и вызреванию до степени неотразимой и

неотложной потребности”, потребности, которая становится очевидной для всех, по крайней мере для большинства. Интересно, что в то время как Чичерин акцентирует внимание на охранительной и укрепляющей роли консерватизма, Кавелин, продельвая немислимую хирургическую операцию, выделяет в консерватизме некую “отрицательную” сторону и направляет ее как прожектор на нечто “новое”, которое тем самым не только лучше уясняется, но и начинает восприниматься как “потребность”. Но как бы там ни было, а на основании всего сказанного достаточно очевидно, что в ранней русской либеральной мысли консервативные начала не только являются органичной составной частью собственно либеральной теории (что характерно для многих подобных концепций и что, в конце концов, является одним из существенных признаков либерализма вообще), но выдвигаются на одно из самых главных мест в этой теории.

В связи с этим вызывает недоумение вывод, сделанный профессором политической философии Университета Хонгконга (ФРГ) Гюнтером Рормозером: “Хотелось бы добавить, что в России за последние 200 лет отношения между консерватизмом и либерализмом были, по сравнению с Западом, прямо противоположными”³⁰⁰. Вполне возможно, что в данном случае термины “консерватизм” и “либерализм” понимаются автором в каком-то особом смысле (к тому же на размышления наводит и цифра “200 лет”). Но из контекста статьи этого с логической необходимостью не вытекает. В этой работе, правда, есть несколько странное замечание о полной противоположности либерализма и власти как таковой (что само по себе является очевидным искажением действительных отношений: либерализм — власть). Но такое толкование отнюдь не меняет смысла вышеприведенного высказывания. Вообще говоря, многие положения этой статьи вызывают несогласие. Так Г.Рормозер пишет: “В России, помимо всего прочего, нет ни либеральной традиции, ни либеральной философии; нет и каких-то благоприятных для развития либерального сознания общественных условий”³⁰¹. (Так и хочется спросить: а в России середины XIX в. были такие уж благоприятные условия?). Можно соглашаться или не соглашаться с его оценкой настоящего положения в российской общественно-политической жизни, это право каждого, но утверждать, что в России нет либеральной традиции — это явное преувеличение. Традиция была, но ее официальная жизнь была прервана на родной почве. В то же самое время идеи либерализма продолжали жить в русской мысли и в работах тех, кто был вы-

нужден эмигрировать, и в самосознании неконформистски настроенной интеллигенции здесь, в России.

Что же касается самого термина “консервативный либерализм” и того его смысла, который был приведен выше, то, видимо, следует сделать одно небольшое замечание. Иногда в современной литературе проскальзывают мысли о том, что “консервативный либерализм” представляет собой некое детище Запада, причем рожденное относительно недавно. Об этом пишут и специалисты по “неолиберализму”, и специалисты по “неоконсерватизму”. Вообще говоря, в среде политологов эта идея в последнее время пользуется постоянным вниманием. Так А.Миграция пишет: “В современном консерватизме органически сочетаются две тенденции: уважение классического либерализма к свободе отдельного индивида и традиционная для консерватизма защита таких ценностей, как религия, семья, закон и порядок, протестантская этика и т.д. Хотя на начальном этапе становления капиталистических обществ на Западе эти принципы, относящиеся к разным традициям мысли, казались взаимоисключающими, но в процессе социального развития западного мира вместе с изменениями реальной жизни, модифицировались и теоретические установки двух основных течений западной мысли — консерватизма и либерализма — вплоть до практического оформления, в оппозиции марксизму и социал-демократии на Западе, либерально-консервативного консенсуса”³⁰². Я позволю себе прокомментировать это высказывание и попытаюсь сделать несколько замечаний. Во-первых, консервативный либерализм отнюдь не является “изобретением” исключительно Запада, что можно видеть хотя бы на примере уже цитированных работ Чичерина. Последнее, кстати, ставит под сомнение и “новизну” этого “изобретения”. Во-вторых, в России он появляется как раз на “этапе становления капиталистического общества”. В-третьих, уже у Дж.Ст.Милля можно обнаружить вполне определенные указания на важность и необходимость охранительного или консервативного элемента в либерализме (что также было показано выше). В-четвертых, и это наиболее принципиально, любая либеральная доктрина в той или иной мере всегда включает в себя консервативный элемент. Между либерализмом и консерватизмом существуют отношения не контрарного (отношения противоречий), а контрадикторного (отношения противоположностей) характера. Т.е. эти понятия не взаимоисключают друг друга (как, например, либерализм и социализм, либерализм и радикализм, действительно являющихся противоречивыми в своей основе), а лишь

в определенной степени противоположными, а еще лучше сказать, разнонаправленными. Но, будучи противоположными по своей сути, и консерватизм, и либерализм предполагают наличие между ними массы различных оттенков, большого количества переходных состояний, ступеней и т.д. В конечном счете если бы автор вышеприведенного высказывания повнимательнее познакомился с работами Чичерина, хотя бы с основными, ему не пришлось бы отдавать приоритет разработки "консервативного либерализма" Западу, да еще на его довольно высокой ступени развития. Все эти соображения уже были сформулированы русским мыслителем во второй половине XIX в. и, что самое главное, базировались на фундаментальных положениях философско-правовой теории. Что, в свою очередь, позволяет говорить о классическом типе этих теоретических построений.

И, наконец, последняя особенность либерализма в России. В момент его зарождения Россия еще оставалась крепостной страной. Другими словами, в России еще не были осуществлены, хотя бы номинально, гражданские свободы, а в недрах развивающейся либеральной мысли уже фигурировали свободы политические. Конечно же, это особое социально-политическое положение России не могло не оставить отпечатка и на теоретических, и на собственно практических программах ранних русских либералов. Отсюда и особое внимание к крестьянскому вопросу, которое особенно заметно у Кавелина, и теоретические изыскания, связанные с общинным владением землей, и обсуждение роли отдельных сословий в гражданской жизни общества, а также некоторые другие вопросы.

Таким образом, из приведенного беглого анализа можно вывести пять наиболее заметных особенностей, характеризующих раннюю русскую либеральную мысль. Это — отсутствие у либеральной мысли прочной социальной поддержки в обществе, ее антидемократический характер, принцип монархизма, а, сильное и ярко выраженное консервативное начало и отсутствие в первоначальный период гражданских свобод в российском обществе.

Перечисленные выше особенности, конечно же, отнюдь не исчерпывают собою все те отличия, которые были свойственны именно русской либеральной мысли и именно на ее раннем этапе. Я полагаю, что это *основные*, бросающиеся в глаза в процессе исследования, черты и особенности и, если угодно, свойства раннего русского либерализма. Это, на мой взгляд, предполагает наличие и других объектов внимания, и других подходов в данном вопросе.

В связи с этим можно привести примеры. Так А.Н.Медушевский утверждает: "В отличие от классического западноевропейского либерализма русский (как и германский) выступал за активное преобразование общества государством, которому не было никакой реальной альтернативы в России". И далее: "Суть их (либералов — В.П.) теоретических, правовых и исторических взглядов в целом как раз и сводилась к тому, чтобы побудить государство или передовых его представителей — просвещенную бюрократию — к последовательному проведению демократизации страны, невзирая на трудности и сопротивление консерваторов"³⁰³. В чем-то здесь А.Н.Медушевский и прав. Особенно если иметь в виду тот факт, что в России, в отличие от Западной Европы, в то время не было каких-либо конституционных институтов (парламент, независимая судебная власть). Но, с другой стороны, вряд ли возможно сводить всю деятельность русских либералов только лишь к роли некоего стимулятора правительства. Они разрабатывали теоретические основы либерализма, отнюдь не оглядываясь на действия правительствующих кругов. К тому же, и это очень важно, нужно помнить, что главные свои надежды на пути либеральных преобразований Чичерин, например, связывал с земским движением, с самостоятельной работой местных органов управления, а Кавелин, в определенный период, апеллировал к самосознанию дворянского сословия. И еще одно замечание. В конечном счете любая либеральная программа в определенной мере всегда обращена к субъектам власти (в этом ее существенное отличие от лозунгов и действий радикалов!), будь то монарх, парламент, Верховный суд или что-либо еще подобное. А ведь все эти инстанции представляют собой не что иное как государственные образования. И в этом смысле вряд ли русские либералы каким-либо кардинальным образом отличались от своих западноевропейских коллег.

Другой пример. В одной из своих книг А.Валицкий указывает на такую особенность как акцент, который делали русские либералы "на автономии права от политики, на логический и аксиологический приоритет правовой культуры над политической свободой". Он отмечает, что русские либеральные мыслители "создавали правовую культуру и защищали ее от чрезмерной политизации", они были совершенно уверены, "что правовой порядок может быть достигнут без полной политической свободы, но не наоборот", они хотели "политическую борьбу ввести в строгие правовые рамки, другими словами, они сделали выбор в пользу правового общества"³⁰⁴. Эти рассуждения А.Валицкого представляются довольно

интересными и существенными для анализа мировоззрения русских либералов. И хотя сам А. Валицкий в данном случае только лишь указывает на общую черту, которая связывает таких русских мыслителей как Е. Чичерин, В. Соловьев, Л. Петражицкий, П. Новгородцев, Б. Кистяковский и С. Гессен, не называя ее особенностью русской либеральной мысли, мне кажется, что все же, со всеми возможными здесь оговорками, эту черту, эту характеристику можно рассматривать и как особенность русского либерализма.

В. Ф. Пустарнаков. Типичные и нетипичные, адекватные и неадекватные (превращенные) формы русского либерализма и паралиберализма сравнительно с западноевропейскими формами

Либерализм возник на Западе, и естественно поэтому, что первые страницы истории либерализма в России связаны с проникновением сюда либеральных идей по законам идейных взаимосвязей, влияний субъектов влияния на объект, частичных или полных заимствований, ассимиляции заимствованных идей в инонациональной культурной среде, их приспособления к ней и т.д. А эти механизмы изучены в самых разных сферах общественной и философской мысли и вполне просматриваются в истории либерализма в России.

На самых ранних стадиях этой истории заимствования русскими мыслителями из работ западноевропейских либералов были обречены на неадекватность их воспроизведения и интерпретации, на неизбежную их трансформацию. Такая неизбежность трансформации и даже искажение заимствованных идей предопределялись тем фактом, что акт заимствования протекал между русскими мыслителями, представлявшими гораздо более отсталую страну, сравнительно со странами, источниками либеральных идей. И дело здесь не в том, что русские мыслители плохо думали и чего-то недопонимали. Как правило, более или менее здравые мыслители вообще не поддаются механическому влиянию чужой мысли, а самым актом выбора тех или иных идей они проявляют свою интеллектуальную самостоятельность. Но социально-политическая и мировоззренческая ориентация русских мыслителей, обращавшихся по тем или иным поводам к западноевропейскому либерализму, определялась главным образом и по преимуществу уровнем российской действительности, в которой их нужно было приспособить.

Поэтому, обращаясь к западноевропейским либеральным идеям, русские мыслители проявляли свою самостоятельность ценой неадекватного воспроизведения их идей, их трансформации, а нередко вольного или невольного искажения, фальсификации. Со временем, когда социальная действительность России становилась все более похожей на западноевропейскую действительность, породившую либерализм, тогда стали возникать возможности более адекватного восприятия русскими мыслителями западноевропейских либеральных идей и возможности возникновения либеральных идей под воздействием новой социальной действительности в самой России.

В силу указанных закономерностей в истории русского либерализма расходятся внешняя видимость и сущность. На поверхности вроде бы выступает множество явлений, свидетельствующих о распространении в России самых разных либеральных идей. Либеральные по форме, похожие на либеральные идеи можно встретить где угодно: в сочинениях Екатерины II и в деяниях Александра I, в проектах Сперанского и Лорис-Меликова, у аристократов эпохи Александра I, которых именovali "якобинской шайкой", и у Карамзина, у Чаадаева и славянофилов, у Погодина и Каткова, не говоря уже о дворянских либералах Кавелине, Чичерине, Градовском и т.д. и т.п. Но внешность обманчива. Думается, что именно такая внешность нередко подводит некоторых исследователей русского либерализма. Отсюда, скажем, странные выводы о том, что планы реформ Екатерины основаны на принципах западноевропейского либерализма, что Сперанский намечал проекты, ориентированные на создание правового государства и т.д.

Если мы хотим разобраться, что представлял собой русский либерализм, мы должны научиться за видимостью выявлять сущность и уловить момент, когда в России заканчивается период распространения отдельных, разрозненных либеральных по происхождению или по форме, превращенных и паралиберальных идей и начинается распространение принципов адекватного, настоящего либерализма, когда либерализм становится самостоятельным идейным течением.

Поскольку объективные, внутренние предпосылки для развития русского либерализма как самостоятельного направления были исключительно слабы, долгое время маложизнеспособным было маточное древо, на котором могли произрастать нормальные плоды либерализма. Заимствованные с Запада либеральные идеи в

России до середины 50-х годов XIX века представляли собой прививки к нелиберальным деревьям. Можно сказать и по-другому: либеральных по происхождению и по форме идей распространилось и в дореформенной России немало, но все они были как бы вмонтированы в нелиберальные по своему основному содержанию системы идей. Иными словами, паралиберальные идеи развивались тогда внутри нелиберальных преимущественно течений мысли, чаще всего в рамках идеологии "либеральной бюрократии" или "дворянского либерализма". Поэтому для русского либерализма, как, впрочем, для большинства течений русской мысли, характерна изначальная "нечистота", синкретичность, перекрещивание либеральных идей с другими направлениями. Нелиберальные направления, деревья-подвои, на которых прививались пришедшие с запада трансформированные либеральные идеи, приобретали вид паралиберальных направлений. Если мы не разграничим более или менее чистый, настоящий русский либерализм и паралиберализм, нетипичные, превращенные формы либерализма, если у нас в одном "либеральном" направлении окажутся Сперанский и Мордвинов, Кавелин и Чичерин, Владимир Соловьев, Стасюлевич, Струве и Милуков и т.д. т.п., то мы, на мой взгляд,отрежем себе путь к адекватным представлениям о русском либерализме в целом. Становление либерализма в России как самостоятельного движения и умственного течения — это, образно говоря, отпочкование потенциально либеральных привоев к нелиберальным деревьям и превращение их в отдельное растение.

Сравнительно недавно я познакомился с работой молодого японского профессора из Университета Хоккайдо С.Сигиурой о Б.Н.Чичерине. Отталкиваясь от анализа идейного наследия русского мыслителя, японский профессор пришел к тому же выводу, к которому давно пришли многие другие отечественные и зарубежные авторы, что Чичерин не был настоящим либералом. И вообще С.Сигиура сделал вывод о господстве в России «нетипичных направлений "либерализма"» (понятие "либерализм" японский профессор поставил в кавычки). Увы, в нашей литературе и в нынешней нашей дискуссии опять речь идет о Чичерине не просто как о либерале, но даже как о классике русского либерализма...

Между тем история либерализма в России дает множество свидетельств нетипичных, превращенных форм либерализма, по сути дела, паралиберализма.

Я уже говорил, что фритредерские тенденции проявились в официальной политике российских правительств, начиная с

Екатерины II, но неразвитость промышленности, предпринимательства, слабость третьего сословия вели к тому, что идеал экономического либерализма, которые и в Западной Европе возникли и какое-то время существовали в отсутствии в обществе политической свободы, не находили себе прочной опоры в русском обществе. Более того, в дореформенной России возник феномен мнимого экономического либерализма, ложного фритредерства, когда либерально-буржуазную идею невмешательства государства в экономику истолковывали как требование невмешательства в дела помещиков, заинтересованных в хлебной торговле, но не заинтересованных в развитии буржуазии и буржуазной промышленности.

Еще более неблагоприятно обстояли дела с развитием в России политического либерализма. Если в Западной Европе либерализм экономический и политический соединились в начале XIX века, то в России такое соединение произошло лишь в середине 50-х годов XIX века.

Невозможность становления в России адекватного политического либерализма вполне объяснима. Поскольку до петровских реформ в России господствовал способ производства, близкий к азиатскому, и во всяком случае здесь не было феодализма в западноевропейском смысле этого слова, не было дворянской аристократии западноевропейского типа и соответственно не было хотя бы сословной аристократической свободы, но, наоборот, гнет самодержавия охватывал все слои общества, и даже дворянство находилось в полной зависимости от самодержавия, доходившего до деспотизма, для русского политического либерализма не было сколько-нибудь прочных исторических корней и предпосылок. При господстве абсолютистского, централизованного, бюрократического, полицейского государства, по определению несовместимого ни с либеральной идеей суверенитета нации, ни с политической свободой, адекватные политические принципы либерализма до середины XIX в. не могли получить в России распространения.

Думается, что одна из причин неадекватных оценок политических взглядов как либеральных таких деятелей александровской эпохи как Сперанский является явная переоценка их правовых идей, которые якобы были ориентированы на правовое государство. Между тем распространение в России правовых идей еще не означало, что это было началом либерализма. Даже весьма реакционный деятель Ф.В.Булгарин считал, что правосудие есть первая добродетель в государе. Но я задаю себе в этой связи вопрос: всякое ли распространение в России идеи права двигало ее к либе-

ральному правовому государству? Если реформаторы эпохи Александра I стремились добиться некоторых политических свобод только для высших классов, то можно ли их на этом основании относить к либералам? Они просто модернизировали крепостническое государство, очищали его от примесей деспотизма, как говорил Н.М.Карамзин. Если Кавелин и Чичерин (почти до конца жизни) ратовали за монархию, основанную на законах, но мыслили ее все-таки неограниченной, то разве они были настоящими либералами, для которых идея абсолютизма в принципе непринемлема?

Настоящий политический либерализм начался в России только с момента, когда под вопрос был поставлен принцип самодержавия и принципу суверенитета государя был противопоставлен хотя бы изначальный либеральный принцип суверенитета нации, если не суверенитета народа, из чего исходили демократы. О более или менее настоящем русском либерализме можно говорить с середины 50-х годов XIX в., когда наметилось соединение политического и экономического либерализма, а главное — появились признаки не вообще конституционного движения, а именно либерального конституционализма. Сравнительно зрелое либеральное движение начинается лишь со времени образования в России либеральных партий в начале XX века. Век более или менее зрелого русского либерализма оказался очень коротким.

Запоздалость формирования русского либерализма привела к тому, что он изначально принял форму, отличную от классического западноевропейского либерализма. Настоящий русский либерализм еще не родился, а классический западноевропейский либерализм стал уже отцветать, перерастать в постклассическую форму. И неудивительно, что под давлением внешних и внутренних обстоятельств настоящий русский либерализм рождался сразу по преимуществу в постклассической форме.

В связи с общими особенностями возникновения, функционирования и развития либерализма в России сравнительно с западноевропейским возникает вопрос о классификации его форм. Речь идет не о том, чтобы отдать дань формализму. Ни одна идея, относящаяся к истории либерализма в России, кому бы она ни принадлежала, не должна остаться без внимания. Если я не считаю, скажем, Сперанского, Мордвинова, Кавелина или Чичерина настоящими либералами, то это не значит, что я исключаяю их из истории либерализма в России. Речь идет лишь о том, чтобы построже определить роль и место в этой истории того или иного мыслителя или деятеля. Только тогда суммарная картина истории русского

либерализма будет адекватной. Нельзя же в конце концов бесконечно находиться в роли буриданова осла: между тезисом о вроде бы богатой истории либерализма в России и тезисом о том, что в России вроде бы совсем не было и нет условий для либерализма.

Классификацию форм либерализма в России можно проводить по разным основаниям. Исходным пунктом классификации является западноевропейская модель классического либерализма, причем не в каком-то одном его признаке, а в наборе, совокупности существенных признаков. Естественно, что главными и определяющими выступают признаки политического и экономического либерализма. Если же речь идет об экспресс-анализе на предмет идентификации того или иного русского мыслителя в качестве типичного или нетипичного либерала или вообще нелиберала, то, на мой взгляд, очень подходящей является "метода", имплицитно содержащаяся в анекдоте о Петре Великом. Когда войска Петра взяли некий прибалтийский город и он собрался посетить его, при въезде в город его салютом, как было положено, не встретили. На вопрос: почему? ему ответили: "На это есть, Ваше Величество, много причин: во-первых, нет пороха..." На чем Петр и прервал докладчика — остальные причины он мог вообще не принимать во внимание. Так и я, памятуя, что о типичности или нетипичности русского либерала можно судить по многим признакам, задаю ему прежде всего вопрос насчет "пороха", то бишь насчет главного в политическом либерализме. А он мне, например, Кавелин, отвечает, что он стоит за неограниченное самодержавие. По примеру Петра делаю вывод. Достаточно. Ни о чем другом можно не спрашивать: уже заведомо известно, что Кавелин — нетипичный, ненастоящий либерал, так что в дальнейшем требуется лишь детализировать первый вывод.

В истории западноевропейского либерализма выявились как минимум три стадии: история классического, постклассического и неклассического типа. На эмпирическом материале истории России в принципе просматриваются аналогичные стадии с тем отличием, что модель классического либерализма в России не получила сколько-нибудь существенного развития: оформившийся в середине 50-х годов XIX в. настоящий русский либерализм изначально стал развиваться преимущественно в постклассической форме.

Экономический либерализм зародился в Западной Европе отдельно от политического, первоначально он мог сочетаться с политически нелиберальными типами мировоззрения. Сформулированный в долиберальном физиократическом мировоззрении принцип

laissez faire, laissez passer лишь по форме выражал экономический либерализм, и поэтому даже в XIX в. он мог выступать не только в качестве адекватного выражения собственно экономического либерализма, но и в качестве его превращенной формы. Именно в такой превращенной форме выступал принцип laissez faire, laissez passer (или его аналоги — принцип libre échange, free-trade в русской дворянской идеологии XIX в. Превращенной эта форма либеральной теории свободной торговли, выгораживающая интересы буржуазного свободного предпринимательства, становилась тогда, когда она обособлялась от своего содержания и приобретала самостоятельное, сущностное значение, становясь идеей свободной торговли вообще, даже будучи направленной против буржуазного строя, на защиту добуржуазного общества. Поэтому известное распространение в России, начиная с эпохи Екатерины II, идей laissez faire, laissez passer-изма, либр-этанжизма, фритредерства отнюдь еще не означает их распространения в качестве либеральных принципов. Так принцип laissez faire, laissez passer признавал Катков, но от этого его мировоззрение не становилось либеральным даже в сфере торгово-экономической. С другой стороны, неприятие фритредерства — это не обязательно признак консерватизма. Пример с “протекционизмом” Д.И.Менделеева в этом отношении является очень демонстративным.

Политический либерализм, в первую очередь принципы либерального конституционализма, также неоднократно выступали в России в неадекватных, превращенных, нелиберальных, по сути, формах. Так конституционализм октябристов, считавших себя либеральной партией центра, на самом деле либерализмом не был, а был либеральным конституционализмом лишь по имени, квазилиберализмом. В такой же превращенной форме выступал конституционализм Б.Н.Чичерина последних лет его жизни.

Какие же нетипичные, неадекватные формы либерализма, либеральные привои к нелиберальным типам мировоззрения, разновидности паралиберализма и маргинальные формы следовало бы выделить?

Прежде всего следует назвать русскую “либеральную бюрократию”. Реформаторские, модернизационные проекты — не исключение, а правило в деятельности российских правительств, особенно со времен Петра I. Временами эти проекты шли сравнительно далеко и создавали видимость настоящей “либерализации”. Внешность тем более выступала обманчивой, что в бюрократических реформационных модернизационных проектах нередко чув-

ствовалося прямое влияние настоящих западноевропейских либералов. Примерами здесь могут служить личные контакты Александра I и его окружения с Бентамом, тот факт, что система выборов в русские земства, установленные Положением 1864 г., исходила из идей Дж. Ст. Милля о представительном правлении³⁰⁵. Манифест 17 октября 1905 г., вдохновителем которого считают С.Ю.Витте, некоторые авторы например Леонтович, относят к либеральным документам, начавшим якобы либеральную политику Николая II. На самом деле ни один проект, вышедший из рук "либеральной" русской бюрократии XVIII-XIX вв., не был либеральным по существу, по принципам.

Православная церковь, не пережившая, как западная христианская церковь, ни эпохи Ренессанса, ни эпохи Реформации, вплоть до XX в. выступала основой, фундаментом российского консерватизма во всех сферах жизни русского общества. Но временами дух реформ проникал и в веками сооружавшиеся православием консервативные крепости. В западной Европе в XIX в. оформилось целое направление так называемой либеральной теологии. В России теологический "либерализм" в значительных масштабах не распространился. Однако такие явления как светское богословие славянофилов, поставивших под вопрос ряд консервативных установок официального богословия, бунт против официальной церкви профессора Московской, а затем Казанской духовной Академии А.М.Бухарева (1824-1871), стремившегося реформировать православную церковь и получившего за это прозвище "русского Лютера", явно реформационные по духу, богоискательские тенденции в так называемом "новом религиозном сознании" начала XX в., религиозные искания Льва Толстого и Владимира Соловьёва и другие аналогичные явления в религиозной жизни русского общества, также позволяют говорить о "либеральной теологии" в России. Но это также лишь превращенные, неадекватные, не типичные формы либерализма.

Либеральные прививки нередки на разных направлениях русского консерватизма — на дворянско-аристократической идеологии, на консервативно-романтическом по основному духу славянофильству, на почвенничестве, на консервативном западничестве Каткова и т.д.

Многие русские дворяне-аристократы — это европеизированная прослойка русского общества. Они не раз позволяли себе фрондировать против самодержавия, доходя иногда до требований конституции. Но аристократический конституционализм ничего

принципиально общего с либерализмом не имел. Это типичный пример квазилиберализма, еще одной разновидности превращенной формы либерализма.

Славянофилы, особенно поздние, тоже неоднократно давали повод для приобщения их к лику русских либералов, но это могло происходить только при условии пользования безбрежно-расширительным понятием "либерализм". Если же с понятием "либерализм" обращаться строго, то даже "конституционный" проект Кошелева ни в коей мере нельзя отнести даже к протолиберальным. Проект Кошелева — это тоже типичный пример превращенной формы либерального конституционализма.

О месте экономического либерализма в мировоззрении Каткова я уже говорил. Теперь стоит сказать о том, что и в сфере политической Катков никогда либералом не был. Катковское "англоманство" — это ориентация на английскую аристократическую модель, симпатии к формам власти и управления, практиковавшимся британскими тори, что, естественно, не даст никаких оснований даже раннего Каткова относить к либералам в политической сфере.

Когда "апостол" русского либерализма К.К.Арсеньев подводил итог 50-летней деятельности "Вестника Европы" он очень высоко оценил участие в журнале Владимира Соловьева, назвав в первую очередь его статьи против "зоологического национализма" в России, статьи, несомненно, усиливавшие идейные позиции русского либерализма. Есть и другие направления в творчестве позднего Соловьева, которые положительно влияли на русский либерализм. И тем не менее даже поздний Владимир Соловьев в мировоззренческие рамки настоящего либерализма не вписывается. Поздний Вл.Соловьев — в основном консервативный религиозный мыслитель, но западник. В этом качестве он не принимал в сфере социально-экономической ни капитализма, ни социализма, ни либерализма. В его глазах социализм и плутократия совпадают в общем им материалистическом принципе. А поскольку для Соловьева самостоятельный и безусловный закон для человека только один — нравственный и окончательное решение социально-экономических вопросов он видел только в нравственной организации хозяйственных отношений, то никакую из либеральных моделей социально-экономической организации общества он не одобрял.

Самостоятельную форму нестипичного, неадекватного либерализма представляет дворянский либерализм. Это — наиболее близкая к настоящему либерализму форма, разновидность паралиберализма. Причем внутри дворянского либерализма разные индивиду-

альные его разновидности находятся на разном расстоянии от настоящего либерализма. Если в мировоззрении дворянских либералов круга Грановского, Кавелина, Чичерина, Градовского дворянские элементы преобладают над буржуазными (поэтому к ним может быть применен также термин либеральный консерватизм), то в другой фракции дворянских либералов в лице Боткина, Анненкова, наоборот, буржуазное содержание превалирует. Кавелин, пожалуй, ближе к настоящему либерализму, чем Грановский, а Чичерин более либерален, чем Кавелин. Может быть, Максим Ковалевский слишком суров в оценке Чичерина как "лже-либерала", но он верно схватил суть дела. Чичерин, даже поздний, хотя и оказал большое влияние на русский либерализм, из рамок дворянского либерализма не вышел и настоящим либералом ни в классической, ни в постклассической форме не стал.

Классифицируя разные формы либерализма, паралиберализма и квазилиберализма, необходимо избежать одной тенденции, которая не раз проявлялась в нашей литературе. Сколь бы ни было жестким, даже нигилистическим, отношение исследователей советского периода к русскому либерализму, все-таки либералам (часто мнимым) отдавалось предпочтение перед любым консерватом, историческое значение деятельности либеральной буржуазии оценивалось выше, чем деятельность консервативной буржуазии. Думается, что такой подход не всегда и не во всем правомерен.

Конечно, консервативная нелиберальная русская буржуазия всегда всеми силами держалась за государственный протекционизм и не ставила под сомнение самодержавную политическую власть. Но она все-таки ратовала за развитие национальной промышленности и объективно, а иногда и сознательно противостояла попыткам дворянских идеологов оставить Россию аграрной страной и тем самым способствовала настоящей либерализации социально-экономического строя гораздо больше, чем некоторые либералы-интеллигенты, остававшиеся в сфере чистой мысли. Консервативная буржуазия со своим протекционизмом часто оказывалась более реалистичной, чем либералы со своим абстрактным "экономическим либерализмом".

Из наиболее близких к настоящему русскому либерализму в его постклассической форме форм паралиберализма следует назвать также либеральное народничество. Если русские либералы 70-80-х годов XIX в. круга "Русской мысли" находились под влиянием не только западноевропейского катедер-социализма, но и русского народничества, то многие легальные русские народники,

особенно из окружения Н.К.Михайловского, в свою очередь, заимствовали немало идей из либеральной идеологии, что и дало основание квалифицировать эту группу легальных народников в качестве народников либеральных, тогда как другие легальные народники оставались враждебными любым либеральным идеям.

Четкая классификация разных форм русского либерализма, в отличие от его нетипичных, превращенных форм, отталкиваясь от моделей западноевропейского либерализма — одна из предпосылок адекватного воспроизведения истории русского либерализма и в целом, и в отдельных его фрагментах.

А.А.Кара-Мурза. Конкретные проявления русского либерализма многообразны, но в основе их лежит одна и та же проблема: как избежать социального хаоса и защитить при этом автономию человеческой личности?

В общеевропейском контексте становится очевидным, что русский либерализм не имел, да и не мог иметь каких-либо особых отличий от либерализма западного. Пушкин, Чичерин или Струве — это и есть либералы в классическом смысле, ибо они дают ответ прежде всего на главные вопросы — “как защитить социальность от варварства?”, “как не допустить варварства в политику?”, а потом уже *внутри этого общесоциологического императива* заявляют о приоритете прав и свобод личности и необходимости их расширения и защиты. Ибо, повторяю, главная интенция подлинного либерала заключается не в стремлении любой ценой “отщепиться” от государства, общины и пр. (недаром слово “отщепенчество” имеет концептуальный и при этом сугубо негативный смысл в либерализме, к примеру, П.Струве), а в попытке сохранить и укрепить автономные пространства творщей (понимая под этим словом широкую сферу “продуктивной” человеческой деятельности) личности.

Отечественный либерализм вообще крайне прагматичен и свободен от морализаторства. Он, конечно, еще более консервативен, чем либерализм западный: лишенный западных “цивилизационных тылов” (традиций античного права, рыцарского кодекса чести, форм сословной автономии и пр.), развиваясь в России, как в “пространстве повышенного исторического риска”, он менее, чем где-либо еще, мог позволить себе радикализм, спо-

способный привести не к гражданскому обществу, а к бунту. Отсюда же проистекают и слабости отечественного либерализма, его "зжатость" между охранительством и нигилизмом, его высокая степень зависимости от патронажа коммунальных форм (государства, общины), а когда приходит время действовать — регулярный проигрыш революционно-радикальным партиям.

Конкретные проявления русского либерализма многообразны, но в основе их лежит одна и та же проблема: как избежать социального хаоса и защитить при этом автономию человеческой личности? Отсюда — порой неожиданные союзнические отношения либеральных мыслителей с силами, которые, по их мнению, способны гарантировать защиту индивидуальных прав и свобод. Поэтому я не могу, например, отлучить от русской либеральной традиции ранних славянофилов с их убеждением, что община парализует лишь "варварскую", "непродуктивную" ипостась индивида и, напротив, способствует реализации ее творящей человеческой ипостаси. Становятся более понятными в этом контексте и идеи "либералов-государственников" типа Б.Чичерина и П.Струве о том, что только сильное правительство способно охранить *частные права и свободы*; расчет же на "общество" ненадежен, ибо в России оно склонно к антигосударственному отщепенчеству, возбуждению "изменных инстинктов масс" и провоцированию общественного беспорядка.

Сильный консерватизм русских мыслителей, однако, не мешал им снова и снова ставить вопрос, способен ли русский человек принять либеральный порядок и самостоятельно, без государственной опеки, противостоять хаосу и социальному разложению.

Русский либерализм получил в начале века реальный шанс выступить в качестве главного гаранта социального порядка. Однако либеральная альтернатива качанию "русского маятника" между хаосом и деспотизмом оказалась снова несостоятельной. И не только потому, что личность в России (как полагают многие, причисляющие себя к либералам) не смогла в очередной раз вырваться из сословных или общинных пут, блокирующих всякую индивидуальную автономию, — это лишь одна сторона медали. Другая ее сторона, на которую сегодняшние либералы стараются меньше обратить внимание, демонстрирует, что большевистская революция была прежде всего апофеозом распределительного хаоса, где главным действующим лицом выступил разнуздавшийся и лишенный нравственных стабилизаторов индивид. А.Изгоев (как и другие авторы знаменитого сборника 1918 г. "Из глубины") точно за-

метил, что *“русский большевизм”* явился учением не столько коллективистским, сколько индивидуалистическим: *“Никогда в обществе социальные связи не были столь слабы, столь надорваны, как во времена официального царства социализма. Человек человеку волк — вот основной девиз этих страшных дней. Сотрудничество и общность были лишь во время преступления. После него, при дележе добычи каждый думал лишь о себе, сталкивая с дороги более слабого или неопытного. Стадо волков, вырывающих друг у друга добычу... И все декламации о социализме, о пролетарской солидарности, о пролетарской дисциплине, о совместной работе на общее благо — все эти сентиментальные разговоры являлись лишь аккомпанементом к сценам первобытного каннибализма”*³⁰⁶.

Бедра русского либерализма того времени состояла в том, что он в очередной раз не смог противопоставить разнуздавшейся русской “воле” творческую и ответственную “свободу”. Последующая тоталитарная регламентация (это очень важно понять именно сегодня) явилась лишь компенсацией за еще большую трагедию — трагедию социального распада и революционаристско-нигилистического самоуничтожения России, утратившей (говоря словами С.Франка) “инстинкт национального самосохранения”.

Л.В.Поляков. Опасность с Запада: антилибералистский синдром в русской мысли XIX в.

Первая четверть XIX в. — время окончательного формирования культурного единства Европы, выступившей как сверх-территориальная, сверх-конфессиональная и, отчасти, сверх-национальная целостность, отчетливо противостоящая остальному миру. Формой осознания этого единства может быть признана величественная конструкция гегелевской философии истории, в которой одновременно и отражен и задан “европоцентризм” как объективная историческая констатация бесспорного лидерства модернизированной “Европы” (европейской цивилизации) в контексте остального человечества³⁰⁷.

На это же время приходится наиболее активное и эффективное участие России в европейских делах, время демонстрации не только ее военного могущества, но и ее глубокой заинтересованности в сохранении и укреплении религиозного (христианского) фундамента европейской культуры. Участие Российской империи в Священном Союзе, закрепившее ее ведущую (если не решающую)

роль в сохранении мира в пост-наполеоновской Европе, делало в глазах многих русских того времени бесспорным факт глубокой причастности России к семье европейских народов.

Такое воззрение включало в себя не только момент самоутверждения России, как равноправного участника "единой Европы" начала XIX в., но и признание ее существенной социально-политической отсталости, связанной с наличием таких институтов как крепостная зависимость значительной части населения и неограниченная автократическая власть. Для русской аристократической элиты, в большинстве своем принявшей активное участие в наполеоновских войнах, сравнение России и Европы вело к однозначному выводу о необходимости устранения из русской действительности всего того, что представлялось несовместимым с фундаментальными принципами европейской цивилизации.

Думая так, они полагали, что мыслят в одном направлении с императором Александром, который выказывал намерения приступить к серьезным социально-политическим реформам в России. Однако с 1815 г. становилось все более очевидным, что "Европа", увиденная русскими аристократами, и "Европа", как она представлялась российскому императору в духе замысла "Священного Союза" — это две заметно различающиеся реальности, по отношению к России во всяком случае. Для будущих "декабристов" Европа выступала образцом (по крайней мере — ориентиром) глубоких изменений, которые должен был претерпеть весь социально-политический строй России. Для императора скорее сама Россия должна была продолжать оставаться если не образцом, то своеобразным гарантом послевоенного политического status quo и источником "духовного" излечения Европы от последствий (и причин!) французской революции.

Противостояние этих двух подходов в течение почти десяти лет привело к их прямому столкновению в форме восстания декабристов в 1825 г. Новый император сумел подавить эту первую в России попытку политического действия (скопированную с "военных революций" европейского образца). Но с тех пор и до сегодняшнего дня в русской мысли не прекращается великий спор о "России" и "Европе" Или — более обобщенно — о "Западе", который для одних выступает как норма и образец цивилизованного развития, а для других — как коварный и опасный враг, то тайно, то явно посягающий на само бытие России, на ее самобытное призвание в мире.

И весь тридцатилетний период николаевского царствования может быть рассмотрен как своеобразная историческая парадигма этого великого спора, заключающая в себе его основные логические моменты. Сначала — разгром европейски ориентированных реформаторов-дскабристов у себя в стране. Затем — подавление национально-освободительного движения на крайнем западе империи (Польша 1830–1831 гг.). В 1849 г. интервенция русской армии в Венгрию для подавления революционного движения уже на территории собственно “Европы”. И наконец, непосредственное столкновение с “Европой”, т.е. лидерами европейской цивилизации Британией и Францией в Крымской войне, приведшее Россию в царствование Александра II через военное поражение к реализации реформаторских планов, инициированных в свое время беспрецедентной военной победой над “объединенной” (наполеоновской) Европой.

Оценивая николаевское царствование с точки зрения его парадигматической роли в новейшей российской истории (вплоть до конца СССР), можно прийти к выводу, что “европеизация” России (ее социально-экономическая и политическая модернизация) осуществлялась как бы вопреки желанию тех, кто ею управлял. Что ее постоянным фоном было восприятие “Европы” и “Запада” как губительного искушения и желание, поэтому, любой ценой удержать Россию в ее самобытной противоположности (а тем самым — в “независимости от”) европейской цивилизации. Естественно ожидать, что такой социально-психологический контекст должен был продуцировать определенный тип мышления — существенно антизападнический.

Однако формирование этого типа в России шло весьма специфическим путем. Дело в том, что вековой разрыв с базовой культурной традицией Московской Руси заблокировал возможности появления действительно самобытной и при этом социально-значимой антизападнической рефлексии. Ее потенциальные источники — диссиденты-старообрядцы и церковные интеллектуалы — оказались маргиналами имперской российской культуры. Одни фактически существовали за пределами (иногда и за границами) “государства”, другие — полностью были поглощены “государством”, превратившись в чиновников “по духовному ведомству”.

Роль рефлексующего протонационального “Я” по необходимости взяла на себя российская интеллигенция как прямой продукт петровской революции. А выполнить эту роль она могла, лишь следуя имевшимся в ее распоряжении западным образцам. Это оказалось возможным, поскольку к тридцатым годам XIX в.

западноевропейская социокультурная рефлексия достаточно ясно определилась в своих трех основных (и значимых по с.ч.о пору) разновидностях, как: либерализм, консерватизм (романтизм) и социализм.

В России особенно уместными оказались две последние “идеологии”, отразившие прежде всего опыт революционного и постреволюционного развития Европы. Но если в самой европейской культуре они выступили как формы самокритики буржуазной капиталистической цивилизации, а следовательно как условия ее эффективной исторической адаптации, то в России их заимствование произвело, выражаясь шпенглеровским языком, такую “псевдоморфозу”, что до сих пор проблема национальной идентичности оказывается одной из самых острых и трудноразрешимых.

Российская интеллигенция 30–40-х годов, “застолбившая” в формирующемся русском самосознании полюса консервативного романтизма и социализма, предопределила тем самым его последующее существование как принципиально “разорванного”. Раскачиваясь на “качелях” имперско-космополитического, просветительско-социалистического универсализма, с одной стороны, и патриархально-областнического, консервативно-романтического этницизма — с другой, русское самосознание ради удержания внутренней целостности а priori вынуждено было фокусироваться в одной точке. И этим “фокусом” всегда служит “Запад” — умеющий примирить все крайности духа и бытия в трезво-уравновешенном, рационально-расчетливом и неотвратимо манящем свободой “либерализме”.

Именно в ответ на осознание неостижимости и недостижимости западной “гармонии” и рождается в России устойчивый антилибералистский — значительно охотней характеризуемый как антибуржуазный и антикапиталистический — синдром, объединяющий (до сих пор!) во всем остальном радикально противоположных мыслителей. Демонстрации наиболее ярких образцов этого синдрома, а также внутрикультурной логики его становления и развития и посвящена предлагаемая работа³⁰⁸.

Выбор П.Я. Чаадаева как первоначального объекта при анализе антизападнического, антилибералистского синдрома в русской мысли может показаться парадоксальным, но лишь до того момента, пока мы не присмотримся к некоторым сторонам философско-исторической концепции этого во многих отношениях образцового “западника”. В 1829 г. Чаадаевым было написано знаменитое “Философическое письмо”, в котором: эмоциональный

протест против духа и стиля николаевского царствования — десять лет спустя маркиз де Кюстин определит его как “перманентное военное положение, ставшее нормальным состоянием государства”³⁰⁹ — соединялся с универсалистской историсофской концепцией, утверждавшей принципиальную инаковость России не только в отношении Европы, но и всего остального мира.

“Дело в том, — утверждал Чаадаев, — что мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого духа на нас не распространилось. Дивная связь человеческих идей в преемстве поколений и история человеческого духа, приведшие его во всем остальном мире к его современному состоянию, на нас не оказали никакого действия”³¹⁰.

Чаадаев принципиально отказывается вникать в эмпирическую историю взаимоотношений России с теми или иными государствами Европы, чтобы строить дифференцированную картину, допускающую разные формы сближения России с европейской цивилизацией или отталкивания от нее. Для него важно фронтальное столкновение двух “миров”, которое позволяет прийти к двум выводам, ставшим впоследствии аксиомами русской антизападной мысли.

Во-первых, это признание того, что существует единая Европа, особый “христианский мир” и что, поэтому, “народы Европы имеют общее лицо, семейное сходство”³¹¹. В основе “социального мира” европейской цивилизации лежат общие “идеи”, образующие ее “составные элементы”. Это идеи “долга, справедливости, права, порядка”, о которых можно сказать, что это “атмосфера Запада, это нечто большее, чем история или психология, это физиология европейского человека”³¹².

Во-вторых, исключение России из всех “известных семейств” человечества — по существу, из истории как таковой — вело Чаадаева к признанию за Россией какой-то особой, уникальной роли в мире. Как писал он, “мы жили и сейчас еще живем для того, чтобы преподать какой-то великий урок отдаленным потомкам, которые поймут его; пока, чтобы там ни говорили, мы составляем пробел в интеллектуальном порядке”.

Нужно отметить, что в начале 30-х годов наряду с официальной антилибералистской идеологией, выражавшейся уваровской формулой “Самодержавие, Православие, Народность”, существо-

вали и такие подходы, в рамках которых отношения России и Европы рассматривались без экзальтированного драматизма. Так И.В.Киреевский в статье “Девятнадцатый век” (1832 г.) подобно Чаадаеву исходил из мысли о принципиальном различии между историческими судьбами России и Европы. Но, конкретизируя эту мысль, он подчеркивал, что различие проистекает от того, что для основных элемента, образования Европы и России (“христианство” и “варвары”, разрушившие Римскую империю), покоятся на разных культурно-исторических фундаментах. В Европе — это наследие античной классической цивилизации, предопределившее развитие свободных торговых городов и деятельности, погруженной в мирские дела римско-католической церкви. Отсутствие такого фундамента в нашей истории определило отсталость России и невозможность следовать путем европейского “просвещения”.

Однако ранний Киреевский, в отличие от Чаадаева, не усматривал еще непреодолимой стены между Россией и Европой. Если невозможно повторить европейскую историю, то можно и нужно, утверждал он (после чего его журнал “Европеец” и был закрыт), воспользоваться зрелым плодом европейской цивилизации — той формой просвещения, которая возникла там со второй половины XVIII в.

В то же время он с почти чаадаевским бесстрашием отвергает русское историческое наследие и пишет слова, которые и вызвали соответствующую реакцию имперского истеблишмента: “У нас искать национального — значит искать необразованного; развивать его за счет европейских нововведений — значит изгонять просвещение, ибо, не имея достаточных элементов для внутреннего развития образованности, откуда возьмем мы ее, если не из Европы? Разве самая образованность европейская не была последствием просвещения древнего мира? Разве не представляет она теперь просвещения общечеловеческого? Разве не в таком же отношении находится она к России, в каком просвещение классическое находилось к Европе?”³¹³.

Иная (и в целом более оптимистическая) трактовка отношения России к Европе содержалась в книге И.М.Ястребцова “О системе наук, приличных в наше время детям, назначаемым к образованнейшему классу общества” (М., 1833). Сам автор отмечает, что в ней представлены “основные мысли” Чаадаева, который, со своей стороны, также указывал на эту книгу как содержащую основные положения его философии истории. Похоже, в этой книге мы впервые встречаем в русской мысли тему, которая лишь через

несколько десятилетий найдет свое устойчивое обозначение как "русская идея".

В соответствии с главной чаадаевской мыслью об абсолютной гетерогенности русской и европейской исторических традиций Ястребцов пишет: "Какая идея нашего отечества? Она должна быть отлична от идей собственно европейских, ибо до сих пор Россия составляла как бы особый мир в Европе"³¹⁴. Далее, однако, в книге появляется концепция, отражающая скорее ориентализм министра просвещения³¹⁵, нежели аутентичные воззрения Чаадаева. Европейская цивилизация определяется как "скандинавская" по происхождению, а все народы Европы рассматриваются как ее распространители. Поэтому естественным оказывается такой взгляд на призвание России: "Полагаем, что идея нашего отечества состоит в таком превращении скандинавской цивилизации, какое необходимо для мира азиатского, и что идея Испании имеет подобное значение для мира Африканского."

Россия и Испания не отстали от Европы, а идут своим собственным путем"³¹⁶.

Сам Чаадаев двумя годами позднее значительно более определенно выразил свою концепцию в письме А.И.Тургеневу. Он вновь подтвердил основную мысль об абсолютном различии России и Европы, исключая пути их сближения, намеченные Ив.Киреевским и Ястребцовым. "И не говорите, что мы молоды, — писал он, — что мы отстали от других народов, что мы нагоним их. Нет, мы столь же мало представляем собой XVI или XV век Европы, сколь и XIX век"³¹⁷. У России в ее истории нет, в отличие от Европы, никакой отчетливо проявленной идеи. Нельзя признать таковой и минимое призвание России цивилизовать Азию. Европейцы, предостерегает Чаадаев, "упорно уступают нам Восток; по какому-то инстинкту европейской национальности они оттесняют нас на Восток, чтобы не встречать нас больше на Западе. Нам не следует попадаться на их невольную хитрость"³¹⁸.

Однако не во всем мысли Чаадаева в 1835 г. совпадают с теми, что нашли свое выражение в первом "философическом письме". Главное расхождение — в понимании того "урока", который может дать "отдаленным потомкам" страна без истории, т.е. без "идеи". Чаадаев теперь приходит к выводу, что историческая беспочвенность России, ее свобода от традиций и "роковой логики времен" — это знак ее великого призвания в деле разрешения судеб европейской (христианской) цивилизации. Миссия России — не на Востоке: "Мы призваны, напротив, сбучить Европу бесконечному

множеству вещей, которых ей не понять без этого... Придет день, когда мы станем умственным средоточием Европы, как мы уже сейчас являемся ее политическим средоточием, и наше грядущее могущество, основанное на разуме, превзойдет наше теперешнее могущество, опирающееся на материальную силу. Таков будет логический результат нашего долгого одиночества; все великое приходило из пустыни"³¹⁹.

Нужно сказать, что в таком — спасительном для Европы — связывании ее судеб с Россией Чаадаев не был совсем одинок. В том же направлении мыслил и бывший "любомудр" кн. В. Ф. Одоевский. Правда, его отношение к Европе, к утилитарному, рационально-эгоистическому "Западу" существенно более критично в сравнении с чаадаевским и значительно более оптимистично в отношении России. Главное различие — в смещении "угла зрения". Чаадаев не склонен искать сближения России и Европы *внутри* исторического горизонта. Здесь Россия действует скорее как отрицательная величина. Но именно поэтому она и может сыграть свою "мессианскую" роль: историческое "ничто" есть идеальная позиция для завершения исторической драмы, для финального "апокалиптического синтеза".

Одоевский же сопоставляет *исторические* пути Европы и России, и прежде всего подвергает беспощадному анализу современное ему состояние западной цивилизации. В эпилоге "Русских ночей" представлен ее тотальный кризис, поразивший самые основания европейского "духа" — науку, искусство и религию. Западная наука сделалась эмпирической и аналитической, утратив саму способность целостного мировосприятия. Искусство лишилось воздействия на жизнь, превратившись в праздную забаву "толпы". Религия впала в унижительную зависимость от политики и борьбы партий. Диагноз беспощаден: "Запад гибнет!"³²⁰.

На фоне "гибнущего" Запада вполне ясна задача России, которой принадлежит XIX век. Главный герой романа Фауст, фактически авторское alter ego, читает безымянную рукопись с пророчеством о русском призвании: "Не одно тело должны спасти мы — но и *душу* Европы!

Мы поставлены на рубеже двух миров: протекшего и будущего; мы новы и свежи; мы непричастны преступлениям старой Европы (...) Все должны оживить мы! Наш дух вписать в историю ума человеческого, как имя наше вписано на скрижали победы. Другая, высшая победа — победа науки, искусства и веры — ожидает нас на развалинах дряхлой Европы"³²¹.

Эта "победа" выразится лишь в том, что западная цивилизация, полностью исчерпавшая свой духовный потенциал, получит от России ("славянского Востока") новый жизненный импульс — "всоемлющую многосторонность духа"³²². В свое время петровская прививка европейского просвещения оказалась стимулирующей для России. Теперь Россия должна вернуть "долг" — даже несмотря на то, что европейцы совсем этого не ждут и не желают. "Чужд Западу приближение славянского духа, — пишет Одоевский, — пугается, как наши предки пугались Запада. Неохотно замкнутый организм принимает в себя чуждые ему стихии, хотя они бы должны были поддерживать бытие его, — а между тем он тянется к ним невольно и бессознательно, как растение к солнцу"³²³.

Именно эта идея — использование нераскрытого (неизвестного) потенциала русской культурно-исторической традиции в ситуации тотального кризиса Европы — стала отличительной чертой славянофильской концепции. Славянофилы отвергли краеугольный постулат чаадаевской историософии об историческом "ничтожестве" России. Более того, идя дальше по сравнению с толерантной формулой раннего Ив.Киреевского, считавшего русскую историческую традицию самостоятельной, но менее полной (в смысле отсутствия античного фундамента), славянофилы (и тот же Киреевский) утверждают принципиальную *доброкачественность* именно самой русской истории как хранительницы единственно спасющих для всего (крещеного) мира социально-нравственных начал.

При таком подходе "неполнота" русской истории — неопценное благо. Отсутствие античного наследия избавило древнерусское христианство от догматического рационализма, а древнерусскую жизнь — от господства сухого, бездушного юридического формализма. Впрочем, не только античный "област" оказывается "в пассиве" у западноевропейцев. Их собственный "дух", их способ государственного строительства фактически вынудил их принять римское право как основу всех жизнеотношений. Начало "насилия" и "завоевания", лежащее согласно фундаментальному постулату славянофилов в основе западноевропейской цивилизации, не предполагает никакого иного способа общественной связи кроме чисто внешнего, формально-договорного.

В результате на Западе возник мир, принципиально противоположный тому, который сложился на европейском славянском Востоке. В описании А.С.Хомякова предстает такая картина: "Началом Запада была двойственность в жизни народной (завоеванные и завоеватели) и двойственность в понятии духовном:

ибо односторонность римского определения единства в покорности (следовательно, единства внешнего) вызывала необходимость и вызвала отрицательную односторонность свободы — в разномыслии (следовательно, внешней, ибо свобода разумная едина). Обе односторонности должны были оказаться неудовлетворительными и, следовательно, произвести общее отрицание. В нашем же духовном начале тождество свободы и единства (свободы и единства и единства в свободе) и наше народное начало, которое могло принять и сохранить такое духовное начало вследствие своего внутреннего единства, не могут никогда ни подчиниться выводам, исторически вытекшим из западной действительности, ни принять их в себя³²⁴.

Из признания полной противоположности двух миров — “западного”, “романо-германского” (католическо-протестантского) и “восточного”, “славяно-православного” славянофилы сделали вывод о неизбежности борьбы между ними. Сам Хомяков представлял эту борьбу в виде столкновения двух метаисторических принципов, связывая мир протестантско-католический с тем, что он называл “кушитством”, а мир православно-славянский с “иранством”. Для Ю.Ф.Самарина “существенное, коренное различие” двух миров есть уже “условие борьбы” между ними во всех сферах, включая и политическую³²⁵. И даже наиболее сдержанный Ив.Киреевский, который в своих статьях, написанных до европейской революции 1848–1849 гг., еще искал пути и способы примирения “образованности” русской и европейской в “живом, полном, всечеловеческом и истинно христианском просвещении”³²⁶, также усвоил в 50-х годах общий славянофильский стиль отношения к Западу. Теперь он утверждает, что лишь “вырвавшись из-под гнета рассудочных систем европейского лобомудрия, русский образованный человек в глубине особенного, недоступного для западных понятий, живого, цельного умозрения святых отцов церкви найдет самые полные ответы именно на те вопросы ума и сердца, которые всего более тревожат душу, обманутую последними результатами западного самосознания. А в прежней жизни отечества своего он найдет возможность понять развитие другой образованности”³²⁷.

Итак, можно сделать промежуточный вывод о том, что для русских мыслителей, решавших проблему “Запада” с помощью консервативно-романтической парадигмы, существенной чертой России выступает особый тип религиозности — либо дополняющий (как у Чаадаева) вселенское христианство, либо (как у славянофилов) выступающий как само аутентичное христианство. Но те же

славянофилы предприняли попытку обосновать уникальность и своего рода аутентичность социальной организации русского "мира". В соответствии с религиозно-моралистическим духом своего учения они усматривали в *общине* прежде всего *нравственный принцип*, во всем противоположный европейской правовой государственности с ее парламентской демократией и судом присяжных.

Так Хомяков утверждал, что "есть бесконечная разница между большинством — выражением грубо вещественного превосходства, и единодушием — выражением высоконравственного единства, в котором все отдельные члены, частные лица, теряют свою строптивую личность, а община выступает как нравственное лицо"³²⁸.

Можно сказать, что "община" для славянофилов постепенно превратилась в концентрированное выражение русской культурно-исторической традиции, позволявшее сводить к ней или выводить из нее все основные контрасты России и Европы. "В истории нашей Руси, — писал Хомяков, — идея единства общинного лежала всегда, как основной камень общественных понятий, но долго происходила борьба мелких общин с идеею великой общины"³²⁹.

Благодаря тому, что община выступает альтернативным принципом нравственного и государственного устройства России, славянофилы видели в ней надежный щит против западных социалистических и коммунистических доктрин, которые, согласно Хомякову, есть лишь "жалкая попытка слабых умов, желающих найти разумные формы для бессмысленного содержания, завещанного прежними веками"³³⁰. Очевидно, что контрастное сопоставление русской "общины" и западного "социализма" играло в славянофильской критике Запада отнюдь не главную роль. Сосредоточенные на критике *принципов* западной цивилизации, они лишь эпизодически обращали внимание на следствие, а тем более на европейские проекты будущего, в самой возможности которого они изначально сомневались.

Однако для части русских "западников" проблема общины оказалась ключевой, вызвав существенный поворот в их отношении к Европе, вынудив стать в ряды ее критиков. Наиболее яркой и характерной фигурой предстает, конечно же, А.И.Герцен, до своего отъезда из России в 1847 г. в полемике со славянофилами и адептами "официальной народности" талантливо и убежденно отстаивавший ценности европейской "науки" и "просвещения".

Став свидетелем катастрофического поражения европейской революции, не сумевшей осуществить социалистические идеалы,

“западник” Герцен выносит беспощадный приговор “мещанской” Европе. Он рассматривает ее как торжество посредственности, “среднего состояния” — лавочника и купца. Принцип такой Европы — “казаться, а не быть”. Ее покой — это угашение исторического творчества, покой смерти. “Буржуазная оспа” захватила Европу, и Герцен готов “прийти к покойному и смиренному сознанию, что *мещанство* окончательная форма западной цивилизации”³³¹.

Собственно говоря, радикального переворота в мировоззрении Герцена не произошло. Высшие ценности, выработанные западноевропейской цивилизацией — “наука” и “социализм” остались для него непоколебленными. Только подверглась переоценке перспектива их воплощения в жизнь. С 50-х годов Герцен начинает утверждать идею своеобразного социалистического мессианизма России. Взяв основной постулат Чаадаева об абсолютной исторической несовместимости России и Европы в соединении со славянофильским культом “общины”, Герцен сделал вывод о том, что именно русский народ может в ближайшем будущем воплотить социалистическую идею. Коллективная собственность на землю, существующая в крестьянской общине, и есть, согласно Герцену, если не универсальное разрешение “социального вопроса”, то, по крайней мере, “одно из решений”. “Русский социализм” становится для Герцена и всех его последователей (“народников”) новой формулой “анти-западничества” и “анти-либерализма”.

Основная цель Герцена — обосновать возможность для России развиваться своим собственным, не “мещанским”, не “капиталистическим” путем. В прошлом насильственная европеизация России, будучи злом, все-таки оказалась исторически оправданной. “Одним из самых жестоких ударов, перенесенных русским народом, — утверждал Герцен, — был удар цивилизации, которая пыталась лишить нас национальности, не делая нас гуманными, и она-то нам отрыла нас самих *посредством социализма*, к которому она питает отвращение”³³². И именно поэтому современная европейская (буржуазно-либеральная!) цивилизация превращается в источник если не фактической, то потенциальной опасности для устремленной к социализму “общичной” России.

На примере Герцена можно наблюдать, как социалистическая критика буржуазного Запада в конечном итоге оказывается родственной критике консервативно-романтической. И сам Герцен не случайно писал о социализме: “Разве не признан он славянофилами так же, как нами? Это мост, на котором мы можем подать друг

другу руку"³³³. Это ощущение "родства" оказывалось возможным главным образом потому, что практически все русские мыслители "никolasевской поры" работали в общей философско-исторической парадигме, строившейся на аксиоматическом признании фундаментального единства человечества. В рамках такого подхода противостояние "России" и "Запада" не предполагало их абсолютного, взаимоисключающего разрыва. Скорее, напротив, одно не мыслилось без другого — ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем.

В конце 60-х годов Н.Я. Данилевский предложил новую философско-историческую парадигму, в рамках которой взаимоотношения "России" и "Запада" выстраивались уже существенно иначе. Базируясь на своей концепции "культурно-исторических типов", являющейся приложением принципов натуралистической морфологии к сфере человеческой истории, он "научно" (по критериям науки того времени) обосновал необходимость и неизбежность культурного противостояния, политической конфронтации и даже вооруженного столкновения между Россией и Европой.

Россия, являясь структурным ядром более молодого (на четыре века) — по сравнению с европейским ("романо-германским") — славянского культурного типа, можно сказать, обречена на борьбу с Западом. Не ради его духовного "избавления", как полагали славянофилы. И не ради воплощения в жизнь "общечеловеческих ценностей" науки и социализма, как полагал Герцен и народники. Запад любой — католический и протестантский, капиталистический и социалистический — принципиально чужд России. Романо-германский культурный тип, достигнув стадии урядания и даже "гниения"³³⁴, с естественной враждебностью должен относиться к более молодому сопернику. Данилевский формулирует этот тезис совершенно недвусмысленно: "Европа не случайно, а существенно нам враждебна"³³⁵.

Чтобы успешно противостоять этой враждебности, славянский мир должен прежде всего достичь политической консолидации, образовав под руководством России православянский конфедеративный союз. "Единственное спасительное средство" для достижения такой цели — "борьба с Западом"³³⁶. Такая борьба оправдана не только с натуралистической точки зрения как борьба старого и молодого "организмов". Дело в том, что Данилевский вводит в свою концепцию определенный аксиологический аспект, рассматривая смену культурно-исторических типов как все-таки эволюционный (хотя и не однолинейный) процесс. И борьба

“славянской” России с “романо-германской” Европой представлена им как столкновение типа потенциально более совершенного, но менее развитого, с типом актуально более развитым, но менее совершенным.

Как известно, Данилевский особенно настаивал на уникальности культурно-исторических типов и невозможности связать их единой преемственностью, поскольку каждый из них (а в истории удалось проявиться лишь десяти) выражает неповторимо специфическое “культурное” содержание. Но в то же время возможен и иерархический подход, дающий классификацию типов по степени полноты и совершенства, которых достигли в них четыре основных “отрасли” человеческой деятельности: религиозная, собственно культурная (к которой Данилевский относил науку, искусство и промышленность), политическая и социально-экономическая. Романо-германский тип достиг совершенства лишь в “политике” и “культуре”, став “двухосновным” (по терминологии Данилевского) и превзойдя, тем самым, все предыдущие — “одноосновные” — типы. Историческая задача славянского типа — достичь гармонического совершенства в развитии всех “отраслей” и стать самым полным — “четырёхосновным”.

Но не только количественное превосходство респект исход “борьбы с Западом” в пользу России. Дело в том, что Данилевский имплицитно предполагает большую значимость и весомость для деятельности религиозной и социально-экономической, т.е. как раз той, которая в романо-германском типе оказывается “недоразвитой”. В таком предпочтении можно обнаружить отражение всей предыдущей традиции русской мысли, сосредоточенной на критике “Запада” именно в религиозном и социально-экономическом аспектах. Вспоминая Герцена, можно сказать, что концепция Данилевского оказалась тем “мостом” на котором — сами того не подозревая — встречаются романтики-славянофилы и социал-исты-народники.

Конечно, сам Данилевский методологически не мог бы одобрить такой “встречи”. Для него любой “социализм” — это типично западный продукт, и его принцип “общественной собственности” лишь чисто поверхностным образом может быть сопоставлен с принципом коллективного землевладения в русской крестьянской общине³³⁷. Но однозначный мировоззренческий выбор заставляет его сопоставлять и отдавать предпочтение именно русскому православию и крестьянской общине как *качественным* альтернативам западной цивилизации.

Ради этих "ценностей", а не только в силу законов исторической морфологии, Россия обязана вести постоянную борьбу с Западом и добиться победы. Только в силу этого "призвания" в глазах Данилевского и оправдан "панславизм" как геополитическая стратегия российского самодержца. Злая ирония заключительных строк книги, переходящая в пафос, как бы резюмирует общие установки Данилевского в отношении Европы и России: "Россия, эта страна варварства, застоя и абсолютизма, приобрела внезапно такое нравственное оружие, сила которого не вполне ясна и для нас самих (...) Нравственная сила эта называется крестьянским наделом. Знамя, на котором будет написано: Православие, Славянство и крестьянский надел, то есть: нравственный, политический и экономический идеал народов Славянского типа — не может не сделаться символом победы"³³⁸.

В концепции Данилевского тема опасности "Запада" для России, неизбежности тотального противостояния "романо-германству" получила детальную разработку и соответствующее философско-историческое обоснование. Одновременно мы видим, что в этой концепции намечается единая методология и стратегия антисвропизма, объединяющая критические интенции двух самостоятельных течений в русской мысли: религиозно-романтического и светского социалистического. Однако окончательному синтезу этих двух подходов препятствовало не только субъективное нежелание Данилевского отождествлять русскую крестьянскую общину с социальными формами коммунистического строя и не только его непреодоленный (а потому и неопределенный!) аксиологизм. Дело в том, что, обрушиваясь то на западный "атеизм", то на западный "социализм" (или на то и другое вместе) русские мыслители как бы оставляли в стороне самую сердцевину "Запада" — либерализм — как "сeseвую" позицию западного политического мировоззрения и социально-экономической практики. Преодолеть эту неполноту и создать логически завершенную модель русского антисвропизма как главного образом и в первую очередь *антилиберализма* довелось К.Н.Леонтьеву.

Принимая основные идеи концепции культурно-исторических типов, Леонтьев внес в нее два существенных изменения. Во-первых, он устранил иерархию типов, которые у Леонтьева уже абсолютно равноправны и подчиняются лишь универсальному закону, управляющему процессом "возникновения, существования и гибели" любых форм бытия. Это уже не просто "органическая" метафора в духе Дж.Вико или немецких романтиков, а фундамен-

тальный онтологический постулат: “Все вначале просто, потом сложно, потом вторично упрощается, сперва уравниваясь .. смешиваясь *внутренне*, а потом еще более упрощаясь обеднением частей и общим разлужением, до перехода в неорганическую “Нирвану”.

При дальнейшем размышлении мы видим, что этот триединый процесс свойствен не только тому миру, который зовется собственно органическим, но, может быть, и всему существующему в пространстве и времени”³³⁹. В отношении “государственных организмов” и “культур” этот закон предписывает делить их историческое бытие (в пределах тысячи лет) на три фазы: “1) *первичной простоты*, 2) *цветущей сложности* и 3) *вторичного смешительного упрощения*”³⁴⁰.

Во-вторых, Леонтьев существенно изменяет определение русского культурного типа. Важно не то, что “племенно” славянский, а то, что он сверхнационально, религиозно и государственно — *византийский*. В его сопоставлении с типом “романо-германским” появляется теперь возможность дистанцироваться как от национально, так и от конфессионально мотивированной аксиологии. С одной стороны, Леонтьев не жалеет сарказма, вновь и вновь обличая “гнилой Запад”³⁴¹. Но, с другой стороны, о России и русских у него находятся слова и размышления, вполне сопоставимые с тем, что сказано было в свое время Чаадаевым и де Кюстингом. Чего стоил хотя бы этот пассаж: “Мы прожили много, сотворили духом мало и стоим у какого-то страшного предела”³⁴².

Этот “страшный предел” — фаза “вторичного смешительного упрощения”, в которую уже вступила буржуазно-демократическая, либеральная Европа и которая нависает гибельным соблазном над тысячелетней — достигшей исторического предела — Россией. Поэтому антисевропеизм у Леонтьева становится не столько “категорическим”, сколько “онтологическим императивом”, придавая всему леонтьевскому мировоззрению столь шокировавший многих (Розанов и Бердяев — в их числе!) отпечаток “иммориализма”.

“Либеральная” Европа, стремящаяся к обустройству на основе принципов “свободы”, “равенства” и “братства”, как раз и воплощает в себе основные признаки “вторичного смешительного упрощения”. Против этого “рационального, научно-самосознательного” способа самоуничтожения культуры и восстает Леонтьев. Европа же в своей “цветущей” фазе, в эпоху сложной средневековой-ренессансной культуры есть едва ли не высшая ценность человечества. “Европейское наследие вечно и до того богато, до того

высоко, — заявляет он, — что история еще ничего не представляла подобного”³⁴³.

Византийский культурно-исторический тип, воплощаемый Россией, несет в себе те признаки, которые уже фиксировались предшественниками Леонтьева в качестве специально “русских”. Мы можем безошибочно узнать их в таком описании: “Сильны, могучи и у нас только три вещи: Византийское Православие, родовое и безграничное Самодержавие наше и, может быть, наш сельский поземельный быт”³⁴⁴.

Мы видели, что синтезировать эти “силы” в целостном типе русского самосознания с четкой антиевропейской фокусировкой оказывалось ранее невозможно. Ни для славянофилов, бравших все эти элементы рядоположно, ни для Герцена и народников, отбрасывавших православие и самодержавие во имя “социализма”, ни для Данилевского, отвергавшего “социализм” во имя “крестьянского надела”. Синтез удался лишь Леонтьеву, который под маской эпатазирующего “либеральную” общественность “реакционера”, сумел пророчески (а значит — научно!) соединить несоединимое.

Взяв “самодержавие” как чистый принцип власти, не сумел подвести под крылья славянофильско-народнического “разводного моста” такую прочную “опору”, что предельно умозрительная конструкция оказалась в XX веке одной из ведущих и наиболее стойких парадигм русской ментальности. “Весьма вероятно, — писал он, — что самый аграрно-рабочий вопрос... есть ни что иное, как маскированная и сама себя еще не понявшая корпоративно-сословная реакция будущего”³⁴⁵.

В свое время подобный взгляд на социализм показался бы, например, Герцену (которому, кстати, Леонтьев весьма симпатизировал) морально недопустимым и логически абсурдным, и не случайно он написал: “Наше воображение отказывается представить себе русского императора, окруженного учреждениями коммунистическими”³⁴⁶. Для Леонтьева же именно эта перспектива оказывалась единственно спасительной для России в ее противостоянии “либерально-демократическому разложению”. В частном письме 1889 г. он обрисовал ее таким образом: “Чувство мое пророчит мне, что Славянский Православный Царь возьмет когда-нибудь в руки социалистическое движение (так как Константин Византийский взял в руки движение религиозное) и с благословения Церкви учредит социалистическую форму жизни на место буржуазно-либеральной. И будет этот социализм новым и суровым тройким рабством: общинам, Церкви и Царю”³⁴⁷.

Достигая в концепции Леонтьева своего синтетического "совершенства", русский антиевропеизм (антилиберализм, выявляет и собственную структуру, и смыслопорождающую логику. Смотрясь в "кривое зеркало" Запада, русское самосознание напряженно пыталось разглядеть неискаженный лик "подлинной" России. Прозорливей всех оказался вообще отказавший русским в какой бы то ни было "подлинности" Леонтьев, сумевший предсказать неизбежную антихристианскую революцию в России, в случае если ее самодержцы сделают дальнейшие уступки либеральной демократии и конституционализму. Если русский народ не будет "ограничен, приевнен, отечески и совестливо стеснен", писал он в 1890 г., то "через какие-нибудь полвека, не болес, он из народа—"богоносца" станет мало-помалу, и сам того не замечая, "народом-богоборцем", и даже скорее всякого другого народа, быть может".³⁴⁸

Именно леонтьевский антилиберализм как концентрированное усмотрение "существа" новой Европы и стал истоком формирования "национал-большевизма" как основной (реальной) идеологии СССР. Именно его идея русско-азиатского синтеза преобразилась в "евразийстве" как ведущей и все еще привлекательной утопии русского самосознания XX века. Именно в леонтьевском наследии черпает все принципиальные свои аргументы современный (представленный во многих ликах) российский антилиберализм.

**Э.Ю.Соловьев. Только после Владимира Соловьева
русская либеральная мысль смогла обрести
программную последовательность**

В публикациях последних лет³⁴⁹ неоднократно обсуждался следующий примечательный феномен: представители самых различных течений русской философской и социальной мысли обнаруживают склонность к нравственному осуждению права. Правовые нормы объявляются сомнительной ценностью, отторгаются как нечто заимствованное и подражательное, причисляются к искусственным человеческим изобретениям, которым нет места в совершенном обществе будущего. В середине XIX в. эта нормологическая болезнь становится своего рода эпидемией³⁵⁰, а после убийства в 1881 г. царя Александра II заявляет о себе как торжествующий правовой нигилизм.

Концептуально последовательный характер тенденция к нравственному осуждению права впервые получила в сочинениях старших славянофилов (у И.Киреевского, Ю.Самарина и К.Аксакова).

Право, по их суждению, — это принудительная система норм и институтов, излишняя и даже оскорбительная для совестливого, нравственно развитого человека. Считать право “естественным”, по строгому счету, может лишь расчетливый утилитарист, циничный служитель частного материального интереса³⁵¹. Русской культуре, от начала ориентированной на идеал бескорыстия и святости, право непонятно и чуждо во всех его обнаружениях.

(а). Неотъемлемые права личности (права человека, как мы называем их сегодня) — не более, чем нормативное послабление себялюбия; борьба за эти права, мотивированная представлением об их “священности”, уводит человека от его подлинной святой обязанности, состоящей “в добровольном самоотречении во имя соборного единения” (Ю.Самарин).

(б). Договора и гарантии — всего лишь сомнительные паллиативы согласия, придуманные для мира, где на деле господствует всеобщее недоверие (К.Аксаков).

(в). Распределительная справедливость — филистерски-буржуазное замещение более высоких требований сострадания, милосердия и жертвенной любви (Н.Страхов).

(г). И уж совсем враждебна нравственности справедливость карательная (уголовно-правовая). Пенитенциарные учреждения неисправимо бесчеловечны, они никогда не перестанут быть машиной мстительного насилия.

Эти аксиомы славянофильского правопонимания не раз атаковались русскими либералами 50–70-х годов (Д.Кавелиным, С.Муромцевым, Б.Чичериным) — эталонными представителями отечественного “западничества”. Но показательно, что и в их критических возражениях, и в их апологии политико-юридических завоеваний, достигнутых Западной Европой, отсутствовала энергия безусловного. Право отстаивалось с позиций этатизма. Оно признавалось ценным и значимым лишь в качестве средства, обеспечивающего здоровье и долголетие государственного организма. Правовые нормы, выражаясь языком Канта, трактовались как гипотетические императивы в уравнениях государственной целесообразности. Титул “священных, вечных и нестсуждаемых”, который права личности получили в Европе нового времени, по строгому счету, не оправдывался. Существенно также, что либеральные апологии права, как и славянофильские его осуждения, тяготели к

утилитарной редукции правовых норм. Если Ю.Самарин и К.Аксаков видели в правосознании образ мысли, естественный для индивидуального (частного) утилитаризма, то Д.Кавелин и Б.Чичерин соотносили его с утилитаризмом социальным. Защищая правовые начала, они адресовались прежде всего к государственному мужу, радующему об “общем интересе” и “общей пользе”. Но поскольку понятия интереса и пользы насквозь эмпиричны, постольку признание ценности права ставилось в полную зависимость от того, как власть понимает и оценивает свою собственную социально-политическую конъюнктуру³⁵².

В трактовке права славянофильы и западники 50–70-х годов не были, таким образом, принципиальными и непримиримыми противниками. Их концепции легко совмещались по линии этатизма и сакрального отношения к отечеству. Что это действительно так, доказала идеологическая жизнь 80-х годов. Имперско-православно-националистическая доктрина, выстроенная усилиями Д.Толстого, К.Победоносцева и М.Каткова, В.Мещерского и К.Леонтьева, А.Киреева и Д.Щеглова, сумела осуществить своеобразный вульгарный синтез расхожих догматов славянофильства и русской (либеральной) “государственной школы”. У первых были заимствованы соборно-солидаристское понимание общества, патерналистская интерпретация власти, идея особого исторического призвания России; у второй — органицистское толкование государственного целого и пафос социального утилитаризма. Понятия “общего блага”, “национального блага”, “народного блага” — понятия гадательные и неопределенные, а потому поддающиеся самым произвольным истолкованиям, — были решительно обращены против правовой идеи. Они прочно вошли в идеологию авторитарного полицейского государства.

Реализуя эту идеологию, российское правительство в короткие сроки свело на нет ранее начавшийся процесс разделения властей, погасило мечту о конституции, стеснило земское самоуправление, ужесточило преследование старообрядцев, довело до наглости русификацию Польши, подчинило полицейским регламентам жизнь городского обывателя и опутало деревню административными предписаниями, способствовавшими консервации патриархальных отношений.

Официальные публицисты объявили русский народ политически и социально несовершеннолетним, обреченным на десятилетия палочной муштры. Революционеры-народники и правительство сошлись на идее террора. Либеральный реформизм выпалывался

цензурой. Университетские курсы правоведения словно по приказу развернулись в сторону юридического позитивизма.

Но вот парадокс. Именно в этой атмосфере юридического одичания на свет появляются настоящие шедевры философии и философской публицистики, в которых *сила права* как сила нравственная бескомпромиссно противопоставляется *праву силы*.

Это усилие одинокого духовного противостояния по отношению к господствующему образу мысли выполняет самый странный, самый парадоксальный и экстраординарный из тогдашних русских мыслителей — В.С.Соловьев. В “Оправдании добра” (1894–1896) и серии журнальных статей, подготовлявших и сопровождавших это сочинение, он совершает реформаторский переворот в отечественном политико-юридическом сознании, — акт принципиального и последовательного христианского нравственного признания права, который в Западной Европе осуществлялся в течение двух столетий (XVI–XVII вв.) в мучительных исканиях протестантизма и философской борьбе за веротерпимость.

Без всякого почтения к уникальности русского менталитета В.Соловьев выносит следующий исторический приговор господствующей отечественной традиции: “с древних времен (от языческих книжков и христианских гностиков) и до наших дней” в общественном мнении то и дело утверждался “фальшивый взгляд”, когда “право, как явление чисто условное, отвергалось во имя абсолютных требований”³⁵³. Правовой нигилизм в России 80-х годов — всего лишь очередной триумф этого повсеместно встречающегося фальшивого взгляда.

В.Соловьев прекрасно понимает, что право не нравственность, ибо не предписывает нам ни сострадания, ни благожелательности, ни даже уважения к приличиям. И все-таки право сродни нравственности, поскольку его требования также принадлежат к сфере чистого долженствования. Чужое (а в некоторых ситуациях и мое собственное) право может и должно соблюдаться ригористически, по типу моральной обязанности.

Правовые установления открывают возможности для преследования частных выгод (люди пользуются правом как эгоисты). И все-таки право не сводимо к эгоизму, пусть даже к самому что ни на есть разумному. Согласно В.Соловьеву, правопорядок (в отличие от порядка в расхожем смысле слова) — это общественное состояние, соответствующее внутреннему запросу *нравственно развитой личности*. Только она обладает самоочевидным сознанием того, что право есть гарантия свободы и угроза, обращенная про-

тив злодея нашей свободы. И наоборот, утилитарист (в особенности утилитарист циничный) осознает правовое установление как собственную угрозу и досадную для себя чужую гарантию. Его согласие с правопорядком эмпирично, конъюнктурно, а потому всегда в той или иной степени случайно.

Право и нравственность — различные, но никак не противоположенные нормативные системы. “Между этими двумя областями, — пишет В.Соловьев, — есть положительное и тесное внутреннее отношение, не позволяющее отрицать одну из них во имя другой”³⁵⁴. Выявление этого отношения — важнейшая обязанность нравственной философии перед заблудившимся российским обществом³⁵⁵.

Настоящим скандалом историко-философского изучения русской культуры следует признать то, что философско-правовые идеи В.Соловьева по сей день остаются неисследованными и необсужденными. В прекрасной библиографии, которую Л.Венцлер приложил к своей книге “Свобода и зло по Владимиру Соловьеву”, значится только одно монографическое исследование, специально посвященное этой теме³⁵⁶. Что касается ее кратких изложений в обзорах истории русской философии права, то они, как правило, недостаточно аналитичны, говорят о том, что находится на виду, и не ставят вопроса о скрытых смысловых возможностях. В центре внимания обычно оказывается ключевая формула из главы XVII “Оправдания добра”: “Право есть принудительное требование реализации минимального добра, или порядка, не допускающего известных проявлений зла”³⁵⁷. Между тем формула эта не резюмирует философско-правовых идей В.Соловьева. Выражение “принудительная реализация минимального добра” имеет в виду уголовный закон; она появляется в контексте оправдания экзективного принуждения, что не было ни единственным, ни даже центральным замыслом В.Соловьева и, надо сказать, менее всего ему удѣлось.

Нравственное признание права многогранно. Как бы полемически откликаясь на аксиомы славянофильского правопонимания, В.Соловьев развертывает этическое обоснование (а) неотъемлемых прав личности, (б) принципа договора, (в) распределительной справедливости и (г) справедливости карательной (экзективной). Мы не найдем в наследии В.Соловьева соответствующего тематического расчленения, но каждая из только что названных задач присутствует здесь и получает более или менее убедительное решение. При этом самым существенным (и самым удавшимся из

всего, что сделал В.Соловьев), на мой взгляд, является *этическое обоснование неотъемлемых прав личности* (прав человека).

В.Соловьев — один из немногих европейских мыслителей и единственный русский философ XIX в., который ясно расслышал персоналистски-универсалистский смысл христианской нравственности.

Человеческий индивидуум (любой и каждый человек, независимо от его этнической, социокультурной и сословно-классовой принадлежности) должен быть признан в значении уникального творения Божьего. Он, говорит В.Соловьев, есть “возможность для осуществления неограниченной действительности, или особая форма бесконечного содержания”³⁵⁸. Можно согласиться с Е.Трубецким, который следующим образом интерпретировал эту формулу: “По Соловьеву, в божественном порядке каждый человек есть некоторое индивидуально определенное выражение всего; иначе говоря, он есть частная божественная идея”³⁵⁹. Личность призвана к осуществлению этой идеи, а обязанность общества (более того, предельный, идеальный смысл его существования³⁶⁰) состоит в том, чтобы помочь реализации множества индивидуальных призваний³⁶¹.

Трудно сказать, насколько достижимым и близким представлялся В.Соловьеву столь величественный финал истории. Но чего он требовал категорически, так это того, чтобы современное ему общество по крайней мере прочнее встало в колею, ведущую к такому финалу, и предохранило себя от движения вспять, к порядкам варварским. Эта страховка от возможной регрессии обеспечивается тем, что достоинство и потенциальная бесконечность человеческого существа признается хотя бы негативно: через установление соответствующего безусловного запрета.

Формулу такого запрета В.Соловьев находит у Канта. Это знаменитое второе выражение категорического императива: “Никогда не относись к человеку только как средству, но всегда и при всех поступках рассматривай его еще и как цель саму по себе”³⁶².

Запрет на отношение к человеку “только как средству” — это цивилизационное veto, которое налагается на варварскую эксплуатационно-утилизаторскую практику, в каких бы обликах она ни появлялась на свет. Признание человека в качестве “цели самой по себе” — это, если угодно, обязательство-обещание. Принимая его, общество как бы оглашает свою твердую решимость никогда не терять из вида идеала и не замедлять его эмпирическими представлениями о социальной целесообразности.

Кантовское понятие “цель сама по себе” входит в нравственную философию В.С.Соловьева в качестве формально-этического аналога идеи “частной божественной задачи”. Человек всегда уже несет в себе цель, заданную творцом, и не наше дело вооружать и связывать его какими-либо внешними целеуказаниями. Общество может в лучшем случае приближаться к разгадке персональных призваний. В нынешнем своем состоянии оно не в силах ни постигнуть их, ни тем более гарантировать их осуществление. Соответственно самое лучшее, что можно сделать “здесь и теперь”, — это признать за личностью способность самостоятельного целеполагания: независимого определения смысла жизни и соответствующего этому смыслу концепта собственной выгоды. Общество должно запретить себе всякое патерналистское вмешательство в интенциональные основания частной жизни.

Не требуется сложных логических выкладок для демонстрации того, что подобное незмешательство равносильно признанию за личностью ее фундаментальных субъективных прав: *свободы совести* (убеждения, веры) и — на ее основе — *свободы распоряжения своими способностями, силами и имуществом*. Для предоставления этих прав совсем не обязательно подписывать какую-либо перечисляющую их декларацию: они налицо всюду, где существует, с одной стороны, запрет на использование человека “только как средства”, с другой — запрет на патерналистское навязывание благих целей.

В.Соловьев не был единственным мыслителем XIX в., который увидел, что этическая формула Канта одновременно является фундаментальной формулой правосознания. Уже в начале столетия это поняли, например, такие выдающиеся немецкие правоведы, как К.Хайденрейх и П.А.Фейербах. Вместе с тем прочтение Канта В.Соловьевым глубоко оригинально.

Большинство юридических толкователей второй формулы категорического императива понимало ее как запрет, налагаемый на отношения одного человека к другому. Главного нарушителя неотъемлемых субъективных прав усматривали в агрессивном и циничном эгоисте. В.Соловьев иначе смотрит на дело. По его мнению, опасность утилизаторского покушения на личность исходит прежде всего от коллективных субъектов, — от “групповой воли” и “собирательного эгоизма”³⁶³. Видеть в человеке только средство легче всего тем, кто действует по правилу “цель оправдывает средства”. Но это правило социальных фанатиков, которые говорят себе: все позволено ради процветания нашей нации, ради блага

нашего народа, ради торжества нашей веры, ради победы нашего передового класса.

Вот здесь-то и обозначается собственная масштабная тема В.Соловьева, одновременно и философско-правовая и философско-историческая. В мире идет не только зоологическая борьба индивидов, которую Гоббс обозначил как *bellum omnia contra omnes*; чем дальше, тем больше общество раздирается конфликтами "собираательных эгоизмов". Каждый из своекорыстных коллективов находится во вражде по отношению к каким-то другим и подчиняет свою жизнь требованиям военно-мобилизационной солидарности. Боевыми лозунгами этой солидарности становятся идеи *самобытности, гегемонии и особых исторических миссий*. Верования, национальные идентификации, патриотические, классовые и общинные чувства приобретают принудительный характер. Признание единой коллективной цели в значении индивидуального жизненного призвания (отказ от самостоятельного целеполагания) превращается в элементарное условие лояльности. Группа рассматривает каждого своего члена как служителя и солдата, -- как пушечное мясо (жертвенное "только средство") в священной войне, которую она ведет с социальными и историческими конкурентами. Внутренняя жизнь такой группы представляет собой казарменную пародию на понятие соборности, как его трактовали старшие славянофилы, ибо давно уже не предполагает ни добровольного объединения, ни свободного самоотречения. Их место занимает конформизм, идейное лицемерие и симуляция чувств³⁶⁴.

Принудительная солидарность под флагом самобытности, гегемонии и особых исторических миссий — это могила всех неотъемлемых личных прав. В современном мире человек, как уникально творение Божье, более всего нуждается поэтому в правовой защите от притязаний той именно общности, к которой он причисляет себя самым естественным образом (по своему происхождению, верованиям, имущественному положению) и в которой надеется чувствовать себя "вполне по-семейному".

Такова, на мой взгляд, уникальная идея, которой В.Соловьев, как русский мыслитель конца XIX в., обогащает теорию прав человека. И многие формулы, найденные им в ходе критики семейно-принудительной российской духовности (церковно-православной, имперско-патриотической, крестьянски-общинной), прямо могли бы войти в международные правовые декларации. Вот одна из них: "Никакая общественная группа или учреждение не имеет права насильственно удерживать кого-либо в числе своих членов".

Вот другая: "Общество, где личности присваивается лишь относительная ценность орудия для политических и культурных целей, хотя бы самых возвышенных, в принципе противоречит идеалу человеческой общественности"³⁶⁵.

Философско-правовая публицистика В.Соловьева нанесла сокрушительный удар по националистическому эрзергарду уходящего с общественной арены славянофильства и сыграла важную роль в реформировании и обновлении русской либеральной мысли.

"Оправдание добра" произвело глубокое впечатление на П.Новгородцева³⁶⁶. Ему многим обязаны ученики Новгородцева (И.Ильин, Б.Выпеславцев, Н.Алексеев) и такие замечательные правоведы начала XX в. как С.Гессен и Б.Кистяковский. Они восприняли от Соловьева если не негативное, то скептическое отношение к этатизму как принципу. Они превратили в философско-правовой постулат его идею о сверхутилитарном (духовно-нравственном) первоисточнике правосознания и стали трактовать последнее как общечеловеческое суждение о справедливости, имеющее значение критерия и меры при оценке любых "положительных законов". Только после В.Соловьева (который, по строгому счету, не принадлежал ни к какому определенному политическому движению) русская либеральная мысль обрела программную последовательность европейского политического либерализма и прочно связала себя с концепцией прав человека и идеалом правового государства.

И.К.Пантин. О странной судьбе либерализма в России

Россия принадлежала к числу стран, где западная традиция высокой культуры была не только воспринята, но и продолжена, развита благодаря творчеству корифеев литературы, музыки, науки. Но Россия была одновременно самой отсталой из европейских стран по количеству школ, учреждений здравоохранения, социального обеспечения, страной, где задавленность нуждой, материальные лишения делали людей невосприимчивыми к богатствам собственной культуры, не говоря о мировой, к общечеловеческим идеалам добра, свободы, гражданственности.

После 1861 г. часть общества устремляется по пути западного экономического развития, насаждает крупную промышленность, прокладывает железные дороги, увеличивает добычу угля, нефти, железной руды. В каком-то смысле страна бурно развивается, есте-

ственно по меркам тогдашнего времени. И в это же время ее деревня, где проживает основная масса населения, зажата в тиски отсталости, голода, нищеты. Промышленная революция в городах не только не была дополнена социальным переворотом в деревне, но, напротив, вызвала к жизни “псевдотрадиционный”, “квазитрадиционный” (В.Крылов) уклад — систему полукрепостнического отаочного хозяйства, ориентированного на рынок. Другими словами, буржуазное обновление страны вылилось для российского мука в разорение, в выколачивание из него непомерных налогов, в муки голода, в избыточный труд без всяких шансов добиться когда-нибудь успеха.

Наконец, образованное общество России шаг за шагом двигалось в направлении либеральной политической культуры Запада. Падение крепостного права ускорило этот процесс. Сначала либерально настроенная профессура, затем земцы, техническая интеллигенция, часть предпринимателей доводят дело до формирования либерального движения в стране (вспомним “Освобождение”, деятельность партии кадетов в Государственной думе и вне ее). И что же? Либеральное движение упирается в тупик. Недоверие либералов к демократизму усиливается заложенной в народнической демократии концепцией “земли и воли”, а позже “народной воли”, не говоря уже о социал-демократической идее “диктатуры пролетариата”. В результате радикализм либерального подхода обернулся конформизмом: выражая лучшее, что было в российской высокой культуре — гражданское мужество, жажду истины, недремлющую совесть, стремление личности к свободе и т.п., — он оказался не в состоянии подняться на уровень исторической задачи, не затрагивал наиболее жгучие проблемы реальной действительности, оставляя другим политическим силам (народникам, большевикам) возможность активности среди простого населения с его “низкой” культурой. Принципы и идеалы либерализма на рубеже XIX–X вв. в российских условиях не устарели, просто они должны были видоизмениться, вступив в диалог с “предысторией” общества и с новейшими тенденциями его развития, если всерьез претендовали стать либеральной альтернативой объединения культурно расколотого общества.

На первый взгляд, народники и социал-демократы (большевики) с их социальными коллективистскими программами, которые видели в государстве сверхадминистратора, руководителя, контролирующего универсальные права и свободы, представляли собой демократическую альтернативу либералам. На деле же про-

изошло обратное: ориентируясь на революционную активность плебейски-крестьянских масс, они оказались вынужденными отступить от демократии под напором событий. Демократия как система ценностей и демократия как механизм управления надолго разошлись между собой.

Свое теоретическое объяснение антиномичность исторического развития России находят в концепции “догоняющего развития”, или “догоняющей модернизации”. Разумеется, эта концепция — я тоже был причастен к ее разработке в середине 80-х гг. — не является отмычкой ко всем проблемам отечественной истории. Но все же она фиксирует внимание на весьма существенных для понимания нашего прошлого факторах — стремление спрямить путь России, заимствование технологических нововведений у Западной Европы не только вели страну вперед, но и оборачивались при определенных обстоятельствах дезинтегрирующими и разрушительными последствиями.

Сам характер “догоняющего развития” поляризует отношение современных секторов общества с традиционными, города с деревней, делает невозможной идеологию, на основе которой разные традиции и культуры могли бы сосуществовать, а тем более развиваться вместе. Каким образом в российском обществе с его разнообразными, разнонаправленными векторами развития можно было выработать общее для всех понимание свободы, гражданской ответственности, демократии, равенства, справедливости и т.п., когда интегрирующие факторы этого общества находились в зачаточном состоянии, а противоречия между разными классами, сословиями, группами, представлявшими чуть ли не все ступени исторического развития, насильственно сдерживались самодержавием? Как мог забитый, темный крестьянин, опутанный сетями сначала крепостнической, а потом полукрепостнической зависимости, юридически неполноправный, гнувший спину перед “барином” и “начальством”, найти общее понимание проблем с либеральным профессором, дворянином, предпринимателем, ценности которых несли в себе “гень” совершенно чуждой российскому простолыдину западной цивилизации? Наконец, в состоянии ли была либеральная идея “европеизации” России вместить в себя давнюю мечту русского мужика о земле и воле, мечту, во имя воплощения которой он способен был разрушить любые препятствия, даже если среди них была вся “господская” цивилизация?

Думаю, что после сказанного станет яснее, с какими реальностями пришлось иметь дело, с одной стороны, плебейско-крестьян-

ской демократии, с другой — российскому либерализму, и почему они оказались не в состоянии интегрировать идейно-политический синтез, в котором ценности демократии сливались бы с ценностями свободы и прав человека.

Известно, что тип культуры задается духовно-ценностной парадигмой, составляющей основу той или иной культурной общности. Для русской (отчасти российской) культуры ключевым словом является не личность, как на Западе, а общество (община, “мир”, народ и т.п.). Если попытаться определить этот тип культуры, то его следовало бы назвать примитивно-коллективистским, имея в виду, что “коллективизм” не является синонимом общественного, а выступает более конкретной характеристикой проявления “общественного”: национального, политического, культурного и т.п. Из этого определения, по крайней мере в первом приближении, следует, что источники активности индивида (мотивации, инициативы и т.п.) изначально находятся вне его. Преобладает, если угодно, однонаправленное движение от “общества” (общины, артели, корпорации, коллектива, страны) к индивиду. Отсюда известная пассивность, страдательность последнего — он оказывается объектом общественных воздействий, продуктом развития общества и лишь в очень малой степени его субъектом. (Об этом хорошо писал А.Брушлинский).

Преобладание такого рода культуры, ее репродуцирование в масштабах страны выражают не столько диктат общества, его своеобразное патерналистское отношение к человеку, сколько признаки самим индивидом естественности примата коллективного, более или менее добровольное подчинение личных интересов общественным. Согласование личных и общественных интересов подменяется здесь их отождествлением за счет низведения первых до степени несущественного. Не случайно поэтому, что чем большее место в жизни индивида занимает его собственная активность в процессе взаимодействия — экономического, политического, духовного — с миром, тем острее он начинает чувствовать гнет этой формы его отношений с обществом, стремится вырваться из-под ярма “коллективности”.

Такого рода поглощенность лица “мармом” — а в итоге государством, укоренившаяся благодаря перипетиям истории, приводила во времена смуты и кровавых перетасовок к кризису и распаду большой или малой общности, к которой принадлежал индивид, и последний, не выделенный ни морально, ни политически, ни исторически, оказывался не в состоянии контролировать ситуацию.

Еще больше, чем государственный деспотизм, России в ее трудные времена грозила опасность анархии множества индивидуальных и коллективных волей, вкусивших от отсутствия преград для самоутверждения. Не подытая до уровня саморефлексии, самоконтроля, самоограничения масса людей была способна в своих действиях доходить до крайности, до пределов возможного, пока лигу или организованной группе не удавалось — как правило, принуждением, насильем — овладеть этой стихией и подчинить ее себе, встав над разнообразием волей и интересов в качестве их верховного судьи.

Равным образом и в наше время общественное сознание россиян, включающее идеологию и психологию, отнюдь не является *tabula rasa*, на которой можно написать все, что вздумается. Важнейшая черта его — так называемое государственно-уравнительное сознание (варианты — “державное начало”, “государственный коллективизм”, “Мы” вместо “Я” и т.п.), претерпевшее длительную и сложную трансформацию, но оставшееся тем не менее и в изменившемся виде фактором, во многом определяющим современное общественное развитие. Существенными характеристиками этого массового, многими не осознаваемого восприятия мира являются: личная несамостоятельность человека, растворение частных интересов, взглядов, мнений в “общих” интересах, взглядах, мнениях; отрицание неотъемлемых прав личности — все права находятся у “высшей общности”, т.е. государства; уравнительность — разнообразие, отличия, обособления считаются недопустимыми, по меньшей мере подозрительными; нетерпимость — стремление решать почти все возникающие вопросы и проблемы путем насилия над “меньшинством” в силу просто того, что оно меньшинство, а меньшинство, по определению, право быть не может; подавление частной, личной инициативы — оправданы лишь те инициативы, поиск и обновление, которые разрешены “начальством” и от которых не лучше выгоды может “государственный интерес”, символизирующий собой “интерес всего общества”. Уравнительное эгалитарное сознание, подкрепленное тоталитарно-социалистической идеологией, стало доминирующим в обществе, особенно в результате успеха “народной” диктатуры одного класса.

Фактически все носители индивидуального “Я” и в городе, и в деревне были поставлены перед выбором: либо быть уничтоженными физически, либо отказаться от своего “Я”, растворив его, искренне или притворно, в “Мы”. Тенденция превращения человека в простую единицу, а затем приравнение ее к нулю, согласно

известной поэтической метафоре, приобрела наибольшую силу в 20-е и особенно 30-е годы. Современник писал: «Слово “мое”, мне кажется, было в те годы мало популярным — его стыдились произносить. “Наше” повторялось наиболее часто. Слово “мое” было связано с прошлым, и от него хотели избавиться навсегда. Кто-то в шутку сказал тогда, что необходимо сделать реформу русской грамматики: уже сейчас ее можно упростить и местоимение “я” исключить, оно не нужно, ведь обходятся же англичане без слова “ты”».

Слом всей прежней социальной структуры, гомогенизация и унификация общества означали, таким образом, выветривание даже начал индивидуалистического, личностного сознания, очередное торжество сознания общинно-государственного. Лишь в конце 50-х гг. — отчасти под влиянием Отечественной войны, отчасти под воздействием начавшейся новой дифференциации общества, расширения культурного влияния образованных слоев, прежде всего научно-технической и гуманитарной интеллигенции, стал крошиться и массив “Мы”. В этом смысле судьба тоталитаризма была предсказана. Тоталитарный строй, который пытался подчинить личность воле, стоящей над ним власти, навсегда установит над нею всеобъемлющий внешний контроль, оказался исторически обреченным.

Однако при всей своей важности тип культуры, особенности психологии россиян составляют собой лишь грубую канву, на которой история, политическая в особенности, вышивает причудливые узоры. С помощью только ссылок на массовое сознание, на менталитет народа вряд ли можно объяснить тот факт, что либеральное направление в России так и не смогло сформироваться в народное движение: либерализма как самостоятельного фактора силы и источника народной инициативы не существовало.

Либералы по праву гордились именами Чичерина, Новгородцева, Кистяковского, Гессена и других, сумевших “на равных” с европейскими авторитетами либерализма двигать вперед теорию права, особенно естественного, изучение истории, политической философии. Но вот парадокс — основополагающим политическим идеям европейского либерализма были уготована в России странная судьба: их изучали, их разделяли, но необходимости в их настойчивом утверждении практически не ощущали. “Высший либерализм” и “высший либерал”, то есть либерал без всякой цели, возможны только в одной России”, — писал в 1870 г. Достоевский. С одной стороны, такой интеллектуальный либерализм был скорее

“хорошим тоном” для кругов образованного высшего общества, не испытывавших потребности обрести собственное политическое сознание, чем настоятельной необходимостью. С другой — “либералы-практики” из земского движения так и не смогли превзойти идеологему продолжения дела Александра II — Освободителя. Их робким упованиям на придание местному самоуправлению общегосударственных функций не дано было осуществиться вплоть до начала XX в. Короче, в революцию 1905–1907 гг. либералы входят как сила, только-только начинавшая обретать самостоятельное политическое сознание. Несмотря на успехи в Государственной думе, им еще предстояло выработать, сделать фактом массового сознания систему идей, которая бы оказалась способной интегрировать основные стремления российского общества, поднять их на высоту общенациональных проблем. Как известно, история не дала им времени на это.

И все же главное, чего не удалось либерализму, — сформировать политические элиты, которые были бы в состоянии опереться на определенную совокупность интересов и общественных настроений в борьбе против старой власти. Отрицая первостепенное значение идеи социального равенства, либералы в России дали возможность народническим партиям вместе с социал-демократами сформулировать перспективу, в основе которой лежало радикальное — в духе стремлений большинства крестьян — решение аграрного вопроса, исключавшее консенсус различных в идеологическом и социальном отношении интересов.

Отход от западноевропейской “нормы”, радикальная смена перспективы свидетельствовали о том, что несмотря на бурное развитие капитализма после 1861 г. в России еще не образовалось общество, способное придать смысл либеральным концепциям свободы как высшей цели, высшего правила человеческого общежития, как универсального идеала, превосходящего классовые интересы. Конечно, и в нашей стране либерализм развивался в теоретическом и политическом плане. Но своей догматической привязанностью к принципам правового либерализма (в противовес социальному) он словно бы заключил мятежный дух свободы в жесткий каркас существовавшей социально-политической системы. Даже знакомство с марксизмом в конце XIX в. не изменило положения дел: российские либералы оказались неспособны понять проблемы, поднятые народничеством и подхваченные затем большевиками. А ведь как нигде в другой стране, в России было очевидно, что свобода, если она не сопровождается минимумом эко-

номической и правовой (для крестьян) самостоятельности, не существует для человека, — это чистейшая фикция. Равным образом и признание автономности, частного пространства, свободы и совести, самоопределения наций и т.п. не имеет действительной ценности, если не сопровождается борьбой против самодержавия — основной силы политического угнетения общества.

Именно во имя свободы, именно для обеспечения реальной свободы большинству населения России, а не только образованному, рационально мыслящему меньшинству, российские либералы должны были требовать конца сословным привилегиям и мер по экономическому раскрепощению крестьянства. Только при этом условии они могли укоренить традиции европейского либерализма в российской почве, выполнить прогрессивную функцию, оказаться в силу внутренних устремлений на высоте исторической задачи. Однако российский либерализм не нашел в себе потенций подняться до понимания требований прогресса. Чтобы стать организованной политической силой, а тем более приобрести массовую поддержку, либерализму в России недоставало многого. Но главное, пожалуй, заключалось в том, что в условиях крестьянской страны, начавшей переход к капитализму, генеральная для либерализма проблема “свободы личности” не могла стать фокусом политической жизни. Восприятие либерализмом индивида как внешней реальности, более высокой, чем общество с его структурами и институтами, находилось в разительном противоречии с общественной жизнью России, где для огромной массы людей речь шла об элементарном физическом выживании, где нищета и полуголодное существование ограбленного “великой реформой” мужика служили предпосылкой экономического и социального прогресса страны.

Можно, конечно, сказать, что либерализм слишком долго разделял иллизиво, будто при господстве самодержавия из местного самоуправления, т.е. земства, “самотеком” (Магчаков) способна вырасти конституция, или что он — в лице кадетов — запоздал с провозглашением лозунгов борьбы за конституционный и демократический строй. И все-таки, как представляется, дело не в ошибках: корни “неудачи” либерализма лежат глубже — в истории страны, в культурном расколе высших и низших классов, в ограниченности пределов (пространственных и временных) новоевропейской цивилизации, в условиях вызревания глебейско-крестьянской революции.

Лавр Мироньч. Из политических новостей только одна: здоровье папы (Римского) внушает опасения.

Глафира Фирсовна. К кому же это? Уж не тебе ли?

Лавр Мироньч. В Европе живем, Глафира Фирсовна.

(А.Н.Островский. Последняя жертва)

Продолжается обсуждение исторических и политических судеб России — в своеобразном ключе — перспектив ее прошлого. Речь идет о самом необходимом для любого общества — способности к самооценке и пониманию прошлого и диагнозе настоящего, залого понимания будущего. Солидаризуясь с размышлениями, сомнениями и выводами философской когорты авторов, пишущих на эту тему³⁶⁷, я предполагаю обратиться к выяснению вопросов “почему?” и “как это было?” в истории России, какой политический и культурный возраст миновала страна до наших дней и с каким его наследием она вынуждена сейчас жить дальше. Чтобы дать ответы на эти вопросы, следует, по-видимому, оглянуться в прошлое и других народов и стран; порой там, а не только в России отыщутся нужные нам ключи решения отечественных проблем.

Что прежде всего, на мой взгляд, желательно было бы выяснить — это способ политической организации народной жизни, а следовательно, и отношения в коллективе, и положение человека в нем, а затем и более общие вопросы общественного и политического устройства страны. Нам придется в этой связи вспомнить некоторые известные, а также мало известные или забытые факты.

Народ и общество в общинной России

Начнем с того, что общество в России, как и в Древнем мире в античном полисе или в Риме, ограничивалось свободным населе-

нием страны. В государствах древности они не составляли меньшинства и не были ни этнически, ни культурно, ни тем более политически связаны с зависимыми — рабами, невольниками, отпущенниками. Народ и общество совпадали. Все, кто были инородными, несвободными, из них исключались. В России разделение единого сообщества также имело место и тоже на свободных и несвободных, но это было деление единого этнического и национального целого, разобщенного сословной принадлежностью человека. Несвободные и в России не составляли общества, т.е. той части нации, которая обладала известной долей экономической независимости и могла участвовать в общественной и политической жизни страны. Тем самым вне общества оказывалась подавляющая часть крестьянской России, а также часть свободного городского населения (мещане) — податные сословия, народ.

Еще одно отношение разделяло народ и общество на российской почве: собственность на часть или на все население страны. Собственность эта была одновременно и государственной, и частной. В античном мире это была собственность на несвободных, рабов, которые, повторю еще раз, оставались за пределами нации и общества. Впоследствии, в романо-средневековый период истории Европы, собственность частных лиц на людей уступила место номинальной собственности монарха на страну и народ, но нигде, кроме России, не оставалась одновременно и собственностью отдельных лиц на соплеменников, и нигде она не оформлялась как личная крепость.

Консервация крестьянской общины и крепостного состояния крестьян стабилизировала крайне архаическую структуру отношений экономики, политики и социума, которую мы обнаруживаем и в античном мире: основная экономическая, производственная деятельность осуществлялась сословиями несвободных, они создавали экономику страны и были при этом отлучены от политики и закона. Они не участвовали в политической жизни страны, политика же распространялась на них лишь отношениями власти — господства и подчинения. Отсюда два следствия: политическая дистанция между деревней и городом, свободными и несвободными и сосредоточением политики в пределах общества, подобно тому как это было в античном полисе. Из древнего полиса политика уходила по мере того, как полис превращался во все более обширное государство и общество переставало непосредственно заниматься его делами. В России общество свободных изначально имело мало возможности принимать участие в политике, политика уходила от

него к государству, к его политическому классу. В Риме, в сходных условиях выход политики за пределы полисного общества компенсировался правом, которое создавало государство взамен политики, но с теми же регулятивными функциями в дополнение к политическому регулированию. По этому пути пошли в дальнейшем все крупные национальные сообщества, переходившие от непосредственной полисной демократии и обычного права к более развитой государственности.

По мере исключения из общества и изъятий из права в отношении несвободных и в Древней Руси ее новая политико-юридическая организационная система распространялась, как это было и в других странах, на всех правоспособных членов общества, все его сословия. Конечно, в Древней Руси формирование права и его кодификация начались со вполне понятной задержкой (Салическая правда — это все же V–VI вв.), но постепенно этот процесс выравнивался (ср. Иерусалимские Ассизы — XIII в. и Русская правда — XII в., не с еще более ранней основой), хотя древнерусская система организации общества не могла опереться на римское право, наследованное Западом. Существенно, однако, другое: век за веком, по мере закрепощения крестьян политико-юридическая система государства переставала распространяться на несвободных, т.е. на народ, подавляющую часть крестьянской страны, в то время как на Западе эта система постепенно охватывала всю совокупность национального сообщества. В конце концов и политика и право оказались разделенными на две неравные зоны — подавляюще большую, на которую распространялась со всей ее мощью власть обладания и господства, и меньшую, причем очень неоднородную, охваченную юридическим регулированием, и наконец, количественно незначительную часть сообщества, политический класс непосредственных участников политической деятельности и примыкавших к ним сословий. Это состояние разобщения затянулось, как известно, до второй половины XIX в., а его последнее со всеми соответствующими последствиями — еще на доброе столетие с лишним.

Повсеместно, в средние века и в государстве Нового времени политико-юридическая организация общества (общества свободных) делилась на две неравные сферы — организацию коллектива (сословия, цеха, иерархии правящих сил, институтов — церкви, армии и пр.), а также отношений в нем и определение положения отдельного человека вне зависимости от его сословной принадлежности, от коллектива или, говоря современным языком, определе-

нич его прав и свобод и гарантий его чести и достоинства, неприкосновенности личности и т.п. Эта регулятивная зона неизменно отставала везде, во всех европейских странах. Все же движение началось и в этой зоне относительно рано, но вначале лишь в островной Англии (Хартия вольностей королей Генриха и Стефана XII в. и Великая хартия вольностей Иоанна Безземельного 1215 г., которые были распространены им, в отличие от первоначального замысла, не на одних лиц благородного звания, но на всех свободных и правоспособных подданных). Однако в континентальной Европе, да и в той же Англии еще несколько столетий не прекращалось, как известно, невообразимое насилие над личностью, свирепствовали религиозные, гражданские, династические, крестьянские, межгосударственные войны, охота на ведьм, инквизиция, чего не знала даже и Россия, несмотря на смуты, бунты, истребление раскольников и феодальной знати и безжалостное собирание земель. Тем не менее на Западе к концу XVII в. явственно обозначилась схема развития государства и общества Нового времени: общество (civitas) + гражданственность (civilis) = цивилизованность (civilitas) и право (iuris) — несущая конструкция гражданского общества и правового государства. Определены и статус сформировавшегося в сословном коллективе индивида, способного превратиться в гражданина и личность новой индустриальной эпохи.

В России формирование нового политико-правового статуса человека началось лишь в конце XVIII в. и коснулось вначале только высшего, дворянского сословия (Екатерининские “вольности дворянские”). Достаточно сказать, что даже дворяне были освобождены от телесных наказаний только в XVIII в., да и то после длительных препирательств, а лица духовного звания — лишь в первой половине XIX в. Подлинное же установление прав и свобод человека, т.е. его реальное освобождение, было еще далеко впереди, да и завершилось ли оно вообще — это остается большим вопросом и по сей день.

Отсюда вытекают несколько следствий: безжалостное, инструментальное отношение к человеку (“Гвозди бы делать из этих людей. Не было б в мире крепче гвоздей” — Н.Тихонов), к человеку как к материалу истории (пресловутый “человеческий фактор”); неразвитое правовое сознание, скудная правовая практика, знаменитое “усмотрение” вместо закона; задержавшийся переход от сословного и еще более архаического — статусного общества к единому сообществу полигически и юридически равных граждан; разобщение политики на официальную, явную и скрытую, келейную и

такое же разделение идеологии; несовпадение поля власти с пространством политики в ее полном (аристотелевском) выражении — совместной организационной и контрольно-регулятивной деятельности общества и государства, и вместо этого власть-господство распространяется на подавляющую часть общества, а политическое участие сведено к деятельности элит; диктаторская традиция и соответствующая ментальность диктаторского типа (смысл того же большевизма) естественно ведут от самодержавия до авторитаризма и тоталитаризма.

Свобода и организация общества — слагаемые либерализма и демократии

Т. Гоббс открыл конструктивный смысл сочетания этих двух начал в новом демократическом гражданском обществе. Их состояние и соединение — всеобщая проблема, и российская тем более. Свобода и несвобода в архаической общине равным образом коллективны, в равной мере они сплачивают ее коллективность. Но и сама коллективность может стать фактором несвободы или свободы составляющих ее людей. Личная судьба человека в таком сообществе очерчена рамками коллектива. Ни свобода, ни несвобода в нем не индивидуальны, человек свободен только, если свободен коллектив, или, напротив, несвободен в меру несвободы коллектива. Индивидуальные акты сознания, поведения, настроения, интересы в таком сообществе — функция коллективной жизни. Культура и структура коллектива определяют и отношения к нему его членов — они единообразны.

В России несвобода взаимозависимых членов коллектива оказалась двойной, если не тройной: от коммунитарных отношений и от надколлективной воли власти — ближайшей власти господина и государственной. Такого рода неволя не позволяет индивидуальности человека вырасти до его превращения в индивида — агента гражданских и политических отношений. В подобной ситуации нет оснований ставить вопрос о соотношении, преимуществах или приоритетах коллективного или индивидуального. Та же неволя преобразует и сам коллектив. Она прессует его в массу, крестьянскую массу — подавляющее большинство прежней общинной России.

В плотной, структурной, но нерасчлененной коллективности не возникает отношений дуальности — оппозиций мнений и взгля-

дов индивидов, многообразных проявлений их воли, индивидуального отношения к жизни и к окружению, т.е. всего того, что нуждается в организации, в превращении инертной микроструктуры сообщества в активную.

Человек в общинном коллективе весьма близок к члену античного полиса, которого Аристотель выразительно именовал общественным животным. Это животное тоже было замкнуто в полисном коллективе, его свобода определялась принадлежностью к коллективу свободных, в отличие от несвободных — зависимых, полузависимых и рабов. Чтобы из животного превратиться в индивида, а затем и в личность, потребовалось расширение общества, преодоление рамок полиса, как это произошло, например, в Риме, где сформировалось понятие римского народа и гражданства. Но и в полисе его член был не только общественным, но и *политическим* животным, он занимался общими делами, делами государства и не мог не заниматься ими. Уклоняющийся от этих занятий или неспособный заниматься ими был *идиотом* — отчужденным от общества и отвергнутым.

Принципиально иным было положение огромного большинства крестьянской общинной коллективности в России (за вычетом Новгорода и его провинций и то лишь до присоединения его Москвой). Демократизм общины не выходил за ее пределы, политическое участие ее членов исключалось, экономическая деятельность крестьянства также была локализована общиной, и потому процессы самоорганизации, так или иначе протекавшие в замкнутом коллективе, тоже оставались локальными. Поэтому синергетика общинного коллектива не могла образовать общую ткань микровласти, точнее, слиться с общей тканью микровласти сообщества, которая объединяет его с государством, живую ткань политики. Поэтому и общинное самоуправление, насколько оно было возможным, также было замкнуто рамками коллектива. Оно не могло стать элементом и фактором общественного самоуправления, даже если бы это самоуправление и существовало, а следовательно, не могло и войти в политическую систему страны. Отсюда и специфическая статика общинной и вообще всей общественной жизни сообщества. Секрет долготерпения народа, как видно, именно в замкнутой системе общинных и сословных микроотношений. Терпение — это стабильность, сохранение условий выживания, которое обеспечивается воспроизводством неизменных отношений, форм жизни и типа культуры, сохранением статус кво. Но отсюда и архаические черты коллективности: ксенофобия, недовсрчивое и

враждебное отношение к чужакам, к переменам, к чему-то новому, нарушающему стабильность.

Разумеется, коллективная самоорганизация отнюдь не исключает индивидуальности членов коллектива, их эмоциональной и волевой жизни, переживания ими событий их жизни и жизни коллектива вплоть до переживания судеб страны. Индивидуальность проявляется и формируется и в труде, и в творчестве любого рода, и в рамках коллектива она может развиваться сколь угодно, вплоть до весьма высоких проявлений. Но и она останется коллективным достоянием (“народные промыслы”), пресловутым “гением народа”.

Незрелость и ограниченность процессов самоорганизации и самоуправления, сказалась, по-видимому, в одном важнейшем для судеб демократии явлении, специфически российском: необычно малом числе умелых руководителей, организаторов и управляющих при нормальном и даже высоком проценте разнообразных человеческих талантов в стране, так что можно говорить о незрелой культуре организации и управления в России. Это свойство стало характерным признаком не только и не именно русского народа, но и всех других народов культурно-исторического ареала страны. Отсутствие или ограниченность организационной школы самоуправления и самоорганизации сказалось и на самом самодержавном правлении, отличавшемся той же слабостью, распространявшейся и на правящие аристократические элиты.

Культура управления, умение руководить, организовывать, планировать, принимать решения и исполнять их — не индивидуальное, а коллективное достояние общества и народа. В отличие от научного, художественного или артистического творчества, управление требует массового активного участия дисциплинированных, беспрепятственно организующихся людей, способных воспринимать волевые импульсы руководителя и исполнять их, и что особенно важно — служить питательной средой, порождающей одаренных организаторов. Высокий уровень организационной, управленческой и исполнительской культуры, без которой затруднен или даже невозможен успешный демократический процесс, достижим лишь в социально и политически развитом, активном обществе, со свободной и содержательной ассоциативной жизнью.

В истории страны низкий уровень организации, как и самоуправления, ведет к самым тяжелым последствиям, непосредственно отражающимся на предпосылках или уже начавшихся процессах ее демократизации. Это и насильственные и неудачные, прерванные

реформы, и засилие бюрократии, фикция политического процесса, запоздалые решения и невыполненные планы и т.д. и т.п. Отсюда, в частности, и традиция, о которой писал еще Ключевский: работа рывками, в состоянии аффекта, испуга, авралом, в последний момент. Попытки преодолеть такую традицию — это, в сущности, борьба со стихией. Попытки организовать ритмичный труд и вообще стимулировать его и сами оборачиваются стимулированием трудовых порывов, попытками мобилизовать инертную стихию, превратить ее энергию в направленный взрыв с полезными целями: борьбой за план, за хлеб, битвой за урожай и т.п.

Плохая организация — это, в сущности, хроническая дезорганизация общества, его дезориентация — состояния, несовместимые с демократическим процессом, который и генетически, и функционально предназначен стабилизировать и упорядочивать общественные отношения. Проблема организации-дезорганизации тем более остра в периоды общественных кризисов и выходов из них, когда, кроме всего прочего, решается вопрос, будет ли этот выход организованным или стихийным в форме взрыва недовольства, массовых волнений и смуты, идейного разброда или завершится организованными преобразованиями. Это также больная для многих стран, может быть для истории в целом, а для России в особенности, проблема стимулирования развития не органическим ростом, социальными и политическими изменениями, а катастрофами, как это случалось в Германии после двух мировых войн, в России после войны с Наполеоном, Крымской, русско-японской, первой мировой войны и других катаклизмов.

Не лучшим образом, чем в народной крестьянской и городской среде складывались процессы самоорганизации и самоуправления и в обществе свободных сословий. Они организовывались медленно и с большим запозданием, поскольку в целом ассоциативная жизнь в стране почти не развивалась. Сословные ассоциации (дворянские собрания, купеческие клубы и др.) возникли сравнительно поздно, политического же значения подобные виды самоорганизации не имели. Слабое развитие экономики и гражданских отношений не позволяло до середины XIX в., а может быть и до самого его конца, сформировать комплекс публичной и приватной сфер и отношений между ними, иначе говоря, образовать публичную власть ассоциаций, сообществ, непосредственно регулирующую отношения между участниками экономической и культурной деятельности. Самоорганизация в этой сфере не превышала гарантий долговых обязательств, "купеческого слова", товарищеских и про-

фессиональных отношений, семейных и культурных содружеств. Пожалуй, наиболее ассоциированными в этом отношении оказались дворяне, особенно их городской и столичный слой, породненные в разных коленах и собранные в элитарные группы. Более позднее, но исторически более зрелое явление ассоциативной жизни, возникшее вместе с развитием академической науки и университетского образования, культуры стали формализованные и неформальные сообщества профессионалов — научные, студенческие, товарищества художников и композиторов, адвокатов, врачей, престижных инженерных специальностей (инженеров-путейцев например). Появился абрис профессиональных союзов, но политического значения все эти формы самоорганизации также еще не имели. Они не осуществляли и их основной функции защитного экрана между приватной сферой и государством, ограждающего частную жизнь человека от проникновения в нее деспотической власти, давления сверху, хотя бы от его примитивных и грубых форм — сыска, надзора, унижения.

Тем не менее вся эта гетерогенная общественность образовала в конце концов питательную среду либерализма и демократии, новых для России направлений — революционной, буржуазной, социальной. Питательной эта среда была не только в переносном, идейном, но и в буквальном смысле — материальной, финансовой, организационной, поддержанной к тому же широкими связями с влиятельными и состоятельными либеральными кругами Запада, особенно Германии и Англии, движимыми общими идеями, личными и культурными связями и неприязненным отношением к царизму. Можно, пожалуй, с полным правом сказать, что не будь либеральной поддержки, революционный радикализм в России столкнулся бы с глухой стеной всеобщего непонимания, как это случилось с народниками в деревне, не имел бы успеха и сам большевизм.

При всем этом сама либерально-демократическая среда также не смогла глубоко проникнуть ни в народную крестьянскую толщу, где господствовали иные принципы коллективного самоуправления, ни в верхний слой властвующего класса, для которого существовали только четкие вертикали управления сверху и минимум горизонтальных политических отношений вниз.

Вся эта ситуация вполне рифмовалась с давней и устойчивой традицией тайной или полускрытой, массовой либо элитарной самоорганизации, начиная с мятежных крестьянских и городских конспираций средневековья, религиозных ересей, самозванства и кончая дворцовыми заговорами и партийным подпольем конца

XIX — начала XX вв. Эта тенденция, естественно, не имела ничего общего ни с демократией, ни с либерализмом, и не случайно она привела к конспирации против собственного народа правящей партии советского периода отечественной истории.

С возникновением в пореформенной России того минимума самоуправления, на которое государство готово было согласиться, судьба самоорганизующихся процессов определенным образом проявилась и стала легче: появилась реальная и официальная организация местного самоуправления, имевшая шансы распространиться на все слои общества и подлинно демократизироваться. Вместе с тем отпадали и романтические иллюзии пассеистов относительно трансформации общинной демократии (которая и сама становилась весьма иллюзорной) в социалистический коллективизм. Для этого потребовался бы скачок назад, превращение складывавшихся в стране гражданских отношений и новых демократических структур в архаические коммунитарные отношения. Впрочем, несмотря на достаточно ясное понимание этой проблемы марксистами, именно такая попытка синтеза архаических и новых отношений в деревне и была предпринята путем реколлективизации деревни. К чему она привела в конце концов, нам известно. К тому, что мы узнали ранее о результатах этого процесса (новая личная крепость крестьян в колхозной общине, уравнительная несправедливость, реставрация абсолютизма и пр.), теперь мы добавляем элиминацию гражданского общества и установление неправового государства.

Государство городу и миру

В отличие от основной массы народа и общества, российское государство развивалось, преодолевая трудности нашествия, практически тем же темпом и в том же направлении, что и государства Западной Европы Нового времени. Повсеместно складывался тот или иной тип абсолютизма и формировалась новая организация государственной власти — происходил переход от отношений личной преданности в иерархии власти, от родовых феодальных связей к служебным отношениям, появилась канцелярия, установился механизм бюрократического административного управления, в гражданских и военных делах утвердился принцип служения (*officium*), хотя, может быть, еще не в столь гражданственной форме служения долгу, как на Западе, а служению государю. Характерным и весьма

ярким эпизодом становления этой новой государственности стало ослабление и истребление родовитой земельной аристократии и вытеснение ее служилым дворянством в эпоху Грозного. Отношения государства с церковью складывались еще более благоприятно для него, чем в западных странах — единовластие государя никогда ею серьезно не оспаривалось. Состязание светской и церковной властей завершилось почти такой же полной победой самодержца, как в Англии и почти в ту же эпоху. Из двух общественных институтов, в которых закономерно протекал процесс исторической концентрации власти, практически остался главенствующим один — светский. Единовластие российского монарха оказалось еще более полным, чем на Западе, еще и потому, что его суверенную власть ему не приходилось делить ни с народом, ни с парламентом, которого не существовало. Возможно, и не случайно теоретическое обоснование самодержавного суверенитета появилось в Московии (из-под пера Иосифа Санина, автора сочинения "Просветитель", 1503 г.) намного раньше знаменитого труда Жана Бодена на ту же тему ("Шесть книг о республике", 1576 г.). Но и судьбу европейского абсолютизма российское самодержавие разделило в особенно острой, драматической форме неравных, несопоставимых по политическому весу сторон отношений власти с народом и обществом. Асимметрия отношений государства и общества имеет, конечно, несравненно более долгую историю, чем российская. На Западе эта асимметрия разрушила античную и романо-средневековую концепцию народного суверенитета, представление о принадлежности власти народу, который способен принять согласованное решение о передаче своей власти государству (проблема внутреннего согласия в обществе, которую много столетий позже разрабатывал Гоббс). Идея же принадлежности власти народу издавна вытекала из реальной республиканской и монархической практики античного мира: полисного государства, процедур назначения диктатора в республиканском Риме, приведения к власти императоров армией и народом в имперском Риме, вождизма германских и варварских племен и многое другое. Отсюда и античная, а затем и средневековая и новоевропейская концепция народной, общественной природы власти и государства, обобщенная уже в VI в. ведущими политическими мыслителями эпохи, авторами Кодекса императора Юстиниана (529 г. н.э.) и комментариев к нему ("Дигест"): народ доверяет правление государству, но правление по закону (Ульпин); власть вообще не передается никому, правителю же доверяется лишь ее исполнение (Юлиан, а впо-

следствии Угольно и Марсильи Падуанский). Устойчивая идея разделения власти и ее исполнения — свидетельство попыток оградить общество от произвола, естественная во все времена, но что особенно важно в эпоху монархических режимов — стремление сохранить демократию и при единоличном правлении.

Обладание властью, способность к согласованным действиям отражены в романо-средневековой теории народа как “мира граждан” (*universitas civium*), самостоятельных субъектов, которые образуют общество (*tractum sublectionis* — соглашение субъектов) — продукт их взаимного соглашения (осмысленного много веков спустя как пакт о переходе от стихийного естественного состояния к цивилизованному). Такое состояние народа, способного создать упорядоченное общество, определяло и его отношения с государством, возможность соглашения с ним или даже давления на него, исключаящее его неограниченное господство.

Однако для такого соглашения требовалось согласие и другой стороны, и та же античная и средневековая традиция, а за нею и теория Нового времени выработала учение о государстве, способном взаимодействовать с обществом и создавать вместе с ним *dominium publicum* — общественное владение, *dominium*, а у Фомы Аквинского *regimen politicum* — политическое правление, т.е. государство, преследующее значительные общественные цели (цели общего блага) и основанное на политических отношениях с обществом, не на господстве. Конечно, реально в истории возобладали не режимы согласия, а вполне деспотические монархии, тем не менее концепции суверенного народа и политического государства (как называл его впоследствии Гегель) не стала умозрительной конструкцией или утопией, ждущей своего часа, чтобы осуществиться. Средневековые республики Генуи, Венеции, Новгорода тому свидетельство.

Стремление организовать отношения общества и государства имело и еще один, наиболее глубокий смысл, помимо согласия, о котором в те времена, возможно, и не думали, — возможность уравновесить политический потенциал двух партнеров: государства и общества. Равенство двух сторон основного политического отношения (общество-государство) означает равенство двух функционально разных суверенитетов, суверенного народа (общества) и суверенного государства, уравнение правящих и управляемых, достижимое либо их общим участием в управлении, либо разделением общих функций и их обменом, словом, средствами достаточно сложной политической организации несомненно демократического

характера. К такому пути ни Россия, ни западные страны не были готовы. Формирование национальных государств, собирание земель, а тем более создание многонациональных империй и колониальная экспансия стимулировали более простую и тоже древнюю монархическую и деспотическую государственность. Она и получила признание в учениях о государстве диктаторского типа: *dominium* — владение, обладание, *imperium* — высшая власть, власть, *potestas* — могущество, в русском языке — государство от *господарь*, *господарство* — *господин*, его страна — *владение*.

Подобные наименования верховной власти и ее реальная конструкция очень точно отражали характер государства в России: слабость общества, политическое бессилие народа и мощь самодержавной власти. Асимметрия их отношений, казалось, обеспечивала беспрепятственное господство государства, но именно она оказалась для него губительной, как это случилось и с европейским абсолютизмом. Государство, опирающееся на неразвитое, подавленное им общество, а в России еще и разобщенное, порождает не партнера, а потенциального противника, который его в конце концов разрушает. Только развитое общество, со сложившимся самоуправлением, зрелым самосознанием, способное объективно и критически, без самообольщения, предрассудков и иллюзий оценивать себя и взаимодействующую с ним власть, политически активно, с многообразной общественной жизнью может отвечать потребностям столь же развитого, сильного государства, как и такое государство — отвечать запросам такого народа. Тогда только становится возможным то единство общества и созданной им власти, которое является целью политики и о котором мечтали многие владыки мира, в России — апологеты самодержавной государственности (для которых причины и следствия были расположены иначе: самодержавие и его народ). Но такое единство — это принцип демократии, ее секрет и открывался он лишь в борьбе за нее, а значит, для многих обществ, в том числе и для российского, достаточно поздно, но открытие это всегда оказывалось убедительным: все другие модели отношений общества и власти — абсолютистская, авторитарная, самодержавная, тоталитарная заканчивают саморазрушением. В этом, как видно, и таится причина незавершенности и нестабильности российской государственности. Отсюда и постоянный антагонизм власти и общества, чреватый кризисами, неизменное тяготение власти к конспирации против собственного народа и ответные реакции общества — постоянная оппозиция интеллигенции, верноподданничество и одновременно ни-

гилизм масс, самоуправство и своеволие чиновников, заполняющих пространство между этими двумя силами. Неуважение к человеку и к народу, отношение к нему как к “населению” (сохранившееся и по сей день), а обществу — как к “публике” также адекватны этой расстановке сил.

Нравное распределение сил сказалось и на состоянии обеих сторон, — отношений — и государства и политической жизни страны: наверху — в дефиците инициативного и деятельного лидерства, которое заменялось простыми средствами принуждения; в вялых режимах — в постепенной деградации династической семьи и нестабильности республиканских форм власти. Зато в народных массах те же слабые режимы легко насаждали культ царизма, державности, менталитет подданничества, тягу к сильной руке, способной их защитить и возглавить. Не удивительно, что впоследствии более сильная и активная власть смогла без особых усилий трансформировать социальные и ментальные потенции такого рода в базу тоталитарного режима, добавив к его уже сложившейся основе еще более жесткое давление и идеологическую обработку.

Слабость сильной стороны (государства) при слабом общественном партнере проявлялась во времена усиления самодержавной власти с еще большей силой, чем во времена ее упадка. Отсюда и нестабильность режима, смута и нескончаемые дворцовые заговоры, перевороты, убийства и самоубийства венценосцев (вплоть до конца XIX в.!) — политические процедуры, давно изжитые на Западе. Отсюда и не только общественная оппозиция государству, но и консервативная, феодальная и чиновная. Отсюда и стрессовый характер реформ, развитие в результате провалов политики, народных волнений и неудачных войн. Отсюда, наконец, и та удивительная легкость, с которой распадались тоталитарные режимы, будь то конец династии Рюриковичей, революция 17-го года или реформа 1985–1991 гг.

Либерализм и демократия

Принято считать, что либерализм порождает демократию, будучи ее идеологией, точнее, идеологией либеральной демократии — на демократию, как известно, много претендентов, по праву и без права стремящихся с ней сочетаться. Правда, вернее было бы сказать, что современная демократия получила мощный импульс от либеральной концепции человека, общества и политики и вместе с

концепцией гражданского общества составила целостный комплекс идей и культурно-исторической, политической и социально-экономической практики, которая определяет демократический процесс общественного развития Европы и мира, начиная с середины XVII в. Именно тогда Т.Гоббс разработал новую теорию свободы, государства, политики, гражданского общества и цивилизации; Дж.Локк обогатил ее идеей экономической свободы и владения собственностью, затем В. фон Гумбольдт, И.Кант и многие их последователи развили этот комплекс, дополнив его концепциями индивидуализма и его коллективистских функций. Однако исторически демократия предшествовала, как мы знаем, либерализму, она старше его на добрых две с половиной тысячи лет и зафиксирована дата сравнительно позднего рождения самого понятия либерализма в структуре европейского самоуправления: в 1812 г. в кортесах испанского города Кадикса, где слово "либерал" стало обозначать члена партии свободы.

Весь этот процесс Россия не переживала и не могла переживать, он был как бы обращен, и именно либерализм порождал и насаждал в ней основы демократизма. В России не в меньшей степени, чем на Западе, демократию и либерализм роднят их общие свойства: концентрация социальных, политических, гражданских и нравственных общечеловеческих ценностей, способность либерализма выступать идеологией демократии на этой теоретической основе, а демократии — служить ее практическим воплощением.

Органичность связей этих двух начал predeterminedена их общей функцией — служить формированию гражданского общества и правового государства, государственности нового, современного типа, а также свойством либерального мировидения вбирать и систематизировать все те ценности, о которых только что шла речь, в отличие от других идеологий, которые неизменно редуцируют часть этих ценностей в зависимости от своих потребностей. Опыт вытеснения либерализма из связей с демократией убедительно об этом свидетельствует, в частности и российский опыт. Соответствующих подстановок известно немало (буржуазная демократия, революционная демократия, пролетарская, социалистическая, христианская и т.п.), и все эти субституции происходят путем урезания ценностей — прав и свобод.

Силы конкурирующих идеологий были в России, как известно, неравны. Радикальные учения в России были экспансивны и рассчитывали на завоевание масс, которые можно было привлечь на свою сторону, и на ликвидацию сословий и классов, которых при-

влекать не представлялось возможным. Либерализм, естественно, не мог ни ту, ни другую стратегию ни принять, ни реализовать. Однако у него уже была исходная позиция, социальная и интеллектуальная база, на которую он мог опереться и которой не располагали в большинстве своем другие идеологические течения, — зарождавшееся гражданское общество. Именно оно формировало ту новую, гражданскую коллективность, гражданский коллективизм, без которого невозможна демократия, как, собственно, и либерализм. Правда, нарождавшееся российское гражданское общество было стеснено сверху (государством) и снизу (народом), носило относительно элитарный характер и мало могло распространяться вширь. Правда и то, что оно не содержало в своем составе среднего класса собственников, и это ослабляло его. Но в этом пункте обвинений кроется некое недоразумение, и не только потому, что сам этот класс, который уже существовал, был далек и от либерализма, и от демократии. Во-первых, не всякий собственник способен обладать гражданскими качествами, свойствами личности гражданского общества; во-вторых, то общество в России, которое становилось гражданским, уже включало слой профессионалов, интеллигенцию, да и состояло преимущественно из интеллигенции, т.е. тот слой, который на Западе, точнее в США, был идентифицирован как “новый класс” только в середине второй половины XX в. Этому обществу и этому классу предстояло создать новый тип государства, в котором было бы преодолено разобщение всех видов — общества и народа, политики и власти и двух цивилизационных начал общественного процесса — демократии и либерализма, что и происходило в разных формах в демократических государствах Запада.

Время революции (социальная, индустриальная, аграрная, культурная) стерли прежнее разобщение между частями российского сообщества, хотя и не до конца, и сохранили его прежнюю структуру, а заодно ликвидировали и остатки старой общинной демократии, начатки новой и прежний либерализм с его носителями, предоставив нынешней России начать все заново, чтобы стать современной.

Основные тезисы официальных рецензентов книги —
д-ра филос. наук, проф. *А.И.Володина* и
канд. филос. наук *М.А.Абрамова*.

А.И.Володин: Рецензируемый сборник, надо надеяться, в значительной степени восполнит явный пробел в разработке весьма сложной и актуальной — с разных точек зрения — проблемы: история либерализма в России. Это явно запоздавшая по времени, но тем не менее вполне современная работа. Современна она и в том смысле, что перед каждым участником дискуссии, как бы далеко ни погружался он в историю либо в теорию, витает как сверхзадача более общая, перемальвающая всю нашу нынешнюю жизнь, проблема будущего России. И в том еще она современна, что освободившееся от господствовавших в советской историографии жестко-негативных ленинских оценок либерализма, авторы пользуются при его осмыслении самыми разными методами, руководствуются порою весьма далеко не совпадающими мировоззренческими установками. В отличие от некоторых дискуссий, осуществленных в Институте философии ранее и страдавших излишней абстрактностью, рассматриваемая работа гораздо более конкретна и исторична. Опубликование ее, быть может, поуменьшит “путаницу в головах” и “глупости в политической жизни”, связываемые в свое время Н.Г.Чернышевским с самим словом “либерализм”, которое он определял не иначе, как “дресловутое и, по правде говоря, превздорное” (Избр. филос. соч., М., 1950. С. 318).

В книге собран большой материал, дающий обильную пищу уму. Правда, местами материал этот пресноват, а кое-где — совсем сырой. Сырость в ряде разделов напоминает об отсутствии в них “дирижерской палочки”, т.е. редактора. Можно сказать и так: зачастую мы узнаем из некоторых статей не столько о либерализме в России, сколько о взглядах и устремлениях самих современных авторов, этим вопросом интересующихся. При этом в книге далеко не всегда представлена именно дискуссия; авторы почти не слушают, не слышат друг друга; создается впечатление громкого “диалога глухих”.

Надо было бы построже отнестись к определению “проблемных полей”. Их слишком много. В их последовательности иног-

да отсутствует логика. А некоторые и не проблемные поля вовсе, а так... вопросы, круг тем. К тому же некоторые "поля" совсем, по сути, не разработаны, не вспаханы даже, не засеяны, заросли сорняками и в результате — "бесплодны" для читателя; это всего лишь "рабочие материалы".

Лично меня материалы сборника весьма обогатили, но не очень просветили насчет сущности либерализма вообще, российского в особенности. Для меня исходным осталось представление, что либерализм есть идеология буржуазии, характеризующая ее отношение к власти, т.е. *политическое* явление, варьируемое в зависимости от степени достижения, участия этого класса в *государственной* власти, т.е. от исторического времени и национального "места", т.е. в конечном счете от степени конституирования, развитости, объективной роли буржуазии в той или иной стране.

Разумеется, можно и нужно смоделировать "адекватный" либерализм, его чистый, беспримесный вид. И с этой точки зрения выделять его прото-, пара-, пост-, нео-, квази-, псевдо- и другие формы его превращений и извращений. Но тут оказывается, что этого чистенького либерализма практически не было или он сводится (еще надо бы повнимательнее посмотреть, насколько основательно) к двум фигурам: Б.Констану и И.Бентаму...

Не следует ли отсюда, что принципы либерализма (как такового, чистенького) настолько, скажем так, широки, что могут без особых осложнений уживаться с принципами иных идеологий, т.е. что они, эти либеральные принципы, — беспринципны, компромиссны, антидоктринальны по своей природе. Эмпирическое бытование либерализма как бы опрокидывает, взрывает его идеальную сущность.

Надо бы повнимательнее, поосторожнее отнестись к тому, что говорится в книге об "экономическом либерализме"; кажется, что это все тот же политический либерализм, но обращенный на сферу хозяйственной, экономической политики государства. Иное дело, что исторически "экономический либерализм" вызревает прежде и как бы независимо от либерализма политического.

И уж совсем натяжкой представляется мне выделение какого-то "философского либерализма", хотя и похвально стремление поискать, определить некие философские основания того или иного вида либерализма.

В России, зажатой меж самодержавным деспотизмом, практически единственным историческим субъектом на протяжении веков, и спящим крестьянством, потенциально грозящим "обществу" кро-

вавым бунтом, “нормальной” буржуазии и возникнуть не могло, да и не возникло. Отсюда и зачаточность, смазанность либеральной идеологии, ее “практическое слабосилне” (Н.Г.Чернышевский), если только сама власть не брала на себя задачи осуществления буржуазных по сути преобразований. “Переходный” характер развития России после 1861 г. привел к тому, что “не успели” сформироваться как классы “для себя” ни буржуазия, ни пролетариат; раскрестьянивание же обернулось образованием неорганизованной “массы”, ломпенезированного “народа”, ставшего социальной базой революций XX в. и затем тоталитарного строя. От него же прямой путь к демократии, к либерализму, к гражданскому обществу и правовому государству представляется весьма проблематичным. Нынешний хаос в социально-экономической и политической жизни — наглядное обнаружение этой проблемы.

Есть смысл акцентировать различия между теорией, учением либерализма и движением, практикой либерализма. Тут связь не прямая и роли различны. Тот исторический факт, что идеи русских либералов остались втуне, не стали “движущей силой” нашей истории, не означает, что к теориям, идеям русского либерализма надо продолжать относиться негативно, пренебрежительно. Тут — и материалы данной книги об этом отчетливо свидетельствуют — богатство наработок, вполне сопоставимых с западными либеральными теориями. Чего стоят хотя бы до сего времени титерованные нами идеи отечественных “катедер-социалистов”, тенденции либеральной идеологии к социализации и т.д. Но когда-то этот “мыслительный материал” “заработает”?..

Кстати, участники “дискуссии” за редчайшим исключением сводят западный либерализм к западноевропейскому, игнорируя его американский вариант. Меж тем такой его выразитель как например, Г.Ч.Кэри (да только ли он?) оказал на русскую мысль довольно значительное влияние.

Из более частных замечаний хотелось бы выделить следующие: 1) неправомерно говорить о том, что корни либерализма уходят в античность; 2) ошибочно утверждение об укорененности либеральных идеалов в обществе при Александре I; 3) сомнительно утверждение о том, что либералы хотели быть демократами.

М.А.Абрамов: Актуальность сборника и будет возрастать по мере ухудшения политической и экономической ситуации в стране. Вопрос же об эффективности и самой возможности внесения либерального сознания в массы представляется достаточно схоластичным. Несомненно одно — огромный “ареал” либеральных идей до

сих пор остается terra incognita в отечественной литературе с постоянно меняющимися очертаниями.

Авторы сборника надеются несколько прояснить обстоятельства имплантации либеральных идей на просторах России, проследить особенности процесса складывания их в доктрины, убеждения и политические программы.

Их задача осложнена тем известным фактом, что относительно квалификационных признаков либерализма нет единого мнения и потому весьма спорными оказываются и отнесения тех или иных персоналий и их теорий к "либеральной семье".

С важнейшим принципом суверенности личности вроде бы все согласны, но вот относительно правового, социального, экономического его обеспечения испокон веку существуют разночтения и разномыслие.

В начальных разделах исследования, где авторы по скудости материала не гонятся за "крупной рыбой", они информативны, скорее описательны, чем теоретичны, за исключением весьма "густо" написанных экскурсов А.Соболева и В.Пустарнакова. Вместе с тем "вкрапления" в историографический раздел чисто философских разработок Б.Капустина, А.Кара-Мурзы, того же В.Пустарнакова (Мысли о сущности западноевропейского либерализма) выглядят чужеродными телами. Их следовало бы поместить либо в самом начале книги, либо выделить в особый раздел.

Все же отсутствие фундаментальных и обобщающих исследований либерализма в нашей историко-философской и политологической традиции сказывается, во многом теоретический зондаж феномена либеральной мысли носит кустарный характер, что не исключает высокого класса кустарей-одиночек.

С учетом сказанного нет особых претензий ко всем историческим материалам, относящимся к судьбам либеральных идей в периоды царствования коронованных особ в России от Екатерины II до Николая II (опущен только Павел I, выпустивший посаженных Екатериной Новикова и Радищева). В них обсуждаются важные моменты эволюции элементов либерализма в общественной мысли и политической жизни. Хотелось бы отметить точное наблюдение В.Пустарнакова о постклассической форме нового либерализма в России, важное для понимания особенностей его институирования, а также ценные замечания А.Соболева о религиозном модусе либерализма, воистину оригинальном вкладе в его философское обоснование..

Авторы иногда проявляют беспокойство по поводу неактуальности "своих раскопок", по давней советской традиции равнодушия к истине, не решаясь поверить в самородный свет истины. И тут, извинившись за предшествующую высокопарность, укажу на неуместность перепалки с политическими деятелями современности, лично кому-то неприятных. Не пристало философской сове каркать. Она летает в сумерках, когда вороны уже молчат.

Думается, нет смысла вступать в препирательства с авторами, оценки которых не совпадают с собственными, они во многом первопреходцы и вправе называть открытые края по своему усмотрению. Впрочем, когда оценки являются запоздалыми цветами классового подхода, принесенными на раннюю могилу российского либерализма, возражать хочется. Либеральные идеалы и их воплощенные дело тонкое и на Востоке особенно.

Сделаю все-таки исключение и вступлюсь за Б.Н.Чичерина, которому отказывают в праве называться либералом. Легальный и философский позитивизм, также как и мистический теократизм, в его лице нашел сильного противника. Но можно ли на основании его критики Милля и позитивистов, а также философских послаблений Вл.Соловьева, в частности его допущения минимальной нравственности в Праве, называть Чичерина паралибералом, а за его монархизм причислять к консерваторам? Консерватизм это не философия, а лишь отношение к философской, политической, культурной и т.п. традиции. И может ли быть более либеральной философией, утверждающая примат личности и автономность его свободного морального действия? Да Борис Николаевич больше либерал, чем Бенгам и оба Милля. Что касается антиконституционных взглядов Чичерина, то, во-первых, они изменились, а во-вторых, его консерватизм может быть интерпретирован как реалистическая тактика, учитывающая особенности русского самодержавия — русские цари, и в частности современные Чичерину цари Николай II, Александр I и Александр III понимали свое царствование как миссию, возложенную на них Богом. Народ был такого же мнения. Если же самодержавное государство остается воплощением нравственной идеи, развивается земское самоуправление и существует развитое гражданское общество, институт частной собственности возобладал над общинным землевладением, то какого либерального рожна нужно еще?

Формальные претензии к книге достаточно серьезны. Избранный способ связки и подачи материалов довольно искусственен и иногда выглядит даже комично. В целях сокращения объема можно

предложить изъять все подборки цитат, которые весьма любопытны, но, как правило, отрывочны, случайны, взяты вне контекста. Кроме того, по большей части приведенные высказывания не задействованы в дискуссии. Лучше уж заняться изданием целостных произведений в хрестоматиях по либерализму, что будет полезно и интересно профессиональным и непрофессиональным читателям.

В целом хочется поддержать данное издание. Оно несомненно либерально по духу. В тематическом плане хотелось бы увидеть дискуссии по животрепещущим для всякого историка мысли проблемам, например: революционные демократы и либерализм, легальные и нелегальный марксизм и либерализм в России. Наконец, больше внимания от сотрудников ИФРАН ожидаешь к философской подоплеке русских либеральных взглядов, глубоко и всесторонне выраженных в трагическом триптихе русской либеральной мысли "Проблемы идеализма", "Вехи" и "Из глубины", которые почему-то выпали из поля зрения участников дискуссии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См. исследования Н.А.Балашовой, В.Я.Лаврычева, В.Р.Лейкиной-Свирской, К.Ф.Шаццло.
- 2 В порядке исключения можно назвать работы В.Зорькина "Чичерин" (М., 1981) и В.Кантора "К.Д.Кавелин" // *Кавелин К.Д. Наш умственный строй* (М., 1989). Большой интерес к либерализму проявило русское зарубежье. В этой связи можно назвать относящиеся к 50-м годам и остающиеся на сегодня наиболее полным исследование В.В.Леонтовича "История либерализма в России. 1762-1914" (Париж, 1980).
- 3 См.: *История СССР*. 1957. № 3. С. 213.
- 4 *Михайлов С.И.* Похороны русского либерализма. О книге С.Л.Франка. Биография П.Б.Струве. Нью-Йорк, 1956 // *Вопр. философии*. 1958. № 1. С. 133, 135.
- 5 См.: В.И.Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX — начала XX в. Л., 1970. С. 239.
- 6 *Клейн Н.Л.* Земско-либеральное движение в Самарской губернии в 60–80-е годы XIX в. // *История СССР*. 1970. № 6. С. 68.
- 7 См.: *Слонимский А.Г.* В.И.Ленин об истории русского либерализма // *История и историки: Историкогр. ежегодник*. 1970. М., 1972. С. 319.
- 8 См.: *Timberlake Ch.E.* Introduction: The Concept of Liberalism in Russia // *Essays on Russian Liberalism*. Univ. of Missouri Press, 1972.
- 9 См.: *Fischer G.* *Russian Liberalism: From Gentry to Intelligentsia*. Cambridg. 1958.
- 10 Применительно к анализу политической философии Локка значение этого вопроса блестяще показано Р.Эшкрафтом: *Ashcraft R.* *Locke's Two Treatises of Government*. L., 1987. P. 39 ff.
- 11 *Voltaire.* *Oeuvres completes*. Vol. 21. P., 1877–1885. P. 573.
- 12 *Voltaire.* *Correspondance*. Vol. LXXX. № 16442. P. 168; Vol. LIX. № 123. P. 193.
- 13 *Монтескье Ш.* Избранные произведения. М., 1955.
- 14 См.: *Энциклопедический словарь Брокгауз–Эфрон*. Т. XVII^a (34). С. 633.
- 15 *European liberalism*, N.Y., etc., 1972. P. 17.
- 16 *Энциклопедический словарь Брокгауз–Эфрон*. Т. XVII^a (34). С. 633.
- 17 Там же.
- 18 *Либерализм и церковь*. М., 1906. С. 3.
- 19 *Полис*. 1994. № 3. С. 36, 37.
- 20 Цит. по: *Пыпин А.Н.* *История русской литературы*. Т. 4. Спб., 1907. С. 14.
- 21 См.: *Екатерина*. Наказ. Спб., 1907.
- 22 См.: *Леонтович В.В.* *История либерализма в России. 1762–1914*. Париж, 1980. С. 2–3.
- 23 *Фонвизин Д.И.* *Собр. соч.*: В 2 т. Т. II. М.;Л., 1959. С. 115.
- 24 *Леонтович В.В.* *Указ. соч.* С. 33.
- 25 *Зайцев К.* *Лекции по административному праву*. Прага, 1923. С. 157.
- 26 *Леонтович В.В.* *Указ. соч.* С. 40.

- 27 Фонвизин Д. И. Указ. соч. С. 264.
- 28 Там же. С. 259–260.
- 29 Хриповицкий А. В. Дневник. 1782–1793. М., 1902. С. 219.
- 30 Там же. С. 246.
- 31 Грибовский А. М. Записки об императрице Екатерине Великой. М., 1864. С. 48.
- 32 Григорович Н. И. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко. В связи с событиями его времени. СПб., 1881. Т. II. С. 643.
- 33 Там же. С. 643–644.
- 34 Там же. С. 644.
- 35 См.: Санкт-Петербургский журнал. 1807, февраль.
- 36 См.: Pipes R. Struve: Liberal on the left. 1870–1905. Cambridge, 1970. P. 283.
- 37 См.: Записка о древней и новой России. СПб., 1914. С. 37.
- 38 Там же. С. 40.
- 39 Леонтович В. В. История либерализма в России. С. 94.
- 40 Остафьевский архив князей Вяземских. Т. II. СПб., 1899. С. 15.
- 41 Корф М. А. Александр I и его приближенные до эпохи Сперанского. Неизданная глава из “Жития гр. Сперанского” // Русская старина. 1903. № 1. С. 30.
- 42 См.: Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. С. 28–36.
- 43 Сперанский М. М. Проекты и записки. М.–Л., 1961. С. 29–30.
- 44 См.: Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.:Л., 1956. С. 190–199.
- 45 Русские просветители // Собр. произведений в 2 т. М., 1966. Т. 1. С. 251.
- 46 Там же. С. 195.
- 47 Архив князя Воронцова. М., 1876. Кн. 10. С. 99–100.
- 48 Сперанский М. М. Проекты и записки. М.:Л., 1961. С. 43.
- 49 Декабристы. Поэзия, драматургия, проза, публицистика. М.:Л., 1951. С. 510.
- 50 Вяземский П. А. Письма к жене за 1830 г. // Звенья. М.:Л., 1936. Т. 6. С. 234.
- 51 Письма Н. М. Карамзина кн. П. А. Вяземскому. 1810–1826. Из Остафьевского архива. СПб., 1897. С. 168.
- 52 Там же. С. 49.
- 53 Там же. С. 75.
- 54 Там же. С. 114.
- 55 Карамзин Н. М. Неизданные сочинения и переписка. СПб., 1862. Ч. 1. С. 28.
- 56 Минаева Н. В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в нач. XIX в. Саратов. 1982. С. 110.
- 57 Кистяковский Б. А. В защиту права. (Интеллигенция и правосознание) // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 126, 128.
- 58 Там же. С. 138.
- 59 См.: Блюмин И. Г. Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX в. М.:Л., 1940. С. 52.
- 60 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 418.
- 61 Ленин В. И. Соч. Т. 1. С. 457–458.
- 62 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 418.
- 63 Маркс К. Капитал. Т. 1. М., 1950. С. 760.
- 64 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 38. С. 399.

- 65 См.: *Пыпин А.Н.* Исследования и статьи по эпохе Александра I. Т. 3. Пг., 1918. С. 109.
- 66 См.: там же. С. 165.
- 67 См.: там же. С. 167.
- 68 См.: там же. С. 162.
- 69 См.: там же. С. 144.
- 70 *Каменский З.А.* Тимофей Николаевич Грановский. М., 1988. С. 7.
- 71 Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Москва сороковых годов. (1929). С. 43–44.
- 72 Там же. С. 75.
- 73 *Шукин В.Г.* Культурный мир русского западника. С. 77.
- 74 *Чичерин Б.Н.* Вопросы философии. М., 1904. С. 384.
- 75 Воспоминания Б.Н.Чичерина. Москва сороковых годов. М., 1991. С. 35.
- 76 *Шильдер Н.К.* Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. Спб., 1903. Т. II. С. 390.
- 77 *Бенкендорф А.Х.* О России // Красный архив. 1929. Т. 37. С. 150, прим.
- 78 *Линовский Я.* Об окончательном отменении хлебных законов в Англии, предложеном сэром Роберт-Пилем и о влиянии этой реформы на промышленность, на общественную и государственную жизнь Великобритании. М., 1846. С. 63–64.
- 79 Там же. С. 69.
- 80 Там же. С. 79.
- 81 *Вавилов И.С.* Беседы русского купца о торговле. Ч. I. Спб., 1846.
- 82 Там же. С. 26.
- 83 Там же. С. 93.
- 84 Там же. С. 95.
- 85 Санкт-Петербургские ведомости. 1847. № 245, 26 сент.
- 86 Северная Пчела. 1847. № 230.
- 87 *К.П.* Заметки // С.Петербург. ведомости. 1847. № 248.
- 88 См.: Санкт-Петербургские ведомости, 1847, 26 окт.
- 89 *Одоевский В.Ф.* Сочинения. Спб., 1844. Ч. I. С. 27.
- 90 *Майков В.Н.* Сочинения. Т. 2. Киев, 1901. С. 66.
- 91 Там же. С. 51.
- 92 М.С.Э. Т. 3. М., 1929. Ст. 240.
- 93 БСЭ. Изд. 3. Т. 9. М., 1972. С. 335.
- 94 См.: *Володин А.И.* Проблема "западничества". Как она видится нам сегодня // Свободная мысль. 1994. № 7–8.
- 95 *Грановский Т.Н.* К.Д.Кавелину 2 октября 1855 г. // Т.Н.Грановский и его переписка. Т. II. С. 456.
- 96 Там же.
- 97 См.: Анненков и его друзья. Т. I. Спб., 1892. С. 551.
- 98 Там же. С. 523.
- 99 Беря в кавычки это слово, я хотел бы подчеркнуть, что хотя этот термин уже давно является операциональным в исторической науке и принимается, по всей видимости, большинством историков, все же он встречает и серьезные возражения. Стоит в связи с этим указать хотя бы на ту, по-моему, справедливую критику

- ческую аргументацию, которая содержится в книге А.Н.Ерыгина "История и диалектика" (Ростов-на-Дону, 1987). См., например: с. 172.
- 100 *Милль Дж. Ст. Утилитарнизм. О свободе.* Спб., 1882. С. 145.
- 101 Там же. С. 163–164.
- 102 *Кавелин К.Д. Собр. соч. Т. 2.* С. 1177.
- 103 Там же. Т. 3. С. 1171.
- 104 *Кавелин К.Д. Указ. соч. Т. 4.* С. 918–919.
- 105 *Чичерин Б.Н. Положительная философия и единство науки.* С. 208.
- 106 Там же. С. 209.
- 107 *Чичерин Б.Н. Конституционный вопрос в России.* Спб., 1906. С. 7.
- 108 *Чичерин Б.Н. О народном представительстве.* С. 9.
- 109 Там же. С. 103.
- 110 Там же. С. 103–104.
- 111 *Чичерин Б. Из моих воспоминаний (По поводу дневника Н.И.Кривцова) // Рус. архив. 1890. № 4.* С. 512.
- 112 *Чичерин Б. О народном представительстве.* С. 127.
- 113 Там же. С. 50–51.
- 114 Там же. С. XVI–XVII.
- 115 *Чичерин Б. Курс государственной науки. М., 1896. Ч.2.* С. 424.
- 116 *Чичерин Б. Курс государственной науки. Ч. 3.* С. 232.
- 117 *Чичерин Б. Наука и религия.* С. 127.
- 118 *Чичерин Б. Курс государственной науки. Ч. 3.* С. 106.
- 119 См.: там же. С. 107. В этом вопросе, как и во многих других, касающихся общественно-политической тематики, Чичерин последовательно стоит на позициях толерантности (что абсолютно несвойственно ему как метафизику).
- 120 *Чичерин Б. Мистицизм в науке.* С. 167–168.
- 121 *Чичерин Б. Немецкие социалисты.* Спб., 1878. С. 38.
- 122 *Чичерин Б. Собственность и государство. Ч. 1.* С. 414.
- 123 Там же.
- 124 Там же. С. 405.
- 125 (Чичерин Б.Н.). *Восточный вопрос с русской точки зрения // Записки князя С.П.Трубецкого.* Спб., 1907. С. 131.
- 126 *Чичерин Б.Н. О народном представительстве.* С. 27.
- 127 См.: *Чичерин Б. Собственность и государство. Ч. 1.* С. 270–271.
- 128 *Чичерин Б. Курс государственной науки. Ч. 3.* С. 417.
- 129 *Чичерин Б. История политических учений. М., 1902. Ч. 5.* С. 225.
- 130 *Чичерин Б. Курс государственной науки. Ч. 2.* С. 204.
- 131 *Чичерин Б. Очерки Англии и Франции.* С. 109.
- 132 *Чичерин Б. Россия накануне двадцатого столетия.* Берлин, 1901. С. 6–7.
- 133 Там же. С. 28.
- 134 Там же. С. 74–75.
- 135 Там же. С. 146–147.
- 136 *Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт древней России // Он же. Наш устаревший строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989.* С. 22.
- 137 Там же. С. 66.

- 138 *Зеньковский В.В.* История русской философии. Л., 1991. Т. 2. Ч. 1. С. 153.
- 139 *Чичерин Б.Н.* Наука и религия. М., 1901. С. 24.
- 140 *Кавелин К.Д.* Дворянство и освобождение крестьян // Он же. Наш умственный строй. С. 153.
- 141 *Чичерин Б.Н.* Философия права. М., 1990. С. 270.
- 142 *Кавелин К.Д.* Цит. соч. С. 153.
- 143 *Чичерин Б.Н.* Конституционный вопрос в России. Спб., 1906. С. 5.
- 144 Там же. С. 30.в
- 145 *Кавелин К.Д.* Наш умственный строй. С. 489.
- 146 *Геккер Н. М.М.* Стасюлевич и старый русский либерализм // Современник. 1991. № 4. С. 245.
- 147 Там же. С. 237.
- 148 *Pipes R. Struve: Liberal of the left. 1870–1905.* Cambridge, 1970. P. 28.
- 149 Русский вестник. 1862. № 2.
- 150 *Тихомиров Л.* Конституционалисты в эпоху 1881 года. Изд. 2. М., 1895. С. 37.
- 151 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 22. С. 44.
- 152 См.: "Московские ведомости". 1864. № 13. С. 833.
- 153 *Кавелин К.Д.* Собр. соч. Т. 2. Спб., 1898. Ст. 1177.
- 154 Там же.
- 155 *Кавелин К.Д.* Взгляд на русскую сельскую общину (1859) // Он же. Наш умственный строй. М., 1989. С. 109.
- 156 См.: Кавелин К.Д. Собр. соч. Т. 1. Спб., 1897. Ст. 221.
- 157 Там же. Ст. 574.
- 158 Там же. Т. 3. Спб. 1899. Ст. 1001–1002.
- 159 *Кавелин К.Д.* Наши недоразумения (1878) // Он же. Наш умственный строй. С. 419.
- 160 *Чичерин Б.Н.* Философия права. М., 1900. С. 270.
- 161 Там же. Ч. 2. С. 149.
- 162 *Чичерин Б.Н.* Вопросы политики. М., 1904. С. 243.
- 163 *Чичерин Б.Н.* О народном представительстве. М., 1866. С. VII–VIII.
- 164 Экономический указатель. 1857. № 37. С. 853.
- 165 В.П.Безобразов в газете "Московские ведомости", 1857. № 16.
- 166 *Вернадский И.В.* О мене и торговле. С примечаниями и приложением статей "О протективной системе и дифференциальных пошлинах в России". Спб., 1865. С. 165, 162, 125.
- 167 Московские ведомости. 1857. № 97. С. 437.
- 168 Московские ведомости. 1856. № 50.
- 169 Голос. 1863. № 126.
- 170 *Бобринский А.* О применении систем охранительной и свободной торговли к России. О значительном понижении таможенного дохода по введению тарифа 1857 года. М., 1868. Ч. 1. С. 57.
- 171 Вестник Европы. 1868. Т. 1. С. 13, 15.
- 172 Вестник Европы. 1868. № 9. С. 396.
- 173 *Вернадский И.В.* О мене и торговле. С. 119, 120.
- 174 Экономический указатель. 1858. Ч. 27. С. 615.
- 175 Вестник Европы. 1868. № 3. С. 427.

- 176 *Градовский А.* Собр. соч. Т. 3. С. 378–379.
- 177 *Бабст И.К.* Рец. на кн. В.Гильдебранда “Политическая экономия настоящего и будущего” // *Вестн. промышленности.* 1861. Т. XI. № 2. С. 53.
- 178 Там же. С. 54.
- 179 Там же. С. 55.
- 180 *Голос.* 1869. 5(17) февраля. № 36.
- 181 *Арсеньев К.К.* Новый обличитель русского либерализма // *Вестн. Европы.* 1886. май. С. 358.
- 182 Там же.
- 183 Там же.
- 184 Там же. С. 359.
- 185 См.: *Русская мысль.* 1880. № 2. С. 30–34.
- 186 См.: там же. С. 31.
- 187 См.: *Русская мысль.* 1885. № 3. Отд. “Науки и искусства”. С. 67.
- 188 Там же. С. 66.
- 189 *Зибер Н.И.* Избранные экономические произведения. М., 1959. Т. 2. С. 673.
- 190 Там же. С. 647.
- 191 Там же. С. 266.
- 192 *Менделеев Д.И.* Сочинения. Т. 19. Л., 1950. С. 908.
- 193 *Менделеев Д.И.* Толковый тариф. С. 16.
- 194 Там же. С. 11.
- 195 Там же. С. 13–14.
- 196 Там же. С. IX.
- 197 Там же. С. VIII.
- 198 Там же. С. 700.
- 199 Там же.
- 200 *Петров Ф.А.* Земско-либеральные проекты переустройства государственных учреждений в России в конце 70-х — начале 80-х годов XIX в. // *Отечественная история,* 1993. № 4. С. 33.
- 201 *Московские ведомости.* 1893. № 275.
- 202 См.: *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Изд. 5. Спб., 1895. С. 264.
- 203 *Данилевский Н.Я.* Сборник политических и экономических статей. Спб., 1890. С. 221.
- 204 См.: *Витте С.Ю.* По поводу непреложности законов государственной жизни. Спб., 1914. С. 117.
- 205 *Герцен А.И.* Царские поп раззуты (мы не можем) // Собр. соч. Т. XVIII. С. 325.
- 206 См.: *Витте С.Ю.* По поводу непреложности законов государственной жизни. Спб., 1914. С. 117.
- 207 *Ковалевский М.* Конституция графа Лорис-Меликова и его частные письма (1898). Берлин, 1904. С. 95.
- 208 См.: *Огарев Н.П.* Избр. соц.-полит. и филос. произв. Т. 1. С. 570.
- 209 См.: *Московские ведомости.* 1893. № 275.
- 210 М.М.Стасяев и его современники в их переписке. Спб., 1911. Т. 1. С. 77.
- 211 Там же. С. 277, 278.
- 212 М.М.Стасяев и его современники... Т. 2. С. 190.

- 213 *Ковалевский М.М.* К юбилею К.К.Арсеньева // Русские ведомости. 1907. 20 нояб. № 266.
- 214 Страна. 1881. № 36.
- 215 *Гольцев В.А.* Государство и самоуправление. М., 1882. С. 44.
- 216 *Стасюлевич М.М.* Черный передел реформ императора Александра III. С. 82.
- 217 М.М.Стасюлевич и его современники. Спб., 1912. Т. 3. С. 403.
- 218 Вестник Европы. 1883. Январь. С. 374.
- 219 Русская мысль. 1891. Кн. 3. Отд. XIV. С. 84.
- 220 *Гольцев В.А.* По поводу статьи "Вестника Европы": "Народники и народ" // Вестн. Европы. 1883, янв. С. 372.
- 221 См.: *Тихомиров Л.* Конституционалисты в эпоху 1881 года. Изд. 2. М., 1895. С. 49.
- 222 Вестник Европы. 1874. № 12. С. 717.
- 223 М.М.Стасюлевич и его современники. Т. 1. С. 482.
- 224 См.: Вестник Европы. 1886. Май. С. 358.
- 225 *Арсеньев К.К.* Внутреннее обозрение (Ответ на вопрос: "есть ли программа у русских либералов" // Вестник Европы. 1882. № 3. С. 799.
- 226 Там же. С. 804.
- 227 Там же. С. 804–805.
- 228 М.М.Стасюлевич и его современники. Т. V. Спб., 1913. Письмо Ф.Д.Нефедову.
- 229 *Арсеньев К.К.* Литературное обозрение // Вестн. Европы. 1879. № 2. С. 780.
- 230 См.: *Ковалевский М.М.* Конституция графа Лорис-Меликова и его частные письма. С. 49.
- 231 Там же. С. 60.
- 232 См.: *Балашова Н.А.* Российский либерализм начала XX в. М., 1971; *Лаврычев В.Я.* Общая тенденция развития буржуазно-либерального движения в конце XIX — начале XX в. // История СССР. 1976. № 3; *Лейкина-Сверская В.Р.* Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М., 1981; *Шаццлло К.Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985.
- 233 См.: *Соловьев В.С.* Оправдание добра. (Гл. 16).
- 234 *Гессен С.И.* Проблемы правового социализма // Современные записки. Т. 22. С. 271.
- 235 *Новгородцев П.И.* Право на достойное человеческое существование // *Новгородцев П.И., Покровский И.А.* Социально-философские этюды. Спб.; М., 1911. С. 6.
- 236 *Гессен С.И.* Цит. соч. С. 289.
- 237 *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М., 1991. С. 521.
- 238 Там же. С. 516.
- 239 *Вебер М.* О буржуазной демократии в России // Социол. исслед. 1992. № 3. С. 131.
- 240 Цит. по: *Левицкий С.А.* Очерки по истории русской философской и общественной мысли. Т. 1. Frankfurt а/М., 1983. С. 126.
- 241 Цит. по: *Анин Д.* Русская революция и либерализм // Новый журнал. Нью-Йорк, 1965. № 81. С. 231.
- 242 *Адамович Г.В.* Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, человек. Париж, 1959. С. 104.

- 243 *Ефимовский Е.А.* Перед судом истории (О "Воспоминаниях" П.Н.Миллюкова) // Возрождение. Париж, 1956. № 51. С. 138.
- 244 *Франк С.Л.* Биография П.Б.Струве. Нью-Йорк, 1956. С. 57.
- 245 *Ефимовский Е.А.* Лицо и изнанка. 12 лет в Партии Народной Свободы // Возрождение. Париж, 1956. № 56. С. 144.
- 246 *Маклаков В.А.* Власть и общественность на закате старой России (Воспоминания современника). Т. 1. Париж, 1936. С. 242–243.
- 247 *Степун Ф.А.* О свободе // Новый град. Париж, 1938. № 13. С. 21.
- 248 Там же. С. 16.
- 249 Там же. С. 23.
- 250 *Миллюков П.Н.* Воспоминания. Т. 1. М., 1990. С. 266.
- 251 *Франк С.Л.* По ту сторону правого и левого. Париж, 1972. С. 119.
- 252 *Карпович М.М.* Два типа русского либерализма // Новый журнал. Нью-Йорк, 1960. № 60. С. 278.
- 253 *Бердлеев Н.А.* Философия неравенства. М., 1990. С. 150–151.
- 254 Там же. С. 144.
- 255 *Леонтович В.В.* История либерализма в России. 1762–1914. Париж, 1980. С. 22.
- 256 *Струве П.Б.* Ф.И.Родичев и мои встречи с ним. Глава из воспоминаний // Возрождение. Париж, 1949. № 1. С. 43.
- 257 *Ефимовский Е.А.* Один из могикан. Памяти В.А.Маклакова // Возрождение. Париж, 1959. № 68. С. 122.
- 258 *Чичерин Б.Н.* Земство и московская дума. М., 1934. С. 20.
- 259 Руководители в делах совести. — А.С.
- 260 *Струве П.Б.* М.В.Челноков и Д.Н.Шипов // Новый журнал. Нью-Йорк, 1948. № 242–245.
- 261 *Маклаков В.А.* Перед Второй Думой // Новый журнал. Нью-Йорк, 1946. № 12. С. 204.
- 262 *Маклаков В.А.* Власть и общественность. С. 409.
- 263 *Тыркова-Вильямс А.В.* Русский парламентарий // Новый журнал. Нью-Йорк, 1958. № 2. С. 239.
- 264 *Франк С.Л.* Философия и жизнь. Спб., 1910. С. 146, 148.
- 265 См. письмо И.В.Киреевского к А.С.Хомякову от 15 июля 1840 г. // *Киреевский И.В.* Избранные статьи. М., 1984. С. 313.
- 266 *Бердлеев Н.А.* Из записных книжек // Мосты. Мюнхен, 1967. № 7. С. 211.
- 267 *Леонтьев К.* Записки отшельника. М., 1992. С. 335–336.
- 268 *Котляревский С.А.* Философия конца // Вопр. философии и психологии. М., 1913. Кн. 119. С. 315.
- 269 Там же. С. 315–316.
- 270 *Адамович Г.В.* Василий Алексеевич Маклаков. С. 126.
- 271 Там же. С. 89–91.
- 272 *Карпович М.М.* Два типа либерализма // Новый журнал. Нью-Йорк, 1960. № 60. С. 268–269.
- 273 *Маклаков В.А.* Власть и общественность. Т. 1. С. 139.
- 274 *Маклаков В.А.* Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. С. 403.
- 275 *Адамович Г.А.* Василий Алексеевич Маклаков. С. 234.

- 276 Люкс Л. Интеллигенция и революция (Летопись триумфального поражения) // Вопр. философии. 1991. № 11. С. 8.
- 277 Чичерин Б. 1. Русское дворянство. 2. Что такое среднее сословие. 3. Ответ Русскому вестнику. Б.м., б.г. С. 67.
- 278 Чичерин Б. 1. Русское дворянство. С. 6.
- 279 Левин Ш.М. Очерки по истории русской общественной мысли (вторая половина XIX — начало XX века). Л., 1974. С. 350.
- 280 Китаев В.А. От Фронды к охранительству: (Из истории русской либеральной мысли 50–60-х годов XIX века). М., 1972. С. 84.
- 281 Чичерин Б.Н. Собственность и государство. М., 1883. Ч. 2. С. 354.
- 282 Чичерин Б.Н. Философия права. М., 1900. С. 278.
- 283 См.: Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. М., 1898. Ч. 3. С. 179.
- 284 Там же. С. 180–181.
- 285 Токаиль А. Демократия в Америке. М., 1992. С. 162.
- 286 Чичерин Б. Конституционный вопрос в России. Спб., 1906. С. 15.
- 287 Кавелин К.Д. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. Спб., 1898. С. 579.
- 288 См.: Миллюков П.Н. Интеллигенция и историческая традиция // Вопр. философии. 1991. № 1. С. 137.
- 289 Чичерин Б.Н. Положительная философия и единство науки. М., 1892. С. 302–303.
- 290 Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1899. С. XIX.
- 291 Речь Б.Н. Чичерина, московского городского головы 16 мая 1883 г. В., 1883. С. 20.
- 292 Кавелин К.Д. Указ. соч. Т. 2. С. 54.
- 293 Там же. С. 934.
- 294 Там же. С. 894.
- 295 См.: Леонтович В.В. История либерализма в России. С. 22.
- 296 Чичерин Б. Вопросы политики. М., 1903. С. 31.
- 297 Чичерин Б. Курс государственной науки. Ч. 3. С. 507.
- 298 Милль Дж. Ст. Утилитарианизм. О свободе. С. 239.
- 299 Кавелин К.Д. Указ. соч. Т. 3. С. 1037.
- 300 Рормозер Г. Пути либерализма в России // Полис. 1993. № 1. С. 35.
- 301 Там же. С. 33.
- 302 Мигранян А.М. Переосмысливая консерватизм // Вопр. философии. 1990. № 11. С. 122.
- 303 Медушевский А.Н. Общество и государство в русском историческом процессе // Вест. Моск. ун-та. Сер. 12. Соц.-полит. исслед. 1993. № 1. С. 29.
- 304 Walicki A. Legal Philosophies of Russian Liberalism. Notre Dame; L., 1992. P. 5.
- 305 См.: Витте С.Ю. По поводу непреложности законов государственной жизни. Спб., 1914. С. 69–70.
- 306 Изгоев А. Социализм, культура и большевизм // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 386, 369.
- 307 Наиболее очевидно это выражено в учении Гегеля об исторической диалектике четырех царств, завершаемой “германским царством”, в котором “северное начало германских народов” оказывается адекватной формой реализации Абсолютного духа. О европейском единстве Гегель мыслил следующим образом: “Ев-

- ропейские нации образуют одну семью по всеобщему принципу их законодательства, их нравов, их образования" (Философия права, пар. 339).
- 308 В качестве одной из образцовых работ на эту тему считаю своим долгом указать книгу А.Валицкого "Философии права русского либерализма" (*Walicki A. Legal Philosophies of Russian Liberalism. Oxford, 1987*) и в особенности ее первую главу — "The Tradition of the Censure of Law".
- 309 *Маркиз де-Кюстин*. Николаевская Россия. М., 1990. С. 53.
- 310 *Чаадаев П. Я.* Полн. собр. соч. и избранные письма. М., 1991. Т. 1. С. 323.
- 311 Там же. С. 326.
- 312 Там же. С. 327.
- 313 *Киреевский И. В.* Критика и эстетика. М., 1979. С. 98.
- 314 См.: *Чаадаев П. Я.* Полн. собр. соч. и избранные письма. Т. 2. С. 540.
- 315 Об ориентализме М.Магницкого и С.Уварова как проявлении официального анти-западничества в 20-30-е годы см.: *Billington I. H.* The Icon and the Axe. N. Y., 1970. P. 292-295, 304-306.
- 316 *Чаадаев П. Я.* Полн. собр. соч. и избранные письма. Т. 2. С. 541.
- 317 Там же. С. 98.
- 318 Там же.
- 319 Там же. С. 99.
- 320 *Одоевский В. Ф.* Русские ночи. Л., 1975. С. 147.
- 321 Там же. С. 148.
- 322 Там же. С. 183.
- 323 Там же. С. 181.
- 324 *Хомяков А. С.* О старом и новом. М., 1988. С. 143-144.
- 325 *Самарин Ю. Ф.* О мнениях "Современника" исторических и литературных. В кн.: Русская эстетика и критика 40-50-х годов XIX века. М., 1982. С. 182.
- 326 *Киреевский И. В.* Критика и эстетика. С. 192.
- 327 Там же. С. 292.
- 328 *Хомяков А. С.* Указ. соч. С. 80-81.
- 329 Там же. С. 157. Ср.: "Община есть одно уцелевшее гражданское учреждение всей русской истории. Отними его, не останется ничего: из его развития может развиться целый гражданский мир" (Там же. С. 162).
- 330 Там же. С. 118.
- 331 *Герцен А. И.* Соч.: В 2 т. М., 1986. Т. 2. С. 394.
- 332 Там же. С. 512.
- 333 Там же. С. 153.
- 334 Ср.: "Самая мысль, высказанная славянофилами о гниении Запада, кажется мне совершенно верною" (*Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к Германо-Романскому. Спб., 1895. С. 175). Об источниках в русской мысли темы "гниения" Запада см.: *Струве П. Б.* С. П. Шевырев и западные внушения и источники теории-афоризма о "гнилом", или "гниющем" Западе // Записки Русского института в Белграде. 1941. Вып. 16-17.
- 335 *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. С. 483.
- 336 Там же. С. 482.

- 337 Ср.: "Этимологическое сходство слов община и общинный (в переводе на французский язык) со словом коммунизм — дало повод злонамеренной недобросовестности смешивать эти понятия". Русская община "есть историческое право — точно такая же священная и неприкосновенная форма собственности, как и всякая другая, как сама частная собственность". А европейский социализм "есть, напротив того, учение революционное", поскольку "требует предварительного передела собственности, — полного переустройства землевладения и всего общественного экономического строя" (*Данилевский И. Я.* Россия и Европа. С. 538, 539).
- 338 Там же. С. 502.
- 339 *Леонтьев К. Н.* Восток, Россия и славянство. Т. 1. М., 1885. С. 140.
- 340 Там же.
- 341 Там же. Т. 2. М., 1886. С. 13, 77.
- 342 Там же. Т. 1. С. 188.
- 343 Там же. С. 182.
- 344 Там же. С. 98.
- 345 Там же. С. 309. См. также определение "аграрно-рабочей идеи" как "новой формы феодализма".
- 346 *Герцен А. И.* Эстетика. Критика. Проблемы культуры. М., 1987. С. 284.
- 347 См.: Русское обозрение. 1897. № 5. С. 412. Следует отметить, что кроме "чувства" в такой интерпретации судьбы социализма Леонтьеву существенно помогли предостережения, например, Г. Спенсера в книге "Грядущее рабство".
- 348 *Леонтьев К.* Избранные статьи. Цветущая сложность. М., 1992. С. 291. Если учесть, что именно через 50 лет в СССР была объявлена и успешно проведена "безбожная" пятилетка, то стоит, быть может, с должным вниманием отнестись и к такому пророчеству Леонтьева, сделанному в 1891 г.: "Без строгих и стройных ограничений, без нового и твердого расслоения общества, без всех возможных настоячивых и неустанных попыток к восстановлению расшатанного сословного строя нашего, — русское общество, и без того довольно эгалитарное по привычкам, помчится еще быстрее всякого другого по смертному пути все смешения и — кто знает? — подобно евреям, не ожидавшим, что из недр их выйдет Учитель Новой Веры, — и мы, неожиданно, лет через 100 каких-нибудь, из наших государственных недр, сперва бессословных, а потом бесцерковных или уже слабо-церковных, — родим того самого антихриста, о котором говорит еп. Феофан вместе с другими духовными писателями. Не надо забывать, что антихрист должен быть еврей..." (Там же).
- 349 См.: *Соловьев Э. Ю.* Дефицит противопонимания как примета русской моральной философии // *Вопр. философии.* 1988. № 9; *Валицкий А.* Правдивость и право в теориях русских либералов конца XIX — начала XX в. // *Вопр. философии.* 1991. № 8; *Павлов А. Т.* Моральный максимализм и правовой нигилизм // *Вестник МГУ.* Сер. 7. 1992. № 6; *Скэмлан Дж. П.* Нужна ли России русская философия? // *Вопросы философии.* 1994, № 1.
- 350 В той или иной степени ею заражены Н. Гоголь и Ф. Тютчев, Ф. Достоевский и Л. Толстой, М. Бакунин, П. Лавров и даже А. Гершен.
- 351 Нельзя не заметить, что эта оценка просто пародирует ту утилитарную пропаганду права, которую начали Гельвеций и Бенгтам и которая в первой трети

XIX в. во многих странах Западной Европы стала своего рода философско-правовым ширпотребом. Славянофилы просто не знали “западной правовой идеи” в том значении, который она имела изначально, при рождении (в религиозных исканиях Реформации и последующей полуторавековой борьбе за свободу совести). Они имели дело с теми выражениями, которые сообщила этой идее ее вторичная (просветительская) рационализация. Но основной аргумент Просвещения (“правопорядок нужен для гладкого протекания прогресса, для смягчения имущественного неравенства, для наибольшего блага наибольшего числа людей”) к середине XIX века именно в самой Западной Европе потерял всякий кредит. Он не выдерживал сличения с фактами вопиющей экономической несправедливости, развивавшейся в ту пору под эгидой правовой системы.

352

Этим в немалой степени объясняется конъюнктурная робость российских “западников”. В “Современной идилии” Н.Салтыков-Щедрин награждал либералов-семидесятников следующим девизом: “Так-то оно так, но надо бы погодишь”. О справедливости насмешки свидетельствуют, например, ключевые события политико-юридической биографии К.Д.Кавелина. Считая теоретически неопровержимым, что частная собственность обеспечивает промышленный прогресс и благосостояние нации, Кавелин тем не менее рекомендует не давать ей широкого простора: по его мнению, в особых условиях России это привело бы к “пролетариатству” и разрушительным для государства бунтам. Поддерживая конституцию как общее правило разумной политической жизни, Кавелин одновременно отговаривает от скорейшего ее принятия: режим конституционной монархии привел бы к политической усилению дворянства, а дворянство скорее всего попытается сорвать прогрессивные реформы, как-никак осуществляемые монархией неограниченной. Решимость Кавелина в отстаивании правовых принципов всегда зависела от того, как он оценивал государственную целесообразность и способность российского правительства к ее осознанию. В 80-е годы это довело его до полного юридического пессимизма (См.: Кантор В.К. В поисках личности: опыт русской классики. М., 1994. С. 95–103).

353

Соловьев В.С. Сочинения в двух томах. Т. 1. С. 442 (В дальнейшем: Соловьев В.С. Соч.).

354

Там же. С. 447.

355

Важнейшую задачу нравственной философии для России В.Соловьев видел в том, чтобы честно и не цедя самолюбия соотечественников, сказать нации о ее воспроизводящихся грехах. Вопрос об отношении к праву он относил к самому существу национального исторического раскаяния. В поразительном по красоте и силе Предисловии ко второму изданию “Национального вопроса в России” мы читаем: “...Если Россия не исполнит своего нравственного долга, если она не отречется от национального эгоизма, если она не откажется от права силы и не поверит в силу права... — она никогда не сможет иметь прочного успеха ни в каких делах своих, ни внешних, ни внутренних” (*Соловьев В.С. Соч.*: В 2 т. Т. 1. С. 263).

356

Я имею в виду: *Gantsel H.H. Wladimir Solowjows Rechtsphilosophie auf Grundlage der Sittlichkeit. Frankfurt a/M., 1968. XII, 312 S.*

357

Соловьев В. Соч. Т. 1. С. 450.

- 358 Там же. С. 337.
- 359 *Трубецкой Евг.* Мирозерцание Вл. С.Соловьева. Т. 1. М., б.г. С. 181.
- 360 См.: *Соловьев В.* Соч. Т. 2. С. 445.
- 361 "Нравственная деятельность... вообще стремится к утверждению и развитию индивидуального бытия всех существ...". — пишет В.Соловьев, по-своему комментируя Канта (*Соловьев В.* Соч. Т. 1. С. 554).
- 362 См.: *Соловьев В.* Соч. Т. 1. С. 568; Т. 2. С. 466.
- 363 Хочу отметить, что эта интерпретация второй формулы категорического императива прекрасно реализует собственные смысловые возможности кантовской этики (Кант как бы сам продолжает мыслить головою и всем существом В.Соловьева). Одним из результатов этого продолжающегося кантовского мышления можно считать следующую политико-юридическую декларацию в тексте "Об оправдании добра": "Каждый человек, как такой, есть нравственное существо, или лицо, имеющее независимо от своей общественной полезности безусловное достоинство и безусловное право на существование и на свободное развитие своих положительных сил... он не может быть только средством ни для блага другого лица, ни для блага целого класса, ни, наконец, для так называемого общего блага, т.е. блага большинства других людей... Это право лица по существу своему безусловно, тогда как права общества на лицо, напротив, обусловлено признанием личного права. Таким образом, общество может обязывать лицо к чему бы то ни было лишь через акт его собственной воли, иначе это будет не обязательством лица, а лишь употреблением вещи..." (Соч. Т. 1. С. 345–346).
- 364 См., например: *Соловьев В.* Соч. Т. 1. С. 359–360.
- 365 О социально-коллективистских инверсиях понятия соборности см.: *Хоружий С.* Хомяков и принцип соборности // *Здесь и теперь.* 1992. № 2. С. 80–81.
- 366 См. об этом: *Соболев А.В.* П.И.Новгородцев: на пути к правовому государству // *Новый мир.* 1991. № 12.
- 367 Имеются в виду статьи *И.К.Пантина* Драма противостояния: демократия и либерализм в старой и новой России // *Полис.* 1994. № 3. С. 75–94; *В.К.Кантора* Стихия и цивилизация: два фактора "российской судьбы" // *Вопр. философии.* 1994. № 5. С. 27–46; Материалы "Круглого стола" «Риск исторического выбора России» (Там же. С. 26).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрюмов М.А. 421, 423
Авиакум Петрович 139
Аврех А.Я. 17, 290, 341, 342
Адамович Г.В. 299, 311
Аксаков И.С. 134, 145, 172, 186-188, 194, 230
Аксаков К.С. 132-134, 145, 230, 390, 391
Аксаков С.Т. 230
Аксельрод П.Б. 275, 284
Аксенов Г.П. 20
Алафаев А.А. 169, 175, 195
Александр I Баттенберг 260
Александр I Павлович 22, 95-107, 110-113, 115-119, 121-124, 140, 141, 148, 212, 273, 361, 364, 367, 373, 423, 425
Александр II Николаевич 22, 181, 183, 187, 199, 213, 218, 220-222, 225-228, 258-261, 265, 266, 268, 273, 336, 346, 374, 389, 403
Александр III Александрович 175, 213, 221, 222, 225, 226, 257, 258, 266, 273, 337, 352, 425
Алексеев Н. 397
Андерсон Т. 9, 10
Анна Иоанновна 86
Анненков П.В. 151, 152, 156, 157, 159-162, 184, 224, 229, 230, 246, 267, 369
Антонов В.Ф. 19, 20
Аракчеев А.А. 98, 99
Аристотель 56, 410
Арсеньев К.К. 120, 175, 178, 182, 183, 192, 195, 224, 225, 247-249, 264, 267-272, 315-317, 333, 368
Астров Н.А. 307
Ахнезер А.С. 44, 343
Баадер Ф.К. 154
Бабеф Г. 231
Бабст И.К. 151, 229, 230, 239, 244, 245
Баевский В.С. 18
Байдина Л.И. 16
Бакунин М.А. 151
Балашова Н.А. 17, 339
Балмут Д. 10
Балугьянский М.А. 119
Басаргин Н.В. 120
Басгина Ф. 169, 243, 317
Безбородко А.А. 90, 91
Безобразов В.П. 223, 229, 230
Белинский В.Г. 15, 151, 152, 158, 202
Белоконский И.П. 14
Бенкендорф А.Х. 96, 112
Бенсон С. 235
Бентам И. 70, 122, 422, 425
Бентли 54
Бердяев Н.А. 131, 133, 183, 204, 304, 309, 313, 328, 330, 335, 387
Березин И.Н. 31, 168
Беркли Д. 18
Бестужев Н.А. 120
Бестужев-Марлинский А.А. 111
Бёмерт 252
Бибииков А. 225
Бизанкет Б. 46
Бирд Ч. 48
Бисмарк О. 301, 307
Блан Л. 231
Блудов Д.Н. 196
Блюмин И.Г. 14
Боборыкин П.Д. 224
Бобринский А. 241
Богданов А.А. 33, 34, 281, 319, 325
Богучарский В. (В.Я. Яковлев) 14
Боден Ж. 56, 415

- Бокль Г.Т. 165
 Бонч-Бруевич В.Д. 281
 Боровой А.А. 329
 Боткин В.П. 151, 153, 156-159, 161,
 162, 184, 246, 369
 Боуринг Д. 143
 Брайт Д. 63, 64, 145, 179, 255
 Бриссон 281
 Брокгауз Ф.А. 25, 32
 Брушлинский А.В. 400
 Булгаков С.Н. 290, 291, 318, 332
 Булгарин Ф.В. 99, 127, 148, 363
 Буддаков В.П. 17, 191, 289
 Бурбулис Г.Э. 3
 Бутовский А. 144
 Бухарев А.М. 154, 367
 Бухарин Н.И. 273
 Бюлов Ф.В. фон 299
 Бюше Ф.Ж. 157
- Вавилов И. 144, 146
 Вагнер А. 250
 Валицкий А. 6, 156, 196, 235, 359
 Валк С.Н. 17
 Валув П.А. 154, 267
 Варнгаген фон Энзе К.А. 97
 Васильев А.В. 131
 Васильев А.И. 119
 Васильчиков А.И. 236, 261
 Вебер М. 53, 226, 298
 Венгеров С.А. 195
 Веневитинов Д.В. 99
 Венцлер Л. 393
 Вернадский В.И. 344, 345
 Вернадский И.В. 151, 224, 225, 229,
 230, 238, 242, 244, 245
 Веселовский К.С. 144
 Вико Дж. 386
 Вирт М. 252
 Витте С.Ю. 22, 154, 282, 285, 367
 Владиславлев М.И. 165
 Водовозов В.В. 25, 32, 61, 62, 299
 Волин Б. 14
 Володин 152, 153, 421
 Вольский 283
- Вольтер 31, 41, 59, 62
 Вольфсон М. 14, 34
 Воронцов А.Р. 110
 Воронцов В.П. 224
 Воронцов С.Р. 108
 Воронцовы 106
 Вундт В. 165
 Вышнеградский И.А. 253
 Вышеславцев Б.П. 397
 Вяземский П.А. 103, 105, 111, 112,
 126, 140, 145, 169, 336
- Габидулина Н.Г. 18, 45, 135
 Гагемейстер Ю.А. 225
 Гаджнев К.С. 48
 Гайдар Е.Т. 3, 345
 Геворкян С.М. 15
 Гегель Г.В.Ф. 235, 416
 Гейден П.А. 12
 Геккер Н. 182, 332
 Гемон 61
 Генрих XII 408
 Гервинус Г.Г. 165
 Гереншванц 120
 Герман К.Ф. 119
 Герцен А.И. 126, 136, 138, 151, 152,
 162, 166, 182, 183, 202, 223, 228,
 260, 262, 382-385, 388
 Герценштейн М.Я. 192, 291
 Гершензон М.М. 182
 Гессен В. 183, 294
 Гессен С.И. 294, 297, 360, 397, 402
 Гизо Ф. 164, 317
 Гильденбранд Б. 231
 Глинка А.П. 127
 Гоббс Т. 41, 53, 56, 57, 396, 409, 415,
 419
 Гобсон Д. 72
 Гобхауз Л. 72
 Гоголь Н.В. 154
 Голиаф 147
 Голицын А.Н. 99
 Голицын Д.А. 19, 83
 Голицын Д.В. 126

- Гольцев В.А. 180, 192, 193, 199,
 200, 224, 225, 238, 247, 250, 251,
 267-269, 272, 317
 Гончаров И.А. 151
 Горбачев М.С. 18
 Горев Б. 34
 Горлов И.Я. 144
 Градовский А.Д. 31, 223, 229, 243,
 361, 369
 Грановский Т.И. 12, 127, 130, 132,
 133, 136-139, 151, 155, 156, 162,
 200, 202, 214, 369
 Грейг С.А. 226
 Греч Н.И. 99
 Григорович Д.В. 151
 Григорьев А.А. 130
 Грин Т.Х. 46, 48, 53, 72
 Гриншмуг В.А. 258, 259, 264
 Гужон Ю.П. 283
 Гумбольдт В. 46, 419
 Гурьев Д.А. 119
 Гучков А.И. 148, 282, 284-286, 288,
 339
 Гучковы 148
- Давид 147
 Даль В.И. 25, 31
 Даниельсон Н.Ф. 121
 Данилевский Н.Я. 5, 177, 259, 384,
 385, 386, 388
 Дарвин Ч. 165
 Дебогорий-Мокриевч В.К. 24
 Декарт Р. 41
 Дементьев А.Г. 131
 Десницкий С.Е. 93
 Джефферсон Т. 46, 53
 Дживилегов А. 62
 Дмитриев С.С. 151-153
 Добролюбов Н.А. 36, 151, 185
 Долгоруков П.В. 267
 Долгоруков П.Д. 300
 Достоевский Ф.М. 402
 Драгоманов М.П. 178
 Дружинин А.В. 151, 229
 Лудзинская В.А. 194
 Думова Н.Г. 17, 290
 Дьюн Д. 48, 74
- Дэйвис Д. 27
 Дюнойе Ж.-П. 150
 Дюркгейм Э. 53
 Дякин Б.С. 17, 290
- Екатерина II Алексеевна 19, 22, 77,
 78, 80-84, 86, 87, 89, 90, 92-95, 98,
 142, 153, 212, 213, 273, 336, 361,
 363, 366, 424
 Елагин В. 134
 Елена Павловна, вел. кн. 196
 Елизавета Петровна 81
 Ерыгин А.Н. 197
 Ефимовский Е.А. 300
- Жуковский В.А. 101
- Заблоцкий-Десятовский А.П. 144,
 151
 Зайцев К. 84
 Замятнин Д.Н. 196
 Зарудный С.И. 196
 Зеньковский В.В. 184, 215
 Зибер Н.И. 251-253
 Зорькин В.Д. 18
 Зубов П.А. 123
 Зырянов П.Н. 10
- Иван IV Васильевич Грозный 346
 Иванюков И.И. 224, 247-249, 267,
 269, 272
 Изгоев А.С. 283, 330, 331, 371
 Ильин И.А. 397
 Иоани Безземельный 408
 Иорданский Н.И. 182
 Иосиф Волоцкий (Санин) 415
 Исасев А.А. 224
- Каблуков Н.А. 192, 291
 Кавелин К.Д. 12, 15, 20, 23, 130, 132,
 133, 151, 153, 163, 170, 183-185,
 187, 188, 190, 197, 200-204, 214,
 215, 217, 222-225, 229, 232, 233,
 235, 238, 243, 259, 263, 271, 347,
 351-353, 355, 358, 359, 361, 362,
 364, 365, 369, 390, 391

- Кайсаров А.С. 108
Калиновский Б.Ф. 239
Каменский З.А. 136
Канкрин Е.Ф. 122, 144
Кант И. 46, 215, 390, 394, 395, 419
Капустин Б.Г. 18, 48, 56, 60, 424
Кара-Мурза А.А. 19, 55, 346, 370, 424
Карамзин Н.М. 5, 95, 97, 100, 111-113, 115, 117, 123, 302, 336, 361, 364
Каратаев Н.К. 15
Карл X 30
Карпачев М.Д. 10
Карпович М.М. 303, 313
Карякин Ю.Ф. 15
Катков М.Н. 20, 151, 154, 164, 165, 190, 191, 222-224, 229, 231, 232, 332, 344, 361, 366-368, 391
Кауфман А.А. 291
Каченовский Д.И. 230
Кейнс Д.М. 72
Кельнер В.Е. 197, 343
Кеннан Д. 24, 25, 170
Кенз Ф. 93
Кизветтер А.А. 224, 283, 288, 300
Кирсеев А. 391
Кирсеевский И.В. 98, 126, 127, 134, 309, 377, 378, 380, 381, 390
Кистяковский Б.А. 114, 294, 360, 397, 402
Китасв В.А. 191, 348
Клейн Н.Л. 17, 190
Ключевский В.О. 109, 224, 412
Княжевнич А.М. 225
Кобден Р. 63, 64, 145, 148, 149, 179, 243
Ковалевский Е. 164
Ковалевский М.М. 195, 224, 247, 249, 261, 266, 272, 369
Ковальченко И.Д. 19
Коган Л.А. 17
Козодавлев О.П. 99, 120
Козьмин Б.П. 23
Кокорев В.А. 238
Кокошкин Ф.Ф. 291
Коленкур Л. 96, 117
Кольбер Ж.Б. 64, 177
Кондырев 119
Кони А.И. 276, 333
Констан Б. 46, 63-65, 67, 69, 99, 183, 243, 265, 327, 329, 422
Константин Византийский 388
Константин Николаевич, вел. кн. 96, 97, 142, 154, 196
Конт О. 68, 157, 158
Корнилов А.А. 14
Корф М.А. 98, 196
Корш В.Ф. 224, 230, 238
Корш Е.Ф. 151
Котляревский С.А. 291, 310, 327
Кочубей В.П. 104
Кошелев А.И. 99, 126, 130, 134, 172, 177, 186, 188, 194, 195, 232, 261, 368
Красевский А.А. 158, 188, 223, 224
Крзон 61
Крестовников 283
Кроули Д. 48
Кроче Б. 45, 48, 53
Крылов 126
Крылов В. 398
Кудрявцев П.Н. 151
Кузьмин-Караваев В.Д. 195
Кулешов В.И. 6, 133
Куницын А.П. 119
Курсель-Сенель Ж. 169
Кускова Е.Д. 291
Куторга М.С. 265
Кэри Г.Ч. 423
Кюстин А. 376, 387
Лабуле Э.Л. 265
Лаврычев В.Я. 17, 193, 288
Лавров П.Л. 153, 159
Лагарп Ф. 99, 105, 122
Ламанский Е.И. 226
Ламперт Е. 9
Ланг 120
Ланге А. 250
Ланской С.С. 196
Лассаль Ф. 67, 186
Лауэ фон 26
Левин Ш.М. 17, 191, 348

- Лемке М.К. 96
 Ленин В.И. 12, 16, 17, 20, 37, 121,
 181, 189, 194, 228, 273, 281, 283,
 284, 288, 332-334
 Леонтович В.В. 4, 22, 27, 38, 61, 67,
 77, 79, 84, 87, 92, 94, 100, 113, 117,
 142, 235, 300, 304, 337, 340, 354,
 367
 Леонтьев К.Н. 18, 133, 191, 299, 309,
 344, 386-389, 391
 Леонтьев П.М. 224, 229
 Леру П. 157
 Липицкий П. 174
 Линовский Я. 145, 146
 Лист Ф. 74, 146, 229, 232, 254, 285
 Ллойд-Джордж Д. 37
 Локк Д. 46, 53, 56, 62, 301, 419
 Лорис-Меликов М.Т. 154, 170, 199,
 260, 261, 263, 264, 266, 273, 333,
 361
 Лубкин А.С. 108
 Львов Г.Е. 307
 Любецкий 241
 Людовик XIV 125
 Людовик XVI 261
 Людовик XVIII 30
 Люкс Л. 347
 Лютер 154, 367
- Майков В.Н. 150, 151
 Мак-Куллох Д.Р. 144
 Максимович М.А. 145
 Маклаков В.А. 22, 27, 288, 300, 301,
 304, 305, 307, 308, 311-314, 404
 Маков Л.С. 169
 Малиновский В.Ф. 106
 Мальтус Т.Р. 65, 150, 166
 Мальцов С.И. 125, 144
 Мандевиль Б. 53
 Мануилов А.А. 224, 283, 291
 Марня Александровна, имп. 202
 Марке К. 36, 69, 98, 121, 144,
 159-162, 245, 246, 317
 Марсилий Падуанский 416
 Мартон Ю. 275
 Массальский В.И. 330
 Мацинни (Мадзини) Д. 52
- Медушевский А.Н. 359
 Мельгунов Н.А. 23, 151
 Менделеев Д.И. 253-256, 366
 Мерсье де ла Ривьер П.-П. 93
 Мерцалов М. 108
 Меттерних К. 98
 Мецкерский В.П. 181, 391
 Мигранян А.М. 357
 Мизес М. фон 41
 Милль Д.С. 46, 70-72, 183, 201, 269,
 355, 357, 367, 425
 Мильтон Д. 183
 Миллоков П.Н. 12, 24, 26, 289, 291,
 293, 299, 300, 302, 303, 307, 308,
 313, 331, 342, 351, 362
 Милютин В.А. 151
 Милютин Н.А. 12, 186, 196, 218, 259
 Миннаев Д.Д. 167
 Михаил Александрович, кн. 285
 Михаил Павлович, вел. кн. 119
 Михайловский Н.К. 153, 167, 169,
 189, 224, 370
 Мидестов В.И. 172, 223
 Молилари Г. 225, 242, 243, 317
 Монтезь М. 50
 Монтескье Ш. 41, 46, 59, 62, 77, 95
 Мордвинов Н.С. 100, 106, 107, 117,
 118, 120-123, 336, 362, 364
 Муравьев Н.М. 102, 124, 166
 Муромцев С.А. 192, 263, 289, 291,
 390
 Мэдисон Дж. 46
- Набоков В.Д. 291
 Наполеон I Бонапарт 23, 96, 98,
 103, 111, 117, 122, 266, 412
 Нарышкин М.М. 98
 Науманн Ф. 48
 Нейман И. 119
 Некрасов Н.А. 130, 151
 Неманов И.Н. 39
 Нессельроде К.В. 120
 Никитенко А.В. 151
 Николай Михайлович, вел. кн. 96
 Николай I Павлович 111, 112, 116,
 119, 125, 140-143, 149, 153, 162,
 212, 221, 346

- Николай II Александрович 282,
 289, 300, 336, 337, 367, 424, 425
 Новгородцев П.И. 110, 291, 294,
 297, 360, 397, 402
 Новиков Н.И. 77, 214, 424
 Новиков Я.А. 239
 Новикова Л.И. 11, 14, 18, 45, 78,
 102, 213, 246, 293
 Новосильцев Н.Н. 119, 122, 140
 Нэмо Ф. 41
- Оболенский Е.П. 98
 Огарев Н.П. 151, 152, 262
 Одоевский В.Ф. 150, 379, 380
 Ойкен В. 48
 Окунь С.Б. 100
 Олейников Д.И. 19
 Орлов М.Ф. 126
 Островский А.Н. 405
- Павел I 86, 87, 90, 96, 110, 116, 424
 Пайпс Р. 6, 94, 222, 226, 227, 344
 Панаев И.И. 152
 Панарин А.С. 345
 Панин Н.И. 86, 87, 94
 Пантин И.К. 11, 19, 346, 397
 Пестель П. 23, 102, 120, 124
 Петр I Алексеевич 81, 94, 155, 181,
 215, 365, 366
 Петражицкий Л.И. 294, 360
 Петрункевич И.И. 12, 24, 25, 289
 Пешехонов А.В. 12
 Пикулин П.Л. 130
 Пиль Р. 143, 145
 Пирогов Н.И. 333
 Пирумова Н.М. 17, 18, 193
 Писарев 143
 Писарев Д.И. 152
 Писемский А.Ф. 152
 Плеханов Г.В. 122, 135, 176, 178,
 180, 193, 267, 318, 331
 Пнин И.П. 108
 Победоносцев К.П. 391
 Погодин А.Л. 290, 361
 Погодин М.П. 125, 361
 Покровский И.А. 294
 Покровский С.А. 14, 184
- Полевой К.А. 148
 Полевой Н.А. 148
 Полетика В.А. 224
 Политковский 119
 Полонский Л.А. 224, 225, 263, 264,
 266, 270
 Полторацкий 125
 Поляков Л.В. 372
 Попов Е.И. 129
 Попугаев В.В. 108
 Поршнев Б.Ф. 151-153
 Приклонский С.А. 178, 248, 316
 Приленский В.И. 3, 12, 14, 79, 81,
 100, 136, 143, 155, 156, 200, 235,
 347
 Прокопович С.Н. 291
 Прометей 44, 61, 92
 Прохоровы 148
 Прудон П.Ж. 157, 160, 210
 Пуришкевич В.М. 12
 Пустарнаков В.Ф. 7, 14, 59, 92, 117,
 142, 221, 360, 424
 Пушкин А.С. 23, 141, 168, 169, 304,
 336, 370
 Пуцин И.И. 98
 Пыпин А.Н. 14, 95, 97, 98
- Рагозин 125
 Радищев А.Н. 77-79, 88, 95, 106, 214,
 217, 424
 Разумовский И.П. 14, 34
 Редкин П.Г. 151
 Рейт 120
 Рёнке В. 48
 Ржевский В.К. 231
 Рикардо Ф.И. 65, 144
 Родичев Ф.И. 25, 305
 Рое-Коллар П.П. 99
 Розенталь В.Н. 17
 Рормозер Г. 18, 344, 356
 Россель Ю.А. 269
 Росси П. 178
 Ростовцев Я.И. 196, 218
 Рубинштейн Н.Л. 78
 Румянцев Н.П. 120
 Руссо Ж.-Ж. 53, 59
 Рылев К.Ф. 98

- Сазонов Н.И. 245
 Сакер Я. 182
 Салтыков-Щедрин М.Е. 152
 Самарин Ю.Ф. 134, 186, 194, 195, 381, 390, 391
 Сарториус Г. 119
 Святополк-Мирский П.Д. 333
 Сей Ж.Б. 225, 317
 Секирский С.С. 200, 345
 Сен-Симон К.А. 231
 Сенин А.С. 11, 345
 Сиггура С. 362
 Сиземская И.И. 11, 14, 18, 45, 78, 102, 213, 246, 293
 Симонова М.С. 191
 Сиркур А. 130
 Сисмонди Ж.Ш.Л. 150
 Скалон В.Ю. 188, 263, 270
 Сладкевич П.Г. 164
 Слонимский А.Г. 290
 Слонимский Л.З. 224, 264, 316, 317
 Смит А. 43, 46, 62-64, 72, 93, 118-122, 146, 149-151, 169, 225, 229, 231, 243, 244, 285
 Соболев А.В. 22, 299, 424
 Соболевский В.М. 192
 Соболевский С.А. 125
 Солженицын А.И. 340
 Соловьев В.С. 5, 131, 154, 197, 294, 312, 313, 333, 334, 360, 362, 367, 368, 389, 392-397, 425
 Соловьев С.М. 145, 151, 197, 217
 Соловьев Э.Ю. 389
 Соловьев Я.А. 218
 Сорман Г. 39
 Софокл 61
 Спенсер Г. 73
 Сперанский М.М. 22, 97, 100, 102, 104-107, 109, 117, 118, 120-123, 140, 154, 213, 346, 361-364
 Спиноза Б. 41, 50
 Срезневский И.И. 145
 Сталин И.В. 14, 37, 346
 Станкевич Н.В. 151, 214
 Стасюлевич М.М. 170, 182, 188, 192, 195, 197, 199, 224-225, 238, 247, 249, 264-265, 267, 269, 270-272, 332, 343, 362
 Стахович В.Н. 167
 Стахович М.А. 293, 307
 Степун Ф.А. 301, 302, 309
 Стефан де Блуа 408
 Столыпин П. 22, 307, 346
 Страхов Н.Н. 390
 Строганов А.Г. 119, 126
 Строганов С.Г. 267
 Струве П.Б. 12, 15, 35, 66, 153, 182, 193, 200, 224, 235, 276, 279, 282, 283, 291, 293, 300, 305, 306, 318, 329, 331, 332, 337, 341, 362, 370, 371
 Суворин А.С. 20, 228, 282, 332
 Сухов А.Д. 135
 Тальников Д.Л. 15
 Тенгоборский Л.В. 144, 225, 226, 241
 Тимберлейк Ч. 22-27, 222, 223
 Тимирязев К.А. 224
 Титов 125
 Тихомиров Л.А. 181, 225
 Тихонов Н. 408
 Ткачев П.Н. 166, 169
 Токвиль А. 46, 53, 164, 183, 349, 350
 Толль Ф. 30, 164
 Толстой А. 139, 312, 313, 316, 350, 367
 Толстой Г. 159, 193, 299, 311
 Толстой Д.А. 299, 391
 Толстой Л.Н. 311, 312
 Тредгольд Д. 9
 Третьяков И.А. 93
 Троцкий Л.Д. 333
 Трубецкой Е.Н. 12, 282, 327, 328, 394
 Трубецкой П.Н. 354
 Трумен Д. 54
 Туган-Барановский М.И. 291, 335
 Тургенев А.И. 113, 378
 Тургенев И.С. 132, 133, 151, 316
 Тургенев Н.И. 120
 Тыркова-Вильямс А.В. 308
 Тьер А. 164, 317

- Уваров С.С. 258
 Уголино 416
 Ульпин 415
 Унковский А.М. 12, 219
 Уорд Л. 48
- Фаге Э. 329
 Федоров М.М.: 342
 Федотов Г. 446
 Фейербах П.А. 395
 Филиппова Т.А. 200, 345
 Филмер Р. 56
 Фильд Д. 8, 9
 Фихте И.Г. 215
 Фишер Дж. 8, 9, 22, 23, 26
 Флоренский П.А. 131
 Фогт К. 98
 Фома Ахвинский 416
 Фон-Фок М.Я. 125
 Фонвизин Д.И. 82, 87-89
 Франк С.Л. 15, 16, 293, 303, 308,
 327, 372
 Фрелих К. 66
 Фриден М. 67
 Фролов Н.Г. 130
 Фурье Ш. 231
- Хайденрейх К. 395
 Хайек 41
 Халтурин С.Н. 260
 Хаттер Д. 235
 Хомяков А.С. 5, 129, 131, 133, 134,
 136, 145, 149, 172, 177, 380-382
 Хомяков Н.А. 293, 306
 Храповицкий А.В. 89
 Худушина И.Ф. 80, 102, 118, 140,
 143, 273
- Цаголов Н.А. 15, 184, 185, 339,
 Цимбаев Н.И. 6, 134, 172, 195
 Циммерман 84
- Чаадаев П.Я. 5, 130, 151, 153, 154,
 361, 375-379, 381, 383, 387
 Чаликова В.А. 40, 43
 Чарторьский А. 119
- Челноков М.В. 306, 307
 Черкасский В.А. 134, 186, 194
 Черменский Е.Д. 17, 191
 Чернышевский И.Г. 12, 20, 30, 36,
 98, 151, 152, 163, 164, 180, 185, 193,
 222, 262, 331, 421, 423
 Чижов Ф. 134, 194
 Чичерин Б.П. 12, 18, 23, 24, 28,
 137-139, 151, 163, 166, 183, 184,
 190, 196, 198, 200, 202, 204, 206,
 208, 210-212, 214-216, 218, 219,
 220, 222, 224, 225, 227, 229, 230,
 232, 235-237, 243, 247, 257, 259,
 263, 265, 272, 276, 304, 306, 336,
 337, 344, 347-352, 354, 356-362,
 364, 366, 369, 370, 390, 402, 425
 Чупров А.Н. 192, 224, 263, 291
- Шапелье 33
 Шаховской Д.И. 12
 Шацкило К.Ф. 17, 191, 194, 341
 Швечикова Б.А. 344
 Шевалье М. 225
 Шевырев С.П. 125
 Шелгунов И.В. 224
 Шеллинг Ф.В. 154, 158
 Шелохаев В.В. 10, 17, 19, 290
 Шестаков Н.А. 18, 344
 Шеффле А.Э. 250
 Шипов Д.Н. 292, 293, 306, 307
 Шлемин П.И. 191
 Шлоссер Ф.К. 165
 Шмоллер Г. 250
 Штейн Л.Ф. 276
 Шторх Г. 119
- Щеглов А. 391
 Щукин В.Г. 138
- Эммингауз 252
 Эммонс Т. 18
 Энгельс Ф. 36, 98, 121, 158, 230, 231,
 246, 273, 317
 Эсхил 61
 Эфрон 25, 32
- Южаков С.Н. 224

Юлиан 415
Юм Д. 62
Юстиниан 415

Языков Н.М. 145
Янжул И.И. 224, 253, 254, 257
Янковский Ю.З. 6, 133, 340
Ястребцов И.М. 377, 378

Anderson Th. 10

Balmuth D. 10
Branciard M. 40
Burdeau G. 39

Field D. 8
Fischer G. 8, 9, 38
Flamant M. 40
Freeden M. 38

Kolm S.-Ch. 39

Lampert E. 9

Pipes R. 190, 339

Sermant F.H. 29

Tredgold D. 9

Walicki A. 132, 187

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАМЫСЕЛ КНИГИ.....	3
I. ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ.....	8
Современное состояние отечественной историографии либерализма в России оценивают <i>Л.И.Новикова</i> и <i>И.Н.Сиземская</i>	11
<i>В.И.Приленский</i> излагает свое видение проблемы историографии русского либерализма	12
<i>В.Ф.Пустарнаков</i> полагает, что историографическая ситуация о русском либерализмом, описанная <i>Л.И.Новиковой</i> , <i>И.Н.Сиземской</i> и <i>В.И.Приленским</i> , представляется излишне пессимистической	14
<i>А.В.Соболев</i> : О западной историографии русского либерализма к началу 70-х гг. XX в.	22
II. ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ: МОГУТ ЛИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ МОДЕЛИ ЛИБЕРАЛИЗМА СЛУЖИТЬ ПРЕДПОСЫЛКОЙ ДЛЯ АНАЛИЗА РУССКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА?	28
Дискуссию по проблемам определения и сущности либерализма открывает <i>Б.Г.Капустин</i>	48
Существенно иную концепцию понимания либерализма обосновывает <i>А.А.Кара-Мурза</i>	55
<i>В.Ф.Пустарнаков</i> выделяет три источника и три составных части либерализма	59
III. ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ: НАЧИНАЕТСЯ ЛИ ИСТОРИЯ РУССКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА В ЭПОХУ ЕКАТЕРИНЫ II	77
<i>Л.И.Новикова</i> и <i>И.Н.Сиземская</i> начинают историю либерализма в России с эпохи Екатерины II	78
Более скептически оценивает первые семена либерализма, давшие всходы на русской почве в екатерининскую эпоху, <i>В.И.Приленский</i>	79
В главах <i>И.Ф.Худушиной</i> уровень и характер "либерализма"Екатерины определяется ее политикой в отношении к третьему сословию, свертыванием статуса свободного гражданина, дефицитом правосознания русского общества	80
<i>В.Ф.Пустарнаков</i> обосновывает мысль о том, что применительно к екатерининской эпохе можно говорить лишь о протолиберализме	92

IV. ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ: ПОЛУЧИЛИ ЛИ ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ИДЕИ БОЛЬШОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПРИ АЛЕКСАНДРЕ I.....	96
Новую дискуссию о русском либерализме в эпоху Александра I открывает <i>В.И.Приленский</i>	100
Гораздо более оптимистично оценивают уровень развития либерализма в России в эпоху Александра I <i>Л.И.Новикова</i> и <i>И.Н.Сиземская</i>	102
<i>И.Ф.Худушина</i> доказывает, что с эпохой Александра I закончилось время возможного успеха либеральных реформ в России.....	102
<i>В.Ф.Пустарнаков</i> доказывает, что "глубина" "либерализма" эпохи Александра I измеряется неуспехом попыток проведения политики <i>laissez faire, laissez passer</i> и тем, что в планах реформ Сперанского дело не шло дальше внешней европеизации и юридического оформления самодержавия.....	117
V. ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ: СТАЛ ЛИ ЛИБЕРАЛИЗМ ТЕЧЕНИЕМ РУССКОЙ МЫСЛИ В ЭПОХУ НИКОЛАЯ I.....	125
<i>В.И.Приленский</i> выводит мировоззрение Т.Н.Грановского как предтечи, провозвестника либерализма из западничества и просветительской традиции.....	135
<i>И.Ф.Худушина</i> обосновывает мысли об упадке либерализма и угасании приверженности конституционализму в эпоху Николая I.....	140
На материале эпохи Николая I <i>В.Ф.Пустарнаков</i> продолжает развивать мысль о протолиб. рализме на начальной стадии истории либерализма в России и выдвигает тезис об оформлении на западной платформе дворянского либерализма как формы паралиберализма.....	142
VI. ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ: КАКОЙ ЛИБЕРАЛИЗМ ПОРЕФОРМЕННОЙ ЭПОХИ СТАЛ "КЛАССИЧЕСКИМ" — ДВОРЯНСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ К.Д.КАВЕЛИНА — Б.Н.ЧИЧЕРИНА ИЛИ БУРЖУАЗНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ "ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ", "РУССКОЙ МЫСЛИ" И ИХ ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ.....	163
<i>В.И.Приленский</i> доказывает, что К.Д.Кавелин и Б.Н.Чичерин являются наиболее яркими и последовательными проводниками либерального мышления середины и конца XIX в.	200
<i>Л.И.Новикова</i> и <i>И.Н.Сиземская</i> о типе пореформенного, или дворянского, либерализма.....	219
<i>В.Ф.Пустарнаков</i> обосновывает мысль о том, что оформившийся в эпоху Александра II либерализм сразу стал принимать преимущественно не классическую, а постклассическую форму "нового" либерализма, хотя при этом продолжали также существовать прежние формы паралиберализма.....	221

VII. ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ: ЛИБЕРАЛИЗМ В РОССИИ ЭПОХИ ТРЕХ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИЙ	274
<i>Л.И.Новикова</i> и <i>И.Н.Сиземская</i> о слабо изученном "новом либерализме"	293
<i>А.В.Соболев</i> о двух типах либерализма в России начала XX века	299
VIII. ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ: ЧЕМ РУССКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ ПОХОЖ НА ЛИБЕРАЛИЗМ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ И ЧЕМ ОНИ РАЗЛИЧАЮТСЯ?	315
<i>В.И.Прилепский</i> . Пять наиболее заметных особенностей ранней русской либеральной мысли	347
<i>В.Ф.Пустарнаков</i> . Типичные и нетипичные, адекватные и неадекватные (превращенные) формы русского либерализма и паралиберализма сравнительно с западноевропейскими формами	360
<i>А.А.Кара-Мурза</i> . Конкретные проявления русского либерализма многообразны, но в основе их лежит одна и та же проблема: как избежать социального хаоса и защитить при этом автономию человеческой личности?	370
<i>Л.В.Поляков</i> . Опасность с Запада: антилибералистский синдром в русской мысли XIX в.	372
<i>Э.Ю.Соловьев</i> . Только после Владимира Соловьева русская либеральная мысль смогла обрести программную последовательность	389
<i>И.К.Пактин</i> . О странной судьбе либерализма в России	397
<i>И.И.Кравченко</i> . Слагаемые либерализма и демократии на Западе и в России	405
ПРИЛОЖЕНИЕ: Основные тезисы официальных рецензентов книги — д-ра филос. наук, проф. А.И.Володина и канд. филос. наук М.А.Абрамова	421
ПРИМЕЧАНИЯ	427
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН (Л.С.Давидова)	440

ЛИБЕРАЛИЗМ В РОССИИ

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

В авторской редакции
Художник В.К.Кузнецов
Корректоры: Т.М.Романова, Н.П.Юрченко

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.93 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 12.03.96.
Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл.печ.л. 28,25. Уч.-изд.л. 26,95. Тираж 1 000 экз. Заказ № 007.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН
Компьютерный набор *Т.В.Прохорова*
Компьютерная верстка *Е.Н.Платковская*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН
119842, Москва, Волхонка, 14